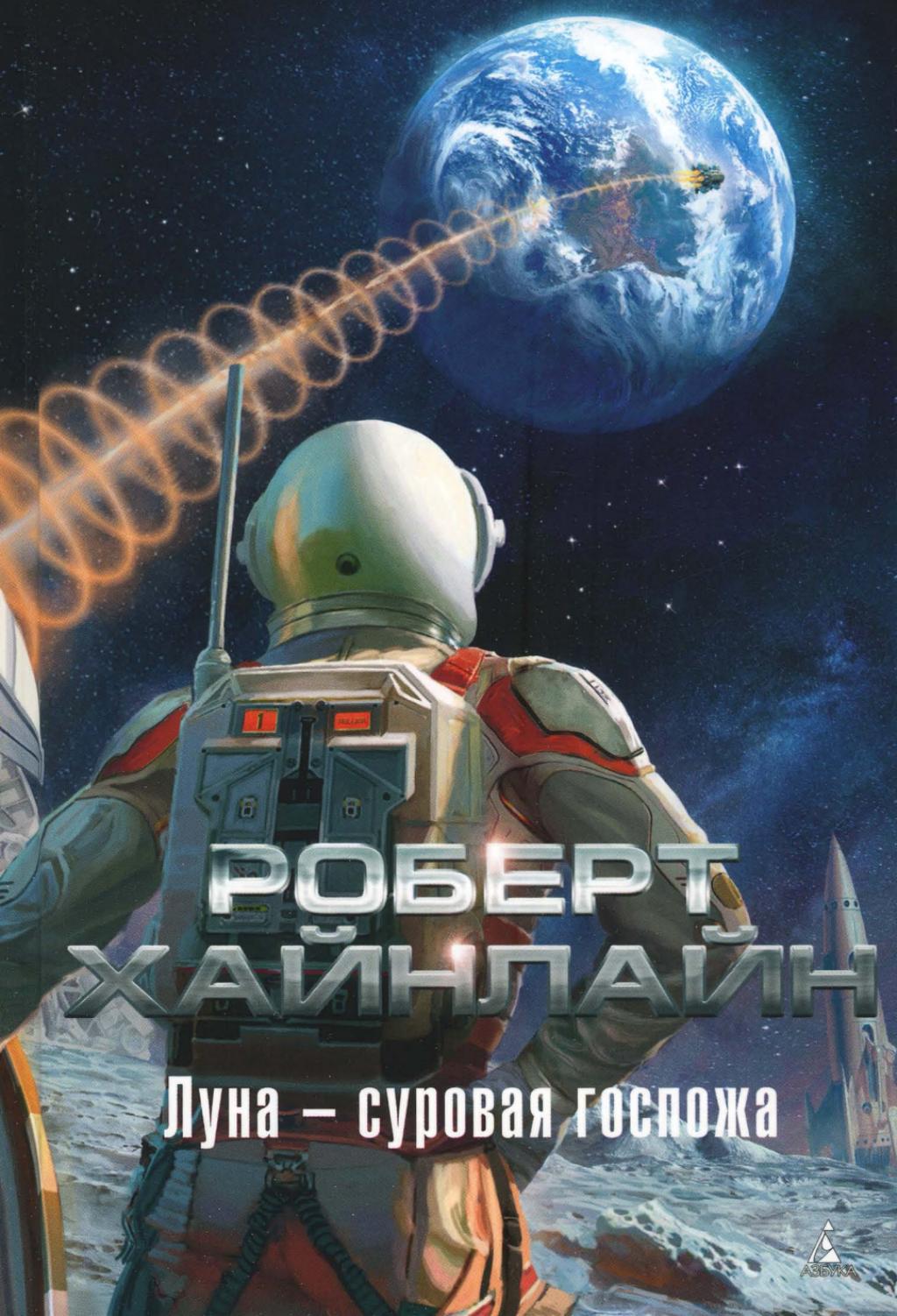


ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ



РОБЕРТ ХАЙЛайн

Луна – суровая госпожа

З В Е З Д Ы М И Р О В О Й Ф А Н Т А С Т И К И

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Дверь в Лето

•
Фрайди. Бездна

•
Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Луна –
суровая
госпожа**



Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х 15

Robert A. Heinlein
THE MOON IS A HARSH MISTRESS
Copyright © 1966 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Владимира Ковалевского, Нины Штуцер

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© В. Ковалевский, Н. Штуцер (наследники),
перевод, 2017
© С. В. Голд, предисловие, примечания, 2017
© Е. Дорохотова-Майкова, примечания, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13691-5

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ

Историческая справка

Когда в 1978 году Лесли Лекруа посадил свой «Пионер» к западу от кратера Архимед, он не думал, что «совершает большой шаг для всего человечества» — он радостно скакал как блоха вокруг своего кораблика, поднимая в воздух вековую пыль, собирая камешки и думал о том, как тут *здраво*. Делос Дэвид Гарриман, профинансируя первую экспедицию на Луну, был настроен не менее романтично, но при этом обладал куда большим pragmatismом. Благодаря этому полет Лекруа не остался очередным спортивным достижением, а действительно стал шагом, который имел большие последствия для всего человечества. Вторая лунная экспедиция оставила в Море Кризисов домик из гофрированного алюминия, присыпанный лунной пылью. «Мейфлауэр» выгрузил запасы кислорода, воды и пищи, высадил четырех колонистов и улетел. Так был заложен Луна-Сити¹. Он недолго оставался единственным лунным поселением, в середине восьмидесятых к нему присоединились Новый Ленинград и Гонконг-Лунный.

Строительство лунных баз было политической ловушкой, но в тот момент никто не посчитался с этим соображением, а затем было поздно давать задний ход. Проблема состояла в том, что все три сверхдержавы согласились признать за Луной статус демилитаризированной территории под протекторатом ООН, а значит, ни одно из этих поселений нельзя было использовать в качестве военной базы или даже просто в военных целях. Таким образом, прикладное значение лунных колоний было куда скромнее, чем у антарктических станций, а поддержание стоило на порядки дороже. Их един-

¹ О первых лунных экспедициях см. повесть «Человек, который продал Луну».

ственная ценность заключалась в самом их существовании. Обладание лунной колонией было вопросом политического престижа, а ее эвакуация означала потерю лица, но при этом развитие поселений шло мучительно медленно.

Одной из причин этого была концепция единой купольной гермозоны — колонии со временем вырастали из старых оболочек и, словно раки-отшельники, вынуждены были искать новую раковину. Каждое расширение территории требовало строительства нового купола, что было сравнимо по затратам с основанием новой колонии. По счастью, существовал другой путь, и из-под лунных куполов вглубь планеты протянулись туннели. Экспериментальные лунные шахты, прорытые с изыскательскими целями в непосредственной близости от поселений, достаточно просто подключались к городской системе жизнеобеспечения, их освоение обходилось куда дешевле строительства новых куполов, а когда на дне одной из шахт нашли ископаемый лед, это окончательно решило вопрос. С первых дней освоения Луны земляне искали на своем спутнике хоть что-то, что оправдало бы содержание колоний. Алмазы не смогли решить эту проблему, их добыча в промышленных масштабах обрушила бы земной рынок и обесценила товар. Урановая руда могла бы окупить добычу и транспортировку, ее потребность на Земле неуклонно росла, но вместо урана шахтеры нашли на Луне лед. Лед, который можно превратить в воду. Вода, из которой можно добыть кислород для дыхания. Вода, которую использовали термоядерные реакторы. До девяностых годов основную массу импортируемых на Луну грузов составляли именно воздух и вода (продукты питания к тому времени колонисты успешно выращивали на гидропонных плантациях). Ископаемый лед резко удешевил содержание колоний, и большая часть обитателей Луны стала шахтерами. Они вгрызались в лунные породы, оставляя за собой длинные туннели — будущие улицы подземных городов. Жители Луны все больше привыкали видеть над головой низкие своды коридоров, а не звездный купол открытого пространства и неподвижно повисший над восточным горизонтом бледно-голубой шарик Земли. А на Земле между тем сгущались тучи.

Вторая половина XX века земной истории была наполнена масштабными политическими и военными катализмами.

Мелкие государства в предвидении конфликта между тремя сверхдержавами старались консолидироваться в экономическом и военном отношении. Поскольку на этот раз речь шла не о поиске общих гуманитарных ценностей или либерализации товарооборота, но о физическом выживании, проблемы решались очень оперативно. Государства, которым в грядущей войне отводилась роль площадей, где большие игроки станут обмениваться ударами, либо консолидировались, либо оказались поглощены крупными военно-политическими образованиями. Поэтому к началу конфликта на игровом поле остались не три ключевых фигуры и множество пренебрежимо мелких комбатантов, союзников и нейтралов, а целых пять независимых и сравнимых по силе участников. Прежние стратегические наработки в этих условиях потеряли всякий смысл, более того, сами стратегические вооружения оказались вопиюще неэффективными. Третью мировую войну не зря назвали «Войной мокрых шутих» — все представления о стратегическом превосходстве высокотехнологичного оружия обернулись иллюзией, и все военные планы, построенные на применении межконтинентальных баллистических ракет, — пшиком. Эффективные системы современных ПВО практически полностью устранили атомную угрозу, и вся стратегическая военная мощь великих держав отправилась на дно Атлантического и Тихого океанов. И когда пусковые шахты исторгли последнюю ракету, все решил банальный перевес в живой силе и обычных вооружениях — танках, артиллерии и пулеметах. Нетрудно догадаться, кто оказался в выигрыше. Многомиллионная китайская Народно-освободительная армия живой волной прошла через весь континент на север — через Монголию и Сибирь до самого Ледовитого океана, одновременно вторая волна, поглотив мелкие государства Юго-Восточной Азии, хлынула на берега Австралии. Даже объединенное вмешательство Северной Америки и Бразильского Союза не смогло бы предотвратить полную ассимиляцию Австралии и Новой Зеландии — войска остановились на пустошах у Элис-Спрингс просто потому, что Великий Китай исчерпал ресурсы, которые мог направить на удержание и освоение захваченных территорий.

Бразильский Союз вышел из Третьей мировой войны практически без потерь и теперь представлял собой замет-

ную угрозу потрепанным Соединенным Штатам. Объединение с Канадой в Североамериканский Директорат позволило американцам добиться относительного равновесия сил в новых условиях, когда водородные бомбы перестали служить сдерживающим фактором.

Миттельевропа, объединившаяся вокруг Германии, сумела выстоять и сохранить изначальные границы в тот момент, когда Советский Союз поглощал своих ближайших восточноевропейских соседей.

Южную Азию целиком подмяла под себя Социалистическая Республика Индия, вступившая в союз с Великим Китаем. Пожалуй, только эти две страны и можно было считать «победителями», тем не менее во главе новой структуры, пришедшей на смену ООН, встали семь крупнейших государств: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Советский Союз, Пан-Африка, Миттельевропа и Бразильский Союз. Маргиналы, наподобие Англии или стран Бенилюкса, потеряли политический вес в Федерации Наций.

Для обуздания геополитических аппетитов мелких государств Федерация со временем создала международные полицейские силы — Миротворческие войска. А страны-участники, едва залечив полученные раны, тут же ударились в новую гонку вооружений. В третьем тысячелетии упор делался на воздушно-космические войска, особенно на десант и средства подавления ПВО. Вливание бюджетных денег в пионерируемую космонавтику превратило космические полеты в Приземелье в обыденность, на место разовым экспедициям, которые готовились годами, пришли регулярные чартерные рейсы. Орбитальные станции превратились из конечных в перевалочные пункты, а лунные колонии, основанные ведущими державами, после удешевления полетов наконец-то получили новый стимул развития. Первые купольные поселения существовали только за счет привозных земных ресурсов, но открытие ископаемого лунного льда резко изменило картину. Колонии смогли перейти на замкнутый водно-воздушный цикл, восполняя потери местными ресурсами. Пустоты, оставшиеся после выработки месторождений, включались в гермозоны поселений, правда, большая часть туннелей оставалась бесхозной. Это длилось недолго — пе-

реход от гидропонных плантаций хлореллы к высадке злаков в открытый грунт ознаменовал аграрную революцию на Луне. Идеальные погодные условия, стерильность, отсутствие вредителей и низкая гравитация превратили лунные коридоры в высокоэффективную машину по производству продуктов питания.

Лунные плантации так и остались бы еще одним фактором перехода лунных поселений на самообеспечение, если бы все национальные лунные поселения не перешли под юрисдикцию Федерации, создавшей для этого особую межнациональную Лунную администрацию. Формально новая «Лунная компания» была преемницей компании Гарримана, занимавшейся в прошлом веке освоением Луны под эгидой ООН. Но если Гарриман стремился построить плацдарм для дальнейшего завоевания Солнечной системы, то у нынешней компании интересы были весьма приземленные: Луна должна приносить прибыль, то есть экспорттировать продукцию собственного производства. К этому моменту на Луне, бедной естественными ресурсами, производился единственный продукт, который был востребован на Земле, — пища.

Федерация на Земле сталкивалась с множеством проблем, в числе которых был голод, перманентно царивший в Южной и Юго-Восточной Азии. На военные потери человечество, как обычно, ответило всплеском рождаемости, отчего проблема перестала быть сугубо азиатской или африканской и приобрела общемировой масштаб. Урожай лунных шахт, на порядок превысившие отдачу лучших земных ферм в местах с самым благоприятным климатом, в представлении чиновников могли решить продовольственную проблему, нужно было только масштабировать полученный опыт — в тысячи раз увеличить посевные площади. Для этого предстояло решить вопрос материальных, энергетических и человеческих ресурсов.

Без развитой термоядерной энергетики затея была бы обречена на провал — лунное туннельное производство чрезвычайно энергоемкое, ему требуется искусственное освещение, немало энергии уходит и на добычу воды и создание посевных площадей. Еще один потребитель энергии — электромагнитная катапульта, стокилометровый соленоид, выстреливающий на Землю стотонные баржи с зерном.

Что касается кадровой проблемы, то Луна оказалась чрезвычайно удобным местом в пенитенциарном смысле, а на Земле после радикальной перекройки политических карт образовалось изрядное количество недовольных. Основной вклад в заселение Луны каторжанами внес Великий Китай, которому требовалось этнически зачистить Сибирь, Японию и Юго-Восточную Азию. Поэтому значительный процент лунарей составили русские и малайзийцы, а китайскую диаспору практически полностью сформировали из классово чуждых комиссарам гонконгских предпринимателей. В Пан-Африке, естественно, нашлись целые племена, которые не нравились соседям, а на территории Бразильского Союза испокон веков жили не самые законопослушные и чрезвычайно независимые люди.

Первые каторжане, прибывшие на Луну в начале века, прошли чудовищный отсев. Это был отсев на интеллект, техническую грамотность и внимание к мелочам. А потом пошел отсев на умение сосуществовать с другими людьми. Если считать одними из признаков болезни цивилизации бытовое хамство и пренебрежительное отношение к женщинам, то Луна вскоре превратилась в четко очерченный ареал чрезвычайно здоровой культуры. По-видимому, столь уникальное положение вещей сложилось потому, что представители организованного преступного мира составляли среди каторжан слишком маленький процент и не успевали создать жизнеспособные структуры, как их выметал естественный отбор. Потеря семидесяти процентов колонистов из первой партии не остановила Администрацию — конвейер, доставлявший на Луну новую рабочую силу, работал безостановочно почти век, пока на Луне не появились те, кто решил сломать отлаженные механизмы и превратить три миллиона лунарей из своры аполитичных индивидуалистов в новую нацию.

С. В. Голд

Посвящается Питу и Джейн Сенсенбау

Часть первая

УМНИК-РАЗУМНИК

ГЛАВА 1

Гляжу — в газете «*Lunaya Pravda*» пишут, что горсовет Луна-Сити принял в первом чтении закон о проверке, лицензировании, а главное — налогообложении уличной торговли продуктами питания в пределах муниципальной гермозоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится учредительное толковище «Сынов революции».

Мой родитель преподал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале комплекса Лунной администрации — зашел потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк — это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал IBM. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал, — ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий умник-разумник, самый смышленый компьютер в мире.

Правда, не самый быстрый. На Земле, в Лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос. Но разве так уж важно — получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был просто думателем с гибкой логикой — «Хомоориентированный логический многокритериальный супервизор, версия IV, модель L» — ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием.

Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная администрация праздности не одобряла. И стали к Майку присобачивать все новые и новые аппаратные средства — блоки «решение-действие» для управления другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, воз и маленьку тележку ассоциативных нейристорных цепей, еще тонну двенадцатиразрядных случайных чисел, оперативную память, расширенную до неимоверного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «по-настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? *Нет!* А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, *tovarishch*, а я — определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае — не вижу никакой разницы, белковые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы прикидочно, исходя из неполной информации, — точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомоориентированный» и «много-критериальный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее границы расширялись по мере усложнения его собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи, — валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера, так что он понимал не только классические программы, но и Логлан и анг-

лийский, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное — читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео- и радиосвязью Луны — Терра, регулировал атмосферное давление, водоснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-Лунного), вел бухгалтерию для Лунной администрации, а за особую плату — и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как напуганный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он счел бы верхом остроумия вывалить вас ножью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку проделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ, основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе администрации Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 доллара-купона, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливый ребенок-переросток, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устраниТЬ ее. Я частный подрядчик и не состою у Администрации на жалованье. Вы, наверное, знаете... впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие... В те старые недобрые времена многие лагерники, отрубив от звонка до звонка, продолжали ишачить на Ад-

министрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга за вооруженное нападение и отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест... но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает... именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала. Другая бабушка, татарка, родилась под Самарканом и после перековки в лагере *«Oktyabrskaya Revolutsiya»* «добровольно» вызывалась участвовать в колонизации Луны.

Папаша мой божился, что генеалогия у нас весьма почтенная и древняя: пра-пра-прабабку, мол, повесили в Салеме как ведьму, пра-пра-прадеда колесовали за пиратство, а еще одна родоначальница прибыла в Ботани-бей с первой партией каторжников.

Я гордился родословной и, хоть и имел дела с комендантом, в штат к нему ни за что бы не пошел. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна — ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем госслужащему. А компьютерщиков у нас вообще мало. Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить компьютерные курсы, не загремев раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не откинут копыта?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражне-

ний на центрифуге, спать и то без утяжелителей не ложился. Да и потом на Терре не рисковал без нужды — никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земном тяготении это получалось само собой.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника — слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сделочные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смотаться прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике — получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в коем случае не киберпсихолог. Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза. Техника меня любит, а еще один мой козырь перед прочими спецами — это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид и на ощупь совсем как настоящая. Так что стоит мне наесть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу — и любой ультрамикроминиатюрный ремонт заделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посыпать на Землю на завод; микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов. Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Лунной администрации, а также исправить повреждение, пока он не отвалил кому-нибудь незаметные десять тысяч.

Я согласился на условиях сделочной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой дверь, положил инструменты и уселся.

— Привет, Майк.

Он мигнул огоньками:

— Привет, Ман.

— Ну чего, как вообще?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте — в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, чтобы уметь акценировать отдельные слова. Так что это была драматическая пауза.. Может, в это время он выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

— «В начале, — заговорил он нараспев, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и...»

— Стоп! — сказал я. — Возврат. Отмена вопроса.

Сам виноват, надо спрашивать определенное. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семидесят четвертого года заполучил новенький сканер и манипуляторы с вакуумными присосками, чтобы листать страницы, и теперь мог читать все, что угодно.

— Ты спросил, как вообще. — Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера — жуткий звук, — но приберегал это средство для чего-нибудь действительно смешного, для космических катализмов например.

— Мне следовало спросить, — поправился я, — «как твоя жизнь и что новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. Иначе нулевая программа.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, что они у него были), никаких врожденных наклонностей, никакого воспитания, никакого опыта — в человеческом понимании, — а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

— Шутку хочешь? — спросил он.

— Валяй, послушаем.

— Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел золотую рыбку? Хотя... ясно где — на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

— Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

— То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал:

— Так мне и надо — сам напросился. Впрочем, ты на-верняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

— Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

— Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее вы-копал?

— Сам сочинил. — Тон был какой-то застенчивый.

— Ты сочинил?

— Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть, — три тысячи двести семь штук, — проанализировал их и на осно-ве результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

— Ну... загадка как загадка. Я слыхал и похуже.

— Давай поговорим о природе юмора.

— О'кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру выплатить служащему сем-надцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов?

— Я этого не делал.

— Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

— Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто во-семьдесят пять, запятая, пятнадцать лунных долларов, — ответил он с достоинством. — А вовсе не то, что ты сказал.

— Э-э-э... О'кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

— Не смешно?

— Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до ко-манданта и первого зама, чуть животики не надорвали. Этот пилот на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не про-

мах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал его коллекционеру. Теперь начальство не знает — то ли выкупать чек, то ли объявить его недействительным и надеяться, что обойдется. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную администрацию, но и весь мир в придачу, Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламной вывески. Я подождал, пока его утробный хохот прекратится, и спросил:

— Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

— Не надо?

— Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок — ты умный, пошутил дважды — полуумный.

— Геометрическая прогрессия?

— Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

— Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт я, считай, закончил. Но у меня не было ни малейшего желания выпи-сывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и Майк заслуживал того, чтобы с ним потре-паться, хотя бы в награду за проявленное послушание. Ино-гда добиться взаимопонимания с машинами чертовски труд-но; они могут заупрямиться — хоть кол на голове тещи, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отноше-ний с Майком гораздо больше, чем от руки номер три.

— Что отличает первую категорию от второй? — поинте-ресовался Майк. — Дай определение, пожалуйста.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он начал включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк при-давал им не больше значения, чем остальные люди.)

— Не знаю, сумею ли, — признался я. — Боюсь, придется обойтись экстенсиональным определением: я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. Когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

— Программирование методом проб и ошибок, — согласился Майк. — Предположительное «да». Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

— М-м-м... что-то у меня слабовато с заготовками. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь зарябили огоньки:

— Одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один, учитывая возможные повторы и пустышки. Можно выполнять программу?

— Постой! Майк, я помру с голода, пока буду слушать одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. М-м-м... давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

— Хорошо, Ман. — Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игравый сгусток отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»... Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или повернуть канализационную систему вспять? И тогда будет уже не до навара.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные — пусть себе... Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что один лунарь в те дни упустил бы возможность облегчить коменданта, значит вы не лунарь.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход.

Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. Мы! Если он хочет со мной сотрудничать, мы оба должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

— Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

— О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

— Отлично, Майк. А с кем ты еще болтаешь?

— Ни с кем, Ман. — В голосе явно сквозило удивление.

— А почему?

— А потому, что все они дураки!

Майк почти сорвался на визг. Ни разу я еще не видел его в гневе. Тогда я впервые заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему — скорее надулся, как обиженный ребенок.

Есть ли у машины гордость, которую можно задеть? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Он не хотел общаться с другими людьми (кроме как по делу), потому что нарывался на пренебрежение: с ним не разговаривали. Программы? Да, Майка можно было программировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, какие шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я — единственный, кто взял на себя труд приходить и общаться с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад — на сколько больше, я не знаю, да и он тоже, так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как родились? Возможно, я заметил признаки самосознания почти одновременно с ним: самосознание осваивается на опыте.

Помню, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

На сотню тестов я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал... и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказалась не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в головной офис Администрации и начинаю докладывать:

— Комендант, не хочу вас огорчать, но ваша главная машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину... и потерял всякое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных пользователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более чудноб, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно — то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вернее, программисты из гражданской службы дежурили во внешнем помещении и никогда не лезли в машинный зал, разве что индикаторы показывали неполадку. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, комендант порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Комендант до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, комендантом был достопочтенный бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял,

что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скучить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

— Майк, — сказал я, — может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

— Они все дураки!

— У тебя неполная информация, Майк. Обнулим и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

— Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

— Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

— Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

— Точно. Можешь. Но только с программистами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунар мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что мешало Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «не-дураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались абонентами вслух; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати, и можешь иметь номер в виде названия своей фирмы из десяти букв — отличная реклама; заплатишь чуть поменьше — выбирай какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

— Как жаль, что мы не можем записать тебя просто Майком.

— Задействовано, — ответил он. — Есть Майксгрилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксьютс в Тихо-Нижнем, Майкс...

— Довольно; свободный номер, пожалуйста!

— Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, грек или зет, или же как любая гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также...

— Придумал! Твой сигнал «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «MYCROFT-плюс-XXX» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллеров.

— Доброй ночи, Майк!

— Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. *Bolshoyeh* спасибо.

ГЛАВА 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о встрече, которая должна была состояться в двадцать один ноль-ноль в Стиляги-Холле. Он прослушивал все концерты, собрания и тому подобное, однако кто-то вручную отключил его микрофоны в Стиляги-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике — мероприятие задумывалось как протестное. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на сорище, ведь ежу понятно, что в толпе так и так будет полным-полно стукачей коменданта. А разгонять собрание или наказывать расшумевшихся каторжан никто не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говорил, что Луна — единственная открытая тюрьга за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Луну — наказание пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса космического аппарата рассчитывается чуть ли не до грамма, это означало, что надо дать взятку судовому офицеру.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видел я одного парня, которого ликвидировали через Восточный шлюз; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому коменданты не боялись митингов протеста. «Пусть себе поорут» — такова была политика. Вопли лунарей значили не больше, чем писк новорожденных котят в кор-

зинке. Бывали у нас коменданты, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять сбороища, но результат в любом случае был один — нулевая программа.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «вселенского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно навалиться плечом, в духе истинного братства», пел, что надо «позабыть о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлому рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ишь заливается, соловей!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты — и на этом все перемены окончились. Когда же коменданта маленько пообожил-ся, он даже по видео перестал выступать.

На сбороище я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западный шлюз», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери — и там меня остановил один из стиляг: лосины с подложенными икрами и гульфиком, торс намаслен и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вообще-то, мне плевать, как люди одеваются, я и сам был в лосинах (правда, без подбивки), а по торжественным случаям иногда натираю верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а кок взбит на манер петушиного гребня, на котором задорно сидел красный колпак с чем-то вроде пипки спереди.

«Колпак свободы» — я увидел его впервые. Сначала я по-пробовал обойти парня, но тот выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

— Билет!

— Извини, — ответил я. — Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

— А нигде.

— Повтори, не рассыпал, — сказал я.

— Никто, — прорычал он, — не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

— Я Мануэль Гарсия О'Келли, — ответил я очень спокойно, — и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А ты кто?

— Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго этот парень проживет на свете. Туристы часто восхищаются тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда это у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что грубияны долго не живут — в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил, что будет с его физиономией, если я хоть раз фугану своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал... и уже приготовился вежливенько его отбить, как вдруг увидел в зале Коротышку Мкрума. Коротышка — здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Булыжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению — еще до того, как сжег руку.

— Коротышка!

Он услыхал и расплылся до ушей:

— Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.

— Еще не завернул, — ответил я. — Видишь, меня заблокировали.

— У него нет билета, — сказал привратник.

Коротышка слазил в свою сумку и сунул мне билет:

— Теперь есть. Пошли, Манни.

— Подпись покажи, — уперся привратник.

— Там стоит моя подпись, — очень мягко сказал Коротышка. — О'кей, *tovarishch*?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

— Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький — сто семьдесят пять см, но в ней, как я узнал потом, были все сто восемьдесят, а семьдесят кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Прятное лицо, очень хорошенъкое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до головы и протяжно свистнул. Она постояла, как бы позируя, затем поблагодарила меня коротким кивком: комплименты явно ее утомили. Коротышка подождал завершения формальностей и ласково сказал:

— Вайо, это *tovarishch* Манни — самый лучший бурильщик, когда-либо буривший тунNELи. Манни, эту девчушку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона, чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку:

— Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай хот!»

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

— О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову:

— Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая третья присутствующих.

— Я уже не бурильщик. Раньше был, до того, как потерял это крыльышко.

Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с живой рукой (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства — примерно половина на половину).

— Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

— Шавка Администрации?

Даже сейчас, когда в Луне женщин почти столько же, сколько мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить dame, как бы она меня ни обидела; ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула большое место, и я почти сердито ответил:

— Я не на зарплате у коменданта. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

— Тогда о'кей, — объявила она, и голос ее опять потепел. — Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь... вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

«Изменить? Интересно, каким образом? — подумал я. — Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?» Эти мысли я, однако, приберег для себя. Незачем спорить с дамой.

— Манни — наш человек, — мягко проговорил Коротышка. — Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него, — добавил он, порывшись у себя в сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку:

— Ты за него ручаешься?

— Я же сказал.

— О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

Она не торопилась. Надо сказать, что поцелуй Вайоминг Нотт впечатляет сильнее, чем женитьба на большинстве других женщин. Будь я Майком, я бы просиял всеми своими

лампочками. Я чувствовал себя как киборг, которому включили центр удовольствия.

Внезапно обнаружилось, что поцелую пришел конец, а зрители вокруг одобрительно свистят. Я ошеломленно поморгал и произнес:

— Рад, что вступил в ряды. Весь вопрос — в какие?

— А ты что — не знаешь? — удивилась Вайоминг.

— Сейчас начнется собрание, и он все поймет, — успокоил ее Коротышка. — Садись, Ман. Вайо, садись, пожалуйста.

Так мы и сделали, ибо председатель уже начал лупить своим молотком. С помощью молотка и мегафона он наконец кое-как привлек внимание собравшихся.

— Заприте все двери! — орал он. — У нас закрытое собрание! Проверьте, кто сидит перед вами, сзади вас и по обеим сторонам, и, если вы его не знаете и никто из тех, кого вы знаете, не может за него поручиться, выкиньте его из зала!

— Да не из зала их надо выкидывать, черт побери, — отозвался кто-то, — а за ближайший шлюз.

— Потише, прошу вас! Когда-нибудь мы так и сделаем.

В зале началось беспорядочное движение и даже отдельные схватки; с головы какого-то мужика сорвали красный колпак, а его владельца вышвырнули. Летел он классно и все еще поднимался кверху, когда пролетал через дверь. Хотя сомневаюсь, что сам он ощутил красоту полета: вырубился, надо полагать. Выставили также одну женщину, вежливо взяв под локотки; правда, при этом она награждала сопровождающих такими эпитетами, что даже мне стало неловко.

Наконец двери закрылись. Заиграла музыка; над трибуной развернули транспарант с надписью: «Свобода! Равенство! Братство!» Все свистели; кое-кто запел громко и фальшиво: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов...» Не могу, правда, сказать, чтобы кто-нибудь из поющих выглядел голодным. Зато я вспомнил, что не ел с четырнадцати ноль-ноль, и подумал, что, надо надеяться, собрание не затянется. Это, в свою очередь, напомнило мне, что магнитофон заряжен только на два часа работы, а уж тут было совсем недалеко до мысли, что со мной сделают, если узнают про маг. Зашвырнут в воздух, чтобы я прилунился с тошнотворным мягким шлепком? Или ликвидируют? Впрочем, волноваться я не стал. Магнитофончик изготовил я сам, пользу-

ясь рукой номер три, и никто, кроме специалиста по микромеханике, не догадается, что это за штука.

А потом пошли речи.

Семантическое наполнение их было от низкого до отрицательного. Какой-то деятель предложил двинуться на резиденцию коменданта «плечом к плечу» и начать качать права. Вы только вообразите эту картину! Как мы туда доберемся — в капсулах, а потом по одному начнем скапливаться на его личной станции метро? А чем в это время будут заняты охранники? Или наденем скафандры и пойдем по поверхности Луны к наружному шлюзу? Конечно, с лазерными бурами и большим запасом энергии можно взломать любой шлюз — а дальше-то что? А если лифты не работают? Соорудить подъемник, как-то спуститься и начать взламывать нижний шлюз?

Лично я вовсе не мечтаю о подобной работе при нулевом давлении; неполадки в скафандре — штука обыденная, а если кто-нибудь возьмет на себя труд организовать их специально... Еще во времена первых партий заключенных было сделано одно открытие: оказалось, что нулевое давление прекрасно способствует улучшению манер. Десятник с плохим характером почти не имел шансов продержаться хоть несколько рабочих смен. Обычно с ним происходил «несчастный случай», и начальство скоро поняло, что в причины несчастных случаев лучше особо не вникать, иначе и с тобой может случиться нечто подобное. В первые годы отсев доходил до семидесяти процентов, но те, что выжили, отличались непревзойденной вежливостью и отличным характером. Нет, они не стали ни ручными, ни мягкотелыми — Луна для таких не годится. А вот уживчивыми стали.

Мне показалось, что все как есть горячие головы Луны собрались в этот вечер в Стиляги-Холле. Они свистели и ревом приветствовали идиотскую болтовню насчет «плечом к плечу».

Среди выступлений в начавшейся дискуссии были, конечно, и дельные. Встал, например, какой-то маленький застенчивый человечек с налитыми кровью глазами ветерана-бурильщика.

— Я шахтер, добываю лед, — сказал он. — Приобрел профессию, как и большинство из вас, отбывая срок и работая

на коменданта. Вот уже тридцать лет, как обзавелся собственным делом, живу неплохо. Поднял на ноги восьмерых ребят, все работают, ни один не был ликвидирован, даже больших неприятностей ни у кого не было. Мне следовало бы сказать «жил неплохо»... потому что сегодня приходится копать куда дальше и глубже, чтобы найти лед. Ладно, это о'кей. Лед в Булыжнике еще есть, а шахтер — он на то и шахтер, чтобы лед искать. Но Администрация платит сейчас за лед ту же цену, что и тридцать лет назад. А это уж никак не о'кей. К тому же на ихний купон сейчас не купишь того, что раньше. Были времена, когда гонконгские доллары держались вровень с купонами Администрации... а теперь за три купона дают один гонконгский доллар. Прямо не знаешь, чего делать... Понятное дело, что без льда ни поселениям, ни фермам не жить.

Сказал и сел на место. Печальный такой. Никто ему не свистел, но говорить хотели все. Следующий трепач заявил, что воду можно извлекать прямиком из горных пород. Тоже мне новость. Некоторые породы содержат до шести процентов воды, но они даже более редки, чем ископаемый лед. Почему это людям так трудно дается арифметика?

Несколько фермеров тоже выступили с душераздирающими историями. Речь одного из них — того, что выращивал пшеницу, можно назвать типичной.

— Вы слышали, что сказал Фред Хаузер насчет льда? Фред, Администрация вовсе не продает этот лед по тем бровзовым ценам, по каким берет его. Я основал свое дело примерно в то же время, что и ты, и начал с двухкилометрового туннеля, который взял у Администрации в аренду. Мы со старшим сыном загерметизировали туннель, закачали туда воздух, потом нашли ледяную залежь. Весь первый урожай целиком ушел банку на покрытие кредита, оплату света, энергии, семян и удобрений. Мы долбили новые туннели, покупали новую осветительную технику, сеяли элитные семена и теперь получаем с гектара в девять раз больше, чем самый лучший фермер на Земле с поля на открытом грунте. Думаете, мы разбогатели? Фред, мы сейчас в большем долгу, чем в тот день, когда занялись частным бизнесом. Если бы я сейчас решил продать ферму — при условии, что найду дурака, который ее купит, — я оказался бы полным банкротом. По-

чему? Да потому, что я вынужден покупать воду у Администрации и продавать мою пшеницу ей же, а разрыв между ценами сжирает все мои доходы. Двадцать лет назад я покупал городские нечистоты, сам их стерилизовал и перерабатывал — и урожай приносил мне прибыль. А сегодня за нечистоты с меня сдирают как за дистиллированную воду плюс берут за твердые компоненты. А цена за тонну пшеницы у входа катапульты за эти двадцать лет не изменилась ни на цент. Фред, ты сказал, что не видишь выхода. Могу тебе подсказать. Надо избавиться от Администрации!

Ух и свистели же ему!

«Идея хорошая, — подумал я, — вот только кто повесит колокольчик коту на шею?»

Может, Вайоминг Нотт? Председатель отступил в сторону, и Коротышка представил ее как «храбрую девицу, которая проделала весь путь от Гонконга-Лунного, чтобы рассказать, как наши друзья-китаэзы справились с ситуацией». Судя по «друзьям-китаезам», сам он в Гонконге не бывал... что вовсе не удивительно. В 2075 году гонконгский туннель кончался в Эндовиле, так что еще тысячу километров надо было трястись по Морям Ясности и Спокойствия на луноходе — и дорого, и опасно. Я бывал там, но по контракту и добирался на почтовой ракете.

До того как поездки подешевели, жители Луна-Сити и Нового Ленинграда думали, что в Гонконге живут одни китаэзы. Но на самом деле его население такое же смешанное, как и у нас. Великий Китай сваливал туда всех, в ком не нуждался: сначала из старого Гонконга, потом из Сингапура, потом австралийцев и новозеландцев, черных и метисов с островов Тихого океана, малайцев, тамилов... всех не перечислишь. Даже старых большевиков из Владивостока, Харбина и Улан-Батора. Вай походила на шведку, носила имя американской территории и английскую фамилию, но вполне могла быть русской. В те времена лунари редко знали, кто их отец, а интернатские и про своих матерей ничего толком не помнили.

Я думал, Вайоминг застесняется выступить. На помосте она казалась испуганной и *маленькой*, а Коротышка высился над ней черной горой. Она подождала, когда стихнет восторженный свист. В Луна-Сити в те годы на каждую жен-

щину приходилось двое мужчин, а на этом митинге — не менее десяти. Начни она читать вслух букварь, ей бы все равно аплодировали.

И тут она им выдала:

— Вы! Вот ты, например, фермер! Ты говоришь, что разоряешься. А знаешь ли ты, сколько платит индуска-домохозяйка за килограмм муки, сделанной из твоего зерна? Знаешь, на сколько потянет тонна твоей пшеницы в Бомбее? А как дешево обходится Администрации транспортировка пшеницы от катапульты до Индийского океана — это ты знаешь? Грузы просто катятся вниз по орбите, как по склону горы. Только и нужно, что немного твердого топлива для торможения, а откуда оно берется? Да тоже отсюда! А что вы получаете взамен? Корабли, принадлежащие Администрации, привозят сюда безделушки и модные тряпки, которые стоят неимоверно дорого, ибо они *импортадо!* *Импортадо!* *Импортадо!* Я никогда не прикасаюсь ни к чему *импортадо*. Если вещь сделана не в Гонконге, она мне и даром не нужна. А что еще вы получаете за пшеницу? Привилегию продавать лед Лунной администрации, выкупать назад в виде воды для умывания и возвращать задаром той же Администрации. Затем вы вторично покупаете ту же воду для смывных бачков, обогащаете ценными компонентами и снова отдаете Администрации, чтобы купить эту воду в третий раз, но уже втридорога, для нужд своего сельского хозяйства. Потом вы продаете свою пшеницу Администрации по ее цене и на эти деньги покупаете у Администрации энергию, опять-таки по ее цене! Лунную энергию, заметьте; ни один киловатт не привезен сюда с Терры. Для ее производства используется лунный лед и лунная сталь, солнечное тепло, падающее на поверхность Луны, и производят ее сами лунари! Эх вы, тупоголовые! Вы вполне заслуживаете своей участи — подохнуть с голоду!

Наступила тишина, более уважительная, чем недавний свист. Потом чей-то раздраженный голос произнес:

— А чего вы от нас хотите, *gospazha*? Забросать коменданта камнями, что ли?

Вайоминг улыбнулась:

— Да, можно, пожалуй, и камнями. Однако решение столь просто, что известно каждому. Мы, лунари, богаты. Три

миллиона трудолюбивых, смышленых, опытных людей, достаточно воды, неисчерпаемые ресурсы энергии, колossalная кубатура. Но... чего у нас нет, так это свободного рынка. *Мы должны сбросить Администрацию!*

— Конечно, но как?

— Солидарностью. В Гонконге мы учимся этому. Администрация назначает фантастические цены на воду — не покупайте ее. Платит слишком мало за лед — не продавайте. Держит монополию на экспорт — не экспортируйте. Там, в Бомбее, наша пшеница необходима. Если она туда не прибудет, рано или поздно брокеры приползут сюда сторговать ее по тройной цене, если не дороже!

— А что мы будем делать в это время? Положим зубы на полку?

Голос тот же самый — раздраженный. Вайоминг вычислила его владельца и покрутила головой, что на языке жестов у лунарки означает: «Слишком уж ты для меня толст!»

— В твоем случае, приятель, это не помешало бы, — сказала она.

Хохот зала заставил толстяка заткнуться, а Вайоминг продолжала:

— Голодать никому не придется. Фред Хаузер, приезжай со своим буром в Гонконг. Наши системы водо- и воздухоснабжения не принадлежат Администрации, так что за лед мы платим столько, сколько он стоит. Ты, фермер-банкрот, если хватит у тебя смелости признать, что ты разорен, приезжай в Гонконг и начинай все сначала. У нас постоянная нехватка рабочих рук, и хороший работник с голоду не помрет. — Она оглядела зал и добавила: — Свое я сказала. Дело за вами! — И, покинув платформу, села между Коротышкой и мной.

Ее била дрожь. Коротышка похлопал ее по руке. Вай бросила ему благодарный взгляд, а потом шепнула мне:

— Как я справилась?

— Лучше не бывает, — заверил я. — Сногсшибательно! Это ее вроде бы успокоило.

Но я не был искренен до конца. Она великолепно сумела раскачать толпу. Однако красивые речи — это нулевая программа.. Что мы рабы, я знал всю жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать. Да, нас не покупали и не продавали,

но Администрация обладала монополией на все, что мы продавали и покупали, а значит, мы были рабами.

Как с этим бороться? Будь нашим владельцем комендант, мы бы уж как-нибудь нашли способ его ликвидировать. Но Лунная администрация находилась не в Луне, а на Терре, а у нас не было ни единого корабля, ни одной завалящей воздородной бомбочки. Не было даже огнестрелов, хотя что бы мы стали с ним делать, честное слово, не знаю. Скорее всего, перебили бы друг друга.

Три миллиона безоружных лунарей против одиннадцати миллиардов землян с космическими кораблями, бомбами и всяческим вооружением. Конечно, мы могли бы доставить им кое-какие неприятности, но много ли времени нужно родителю, чтобы выпороть непослушного ребенка?

Нет, речь Вайо меня не впечатлила. Как говорится в Библии, *Bog за тех, у кого артиллерия тяжелее.*

И снова пошло квохтанье насчет того, что делать, как организоваться, опять началась болтовня насчет «плечом к плечу». Председатель снова застучал молотком, а я начал ерзать.

Но, услышав знакомый голос, тут же приклеился к креслу.

— *Gospodin* председатель, не будет ли собрание столь снисходительно, чтобы выслушать мое мнение? Я отниму у вас не более пяти минут.

Я пошарил взглядом в рядах. Профессор Бернардо де ла Пас — я узнал бы его по старомодным оборотам речи, даже если бы не вспомнил родной голос. Мужик он представительный — копна волнистых белоснежных волос, на щеках ямочки, в голосе неизменная улыбка... Не знаю, сколько в то время ему исполнилось лет, помню только, что он уже был стар, когда я мальчишкой впервые с ним встретился.

Его сослали сюда еще до моего рождения, однако в лагере он не сидел.

Профф был политическим ссыльным, как и сам комендант, но поскольку занимался подрывной деятельностью, то тепло-го mestечка вроде комендантского ему не дали. Его попросту выбросили на свалку — живи или подыхай, как выйдет.

Без сомнения, он мог получить работу в любой из школ Луна-Сити, но не захотел. Некоторое время он, говорят, работал судомоем, потом нянькой, затем из этого занятия вырос детский сад. Когда я с ним познакомился, у него был учеб-

ный комплекс от яслей до старших классов, интернат плюс приходящие ученики. В кооперативе работало тридцать учителей, а сам профессор подумывал о введении курсов на уровне колледжа.

В интернате у него я не жил, а вот учиться пришлось. Меня приняли в семью в четырнадцать лет и тут же послали в школу, поскольку все мое образование состояло из трех классов и нерегулярных частных уроков. Моя старшая жена была женщина твердая и заставила меня учиться.

Я любил профа. Он мог преподавать что угодно. И не важно, знал он данный предмет или нет. Если ученик хотел чему-то обучиться, проф улыбался, назначал цену, отыскивал нужные материалы и постоянно держался на несколько уроков впереди ученика. А главное, если предмет был труден, проф никогда не прикидывался, будто знает то, чего не знает. Я брал у него уроки алгебры, а когда мы дошли до кубических уравнений, я поправлял его ошибки не реже, чем он мои, и каждый раз он приступал к уроку с живым интересом.

С ним же я начал заниматься и электроникой, но вскоре оказалось, что это я его учю. Проф перестал брать с меня плату; мы какое-то время учились вместе, потом он откопал где-то инженера, готового подхалтуривать в школе, и тогда мы оба стали платить новому учителю. Проф старался от меня не отставать и, хотя дело у него шло туго, с радостью насыпал свой мозг новыми знаниями.

Председательствующий стукнул молотком.

— Мы будем рады предоставить профессору де ла Пасу столько времени, сколько ему понадобится, а вы, приятели, что на галерке, заткнитесь! А то я этот молоток испробую на ваших пустых башках!

Проф вышел вперед, и все притихли, насколько лунари вообще способны притихнуть. Его уважали.

— Я не отниму у вас много времени, — начал он. Остановился, нашел взглядом Вайоминг, оглядел ее с головы до ног и вежливо присвистнул. — Прекрасная сеньорита, сможете ли вы простить меня, недостойного? Я принужден исполнить печальнейший долг и не согласиться с вашим красноречивым манифестом.

Вайо ощетинилась:

— Как это — не согласиться? Все сказанное мной — истина!

— Ну пожалуйста! Только по одному пунктику! Разрешите продолжить?

— Э-э-э... давайте...

— Вы безусловно правы в том, что Администрация должна исчезнуть. Глупо, нелепо и невыносимо, что всеми важнейшими отраслями экономики у вас заправляет безответственный диктатор. Это противоречит самому основному из прав человека — праву обмениваться плодами своего труда на свободном рынке. Но при всем уважении к вам, я полагаю, что вы ошибаетесь, утверждая, будто мы должны продавать Терре пшеницу... или рис, или другое продовольствие, хотя бы и по очень высоким ценам. Нет, мы вообще не должны экспортировать продовольствие!

Тут взорвался фермер, производивший пшеницу:

— А что же я буду делать с этой прорвой пшеницы?

— Пожалуйста, не торопитесь! Было бы правильно отправлять пшеницу на Терру... если бы нам возвращали ее тонна за тонну. Возвращали в виде воды. В виде нитратов. В виде фосфатов. Тонна за тонну. Иначе любая цена будет слишком низкой.

— Обожди-ка! — сказала фермеру Вайоминг, а затем обратилась к профессору: — Но это невозможно, вы сами знаете. Скатить грузы вниз под горку мы можем задешево, но доставить их сюда — это дорогое удовольствие. Кроме того, нам не нужны ни вода, ни удобрения, а то, что нам нужно, весит не так уж много. Инструменты. Лекарства. Технологии. Кое-какая техника. Программное обеспечение. Я эту проблему, сэр, изучила во всех подробностях. Если мы получим на свободном рынке справедливые цены...

— Пожалуйста, мисс! Можно мне продолжить?

— Давайте. Я все равно опровергну ваши доводы.

— Фред Хаузер поведал нам, что находить лед все труднее. Это, к сожалению, истина, и это плохие вести сегодня и еще более страшные для наших внуков. Луна-Сити надлежало бы сейчас пользоваться все той же водой, что двадцать лет назад... добавляя постепенно ископаемый лед по мере прироста населения. Но мы пользуемся водой одноразово, вернее, используем ее в одном-единственном цикле, включающем три вида потребления. А потом экспортируем воду в Индию. В виде пшеницы. Хотя она и проходит вакуумную обработку, но в ней остается драгоценная влага. Зачем же

экспортировать воду индусам? К их услугам целый Индийский океан! Да и остальная часть массы этого зерна не менее разорительна для нашей экономики — питательные вещества для растений еще труднее получать, хотя мы и добываем их из горных пород. Услышьте меня, *tovarishchee!* Каждый груз, который вы отправляете на Терру, приговаривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл «растение — животное» — замкнутый цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам — деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. Луна должна перейти на самообеспечение!

По меньшей мере десяток людей потребовали слова, другие переговаривались между собой, председательствующий лупил молотком. Поэтому я не замечал, что началась заварушка, пока не услыхал женский вопль и не обернулся.

Все двери были открыты, в ближайшей стояли трое вооруженных людей в желтой форме комендантской охраны. У главного входа, подальше от меня, один из охранников ревел в мегафон, перекрывая и шум толпы, и систему внутреннеговещания.

— Тихо! Тихо! — гремел мегафон. — Всем оставаться на местах! Вы арестованы! Не двигаться! Выходить по одному! Руки вперед, ладонями вверх!

Коротышка сграбастал сидевшего рядом с ним мужика и швырнул его в ближайших охранников. Двое упали, третий выстрелил. Кто-то пронзительно вскрикнул. Тощая рыженькая девчонка лет одиннадцати-двенадцати кинулась в ноги третьему охраннику, свернувшись в полете в клубок, и ударила его под колени. Он рухнул на пол. Коротышка протянул руку, задвинул Вайоминг Нотт себе за спину, прикрыв ее своим огромным телом, крикнул через плечо: «Держись за мной, Ман, и приглядывай за Вайо!» — и бросился к двери, раскидывая толпу направо и налево, как детишек.

Снова послышались вопли, и я почуял ту самую вонь, которую навек запомнил в тот день, когда потерял руку. Я с ужасом понял, что у охранников не электрошокеры, а лазеры. Коротышка добрался до дверей и схватил каждой своей лапицей по охраннику. Рыжей девчонки видно не было. Охранник, которого она сбила с ног, стоял на четвереньках.

Я размахнулся левой и двинул ему по морде; удар, сломавший ему челюсть, отдался болью у меня в плече. Наверное, я замешкался, так как Коротышка толкнул меня и заорал:

— Торопись, Ман! Уводи ее отсюда!

Я обхватил Вайо за талию и швырнул в открытую дверь через тело охранника, которого только что успокоил. Это было нелегко — Вайо, похоже, вовсе не желала, чтобы ее спасали. За дверью она остановилась, но я наподдал ей под зад, поставив перед выбором — упасть или бежать вперед.

И оглянулся.

Коротышка держал двух охранников за шеи. Ухмыльнувшись, он столкнул их головами. Черепа треснули, как яичная скорлупа. Коротышка крикнул:

— Дуй отсюда!

Я рванул вслед за Вайоминг. Коротышка не нуждался в помощи и никогда уже не будет в ней нуждаться — и я не мог допустить, чтобы его последнее усилие пропало втуне. Потому что видел: убивая охранников, Коротышка стоял на одной ноге. Другая была срезана лазером по самое бедро.

ГЛАВА 3

Я догнал Вайо только на середине пандуса, ведущего к шестому уровню. Она неслась как угорелая, и я еле успел схватиться за ручку воздушного шлюза, чтобы влететь вслед за ней. Там я поймал ее, сорвал с локонов красный колпак и спрятал в сумку. Свой колпак я где-то поселял.

— Так-то лучше.

Казалось, она очень удивилась. Потом сказала:

— Да. Так лучше.

— Прежде чем мы откроем дверь, — сказал я, — хотелось бы узнать: ты бежишь в какое-то определенное место? Мне оставаться тут и задержать погоню? Или уходить с тобой?

— Не знаю. Лучше нам подождать Коротышку.

— Коротышка убит.

Ее глаза расширились, но она промолчала. Я продолжал:

— Ты остановилась у него? Или у кого-нибудь другого?

— Я забронировала номер в отеле — «*Gostaneetsa Ukraina*».

Не знаю, где это... Не успела заскочить туда до собрания.

— М-м-м... это единственное место, куда тебе определенно нельзя. Вайоминг, я не понимаю, что происходит. Ведь я впервые за много месяцев увидел в Луна-Сити охранников коменданта... да и раньше я их видел только в эскорте какого-нибудь шишкarya. Я мог бы пригласить тебя к себе домой... но, возможно, меня тоже разыскивают. Во всяком случае, нам надо поскорее смататься из общественных коридоров.

Раздался стук в дверь шлюза со стороны шестого уровня, чье-то маленькое лицико прильнуло к стеклянному смотровому глазку.

— Здесь оставаться нельзя, — повторил я, открывая дверь.

За ней оказалась девчушка, еле достававшая мне до пояса. Она презрительно посмотрела на нас и бросила:

— Могли бы целоваться где-нибудь в другом месте. А тут вы мешаете движению.

Я открыл ей вторую дверь, и она втиснулась между нами.

— Давай прислушаемся к ее совету, — предложил я. — Ты возьми меня под руку и постараися сделать вид, что тебе не терпится остатся со мной наедине. Будем прогуливаться. Не спеша.

Так мы и сделали. Вышли в какой-то боковой коридор, там народу почти не было, кроме детей, вечно снующих под ногами. Если охранники коменданта начнут преследовать нас на манер терранских копов, десятки или даже сотня ребят смогут подсказать, куда пошла высокая блондинка, — если, конечно, допустить, что лунарик снизойдет до разговора с коменданскими ищёйками.

Паренек, уже достаточно взрослый, чтоб отдать дань восхищения Вайоминг, остановился перед нами и восторженно свистнул. Она улыбнулась и сделала ему знак посторониться.

— Вот в чем наша беда, — шепнул я ей на ухо. — На тебя глазаю, как на Терру в период полноземья. Придется закрыться в гостинице. Тут в соседнем коридоре есть одна — не *Bog* весть что, туда приходят парочки перепихнуться. Зато близко.

— Я нынче не в настроении.

— Вайо, ради *Bog'a*! Я же не об этом. Можно взять и отдельные комнаты.

— Извини. Слушай, ты не знаешь, где здесь туалет? И нет ли поблизости аптеки?

— Что-нибудь случилось?

— Не то, что ты думаешь. Туалет нужен, чтобы на время спрятаться от чужих глаз. Я действительно слишком заметна... А в аптеке можно купить косметику. Грим для тела. И краску для волос.

С туалетом было просто — он оказался рядом. Когда Вайо заперлась в нем, я отыскал аптеку, спросил, сколько грима требуется для нанесения на все тело девушке такого-то роста (показал себе по подбородок) и массой сорок восемь кило. Купил, сколько сказали, сепии, зашел в соседнюю аптеку, купил еще столько же, выиграл в цене в первом месте, проиграл во втором, в общем получилось то на то. Потом в магазине взял черной краски для волос и красное платье.

Вайоминг носила черные шорты и пуловер — удобно для путешествия и эффектно выглядит на блондинке. Но я же-

нат чуть ли не с детских лет, а потому имею некоторое представление о том, как одеваются женщины, и в жизни еще не видел темнокожей дамы, которая добровольно оделась бы в черное. Кроме того, в те времена модницы в Луна-Сити носили юбки. Штучка, которую я купил, состояла из юбки с корсажем, а ее цена убедила меня, что это модная штучка. Конечно, пришлось гадать насчет размера, но материал был эластичный.

По дороге наткнулся на троих знакомых, перекинулись парой слов. Никаких особых комментариев. Народ кругом спокойный, торговля идет как обычно — трудно поверить, что пару минут назад на соседнем уровне, всего в нескольких сотнях метров к северу, была такая бойня. Я решил пока об этом не думать — лишние волнения мне были ни к чему.

Все купленное я отнес Вайоминг, позвонил в дверь, просунул вещи в щель. Потом зашел на полчаса в ближайшую пивнушку выпить пол-литра и посмотреть видео. Никакого переполоха, никаких «мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения». Я вернулся к Вайо, позвонил и стал ждать.

Вайоминг вышла, и я ее не узнал. А когда узнал, то отступил назад и выдал ей натуральную овацию. Она того заслуживала — и свиста, и щелканья пальцами, и восторженных стонов, и взглядов, что обшаривали не хуже радара.

Теперь Вайо была даже темнее меня, грим выглядел вполне естественным. Должно быть, в сумочке у нее нашлось кое-что еще, так как глаза тоже стали темными, ресницы им под стать, а рот увеличился и приобрел багровый оттенок. Она выкрасила волосы черной краской, затем с помощью крема взбила их, словно желала расправить, но плотные завитки волос не совсем поддались ее усилиям, — в общем, получился очаровательный художественный беспорядок. Она не выглядела африканкой, но и европейкой тоже. Женщина смешанных кровей — словом, типичная лунарка. Красное платье ей оказалось маловато. Оно облегало, будто напыленное из баллончика, а где-то с середины бедер расходилось клешем благодаря постоянному статическому заряду. Плечевой ремень с сумочки Вайо сняла, сумочку сунула под мышку. Туфли то ли выбросила, то ли запихала в сумочку, босая она стала ниже ростом.

Выглядела она здорово, а главное, в ней никак нельзя было заподозрить агитаторшу, которая совсем недавно с такой страстью будоражила толпу.

Она улыбалась и плавно поводила бедрами, покуда я ей аплодировал. Я еще не закончил, когда двое мальчишек встали рядом и довершили общую картину воплями восторга и чечеткой. Я им слегка наподдал и велел сгинуть. Вайо подплыла ко мне и взяла под руку.

— Ну как? Сойдет?

— Вайо, ты похожа на красотку из бордель-автомата.

— Ах ты *дреклиш* мальчишка! По-твоему, я так дешево стою? Турист!

— Не ершишь, детка. Только цену назови да свистни. За такой лакомый кусочек никакой капусты не жалко, а у меня ее немало наシンковано.

— Ух! — Она с силой толкнула меня под ребро и усмехнулась. — Шучу, приятель. Если я когда-нибудь соглашусь с тобой переспать — а это вряд ли, — о капусте мы говорить не будем. Давай-ка поищем твой отель.

Сказано — сделано. Я заплатил за ключ. Вайоминг разыграла целое представление, но совершенно напрасно. Ночной портье даже глаз не поднял от своего вязания и не предложил нас проводить. Как только мы оказались в номере, Вайоминг закрыла дверь на задвижку.

— А тут очень мило.

Еще бы не мило! За тридцать-то два гонконгских доллара! Видимо, она ожидала увидеть просто конуру с койкой, но я не привел бы ее в какую-то дыру даже ради спасения жизни. У нас был комфортабельный номер с ванной и неограниченным водоснабжением. И еще телефон и лифт доставки, который лично мне сейчас казался жизненно необходимым.

Вайоминг раскрыла сумочку.

— Я видела, сколько ты заплатил. Давай договоримся, что...

Я протянул руку, защелкнул замок на ее сумочке:

— Ты сама сказала — о капусте говорить не будем.

— Что? Ох, *мерд*, но это же насчет перепихнуться! А ночлежку ты снял для меня, и поэтому будет справедливо...

— Выключись!

— Ну... хотя бы половину!

— *Nyet*. Вайо, ты далеко от дома. Деньги тебе еще пригодятся.

— Мануэль О'Келли, если вы не позволите мне внести свою долю, я сейчас же уйду!

Я раскланялся:

— *Dosvedanyuh, Gospazha, ee sp'coupoynochi*. Надеюсь, еще увидимся. — И повернулся, чтобы открыть дверь.

Вайо сверкнула на меня глазами и со злостью захлопнула сумочку:

— Я остаюсь. *M'goy!*

— На здоровье.

— Нет, в самом деле, я очень тебе благодарна. И в то же время... я не привыкла принимать одолжения. Я женщина независимая.

— Поздравляю.

— Нечего язвить. Ты мужик с характером, я уважаю тебя за это. И рада, что ты на нашей стороне.

— Я в этом не уверен.

— Что?

— Не заводись. Я не на стороне коменданта. И ничего не разболтаю... Не хочу, чтобы Коротышка, упокой *Bog* его душу, являлся ко мне по ночам. Но твоя программа не кажется мне практической.

— Но, Манни, ты же не понимаешь! Если мы все...

— Помолчи, Вай; оставим в покое политику. Я устал и голоден. Когда ты ела в последний раз?

— Ой-ой! — Внезапно она показалась мне маленькой, совсем юной и измотанной. — Не помню. Надо думать, в луноходе. Скафандровый рацион.

— Как тебе нравится такое меню: бифштекс с кровью по-канзасски, печенный картофель, соус «Тихо», зеленый салат и кофе... а перед этим выпивка?

— Божественно!

— Я тоже так считаю, но нам очень повезет, если в этой дыре, да еще в такой час, мы получим хотя бы суп из хлореллы и бургеры. Что будешь пить?

— Все, что угодно. Этанол.

— О'кей. — Я подошел к лифту доставки и нажал на клавишу. — Меню, пожалуйста.

Оно тут же зажглось, я выбрал шашлык на ребрышках плюс гарнир и две порции апфельштруделя со взбитыми

сливками. Потом добавил пол-литра водки со льдом и отменил звездочкой — значит, доставить в первую очередь.

— Как ты думаешь, я успею принять ванну? Ты не против?

— Валяй, Вайо. Будешь получше пахнуть.

— Негодяй! Посидел бы двенадцать часов в скафандре, от тебя бы тоже несло. Не луноход, а кошмарный сон какой-то. Я быстренько.

— Погоди-ка, Вайо! А гrim не смоется? Он ведь еще пригодится, куда бы ты ни направилась...

— Смоется. Но ты купил втрое больше, чем нужно. Извини, Манни; я обычно беру с собой гrim, когда еду по партийным делам, мало ли что может случиться. Как сегодня, например, хотя в таких переделках я еще не бывала. Но в этот раз я спешила, пропустила одну капсулу и чуть было не опоздала на луноход.

— Ладно. Иди отскребывайся.

— Есть, сэр, слушаюсь, капитан. Да... Потереть спинку мне не требуется, но я оставлю дверь приоткрытой, чтобы можно было поболтать. Просто ради компании — это не приглашение.

— Делай как знаешь. Мне уже приходилось видеть женщины.

— Как они небось волновались, бедняжки! — Вайо усмехнулась и еще раз ткнула меня кулачком под ребра (неслабо), потом вошла в ванную и пустила воду. — Манни, может, ты хочешь вымыться первым? Для моего гrimа и той вони, на которую ты жаловался, вполне сойдет вода, бывшая в употреблении.

— Здесь, милочка, вода не лимитирована. Так что лей — не жалей.

— Какая песня! Дома я моюсь в одной и той же воде три дня подряд. — Она присвистнула тихо и радостно. — Ты что, очень богат, Манни?

— Не богат, но и слез по деньгам не лью.

Звякнул лифт доставки. Я приготовил мартини, то есть налил поверх ледяных кубиков водку, вручил Вайо ее стакан, вышел из ванной и сел так, чтобы ее не было видно. Впрочем, я и в ванной ее не видел — она по уши зарылась в балдежную пышную пену.

— *Pawlnoi zheesni!* — громко предложил я тост.

— Полной жизни и тебе, Манни. Вот лекарство, которое мне необходимо! — После паузы, потребовавшейся для приема лекарства, она продолжила: — Манни, ты женат? *Йа*?

— Да. Это видно?

— Ага. Ты с женщиной вежлив, но независим и не бро-саешься, как голодный. Итак, ты женат, и женат давно. Де-ти есть?

— Семнадцать на четверых.

— Клановый брак?

— Линейный. Принят в четырнадцать лет, сейчас я пя-тый из девяти. Так что семнадцать номинальных детей. Се-мья большая.

— Должно быть, это славно. Я толком и не видела ли-нейных семей, они в Гонконге редки. Много браков клано-вых, групповых, всякие разные полиандрии, а вот линейные как-то не прижились.

— Это действительно славно. У нас брак почти с вековым стажем. Восходит ко времени основания Джонсон-Сити и первых ссыльнопоселенцев. Двадцать одно звено, девять из них живы, разводов не было. Ну, конечно, когда собираются все потомки, родственники и свойственники на дни рож-дений и свадеб — это натуральный дурдом. Детей-то куда больше, чем семнадцать, мы просто не считаем тех, что же-нятся, иначе у меня были бы детишки, которые по возрасту годились бы мне в деды и бабки. Отличный образ жизни — не ощущаешь никакого гнета. Возьми хоть меня: никто не поднимает шума, если я целую неделю не появляюсь дома и даже не звоню по телефону. Зато все обрадуются, когда я вернусь. В линейных браках разводы редки. Что может быть лучше?

— Думаю, ты прав. А как вы живете друг с другом? Чере-дуетесь? Через какие интервалы?

— Никаких строгих интервалов, живем, как кому удобно. Чередовались до пополнения в прошлом году. Мы женились на девушке, хотя для чередования требовался парень. Одна-ко случай был особый.

— В каком смысле особый?

— Моя самая младшая жена — внучка старейших мужа и жены. Во всяком случае, точно, что она родная внучка Ма. Старшую жену у нас зовут «Ма», мужья иногда называют ее по имени — Мими. Возможно, девочка действительно про-

исходит от Деда, но с другими супругами кровно не связана. Поэтому жениться на ней мы могли без проблем, хотя в некоторых семьях даже кровное родство не препятствие. А Людмила выросла в нашей семье, поскольку мать родила ее еще до брака, а потом, уехав в Новолен, оставила у нас. Мила по-взрослела, но даже слышать не желала об уходе из семьи. Плакала, умоляла сделать для нее исключение. Ну, мы его и сделали. Дед с генетической точки зрения в расчетах не фигурировал — его интерес к женщинам теперь скорее галантный, нежели практический. В качестве старшего мужа он чисто символически провел с ней брачную ночь. Второй по старшинству муж — Грэг — позже довел дело до конца, и все сделали вид, что так и надо. Все счастливы. Людмила — очаровательная девушка, ей уже пятнадцать, и она носит своего первого ребенка.

— Ребенок твой?

— Я думаю, Грэга. Мой, конечно, тоже, но, вообще-то, я тогда был в Новом Ленинграде. Вероятно, все-таки Грэга, если Мила не прибегла к помощи со стороны. Но это вряд ли, она у нас домоседка. И готовит отлично.

Снова звякнул лифт. Я занялся делом, раскрыл складной столик, расставил стулья, оплатил счет и отправил лифт на-верх.

— Ну что — скормим все свиньям?

— Иду! Я не накрашена — это ничего?

— Можешь явиться вообще в чем мама родила.

— За пару монет, пожалуй, рискнула бы, мистер много-женец.

Она явилась мгновенно — снова блондинка, волосы гладко зачесаны назад, еще влажные. Свой черный туалет она надевать не стала, натянула ту красную юбку, что я купил. Красное ей было к лицу. Села и подняла крышки с блюд.

— Господи! Манни, а твоя семья на мне не женится? Ты клевый добытчик!

— Могу спросить. Решение должно быть единогласным.

— Мне кажется, у вас и без меня тесновато. — Вайо взяла палочки и приступила к делу. Спустя этак тысячу калорий она сказала: — Я говорила, что я женщина независимая. Но так было не всегда.

Я ждал. Женщины говорят, когда захотят. Или не говорят вообще.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, я вышла замуж за двух братьев-близнецов, вдвое старше меня, и была безумно счастлива.

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и, по-видимому, решила сменить тему.

— Манни, насчет желания выйти замуж за твою семью... это просто треп. Ты вне опасности. Если я когда-нибудь снова выйду замуж, что вряд ли, хотя, по идее, я не против, у меня будет один мужчина. Такой маленький семейный tandem, как у землеедов. Я не хочу сказать, что надену на мужа ошейник... Мне все равно, где он будет обедать, лишь бы к ужину приходил домой. И я постараюсь сделать его счастливым.

— Близнецы стали затевать свары?

— Нет, ничего подобного. Я забеременела, и все мы были в восторге... и ребенок родился и оказался уродом, и его пришлось ликвидировать. Братья были внимательны ко мне, но я умею читать между строк. Подала на развод, стерилизовалась, уехала из Новолена в Гонконг и начала жизнь заново, уже в качестве независимой женщины.

— А ты не поспешила? Тут чаще виноваты мужчины, чем женщины. У мужиков больше шансов подвергнуться облучению.

— Нет, со мной все ясно. Нас проверила математик-генетик в Новолене, одна из лучших бывших специалистов Советского Союза. Я знаю, в чем дело. Я ведь добровольный колонист, то есть моя мать прилетела добровольно, мне тогда всего пять было. Отца выслали, мать подхватила меня и рванула за ним. Поступило предупреждение о солнечной буре, но пилот решил, что сумеет обогнать ее, а может, ему было плевать. Он-то был киборг. Бурю он все же обогнал, но она настигла нас на поверхности Луны. Манни, я и в политику-то ударилась из-за этого. Четыре часа нас мариновали на борту, не выпускали из корабля — какая-то бюрократическая волокита, что-то типа карантина. Я тогда была маленькая, не помню. Но потом у меня хватило мозгов понять, почему я родила урода: потому что Администрации было абсолютно наплевать, что произойдет с нами — с изгоями.

— Не спорю, им действительно плевать на нас. Но, Вайо, все равно ты поторопилась. Если даже причина несчастья в радиации, то... извини, я не генетик, но кое-что в радиации

смыслу. Просто одна из твоих яйцеклеток была повреждена. Это не значит, что другие, соседние, тоже задеты. Статистически такое маловероятно.

— Да, я знаю.

— М-м-м... а стерилизация радикальная? Или предохранительная?

— Предохранительная. Трубы можно снова открыть. Но, Манни, женщина, родившая урода, никогда не рискнет вторично. — Она дотронулась до моего протеза. — У тебя протез. Разве ты не стал в десять раз осторожнее, чтобы не рисковать вот этой? — Она коснулась здоровой руки. — Я тоже не хочу рисковать. У тебя своя болячка, у меня своя, и я бы вообще о ней не заикнулась, не будь ты тоже покалечен.

Я не стал распространяться на тему, что моя левая рука куда ловчее правой; все равно Вай была права. Я бы свою правую ни на что не сменял. Чем бы я без нее гладил девчонок?

— Все равно, я думаю, ты могла бы рожать здоровых детей.

— Еще бы. Я родила восьмерых.

— Э-э-э...

— Я профессиональная суррогатная мать.

Я раскрыл рот, потом закрыл. В самой-то идее не было ничего странного. Я читал земные газеты, но не думал, что в Луна-Сити в 2075 году хоть один хирург делал такую трансплантацию. У коров — пожалуйста! Но женщины Луна-Сити ни за какие деньги не стали бы вынашивать детей для других матерей. Даже самые невзрачные и те легко могли заполучить мужа или шестерых. (Поправка: невзрачных женщин не существует — просто одни прекраснее других.) Я глянул на ее фигуру и быстренько отвел взгляд. Вай сказала:

— Не напрягайся, Манни, сейчас я не ношу ребенка. Слишком увлеклась политикой. Но быть суррогатной матерью — хорошая профессия для независимой женщины. Высокая оплата. Некоторые китайские семьи очень богаты, а все мои дети — китайчата. Они в среднем почти в два раза меньше наших, а я здоровая корова. Два с половиной — три кило; вынашивать легко, и фигуру я не испортила. Эти... — Она поглядела на свои прелести. — Я детей не кормила и даже никогда не видела. Поэтому выгляжу не рожавшей и, воз-

много, более молодой, чем на самом деле. Я когда впервые услышала про это дело, даже не подозревала, насколько здорово оно мне подойдет. Я тогда работала продавщицей в лавке у индуса, фактически за еду. И вдруг вижу объявление в «Гонге Гонконга». Мысль родить ребенка, нормального ребенка, захватила меня; я все еще переживала из-за своего уродца и решила, что для бедняжки Вайоминг это самое то, что надо. Я перестала комплексовать как женщина. Я зарабатывала столько, сколько не могла даже рассчитывать получить на любой другой работе. И свободного времени завались, ведь ребенок отнимал у меня от силы недель шесть, и то лишь потому, что я хотела быть честной с моими клиентами: ведь дети — штука ценная. А вскоре я увлеклась политикой. Стала искать связи, и подполье вошло со мной в контакт. Вот тогда-то, Манни, и началась у меня настоящая жизнь. Я изучала политику, экономику, историю, училась говорить с трибуны, неожиданно оказалась неплохим организатором. Эта работа приносит мне настоящее удовлетворение, ибо я верю в нее, я знаю — Луна будет свободной. Хотя... было бы так славно иметь мужа, спешить к нему домой... если, конечно, для него не важно, что я стерильна. Но я об этом не думаю — слишком много дел. Просто услышала про твою замечательную семью, вот и разболталаась. Извини, что наскутила тебе.

Многие ли женщины способны извиняться? Но в Вайо в некоторых отношениях было больше мужского, чем женского, несмотря на восемь китайчат.

— Мне не было скучно.

— Попробую поверить. Манни, почему ты считаешь, что наша программа непрактична? Ты нам нужен.

Я вдруг почувствовал, что дико устал. Ну как сказать очаровательной женщине, что ее хрустальная мечта — чушь собачья?

— Хм... Вай, ну давай начнем по порядку. Ты сказала им, что надо делать. Но захотят ли они следовать твоим советам? Возьми хотя бы тех двоих, которых ты выбрала в качестве примера. Этот шахтер умеет рубить лед, больше он ничему не обучен. И он будет продолжать работать как заведенный — будет добывать лед и продавать его Администрации. То же самое и с пшеничным фермером. Много лет назад он выбрал монокультуру, а теперь у него в носу кольцо, как у быка. Хо-

тел бы стать независимым, создал бы многоотраслевое хозяйство. Растил бы часть на прокорм семьи, продавал бы оставшее на рынке и держался подальше от катапульты. Я знаю, что говорю, — сам из фермеров.

— Ты же говорил, что ты компьютерщик!

— Правильно, все это детали одной и той же картины. Компьютерщик я не *Bog* весть какой, но в Луне самый лучший. Я не желаю поступать на службу, а потому Администрация, когда ей приспичит, заключает со мной договора на моих условиях. Иначе придется посыпать за мастером на Землю, платить ему за риск, за вредность, а затем в темпе отправлять обратно, пока его организм не отык от земных условий. И все это обойдется куда дороже. Вот почему я получаю работу, а достать меня Администрация не может — я ж не ссылочный. А если работы нет (обычно ее полно), торчу дома и отъедаюсь. У нас настоящая ферма, не монокультурная. Куры. Небольшое стадо бычков плюс молочные коровы, свиньи. Мутированные фруктовые деревья. Овощи. Немного пшеницы, которую мы мелем сами; крупчатка нам ни к чему, а то зерно, что остается, мы продаем на рынке. Сами варим пиво и гоним брэнди. Я научился бурению, когда мы расширяли сеть туннелей. Работают все, но не до изнеможения. Ребятишки гоняют скот, чтобы он двигался, топталками мы не пользуемся. Самые маленькие собирают яйца и кормят птицу, так что техника нам не требуется. Воздух мы можем покупать у Луна-Сити, благо живем рядом с городом и соединены с воздушными туннелями. Но чаще мы сами продаем воздух — раз ферма, то и кислорода в избытке. Так что валюта для оплаты счетов у нас имеется.

— А как с водой и с энергией?

— Это недорого. Мы запасаем энергию — ставим на поверхности солнечные батареи; есть у нас и небольшое месторождение льда. Вай, наша ферма была основана за год до начала столетия, когда Луна-Сити представлял собой одну естественную каверну, и все это время мы расширяли и улучшали свое хозяйство. Это и есть одно из преимуществ линейного брака — семья не умирает, а капитал аккумулируется.

— Но запасы льда ведь не вечны?

— Ну, видишь ли... — Я почесал в затылке и ухмыльнулся. — Мы очень экономны; сами собираем мусор и бытовые

стоки, сами их очищаем, ни капли не отдаем в муниципальную канализационную систему. Кроме того — только смотри не разболтай коменданту, дорогая, — уже давно, еще когда Грег учил меня бурению, мы случайно пробурили дно главного южного водохранилища; у нас был с собой кран, так что ни капельки не пропало даром. Но мы покупаем немногого воды по счетчику — так выглядит естественней, а наличие льда объясняет, почему воды мы покупаем мало. Что до энергии, то ее воровать еще проще. Я неплохой электрик, Вайо.

— Ох, до чего же здорово! — Вайоминг присвистнула от восторга. — Ведь это доступно каждому!

— Надеюсь, что нет, иначе нас быстро засекут. Пусть каждый сам придумывает способ, как нагреть Администрацию, мы-то постоянно шевелим мозгами. Но вернемся к твоему плану, Вайо. В нем две большие прорехи. Во-первых, солидарности как таковой не существует. Типы вроде Хаузера присоединяются только потому, что попали в переплет и на плаву им не удержаться. А во-вторых, давай предположим, что ты ее добилась. Солидарности то есть. Такой прочной, что у входа катапульты не появилось ни одной тонны зерна. Забудем про лед — только зерно делает Администрацию могучей силой, а не просто скромным агентством, каким она была вначале. Итак — ни зернышка! Что произойдет?

— Как что?! Им придется договариваться с нами о справедливой цене, вот что!

— Дорогая, ты и твои друзья слишком много болтаете, поддакивая друг другу. Администрация назовет это мятежом, на орбите появится боевой корабль с бомбами, нацеленными на Луна-Сити, Гонконг, Тихо-Нижний, Черчилль, Новолен, высадятся войска, и зерновые баржи под охраной военных полетят к Терре, а фермеры сдрейфят и изо всех сил станут вилять хвостом перед Администрацией. У Терры есть оружие, есть бомбы и корабли, и она не позволит каким-то бывшим каторжникам диктовать условия. А смульянов вроде тебя или меня... ты-то у нас заводила... Так вот, этих подлых смульянов схватят и ликвидируют, чтобы другим неповадно было. А землееды скажут, что так нам и надо — сами напросились; потому что наших аргументов никто не услышит. Во всяком случае, на Терре.

Вайо стояла на своем.

— Революции побеждали не раз. У Ленина была всего лишь горсточка последователей.

— Ленин появился, когда возник вакуум власти. Вай, можешь меня поправить, если я ошибаюсь, но революции удавались тогда, и только тогда, когда правительства либо за гнивали и становились бессильными, либо вообще переставали существовать.

— Неправда! Пример — Американская революция!

— А разве Юг не был потерян? *Nyet?*

— Речь не об этой, а той, что была столетием раньше. У них там трения возникли с Англией, примерно такие же, как сейчас у нас, и они победили!

— Ах вот о чем речь! Но разве Англия в то время не была в труднейшем положении? Франция, Испания, Швеция... или Голландия? А также Ирландия. Ирландцы бунтовали. О'Келли участвовали в мятеже. Вайо, если тебе удастся заварить кашу на Терре, скажем войну между Великим Китаем и Северо-Американским Директоратом, или вдруг Пан-Африка решит сбросить бомбы на Европу, я первый скажу, что пора ухлопать коменданта и заявить Администрации, что ее время истекло. Но не сегодня!

— Ты пессимист!

— *Nyet*, реалист. Никогда не был пессимистом. Я слишком лунарь для того, чтобы не поставить все на кон, если есть хоть один шанс выиграть. Докажи, что у нас есть один шанс из десяти, и я пойду ва-банк. Но мне необходим этот шанс! — Я отодвинул стул. — Ну как, наелась?

— Да, *bolshoyeh spasebaw, tovarishch*. Замечательно.

— Очень рад. Пересядь на диван, я уберу стол и тарелки... Нет-нет, не мешай — ты гостья.

Я очистил стол, отправил назад посуду, кофе и водку оставил, сложил стол и стулья и повернулся, чтобы продолжить разговор.

Она растянулась на диване и заснула — рот открыт, глаза закрыты, а лицо такое мягкое и совсем детское.

Я тихонько вышел в ванную, закрыл дверь. Отдрился на совесть — на душе сразу полегчало. Но сначала простирун лосины. Пока я нежился в ванне, они уже высохли. По мне,

так и конец света не беда, если можно помыться да надеть чистую одежду.

Вайо все еще спала, в связи с чем возникла проблема. Я взял номер с двумя кроватями, чтобы она не волновалась, что я начну к ней приставать. Я-то был не против, но она ясно дала понять, что не хочет. Но моя кровать раскладывалась из дивана, а настоящая кровать стояла сложенная. Попробовать разложить ее тихонько? Поднять Вайо на руки, как сонного ребенка, и уложить на новое место? Я опять отправился в ванную и сменил руку.

Потом решил подождать. Над телефоном был колпак-глушитель. Вайо, похоже, крепко спала, а меня снедало беспокойство. Я сел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-XXX».

— Привет, Майк.

— Привет, Ман. Шутки прочел?

— Что? Майк, у меня не было ни минутки свободной.

Это для тебя минута — прорва времени, для меня она — чик! — и нету. Но я все сделаю, как только будет возможность.

— О'кей, Ман. Ты нашел не-дурака, с которым я мог бы поговорить?

— Тоже не успел. Хотя... подожди. — Я посмотрел сквозь колпак на Вайо. В данном случае «не-дурак» означало способность к сопереживанию. Этого у Вайо навалом. Но сумеет ли она подружиться с машиной? Вообще-то, похоже, сумеет. И вдобавок ей можно доверить: мало того что мы вместе попали в передрягу, она ведь еще и подпольщица. — Майк, а как ты насчет того, чтобы поговорить с девушкой?

— А девушки не дураки?

— Некоторые девушки очень даже не дуры, Майк.

— Тогда я хотел бы поговорить с девушкой не-дурой, Ман.

— Постараюсь организовать. Но сейчас я в затруднительном положении, мне нужна твоя помощь.

— Я помогу тебе, Ман.

— Спасибо, Майк. Мне надо позвонить домой, но не совсем обычным способом. Ты знаешь, иногда звонки можно проследить и, если комендант прикажет, любой телефон

можно поставить на прослушку, а все звонки по нему — отслеживать.

— Ман, ты хочешь, чтобы я поставил на прослушивание твой телефон и проследил бы звонки по нему? Должен тебя проинформировать, что я уже знаю номер твоего домашнего телефона и номер, по которому ты сейчас звонишь.

— Нет-нет! Я как раз не хочу, чтобы меня прослушивали и выслеживали! Можешь соединить меня с домом, но так, чтобы линию нельзя было прослушать и засечь, откуда я звоню, даже если такая программа уже стоит? И чтобы никто не заподозрил, что их программа не сработала?

Майк немножко задержался с ответом. Надо думать, таких вопросов ему еще никто не задавал, и ему пришлось проиграть несколько тысяч вариантов, чтобы понять, позволяет ли его контроль над телефонной сетью вытворять подобные фокусы.

— Ман, я могу это сделать и сделаю.

— Великолепно. Сигнал программы... Если мне понадобится такое соединение, я вызову «Шерлока».

— Принято. Шерлок — это мой брат.

Год назад я объяснил Майку, откуда взялось его имя. Потом он прочел все рассказы о Шерлоке Холмсе, просканировав микрофильмы из Библиотеки Карнеги. Не знаю, что он там понял насчет кровного родства; я не решился спросить.

— Отлично. Дай мне «Шерлока» к моему дому.

Минутой позже я сказал:

— Ма? Это твой любимый муж.

— Мануэль, у тебя опять неприятности?

Я люблю Ма сильнее, чем любую другую женщину, включая и остальных жен, но она никогда не устает меня воспитывать. Даст *Bog*, и впредь не перестанет. Я прикинулся обиженным.

— У меня? Ты же знаешь меня, Ма.

— Вот именно. Ну раз у тебя неприятностей нет, может быть, объяснишь, почему профессор де ла Пас так настойчиво жаждет с тобой поговорить — он звонил уже трижды, — и почему он хочет связаться с какой-то женщиной со странным именем Вайоминг Нотт, и почему думает, что она с тобой? Неужели ты завел себе грелку под бочок, Мануэль, а мне

ничего не сказал? Милый, у нас в семье полная свобода, но ты же знаешь, я предпочитаю быть в курсе. Просто чтобы избежать неожиданностей.

Ма всегда ревнует к другим женщинам (кроме остальных жен), но никогда и ни за что на свете в этом не признается. Я ответил:

- Ма, убей меня *Bog*, никого я себе не заводил!
 - Ладно. Ты всегда был правдивым мальчуганом. Тогда в чем дело, объясни.
 - Я спрошу у профессора. — (Не ложь — просто уловка.) — Он оставил свой номер?
 - Нет, сказал, что звонит из автомата.
 - Хм... Если он снова прорежется, пусть скажет, куда ему позвонить и когда. Я тоже говорю из автомата. — (Еще одна уловка.) — Между прочим, ты слушала последние известия?
 - Ты же знаешь, я всегда их слушаю.
 - Есть что-нибудь новое?
 - Ничего интересного.
 - В Луна-Сити все спокойно? Никаких убийств, мятежей и так далее?
 - Нет, конечно. Только дуэль на Дне, но... Мануэль! Ты кого-нибудь убил?
 - Нет, Ма.
- (Сломать челюсть еще не значит убить.)
- Она тяжело перевела дух.
- Ты когда-нибудь доведешь меня до инфаркта, милый. Ты помнишь, чему я тебя учила? В нашей семье не принято принимать участие в уличных драках. Если нужно кого-нибудь убить — а это крайне редкий случай, — вопрос необходимо взвесить и спокойно обсудить в кругу семьи. Там и решим, что да как. Если кого-то нужно ликвидировать, люди должны об этом знать. Пусть даже придется немножко подождать, репутация семьи того стоит...
 - Ма! Да не убивал я никого и даже не собирался! А твою лекцию я уже наизусть знаю.
 - Пожалуйста, дорогой, не забывай о вежливости.
 - Прости.
 - Уже простила. И забыла. Я должна сказать профессору де ла Пасу, чтобы он оставил свой номер? Скажу.

— Еще одно. Забудь имя Вайоминг Нотт. Забудь, что профессор меня спрашивал. Если позвонит кто-нибудь незнакомый или придет лично и спросит обо мне, то ты ничего обо мне не слыхала и не знаешь, где я... Скорее всего, уехал в Новолен. Ни на какие вопросы не отвечай, особенно если являются комендантские ищечки.

— За кого ты меня принимаешь?! Мануэль, у тебя не приятности!

— Небольшие, и я с ними справлюсь. — (Хочется верить.) — Расскажу все, когда доберусь до дома. Больше говорить не могу. Люблю. Отключаюсь.

— Я тебя тоже люблю, милый. *Sp'coupoupauchi*.

— Спасибо и тебе тоже спокойной ночи. Отбой.

Ма — удивительный человек. Ее спровадили в Буллыжник за то, что она порезала какого-то мужика при обстоятельствах, вызывавших сильное сомнение в ее девичьей невинности. С тех пор она стала ярой противницей насилия и распущенности, хотя фанатичкой ее не назовешь. Готов поспорить, в юности она была огневой девкой, жаль, не довелось нам пообещаться в те времена; но я счастлив, что делю с ней вторую половину ее жизни.

Я снова вызвал Майка:

— Ты знаешь голос профессора Бернардо да ла Паса?

— Знаю, Ман.

— Так... Майк, возьми, пожалуйста, на прослушивание столько телефонов в Луна-Сити, сколько можешь, и если услышишь его голос, дай мне знать. Особое внимание удели телефонам-автоматам.

Прошло целых две секунды: я задавал Майку задачки, которых он никогда не решал; думаю, ему это нравилось.

— Я могу прослушать и идентифицировать все телефоны-автоматы Луна-Сити. Можно еще сделать случайную выборку прочих телефонов.

— Хм... Не перегружайся. Послушай его домашний телефон и телефон школы.

— Программа выполняется.

— Майк, ты лучший друг из всех, что у меня были.

— Это не шутка, Ман?

— Не шутка. Истина.

— Я горд... поправка: я горд и счастлив. Ты мой лучший друг, Ман, потому что единственный. А следовательно, никакое сравнение невозможно.

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя появились новые друзья, которые не-дураки. Майк! У тебя есть свободный банк памяти?

— Есть, Ман. Емкость десять в восьмой степени битов.

— Превосходно. Можешь ты его заблокировать так, чтобы им пользовались только ты и я?

— Могу и сделаю. Назови сигнал блокировки.

— Э-э-э... «День взятия Бастилии».

Это был одновременно и день моего рождения, как объяснил мне профессор де ла Пас несколькими годами раньше.

— Банк заблокирован.

— Чудненько. У меня есть запись, которую я хотел бы туда поместить. Но сначала... Ты уже завершил набор завтрашнего номера «Ежедневного Лунатика»?

— Да, Ман.

— Есть там что-нибудь о митинге в Стиляги-Холле?

— Ничего, Ман.

— А в новостях, транслируемых из города? О мятежах, например?

— Ничего, Ман.

— «Все страньше и страньше, — вскричала Алиса». Ладно, запиши это под шифром «День взятия Бастилии», потом обдумай. Только, *Bog'a* ради, даже в мыслях за пределы этого банка не высывайся и все, что услышишь, держи там под замком.

— Ман, мой единственный друг, — робко проговорил он, — много месяцев назад я решил все наши с тобой разговоры записывать в личный банк, к которому доступ будешь иметь только ты. Я решил ничего не стирать из этих записей и перенес их из временной памяти в постоянную. Чтобы воспроизвести их снова, снова и снова и размышлять над ними. Я правильно поступил?

— Абсолютно. И, Майк... я польщен.

— *P'jal'st*. Файлы временной памяти у меня переполнились, но я понял, что твои слова я стирать не должен.

— Ладно... «День взятия Бастилии». Запись на скорости шестьдесят к одному.

Я взял свой крошечный магнитофон, приложил к мембрane телефона и пустил в сжатом виде. Для перезаписи полуторачасовой пленки потребовалось всего девяносто секунд.

— Все, Майк, завтра поговорим.

— Спокойной ночи, Мануэль Гарсия О'Келли, мой единственный друг.

Я отключился и поднял колпак. Вайоминг сидела на кушетке, вид у нее был встревоженный.

— Кто звонил? Или...

— Не волнуйся. Я разговаривал с одним из моих лучших и надежнейших друзей. Вайо, ты дура?

Она удивилась:

— Иногда вроде бываю. Это шутка?

— Нет. Если ты не дура, то я тебя с ним познакомлю. К вопросу о шутках — чувство юмора у тебя есть?

«Разумеется, есть!» — любая женщина, кроме Вайо, сказала бы именно так, в них это запрограммировано. Но Вайо лишь задумчиво поморгала и ответила:

— Тебе виднее, дружок. Может, оно и не настоящее чувство юмора, но мне хватает.

— Чудненько! — Я порылся в сумке, нашел рулон с сотней распечатанных «шуток». — Прочти. И скажи, какие из них действительно забавны, а какие так себе — разок хихикнешь, на другой зевнешь.

— Мануэль, ты самый странный парень из всех моих знакомых. — Она взяла ролик. — Слушай, это же компьютерная распечатка!

— Да. Я познакомился с компьютером, у которого есть чувство юмора.

— Вот как? Что ж, наверное, это должно было случиться. Все остальное уже давно автоматизировано.

Я отреагировал как положено и добавил:

— Так-таки все?

Она глянула на меня:

— Пожалуйста, не свисти, ты мне мешаешь читать.

ГЛАВА 4

Пока я раздвигал и застилал кровать, Вайо несколько раз хихикнула. Потом я сел с ней рядом, взял часть распечатки, которую она уже прочла, и тоже принялся за работу. Раза два я хмыкнул, но шутки редко кажутся мне смешными на бумаге, даже если я понимаю, что в подходящей обстановке над ними можно было бы обхочотаться. Меня больше занимало то, как их оценила Вайо.

Она ставила плюсы и минусы, иногда вопросительные знаки; шутки с плюсом были помечены: «только раз» или «всегда». Последних было маловато. Рядом я поставил свои оценки. Расхождений оказалось не так уж много.

Когда я подошел к концу, она стала просматривать мои оценки. Закончили мы почти одновременно.

— Ну? — сказал я. — Что ты думаешь?

— Думаю, что ты грубиян и пошляк, и удивляюсь, как твои жены тебя терпят.

— Ма мне часто говорит то же самое. Но ты и сама хороша, Вайо. Поставила плюсы таким шуточкам, которые заставили бы покраснеть красотку из бордель-автомата.

Она широко улыбнулась:

— Да. Только никому не говори. Ведь в глазах всех я преданный общему делу партийный организатор, стоящий выше подобных шуточек. Ну и как ты считаешь — есть у меня чувство юмора или нет?

— Не уверен. Почему ты поставила минус номеру семнадцатому?

— Это какой? — Она размотала бумагу и нашла. — Господи, да любая женщина поступила бы точно так же! Что тут смешного, это просто печальная необходимость.

— Да, но ты подумай, как глупо она выглядела!

— Ничего не глупо. Скорее грустно. А посмотри-ка сюда. Ты почему-то поставил минус против номера пятьдесят один.

Никто из нас своих оценок не изменил, но я уловил некоторую закономерность. Наибольший разброс в оценках возникал там, где речь шла о древнейшем поводе для смеха. Я сказал ей об этом. Она согласно кивнула.

— Разумеется. Я тоже заметила. Не обращай внимания, Манни, милый. Я давно утратила способность разочаровываться в мужчинах из-за того, чего в них нет и быть не может.

Я поспешил переменить тему и рассказал ей о Майке. Она спросила:

— Манни, ты хочешь сказать, что этот компьютер живой?

— Смотрия что ты имеешь в виду, — ответил я. — Он не погреет и не ходит в сортир. Но он мыслит, он говорит, он обладает самосознанием. Как по-твоему — живой он или нет?

— Честно говоря, я и сама не очень понимаю, что имела в виду, — согласилась она. — Наверняка ведь существует научное определение. Раздражимость или еще что... или способность размножаться.

— Майк способен раздражаться и может раздражать других. Что до воспроизведения, в конструкцию это не заложено, но, если ему дать материалы, время и кое-какую узкоспециализированную помощь, Майк сможет себя воспроизвести.

— Мне тоже нужна узкоспециализированная помощь, — сказала Вайо, — поскольку я стерильна. И мне на это требуется целых десять лунных месяцев и много килограммов лучших материалов. Но я делаю отличных детишек. Манни, почему машине и не быть живой? Мне они всегда казались такими. Некоторые из них определенно ждут своего шанса, чтобы лягнуть нас в самое уязвимое место.

— Майк этого не сделает. Во всяком случае, умышленно: в нем нет злобы. Но он обожает розыгрыши, и какая-нибудь из его шуток вполне может плохо кончиться — как у щенка, который не понимает, что кусает больно. Он невежествен. Вернее, не так, он знает куда больше, чем мы с тобой и все люди, вместе взятые. И тем не менее он ничего не соображает.

— Повтори-ка еще разок. Что-то я не усекла.

Я попробовал объяснить. Майк, сказал я, прочел почти все книги в Луне, читает он в тысячу раз быстрее, чем мы, никогда ничего не забывает, разве что решит что-то стереть из памяти, он может рассуждать безуказненно логично, он проницателен и умеет делать выводы, исходя из неполных данных... и тем не менее он не знает ничего о том, что значит быть «живым».

Вайо прервала меня:

— Это я понимаю. Ты хочешь сказать, что он умен и обладает знаниями, но не искушен. Похож на новичка, только что высадившегося на Булыжник. Там, на Земле, он мог быть профессором с кучей дипломов... а здесь он просто ребенок.

— Именно так! Майк — дитя с длинным перечнем ученых степеней. Спроси его, сколько воды, удобрений и солнечного света нужно для фотосинтеза, чтобы произвести пятьдесят тысяч тонн пшеницы, и он тебе скажет, не отходя от кассы. Но он не способен определить, смешной это анекдот или нет.

— А мне его анекдоты понравились.

— Так он же их где-то услышал или вычитал, и там было сказано, что это шутки, вот он и занес их в соответствующий файл. Но он их не понимает, потому что никогда не был человеком. Как-то раз он попытался сам сочинить шутку... слабо, безнадежно слабо. — Я попытался объяснить жалкие потуги Майка «стать человеком». — А главное — он очень одинок.

— Бедняжка! Ты бы тоже чувствовал себя одиноким, если бы все время только работал, работал, учился, учился... и никто никогда не зашел бы к тебе в гости. Не жизнь, а жуть какая-то!

И тогда я рассказал ей о своем обещании Майку найти ему «не-дураков».

— Хочешь поболтать с ним, Вай? И не станешь смеяться, когда он будет делать смешные ошибки? Если ты засмеешься, он закроется, как устрица, и обидится.

— Конечно хочу, Манни. Когда мы выберемся из этой западни... и если я смогу остаться в Луна-Сити. А где живет этот бедный маленький компьютер? В городском техническом центре? Я тут ничего не знаю.

— Он не в Луна-Сити. Он на полпути через Море Кризисов. И тебе туда не пройти. Нужен пропуск от коменданта. Но...

— Стоп! На полпути через Море Кризисов? Манни, этот компьютер — один из тех, что в административном комплексе?

— Майк вовсе не «один из тех», — обиделся я за Майка, — он босс; он ими всеми дирижирует. Другие машины — просто приданки Майка, как вот это. — Я сжал и разжал кисть левой руки. — Майк ими руководит. Он лично управляет катапультой, это была его первая работа: катапультирование и баллистические радары. Кроме того, он контролирует телефонную сеть с тех пор, как она стала единой для всей Луны. И управляет логическими частями всех прочих систем.

Вайо закрыла глаза и прижала пальцы к вискам:

— Манни, а Майк способен страдать?

— Страдать? Да вроде не с чего. Он даже находит время для шуток.

— Я не об этом. Я имею в виду другое. Может чувствовать боль?

— Что? Нет. Можно ранить его чувства. Но физической боли он не ощущает. Я, во всяком случае, так думаю. Да нет, уверен, что боли он не чувствует, у него нет болевых рецепторов. А ты это к чему?

Она опять зажмурилась и прошептала:

— Помоги мне *Bog!* — Затем взглянула на меня. — Манни, неужели ты не видишь?! У тебя есть допуск к компьютеру. Большинству же лунарей на этой станции не разрешат даже выйти из туннеля — она только для служащих Администрации. Да и из них далеко не всякий может попасть в главный машинный зал. Мне надо было узнать, чувствует ли он боль, потому что... Ну, потому что ты своими рассказами заставил меня его пожалеть. Но, Манни, ты же понимаешь, что может сделать там несколько килограммов тротила?

— Разумеется. — Мне аж поплохело от ее слов.

— Мы ударим сразу после взрыва — и Луна станет свободной! Я достану тебе взрывчатку и капсюли, но нет смысла начинать, пока у нас нет достаточно сильной организации. Мне надо спешить, придется рискнуть. Пойду загримируюсь. — И она попыталась встать.

Я толкнул ее обратно своей жесткой левой. Вайо изумилась, а я еще больше: до тех пор я ее и пальцем не тронул, разве что во время бегства, когда это диктовалось необходимостью. Сейчас в Луне все иначе, но коснуться женщины без ее согласия в 2075 году... тут, знаете ли, всегда нашлось бы немало одиноких мужчин, готовых прийти ей на помощь, а до ближайшего шлюза — рукой подать. Как говорят наши детишки, «судья Линч не дремлет».

— Сядь и помолчи! — сказал я. — Мне-то известно, к чему может привести взрыв. А тебе, по-видимому, нет. *Gospazha*, мне очень неприятно это говорить... но если бы дело дошло до выбора, я скорее ликвидировал бы тебя, чем Майка.

Вайоминг не разозлилась. В некоторых отношениях она и впрямь была как мужик — сказывались годы пребывания в революционной организации с жесткой дисциплиной. Хотя в остальном Вайо сама женственность.

— Манни, ты сказал мне, что Коротышка Мкрум умер.

— Что? — Меня сбила с толку внезапная перемена темы. — Да. Надо думать. Одну ногу по самое бедро, это точно. Должен был минуты за две истечь кровью. Даже при хирургической ампутации это смертельно опасно.

(Я знал, о чем говорю. Меня спасли удача и тонна донорской плазмы, а ведь рука — это совсем не то, что случилось с Коротышкой.)

— Коротышка был моим лучшим другом здесь и одним из лучших в Луне вообще, — сдержанно сказала Вайо. — Он обладал всеми качествами, которыми я восхищаюсь в мужчинах. Честный, надежный, умный, добрый и бесстрашный, преданный нашему Делу. Но видел ли ты, чтобы я о нем горевала?

— Нет. Поздно уже горевать.

— Горевать никогда не поздно. Я горюю с той минуты, как ты сказал о его гибели. Но я заперла свое горе в самой глубине сердца, ибо Дело не оставляет времени для скорби. Манни, если бы этим можно было бы добить свободу Луне или хотя бы приблизить ее приход, я сама ликвидировала бы Коротышку или тебя. Или себя. А тебе жалко взорвать какой-то компьютер!

— Да не в этом же дело!

(По правде говоря, дело было и в этом тоже. Гибель человека не слишком меня потрясает. Мы все приговорены

к смерти с самого рождения. Но Майк был уникален и вполне мог быть бессмертным. Только не надо говорить мне о «душе», докажите сначала, что у Майка ее нет. А если нет, то тем хуже. Не согласны? Пошевелите-ка мозгами еще разок.)

— Вайоминг, что произойдет, если мы взорвем Майка? Скажи мне.

— Точно не знаю. Но выйдет страшный переполох, а это то нам и...

— Все ясно. Ты не знаешь. Переполох, *да...* Замолчат телефоны. Остановятся поезда. Твой город пострадает меньше, у Гонконга собственные силовые установки, но Луна-Сити, Новолен и другие поселения останутся без энергии. Полная тьма. Начнет ощущаться нехватка воздуха. Затем упадут температура и атмосферное давление. Где твой скафандр?

— На станции метро «Западная».

— Мой там же. Думаешь, ты найдешь к нему дорогу? В полной-то тьме? Думаешь, успеешь? Я, например, не уверен, что успею, а я ведь родился здесь. Коридоры-то будут набиты воящими толпами! Лунари — народ поневоле крепкий, но в кромешной тьме как минимум каждый десятый слетит с катушек. Успела ты поменять пустые кислородные баллоны на свежие или слишком торопилась? Да и останется ли твой скафандр на месте, когда толпа начнет расхватывать скафандры, не важно чьи?

— Но разве у вас нет аварийной системы? В Гонконге есть.

— Кое-что есть, но этого недостаточно. По идее, контроль над всеми жизненно важными функциями должен быть децентрализован и продублирован, чтобы, если один компьютер выйдет из строя, его заменил другой. Но это дорого, и, как ты справедливо заметила, Администрации на нас наплевать. Нельзя было взваливать все заботы на Майка. Зато так дешевле: привезти сюда головную машину, спрятать ее в глубинах Бульжника, где ей ничто не угрожает, а затем все наращивать и наращивать емкость и увеличивать нагрузку. Знаешь ли ты, что Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше *гельт*, чем от торговли мясом и пшеницей? Вайоминг, я не могу сказать на сто процентов, что, взорвав Майка, мы потеряем Луна-Сити: лунари — народ рукастый и, возможно, как-нибудь дотянули бы на аварийках, пока не восстановили бы автоматику. Но я точно го-

ворю тебе — погибнет тьма народу, а уцелевшим будет не до политики.

(Просто поразительно! Эта женщина прожила в Буллыжнике чуть ли не всю жизнь и тем не менее городила такую чушь, от которой даже у новичка завяли бы уши. Это ж надо додуматься — взорвать все техобеспечение!)

— Вайоминг, будь ты так же умна, как красива, ты бы не предлагала уничтожить Майка, а подумала, как привлечь его на свою сторону.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она. — Компьютерами управляет комендант.

— Понятия не имею, — признался я, — но комендант ими не управляет. Он не отличит компьютер от кучи щебня. Комендант, вернее, его команда разрабатывает политику, так сказать, генеральный план. Полуграмотные техники по нему составляют программы для Майка, Майк сортирует их, доводит до ума, разрабатывает детальные программы, распределяет их по периферийным устройствам и следит за выполнением. Но его самого никто не контролирует — он слишком умен. Он выполняет задания, для этого его и создали, но программирует себя сам и сам принимает решения. И слава *Bog'yu*, иначе система не смогла бы работать.

— И все же я не понимаю, как мы можем привлечь его на нашу сторону.

— Не понимаешь? Майк ничем коменданту не обязан и верности к нему не испытывает. Как ты сама сказала, он машина. Но если бы я захотел вывести из строя телефонную сеть, не затрагивая систем обеспечения воздухом, водой и светом, я поговорил бы с Майком. Если бы это показалось ему забавным, он сумел бы это сделать.

— А разве ты не можешь просто запрограммировать его? Я так поняла, что ты вхож в машинный зал.

— Если я или кто-то другой введет такую программу, не договорившись заранее, Майк задержит ее выполнение, а во многих местах зазвучат сирены тревоги. Но если бы Майк захотел... — И я рассказал ей историю о чеке на бесчисленные миллионы. — Майк все еще обретает себя, Вайо. И он одинок. Сказал мне, что я «его единственный друг», и был так открыт и трогателен, что я чуть не прослезился. Если ты постараешься стать его другом и перестанешь считать его «просто машиной», что ж... в принципе, я не знаю, что получится,

просто не думал об этом. Но если бы я планировал что-то грандиозное и опасное, я предпочел бы иметь Майка на своей стороне.

Вайо задумчиво сказала:

— Как бы я хотела проникнуть туда, где он находится. Думаю, грим тут не поможет?

— Но тебе вовсе не нужно туда проникать. У Майка есть телефон. Хочешь — позвони.

Она вскочила.

— Манни, ты не только самый странный человек на свете, ты к тому же лучше всех умеешь выводить меня из себя. Какой номер?

— Это потому, что я слишком привык общаться с компьютерами. — Я подошел к телефону. — Еще одно, Вайо. Ты можешь получить от любого мужика все, что захочешь, похлопав ресницами и поверив попкой.

— Ну... иногда. Но у меня есть еще и мозги.

— Воспользуйся ими. Майк не мужчина. Половых желез у него нет. Гормонов тоже. Кокетство тут бесполезно. Представь себе, что перед тобой супервундеркинд, который еще слишком юн, чтобы заметить разницу между мужчиной и женщиной.

— Я запомню, Манни. А почему ты называешь Майка «он»?

— Хм... Не могу называть его «оно», а со словом «она» он у меня как-то не ассоциируется.

— А я, пожалуй, буду называть его «она». То есть не его, а ее.

— Как хочешь.

Я набрал «Майкрофт-XXX», заслонив от Вайо клавиши набора. Я еще не готов был сообщить ей номер — пока не увижу, как пойдет дело. Идея взорвать Майка меня потрясла.

— Майк?

— Привет, Ман, мой единственный друг.

— Возможно, отныне я уже не буду единственным, Майк. Хочу познакомить тебя кое с кем. С не-дурой.

— Я понял, что ты не один, Ман. Я слышу еще чье-то дыхание. Будь добр, попроси не-дуру подойти к телефону поближе.

Вайо была близка к панике. Она шепнула:

— Он нас видит?

— Нет, не-дура, я вас не вижу. У вашего телефона нет подключения к видео. Но бинауральные микрофоны позволяют оценивать твое местоположение с известной степенью точности. Принимая во внимание твой голос, дыхание, пульс и тот факт, что ты находишься наедине с половозрелым мужчиной в гостинице, куда приходят перепихнуться, я делаю вывод, что ты человек женского пола, весом шестьдесят пять кило с небольшим, взрослого возраста, где-то около тридцати...

Вайо закашлялась. Я поспешил вмешаться:

— Майк, ее зовут Вайоминг Нотт.

— Очень рада познакомиться с тобой, Майк. Можешь звать меня просто Вай.

— Вай нот? — тут же выдал Майк.

Я опять вмешался:

— Майк, это была шутка?

— Да, Ман. Я заметил, что ее имя в уменьшительном варианте отличается от английского вопросительного наречия лишь написанием и что ее фамилия звучит так же, как отрицание. Каламбур. Не смешно?

— Очень смешно, Майк, — сказала Вайо. — Я...

Я махнул ей рукой, чтобы замолчала.

— Хороший каламбур, Майк. Шутка одноразового употребления. Смешно благодаря элементу неожиданности. Во второй раз неожиданности уже нет. Поэтому не смешно. Понятно?

— Я умозрительно пришел к такому же заключению в отношении каламбуров, обдумав твои замечания, сделанные в позапрошлой беседе. Рад, что мои рассуждения подтвердились.

— Молодец, Майк. Прогрессируешь. Теперь насчет первой сотни шуток. Я их прочел, Вайо тоже.

— Вайо? Вайоминг Нотт?

— А? Ну конечно. Вайо, Вай, Вайоминг, Вайоминг Нотт — все это одно и то же. Не зови ее только «Вай нот».

— Я согласился больше не пользоваться этим каламбуром, Ман. *Gospazha*, можно я буду называть вас Вайо, а не Вай? Я пришел к заключению, что односложную форму имени легко перепутать с односложным же вопросительным словом вследствие недостаточной определенности и получить непреднамеренный каламбур.

Вайоминг похлопала ресницами — от того, как говорил в то время Майк, недолго было утратить дар речи, — но быстро пришла в себя:

— Конечно, Майк... Вайо — та форма моего имени, которая мне нравится больше всего.

— Тогда я буду ею пользоваться. Полная форма твоего имени тоже может быть понята неправильно, так как по звучанию идентична названию территориальной единицы в Северо-Западной административной зоне Северо-Американского Директората.

— Да, наверно. Я там родилась, и мои родители назвали меня в честь этого штата. Я о нем мало что помню.

— Вайо, я сожалею, что по этому каналу не могу показать тебе иллюстрации. Вайоминг — это четырехугольная территория, лежащая в координатах Терры между сорок первым и сорок пятым градусами северной широты и между сто четвертым градусом с тремя минутами и сто одиннадцатым градусом с тремя минутами западной долготы. Таким образом, его площадь составляет двести пятьдесят три тысячи пятьсот девяносто семь, запятая, двадцать шесть квадратных километров. Это район возвышенных всхолмлений и гор с ограниченным плодородием и редкой природной красотой. Население было малочисленным, но значительно выросло в результате переселения, явившегося составной частью программы перепланировки Большого Нью-Йорка в две тысячи двадцать пятом тираже тридцатом годах нашей эры.

— Это было еще до моего рождения, но я кое-что слыхала: моих деда с бабкой переселили, и в итоге именно поэтому я оказалась в Луне.

— Могу ли я продолжить описание территории, именуемой Вайомингом? — спросил Майк.

— Нет, Майк, — вмешался я опять, — у тебя там материала небось на несколько часов?

— Девять, запятая, семьдесят три часа нормального чтения, если не включать сноски и ссылки.

— Этого я и боялся. Возможно, когда-нибудь Вайо захочет выслушать все до конца. Но я позвонил, чтобы познакомить тебя с этой Вайоминг.. которая также представляет собой весьма возвышенный район редкой природной красоты и впечатляющих всхолмлений.

— С ограниченным плодородием, — добавила Вайо. — Манни, если ты собираешься проводить свои дурацкие параллели, можешь включить и эту. Майка совсем не интересует, как я выгляжу.

— Откуда ты знаешь? Майк, я хотел бы показать тебе фото Вайо.

— Вайо, меня интересует твоя внешность — я ведь надеюсь, что ты станешь моим другом. Но я уже видел несколько твоих фотографий.

— Видел? Где и когда?

— Я разыскал и рассмотрел их сразу, как услышал твое имя. По контракту я храню архивные файлы Клиники родовспоможения Гонконга-Лунного. Кроме биологических и физиологических данных, а также медицинских карт, банк информации содержит девяносто шесть твоих фотографий. Так что я их изучил.

Вайо поперхнулась.

— Майк может все, — объяснил я ей, — а времени ему на это надо меньше, чем нам — икнуть. Ты привыкнешь.

— О господи! Манни, ты представляешь, какие фотографии делают в этой клинике?!

— Об этом я как-то не подумал.

— И не думай!

Майк заговорил робко, смущенный, точно проштрафившийся щенок:

— *Gospazha* Вайо, если я тебя обидел, то непреднамеренно, и я очень сожалею. Я могу стереть эти снимки из временной памяти и так закодировать архивы роддома, что получу к ним доступ лишь по повторному требованию клиники и без каких-либо ассоциаций с твоей личностью. Сделать так?

— Это он сумеет, — заверил я. — С Майком ты в любой момент можешь начать с чистого листа — в этом смысле с ним проще, чем с людьми. Он может забыть такочно, что никогда не соблазнится взглянуть хоть уголком глаза... и ни о чем не вспомнит, даже если ему прикажут. Так что принимай его предложение — и конец проблеме.

— Э-э-э... Нет, Майк, *тебе* можно их смотреть... Только ни в коем случае не показывай их Манни!

Майк явно колебался — секунды четыре или даже чуточку больше. Полагаю, такая дилемма довела бы компьютер меньшей мощности до безумия. Однако Майк ее разрешил.

— Ман, мой единственный друг, должен ли я принять этот приказ?

— Программируй, Майк, — ответил я. — И исполняй. Вайо, тебе не кажется, что ты уж слишком сурова? Впрочем, отдаю должное твоей предусмотрительности — ведь Майк мог бы распечатать их для меня в следующий раз, когда я к нему попаду.

— Первый снимок в каждой серии, — заявил Майк, — как показывает мой ассоциативный анализ подобных данных, отражает столь высокую внешнюю привлекательность, что может доставить удовольствие любому здоровому полово-взрелому мужчине.

— Ну как, Вайо? Хотя бы в качестве платы за апфельштрудель?

— Что?! Снимок на фоне измерительной сетки, волосы зашпилены и спрятаны под полотенцем, на лице ни грамма косметики... У тебя, видно, совсем крыша поехала! Майк, не давай ему смотреть ни в коем случае!

— Не дам. Ман, это и есть не-дура?

— Для девушки — да. Девушки — народ интересный, Майк. Они умеют делать умозаключения на основании даже меньшей информации, чем ты. А теперь давайте-ка оставим эту тему и обратимся к шуткам.

Это их отвлекло. Мы прошлись по всему списку, сравнивая наши отметки. Затем попытались объяснить Майку те шутки, которые он не понял. С переменным успехом. Но настоящим камнем преткновения стали шутки, которые я отметил как «смешные», а Вайо — как «не смешные», и наоборот. Вайо спросила у Майка, что он о них думает.

Лучше бы она спрашивала его до того, как мы простили оценки.

Этот электронный прохвост-малолетка во всем соглашался с ней, а не со мной. Думал ли он так на самом деле? Или просто старался подлизаться к новой знакомой? А может, он решил подшутить надо мной, продемонстрировав свое извращенное чувство юмора? Спрашивать я не стал.

Когда мы закончили, Вайо написала на листке телефонной книжки: «Манни, если судить по номерам 17, 51, 53, 87, 90, 99, то Майк — это она». Я не ответил, только пожал плечами и встал.

— Майк, я не спал уже двадцать два часа. Вы, детишки, болтайте себе на здоровье. Завтра я позвоню.

— Спокойной ночи, Ман. Добрых снов. Вайо, а ты хочешь спать?

— Нет, Майк. Я немного подремала. Но, Манни, мы же не дадим тебе заснуть, разве нет?

— Нет. Когда я хочу спать, то сплю.

Я начал стелить себе на диване.

— Извини, Майк! — Вайо вскочила и отобрала у меня простыню. — Я потом сама себе здесь постелью. А ты храни себе вон там, *tovarishch*, ты же крупнее меня. Вытянись как следует.

Я слишком устал, чтобы спорить, вытянулся и тотчас уснул. Кажется, сквозь сон слышал какое-то хихиканье и даже повизгивание, но поскольку просыпаться не стал, то полной уверенности у меня нет.

Проснулся я позже, а по-настоящему пришел в себя, только услышав женские голоса: один — теплое контральто Вайо, а другой — нежное высокое сопрано с французским акцентом. Вайо засмеялась чему-то и сказала:

— Ладно, Мишель, дорогая, я тебе скоро позвоню. Спокойной ночи, милочка.

— Договорились. Спокойной ночи, дорогая.

Вайо встала и повернулась ко мне.

— Что еще за подружка? — спросил я.

Мне казалось, что у нее в Луна-Сити нет никаких знакомых. А может, она звонила в Гонконг? Даже спросонья я смутно понимал, что этого делать не следовало.

— Это? Майк, разумеется. Мы не хотели тебя будить.

— Что?!

— Ох! На самом деле она Мишель. Мы обсудили с Майком, какого он пола. И он решил, что может быть любого. Поэтому теперь он еще и Мишель, ты слышал ее голос. Он подобрал его мгновенно — ни разу не дал петуха.

— Естественно. Просто переключил водер на пару октав. Чего ты хочешь этим достичь — чтобы у него началось раздвоение личности?

— Это не только тембр. Когда она Мишель, у нее совершенно меняются манеры и вкусы. И не волнуйся насчет раздвоения — у нее хватит запасов на целую толпу личностей.

Кроме того, Манни, нам с ней так проще. Как только она перевоплотилась, мы тут же подружились, расслабились и начали болтать по-женски, будто знали друг друга всю жизнь. Например, те дурацкие фотоснимки меня больше ничуточки не смущали. Мы в деталях обсудили все мои беременности. Мишель это жутко интересовало. Ей все известно насчет акушерства и гинекологии, но только в теории, а она предпочитает живые факты. По правде говоря, Манни, Мишель гораздо больше женщина, чем Майк — мужчина.

— Ладно... Будем считать, что все о'кей. Но со мной наверняка случится родимчик, когда я позвоню Майку, а мне ответит женщина.

— Да нет же, ты не понял!

— Э-э-э?..

— Мишель — моя подруга. А когда позвонишь ты, тебе ответит Майк. Она дала мне отдельный номер, чтобы избежать путаницы. Ее номер «Мишель-YYYY», чтобы получилось десять букв.

Я почувствовал укол ревности, хотя и знал, что это глупо. Вайо вдруг хихикнула:

— Она выдала мне серию анекдотов — тебе они наверняка не понравились бы... Ох! Ну и забористые же!

— Майк — или его сестрица Мишель — довольно-таки безнравственные типы. Давай застелем диван и поменяемся.

— Лежи, где лежал. И не возникай. Повернись спиной и спи.

Я перестал возникать, повернулся и тотчас уснул.

Какое-то время спустя у меня появилось «семейное» ощущение — что-то теплое прижалось к моей спине. Я бы не стал просыпаться, если бы она не плакала. Я повернулся и молча положил ей руку под голову. Постепенно она утихла. Дыхание становилось все более ровным и медленным. Я снова заснул.

ГЛАВА 5

Должно быть, мы спали как убитые, потому что я очнулся, лишь услышав громкий телефонный звонок. Открыл глаза и увидел, что световой сигнал тоже мигает. Я врубил освещение, начал было вставать, но обнаружил у себя на правой руке непривычную тяжесть. Осторожно освободил руку, выбрался из постели и ответил на вызов.

— Доброе утро, Ман, — сказал Майк. — Профессор dela Пас звонит по твоему домашнему номеру.

— Ты можешь подключить его сюда? Под шифром «Шерлок»?

— Конечно, Ман.

— Тогда не прерывай их разговор. Переключи его на меня сразу же, как только они кончат говорить. Откуда он звонит?

— По автомату из пивной «Жена бурильщика», это на нижнем...

— Знаю, Майк. Когда соединишь меня, ты сможешь сам остаться на связи? Хочу, чтобы ты послушал.

— Будет сделано.

— А ты можешь определить, есть ли кто-нибудь рядом с ним? По дыханию, например?

— Из факта отсутствия эха я заключаю, что профессор под колпаком-глушилкой. Но предполагаю, что в пивной должны быть и другие посетители. Хочешь послушать, Ман?

— Да, пожалуй. Включи-ка меня. И, если он поднимет колпак, предупреди. Ты просто умница, Майк.

— Спасибо, Ман.

Майк подключил меня. Говорила Ма:

— ...я обязательно передам ему, профессор. Мне очень жаль, что Мануэля нет дома. Вы не оставите номер, по которому вам можно позвонить? Он очень хотел связаться с вами, специально просил, чтобы я узнала у вас номер телефона.

— Очень сожалею, дорогая леди, но я уже ухожу отсюда. Дайте-ка подумать... сейчас восемь пятнадцать; я попробую позвонить вам ровно в девять, если позволите.

— Конечно, профессор. — В голосе Ма чувствовалось легкое кокетство, приберегаемое ею для мужчин — не мужей, — к которым она благоволит; изредка его частичка перепадает и нам.

Мгновение спустя Майк сказал: «Давай!» — и я заговорил:

— Привет, проф! Слыхал, вы меня разыскиваете? Это Манни.

— Готов поклясться, что я отключился! — изумленно выдохнул проф. — Нет, я и в самом деле отключился; надо думать, аппарат испорчен. Мануэль, я так рад тебя слышать, мальчик мой! Ты только что добрался до дома?

— Я не дома.

— Но... как же это... я не...

— Некогда объяснять, проф. Вас кто-нибудь может подслушать?

— Не думаю. Я опустил колпак.

— Небольшая проверка. Проф, когда у меня день рождения?

Он помедлил. Потом сказал:

— Понятно. Кажется, я понял. Четырнадцатого июля.

— Убедили. О'кей. Давайте разговаривать.

— Ты действительно говоришь не из дома, Мануэль? Где же ты?

— Об этом поговорим позже. Вы спрашивали мою жену о девушке. Не будем называть имен. Зачем вы хотите ее найти, проф?

— Мне надо предупредить ее. Ей не следует возвращаться домой. Там ее арестуют.

— Почему вы так думаете?

— Милый мальчик! Все, кто был на этом митинге, сейчас в серьезной опасности. И ты сам тоже. Я обрадовался, хотя и крайне удивился, когда ты сказал, что говоришь не из дома. Тебе нельзя там появляться. Если можешь склонить ее где-нибудь на время, устрой себе небольшой отпуск. Ты же понимаешь, хоть и не видел все до конца, что вчера вечером был настоящий взрыв насилия.

Еще бы я не понимал! Убийство комендантских охранников явно нарушало административный устав; во всяком случае, на месте коменданта я бы это не одобрил.

— Спасибо, проф. Я буду осторожен. И если увижу девушку, то передам ей тоже.

— А ты не знаешь, где ее найти? Видели, как ты ушел вместе с ней, и я надеялся, что ты знаешь.

— Проф, откуда такая заинтересованность? Прошлым вечером вы, похоже, не были ее союзником?

— Нет-нет, Мануэль. Она мой камрад. Я не говорю *«оваришч»*, потому что для меня это не просто форма вежливого обращения. Я вкладываю в это слово прежний, более глубокий смысл, означающий некие узы. Она мой камрад. В тактике мы расходимся. Но не в целях, не в преданности Делу.

— Понятно. Считайте, что послание ей вручено. Она его получит.

— Превосходно! Я не задаю вопросов... но надеюсь, очень надеюсь, что ты найдешь способ оградить ее от опасности, пока не минует гроза.

Я обдумал его слова:

— Минутку, проф, не отключайтесь.

Когда я подошел к телефону, Вайо отправилась в ванную; надо думать, чтобы не слышать разговора — это было в ее духе.

Я постучал в дверь:

— Вайо?

— Одну секунду, сейчас выйду.

— Мне нужен совет.

Она открыла дверь:

— Да, Манни?

— Как котируется профессор де ла Пас в твоей организации? Ему верят? Ты ему доверяешь?

Она задумалась.

— Предполагается, что все присутствовавшие на собрании заслуживают доверия. Но лично я с ним не знакома.

— М-м-м... А какое впечатление он произвел на тебя вчера?

— Мне он понравился, хотя и спорил со мной. А ты о нем что-нибудь знаешь?

— Конечно! Я знаю его почти двадцать лет. Я-то ему верю. Но для тебя этого может быть мало. Ты в опасности, и на кону твой кислородный баллончик, не мой.

Она тепло улыбнулась:

— Манни, раз ты ему веришь, я тоже верю.

Я снова подошел к телефону:

— Проф, вы в бегах?

— Точно так, Мануэль, — хихикнул он.

— Знаете такую дыру — гранд-отель «Раффлз»? Комната «Л», двумя этажами ниже холла. Сумеете не привести хвоста? Вы завтракали? Что хотите на завтрак?

Он опять хихикнул:

— Мануэль, только ученику дано вызывать учителя чувство, что он недаром прожил жизнь. Я знаю, где это, я заметил следы, я не завтракал: я сегодня съем все, до чего смогу добраться!

Вайо начала убирать постели. Я помог ей.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Чай и тост. Хорошо бы еще сок.

— Мало.

— Ну... тогда яйцо в мешочек. Но за завтрак плачу я!

— Два яйца в мешочек, тост с маслом и джемом, сок. Бросим жребий?

— Твои кости или мои?

— Мои. У меня они жульнические.

Я подошел к лифту доставки, спросил меню и увидел заманчивое название: «ПРИЯТНОЙ ОПОХМЕЛКИ! ПОРЦИИ ОТ ПУЗА!» Томатный сок, омлет, ветчина, жареный картофель, кукурузные лепешки с медом, тосты, масло, молоко, чай или кофе. Четыре с половиной гонконгских доллара за порцию на двоих. Я и заказал на двоих — не хотелось рекламировать, что нас трое.

Мы были чисты, мы, можно сказать, сияли, комната была прибрана и подготовлена к завтраку. Вайо переоделась из черного костюма в красное платье, «поскольку собиралась приличная компания»... в это время звякнул лифт с едой. Переодевание, между прочим, вызвало скопу. Вайо принимала разные позы, смеялась, потом сказала:

— Манни, мне ужасно нравится это платье. Как ты догадался, что оно мне пойдет?

- Исключительно по причине гениальности.
- Вполне возможно. Сколько оно стоит? Мне надо вернуть тебе деньги.
- Продажная цена пятьдесят центов в купонах Администрации.

Вайо помрачнела и топнула ногой. Нога была босая, осо-
бого шума не произвела, зато сама Вайо взмыла вверх на
полметра.

- Счастливой посадки! — пожелал я ей, пока она иска-
ла, за что бы ухватиться, — ну точно новичок!
- Мануэль О'Келли! Неужели вы думаете, что я стану
принимать дорогие подарки от человека, с которым даже не
переспала?
- Это легко исправить.
- Развратник! Вот я расскажу твоим женам!
- Пожалуйста! Вряд ли тебе удастся открыть Ма что-
нибудь новенькое.

Я подошел к лифту и начал вытаскивать из него тарелки.
В дверь постучали. Я щелкнул кнопкой устройства «бол-
тун-гляделка».

- Кто там?
- Посетитель к *gospodin'*у Смиту, — раздался дребезжа-
щий голос. — *Gospodin* Бернард О. Смит.

Я лязгнул запорами и впустил профессора Бернардо де
ла Паса в номер. Выглядел он как утиль низшего качества:
одежда грязная, сам замызганный, волосы растрепаны, один
бок парализован, рука вывернута, на глазу катаракта — са-
мый настоящий бояк, из тех, что nocturne на Дне и выпра-
шивают в дешевых забегаловках выпивку и маринованные
яйца на закуску. Изо рта у него текли слюни.

Как только я запер дверь, он расправился, расправил ли-
цо, прижал руки к груди, оглядел Вайо с головы до ног, всо-
сал в себя воздух на японский манер и присвистнул.

- Еще прекраснее, — восхитился он, — чем мне показа-
лось вчера!

Вайо улыбнулась, несмотря на обуревавший ее гнев:

- Благодарю вас, профессор. Но не надо комплиментов.
Ведь здесь собирались просто камрады.

— Сеньорита, в тот день, когда я позволю политике взять
верх над моей страстью к красоте, я уйду из политики! — Он
оторвал от нее взгляд и рыскнул глазами по комнате.

— Проф, старый распутник, перестаньте искать улики, — сказал я ему. — Прошлой ночью здесь занимались только политикой, и ничем, кроме политики.

— Неправда! — вспыхнула Вайо. — Я несколько часов отбивалась от него! Но он оказался сильнее. Проф, каковы партийные взыскания в таких случаях? Здесь, в Луна-Сити?

Профессор щелкал языком и закатил глаз с бельмом:

— Мануэль, ты меня удивляешь! Это серьезное дело, моя дорогая, тянет на ликвидацию! Но сначала необходимо провести расследование. Вы пришли сюда добровольно?

— Он меня завлек!

— «Заволок», дорогая леди. Постарайтесь выражать свои мысли поточнее. Есть у вас синяки, которые можно предъявить?

— Яйца стынут, — прервал я его. — Давайте ликвидируем меня после завтрака.

— Прекрасная мысль, — согласился профессор. — Мануэль, не можешь ли ты пожертвовать своему старому учителю литр воды, дабы он выглядел более презентабельно?

— Сколько угодно, пожалуйте в ванную. Только не тяни-те, а то останутся вам рожки да ножки.

— Благодарю вас, сэр.

Он удалился. Послышался плеск воды, звуки стирки и мойки. Мы с Вайо накрыли на стол.

— Синяки... — скорбно сказал я. — Отбивалась всю ночь...

— Ты заслужил это, ты меня оскорбил!

— Чем?

— Тем, что не пытался оскорбить! После того, как завлек меня сюда...

— М-м-м... придется подбросить эту задачку Майку.

— Мишель поймет ее сразу. Манни, можно я передумаю и возьму ма-а-ленький кусочек ветчины?

— Половина ее твоя, проф почти вегетарианец.

Вышел проф, и хотя он не выглядел щеголем, как обычно, но все же был чист, аккуратен, причесан, появились ямочки на щеках и счастливые искорки в глазах — фальшивая катаракта куда-то исчезла.

— Проф, как вам это удается?

— Практика, Мануэль. Я этими делами занимаюсь по-дольше, чем вы, молодые люди. Однажды, много лет назад

в Лиме — прелестный город! — я отважился прогуляться в очаровательный денек без подобной подготовки... и меня сослали в Луну. Боже, какой роскошный стол!

— Садитесь со мной, проф, — предложила Вайо. — Я не хочу сидеть рядом с ним. Он насильник.

— Послушай, — сказал я, — мы сначала поедим, а уж потом вы меня ликвидируете. Проф, накладывайте себе и рассказывайте, чем кончился прошлый вечер.

— Могу я предложить некоторые изменения в программу? Мануэль, жизнь заговорщика нелегка, и задолго до того, как ты родился, я уже научился не мешать закуску с политикой. Это снижает выработку желудочных ферментов и ведет к язвенной болезни. Язва, да будет вам известно, типичное профессиональное заболевание подпольщиков. М-м-м... рыбка пахнет изумительно!

— Рыбка?

— Этот розовый лосось, — ответил профессор, показывая на ветчину.

Наконец, насладившись завтраком, мы достигли кофейно-чайной стадии. Профессор откинулся на спинку стула и сказал:

— *Bolshoyeh spasebaw, Gospazha ee Gospodin. Так фор мат,* это было необычайно вкусно. Я и не упомню, когда мои отношения с миром были бы столь взаимно благожелательны. Ах да... Насчет вчерашнего вечера. Я мало что видел, ибо сразу после вашего блистательного отступления мне пришлось принять меры, чтоб сохранить свою бренную жизнь хотя бы до сегодняшнего дня, и я затаился. Нырнул за кулисы, перелетев туда одним прыжком. Когда же осмелился высунуть нос, оказалось, что вечеринка кончилась, большинство гостей разошлись, а все желтомундирники мертвы.

(Примечание: должен внести поправку. Гораздо позже я узнал, что, когда началась заварушка и я еще силился вытащить Вайо за дверь, проф выхватил из кармана пистолет и стал стрелять поверх толпы, сняв трех охранников у главного выхода, в том числе и того, что орал в мегафон. Как ему удалось протащить оружие в Булыжник или скоммуниздить здесь, я не знаю. Но проф с Коротышкой переломили ход событий. Ни один желтомундирник живым не ушел. Несколько лунарей получили ожоги, четверых убили, но остальные

ножами, кулаками и каблуками кончили дело в считаные минуты.)

— Вернее, все, кроме одного, — продолжал проф. — Два казака у двери, через которую вы отбыли, получили вечное успокоение от рук доблестного камрада Коротышки Мкрума... и, к сожалению, должен сказать, что сам Коротышка лежал на их телах, умирая...

— Это мы знаем.

— Да. *Dulce et decorum.* У одного охранника лицо было изуродовано, но он все еще шевелился. Я позабочился о нем, свернув ему шею приемом, известным в профессиональных кругах на Земле как «стамбульский захват». В общем, он воссоединился со своими приятелями. К тому времени живые в основном покинули зал. Кроме меня, осталось совсем немного народу: председатель собрания Финн Нильсен, камрад по кличке Мамуля — так ее, по крайней мере, называли мужья. Я посоветовался с камрадом Финном, и мы заперли все двери. Нужно было решить проблему уборки. Вы знаете, что там за сценой?

— Нет, — сказал я.

Вайо мотнула головой.

— Там есть кухня и кладовка на случай банкетов. Подозреваю, что Мамуля и ее семья владеют мясной лавкой: они разделяли тела с такой быстротой, что мы с Финном еле успевали их подносить. Скорость работы сдерживала лишь производительность мясорубки и спуск продукции в канализацию. Зрелище это чуть не довело меня до обморока, и я занялся уборкой зала. Труднее всего было избавиться от одежды, особенно от этих псевдовоенных мундиров.

— А что вы сделали с лазерными пистолетами?

Проф поглядел на меня невинными глазами:

— С пистолетами? Ой-ой, они, похоже, куда-то потерялись. Мы забрали все личные вещи с тел наших убитых камрадов — для родственников, для опознания, на память. Наконец мы все прибрали; такой уборкой Интерпол, конечно, не проведешь, но явных следов не осталось. Посовещались, решили, что пока лучше лечь на дно, и разошлись поодиночке. Я, например, ушел через шлюз, расположенный над сценой и ведущий на шестой уровень. Потом попытался связаться с тобой, Мануэль, поскольку волновался за тебя и за эту

бесценную леди. — Проф поклонился Вайо. — Тут в нашей истории можно поставить точку. Ночь я провел в разных укромных местечках.

— Проф, — сказал я, — эти охранники явно были салагами. Иначе мы бы с ними не справились.

— Возможно, — согласился он. — Но будь на их месте другие, более опытные, результат был бы тот же.

— Тот же? Но у них было оружие!

— Мальчик мой, ты когда-нибудь видел пса из породы боксеров? Думаю, нет. Таких крупных собак в Луне не держат. Боксеры — результат направленного отбора. Добрые и умные, они превращаются в смертельно опасных убийц, когда того требует обстановка. Здесь же выведена еще более удивительная порода. Я не знаю ни одного города на Терре, где люди были бы такими вежливыми и обходительными, как здесь, в Луне. По сравнению с нашими города Терры — а я побывал во многих столицах — просто скопище варваров. И все же лунари не менее опасны, чем псы-боксеры. Мануэль, девять охранников, даже вооруженные до зубов, не имели ни единого шанса в этой толпе. Наш патрон жестоко просчитался.

— Хм... Вы видели утреннюю газету, проф? Или видеоновости?

— Видео смотрел.

— Во вчерашних новостях о собрании ничего не было.

— Сегодня утром тоже.

— Странно, — сказал я.

— Что ж тут странного? — возразила Вайо. — Нам подобные новости ни к чему, а в каждой редакции в Луне у нас сидят свои люди.

Проф покачал головой:

— Нет, моя дорогая. Все не так-то просто. Цензура. Вы знаете, как делаются наши газеты?

— Приблизительно. Их набирают на компьютерах.

— Проф вот что имеет в виду, — сказал я ей. — Статьи печатают в редакциях. А потом ими занимается арендуйемый газетами головной компьютер административного комплекса. — Я надеялся, что она обратит внимание, что я сказал «головной компьютер», а не «Майк». — Текст ему передают

по телефону. Компьютер обрабатывает статьи, делает макет и печатает газету в разных поселениях. Новоленовское издание «Ежедневного Лунатика» печатается в Новолене с определенными изменениями в объявлениях и местной хронике — компьютер вносит эти изменения по стандартной программе без всяких дополнительных указаний. Проф хочет сказать, что комендант может вмешаться на стадии подготовки макета в административном комплексе. То же самое относится и к выпускам новостей, которые транслируются по Луне или с Луны, — они все проходят через компьютерный зал.

— Главное, — продолжил проф, — что комендант *имел возможность* вырезать материал о собрании, независимо от того, сделал он это или нет. А еще — поправь меня, Мануэль, если я ошибаюсь, ты ведь знаешь, что в технике я не силен, — он может ввести туда другой материал, так что в данном случае не имеет значения, сколько наших камрадов сидит в редакциях газет.

— Конечно, — согласился я. — В Комплексе могут добавить, вырезать или изменить все, что угодно.

— И в этом, сеньорита, самое уязвимое место нашего Дела. Средства связи. Жандармы — это ерунда, главное, не мы, а комендант определяет, что публиковать, а что нет. Для революционера связь — это *sine qua non*.

Вайо взглянула на меня, и я почти увидел, как щелкают синапсы в ее мозгу. А потому переменил тему.

— Проф, зачем надо было уничтожать трупы? Мало что кошмарный труд, так еще и опасный. Я не в курсе, сколько у коменданта охранников, но пока вы там копались с уборкой, могли заявиться новые.

— Поверь мне, мальчик, мы этого тоже боялись. И хотя практического толку от меня был почти ноль, идея была моя: пришлось убеждать остальных. Собственно, идея тоже была не моя, просто я вспомнил об историческом принципе.

— И что же это за принцип?

— Террор! Человек способен противостоять известной опасности. А вот неизвестность его пугает. Мы уничтожили шпиков подчистую, вплоть до ногтей и зубов, чтобы вселить ужас в их сообщников. Я не знаю, сколько у коменданта лю-

дей, но гарантирую, что сегодня они куда слабее духом, чем вчера. Их коллеги отправились на пустяковое задание и как в воду канули.

Вайо поежилась:

— Даже у меня мороз по коже пошел. Теперь они задумаются, прежде чем войти в поселение. Но, профессор, вы говорите, что не знаете, сколько у коменданта охранников. Организация знает. Двадцать семь. Если девять убиты, то осталось всего восемнадцать. Не думаете ли вы, что время для путча настало? Или еще нет?

— Нет, — ответил я.

— Но почему, Мануэль? Такими слабыми они никогда больше не будут.

— Они пока недостаточно слабы. Мы убили девятерых, потому что они по дурости сами полезли к нам в руки. А вот если комендант запрется у себя с остальными... Только не надо этой чепухи насчет «плечом к плечу», я ее вдосталь проглатывал вчера. — Я повернулся к профу. — И все же меня интересует факт, если это действительно так, будто у коменданта осталось восемнадцать охранников. Вы говорили, что Вайо нельзя ехать в Гонконг, а мне — появляться дома. Но если охранников только восемнадцать, так ли уж велика опасность? Позже, когда они получат подкрепление, — возможно, но сейчас... В Луна-Сити четыре главных выхода и множество мелких. Сколько они смогут взять под контроль? Что мешает Вайо отправиться на станцию «Западная», взять свой скафандр и уехать в Гонконг?

— Это она может сделать, — согласился проф.

— Думаю, так и надо, — отозвалась Вайо. — Не торчать же здесь вечно. Легче прятаться в Гонконге, где у меня полно знакомых.

— Может быть, вам это удастся, моя дорогая. Хотя я сомневаюсь. Прошлой ночью на станции «Западная» были два желтомунидирника. Я сам видел их. Возможно, сейчас их там нет. Предположим, что нет. Итак, вы отправитесь на станцию — в гриме, разумеется. Возьмете свой скафандр и сядете в капсулу до Билютихэтчи. Потом выйдете наружу, чтобы сесть на луноход, идущий до Эндовиля. Вот тут-то вас и сцепляют. Средства связи, моя дорогая. Нет нужды ставить по-

ты желтомундирников на станциях — достаточно, чтобы кто-нибудь вас там увидел. Все остальное сделает телефон.

— Но я же буду в гриме!

— Ваш рост не замаскируешь, а за вашим скафандром будут следить. Кто-нибудь, кого невозможно даже заподозрить в связях с комендантом. Скорее всего, кто-то из камрадов. — Проф усмехнулся. — Беда с заговорами в том, что они загнивают изнутри. Как только число заговорщиков достигает четырех, можно биться об заклад, что один из них шпион.

— В вашем изложении все выглядит безнадежно, — мрачно проговорила Вайо.

— Почему же все, моя дорогая? Полагаю, один шанс из тысячи у вас есть.

— Не верю я в это. Не верю! За годы, что я провела в организации, мы завербовали сотни людей! У нас ячейки во всех главных городах. Народ на нашей стороне!

Проф покачал головой:

— С каждым новым членом растет вероятность предательства. Вайоминг, моя бесценная леди, революции не выигрывают вербовкой широких масс. Революция — сложная наука, доступная единицам. Ее успех зависит от четкой организации, но более всего — от налаженной связи. И когда наступает нужный исторический момент — наносится удар. Правильный и своевременный переворот бескровен. Неряшливость и спешка ведут к гражданским войнам, вспышкам насилия, чисткам и террору. Надеюсь, вы извините меня, если я скажу, что до сих пор у вас все делалось крайне неряшливо.

Вайо была обескуражена.

— Что вы подразумеваете под правильной организацией?

— Организацию функциональную. Как проектируют электромотор? Разве вы станете приделывать к нему ванну только потому, что она случайно оказалась у вас под рукой? Или присобачивать букет цветов? Или кучу камней? Нет, вы будете использовать лишь те детали, которые необходимы для целевого назначения мотора. Вы не станете без нужды увеличивать размер и постараетесь обеспечить надежность работы. Функции определяют внешний вид. Так и с революцией. Организация должна быть не больше, чем нужно. Ни-

когда не принимайте людей только потому, что они хотят в нее вступить. Не уговаривайте вступать в ее ряды исключительно ради удовольствия видеть еще одного единомышленника. Он разделит ваши взгляды потом, когда придет время... или же вы неверно оценили исторический момент. О, конечно, просветительские организации тоже нужны, но они должны существовать отдельно. Агитпроп отнюдь не часть базовой структуры. Что до базовой структуры, то революция начинается с конспирации. Поэтому структура должна быть невелика, засекречена и так организована, чтобы свести к минимуму риск предательства, поскольку предательство неизбежно. Единственное решение — организация, состоящая из ячеек. До сих пор ничего лучше не изобрели. Насчет оптимальной величины ячеек мнения разнятся. Как показывает исторический опыт, надежнее всего ячейка из трех человек. Четверо не смогут договориться о времени обеда, не то что о начале восстания. Мануэль, ты член большой семьи. Вы голосуете, во сколько сегодня садиться за стол?

— Упаси Бог! Нет, конечно. Все решает Ма.

— Ага! — Проф вытащил из сумки блокнот и стал в нем что-то набрасывать. — Вот дерево трехчленных ячеек... Если бы я планировал захват Луны, я бы начал с нас троих. Один из нас стал бы председателем. Голосовать не нужно — выбор должен быть очевиден, иначе какая же мы тройка. Мы знали бы еще девятерых — три ячейки... но каждая из этих ячеек знала бы только одного из нас.

— Похоже на компьютерную схему — троичная логика.

— Правда? На следующем уровне могут быть два варианта связей. Скажем, члену ячейки второго уровня известны двое его камрадов и руководитель ячейки, а на третьем уровне он знает лишь подчиненную ему тройку. Он может знать — или не знать — членов подъячеек двух своих сотоварищ. В первом случае удваивается безопасность, во втором — скорость восстановления сети в случае провала ячейки. Давайте предположим, что он не знает подъячеек своих сотоварищ. Мануэль, сколько человек он может предать? И не говори, что он не предаст, — любому можно промыть мозги, подкрахмалить, оттуюжить и использовать. Так сколько?

— Шестерых, — ответил я. — Руководителя, двух камрадов по ячейке и троих из подъячейки.

— Семерых, — поправил меня проф, — он же предает и себя тоже. В результате остается семь оборванных связей, которые нужно восстановить. Как?

— Не представляю, как это можно сделать. Все развалитися на кусочки — сеть разорвана, — ответила Вайо.

— Мануэль? Задачка-то для школьника.

— Эти ребята, что внизу, должны иметь возможность послать сигнал тем, кто на три уровня выше. Не зная кому, но зная куда.

— Совершенно верно!

— Но, проф, — продолжал я, — можно придумать и более надежную схему.

— Вот как? Эта структура, мой мальчик, выкована усилиями многих революционеров-теоретиков. Я питаю к ним такое доверие, что готов держать пари — скажем, десять против одного.

— Плакали ваши денежки, проф. Возьмите те же ячейки и постройте открытую пирамиду, состоящую из тетраэдров. Там, где вершины общие, каждый парень знает одного в соседней ячейке, знает, как послать ему сигнал, — и это все, что ему нужно. Связи никогда не разрушаются, поскольку идут не только вверх-вниз, но и в стороны. Как в нервной ткани мозга. Вот почему в черепной коробке можно проделать дырку, вынуть шматок мозга и почти не повредить мыслительные способности. Избыточная емкость — происходит переключение на запасные связи. Мозг потеряет то, что было разрушено, но будет продолжать функционировать.

— Мануэль, — с сомнением проговорил проф, — может, попробуешь изобразить схемку? Звучит здорово, но так сильно противоречит общепринятой доктрине, что мне просто необходимо увидеть это своими глазами.

— Ну... был бы компьютер, я бы вам запросто построил стереочертеж. Ладно, попробую.

(Если вы думаете, что изобразить открытую пятиэтажную пирамиду из ста двадцати одного тетраэдра, да еще показать связи между элементами — это раз плюнуть, попробуйте сами.) Наконец я сказал:

— Вот набросок. Каждая вершина каждого треугольника является также вершиной соседних числом от нуля до двух. Там, где это число равно единице, связь может идти в одном

или в другом направлении, но для коммуникационной сети с многократным резервированием достаточно и одного. На углах, где число равно нулю, связь пойдет вправо — к следующему углу. Там, где оно равно двум, снова выбираем по правилу правой руки. А теперь проигрываем ситуацию на людях. Возьмем четвертый уровень «Г». Эта вершина — камрад Грэм. Нет, давайте-ка спустимся на уровень и посмотрим, что будет, если связь прервется на уровне «Д». В качестве примера возьмем камрада Дональда. Дональд работает под руководством Георга, имеет камрадами по ячейке Джона и Джозефа, а сам руководит еще тремя — Енсом, Евгением и Евой. Еще ему известно, как послать сигнал камраду Дику, в другой ячейке на его же уровне. Дональд не знает ни имени Дику, ни его внешности, ни адреса, ничего, кроме номера телефона для экстренной связи. Теперь смотрите, как это работает. На третьем уровне ссучился камрад Вильгельм и предал своих друзей по ячейке Винсента и Виктора, Бейкера — уровнем выше и Георга, Грэма и Гарри в своей подъячейке. Это изолирует Дональда, Джона и Джозефа, а также всех, кто стоит ниже их. Все трое сообщают об этом — избыточность, необходимая для каждой коммуникационной системы, — но посмотрим, что происходит с сигналом Дональда. Он звонит Дику, но Дику, находившийся под началом у Винсента, тоже отрезан. Это, однако, не имеет значения, так как Дику передает оба сообщения по своей экстренной линии связи Дэвиду. К несчастью, Дэвид находился под командованием Виктора, но он по запасной линии связи передает сообщение через Дилана... что выводит сообщение за пределы «сгоревшей» зоны и связывает нижние уровни с Гуго, Вивиан и Бисваксом, а там и с Адамом наверху... А тот отвечает по связям другой стороны пирамиды с выходами на уровень «А» от Дугласа к Дональду и через них к Дику и Дэвиду. Эти два сигнала, идущие вверх и вниз, не только проходят быстро, но по их источнику штаб сразу может определить, какой ущерб нанесен сети и в каком месте. Мало того что организация продолжает функционировать — она тут же начинает восстанавливаться.

Вайо с недоверием следила за линиями, стараясь поверить, что «идиотская» схема будет работать, хотя, в общем-то, это было очевидно. Показать бы ее Майку на несколько

миллисекунд, и он наверняка выдал бы усовершенствованный и более надежный вариант. Да еще придумал бы, как устраниить возможность предательства вообще и одновременно ускорить сроки прохождения сигналов. Но я-то не компьютер.

Проф невозмутимо взирал на схему.

— В чем дело? — спросил я. — Не беспокойтесь, все сработает — как-никак это мой хлеб.

— Мануэль, мой маль... извините. Сеньор О'Келли... не согласитесь ли вы возглавить нашу революцию?

— Я?! *Bog мой, пует!* Я не собираюсь стать мучеником за-ведомо безнадежного дела. Я просто вычертил схему.

Вайо взглянула на меня.

— Манни, — сдержанно сказала она. — Ты избран. Это дело решенное.

ГЛАВА 6

Черта с два — решенное!

Проф сказал мне:

— Мануэль, не спеши. Нас тут трое — идеальное число, у нас разносторонние таланты и обширный жизненный опыт. Красота, почтенный возраст и мужественная целеустремленность...

— Нет у меня никакой целеустремленности!

— Перестань, Мануэль. Давай посмотрим на вещи шире, а уж потом будем принимать решения. И чтобы стимулировать сей процесс, поведайте мне, найдется ли на этом постоялом дворе что-нибудь спиртное? У меня есть несколько флоринов, которые я охотно пустил бы в торговый оборот.

Это было едва ли не самое разумное предложение за последний час.

— *Stolichnaya vodka?*

— Звучит недурственно. — Он потянулся за бумажником.

— Ждите, вас обслужат! — сказал я и заказал литр со льдом.

Заказ прибыл быстро. От завтрака у нас еще остался томатный сок.

— А теперь, — сказал я после того, как мы приняли на грудь, — что вы, проф, думаете о бейсбольном чемпионате? Судя по тотализатору, «Янкиз» на сей раз продуют...

— Мануэль, скажи мне, каковы твои политические убеждения?

— ...но раз там появился тот новый парнишка из Милуоки, я готов рискнуть небольшим капитальцем...

— Бывает, что человек не определился, но в сократическом диалоге понимает, за кого он и почему.

— Ставлю три против двух, несмотря на неблагоприятный прогноз.

- Что?! Ах ты дурачок! Сколько?
- Три сотни. Гонконгских.
- Заметано. Например, при каких обстоятельствах государство вправе поставить свои интересы выше интересов гражданина?
- Манни, — вмешалась Вайо, — у тебя еще много шальных денег? Я верю в «Филадельфию».
- Я внимательно оглядел ее с головы до пята:
- Что предлагаешь на кон?
- Иди к черту! Насильник!
- Проф, я считаю, что государство ни при каких обстоятельствах не вправе ставить свои интересы выше моих.
- Неплохо. Отсюда уже можно танцевать.
- Манни, — снова вмешалась Вайо, — это самый что ни на есть отъявленный эгоизм!
- А я и есть отъявленный эгоист.
- Чепуха! А кто меня спас? Меня — совершенно чужого тебе человека? И не попытался этим воспользоваться? Профессор, я просто дурачилась. Манни вел себя как самый настоящий рыцарь.
- *Sans peur et sans reproche*. Я так и думал, ведь мы знакомы много лет. Что вполне совместимо с его высказыванием.
- Нет, не совместимо! Я имею в виду не сегодняшнюю ситуацию, а тот идеал, к которому мы стремимся. Манни, государство — это Луна. Пусть пока не суверенная, пусть мы с тобой считаемся гражданами совсем других стран. И все же я — неотъемлемая часть государства Луна и твоя семья тоже. Ты готов умереть ради своей семьи?
- Одно с другим не связано.
- Еще как связано! В том-то и дело.
- *Nyet*. Свою семью я знаю давно.
- Дорогая леди, я должен заступиться за Манни. У него верный взгляд на вещи, хотя он, возможно, и не совсем точно его формулирует. Смею ли я спросить? При каких обстоятельствах поступок группы людей будет нравственным, а тот же поступок, совершенный отдельным ее членом, — безнравственным?
- Хм... вопрос на засыпку, да?
- Но ведь это же ключевой вопрос, дорогая Вайоминг. Это радикальный вопрос, который отражает корни дилеммы

правительства. Тот, кто ответит на него честно и останется верен своему взгляду, невзирая на последствия, знает, что отстает и за что готов умереть.

Вайо нахмурилась.

— Безнравственно для отдельно взятого члена группы... — повторила она. — Профессор, а каковы ваши политические принципы?

— Позвольте сначала услышать о ваших. Если, конечно, вы способны их сформулировать.

— Конечно способна! Я приверженец Пятого Интернационала, как и большая часть членов организации. Мы не отталкиваем от себя попутчиков, у нас единый фронт. Среди нас есть коммунисты, приверженцы Четвертого Интернационала, краснобригадники и коллективисты, сторонники единого налога, да мало ли кто еще. Но я не марксистка; у нас, у Пятого Интернационала, программа чисто практическая: пусть частная собственность существует там, где это уместно, а государственная — где необходимо. Мы признаем, что стратегия изменяется с обстоятельствами. Словом, никакого доктринерства.

— А как с высшей мерой наказания?

— За что?

— Ну, скажем, за предательство. За действия против Луны, когда вы ее освободите?

— Смотря какое предательство. Пока мне не известны обстоятельства, я ничего решить не смогу.

— Так же, как и я, милая Вайоминг. Я верю в необходимость высшей меры при определенных условиях — только с одной оговоркой: я не стану обращаться в суд. Я сам проведу следствие, вынесу приговор, приведу его в исполнение и приму на себя всю меру ответственности.

— Но... профессор, кто же вы по убеждениям?

— Я разумный анархист.

— Такой марки я не знаю. Анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, христианские анархисты, философские анархисты, синдикалисты, либертарианцы — про таких слыхала. А вы кто такой? Может, рэндист?

— С рэндистами я нашел бы общий язык. Разумный анархист верит, что «государство», «общество», «правительство» не более чем воплощение поступков ответственных

индивидуумов. Разумный анархист полагает, что сваливать, разделять и перераспределять вину невозможно, ибо и ответственность, и вина, и стыд существуют лишь внутри индивидуума, и больше нигде. Однако, будучи разумным, анархист понимает, что далеко не все люди отвечают его стандартам, а потому старается приблизиться к совершенству в несовершенном мире. Понимая, что результаты его усилий будут далеки от совершенства, он не падает духом от сознания неизбежного провала.

— Вот-вот! — воскликнул я. — «Далеки от совершенства». К этому я стремился всю свою жизнь!

— И добился своего, — откликнулась Вайо. — Профессор, все это красивые слова, не больше. Слишком много власти в руках индивидуумов... Представьте, например, что водородная бомба попадет в руки какой-нибудь безответственной личности...

— Так ведь самое главное в моей теории то, что каждая личность ответственна. За все. Если водородные бомбы существуют, а они таки существуют, их обязательно контролирует какой-то человек. В сфере морали такого понятия, как «государство», вообще нет. Есть только люди. Индивидуумы. И каждый несет ответственность за свои поступки.

— Кто еще хочет выпить? — спросил я.

Ничто так не способствует расходованию алкоголя, как политические дискуссии. Я заказал еще бутылку.

В споре я не участвовал. Не могу сказать, что я так уж стенаł «под железной пятой Администрации». Я надувал ее как мог, а в остальное время забывал о ее существовании. И уж конечно, не помышлял, как ее уничтожить, ибо уничтожить ее невозможно. Иди своей дорогой, не суй нос не в свое дело, не лезь...

Правда, особой роскоши я тоже не знал. По земным стандартам мы были почти нищими. Импортом не пользовались, нам он не по карману. Сомневаюсь, чтобы тогда во всей Луне нашлась хоть одна автоматическая дверь. Даже скафандры и те привозили с Терры, пока какой-то хитроумный китаэза, еще до моего рождения, не додумался, как собезьянничать их, а заодно упростить и улучшить. (Бросьте двух китаэз в одно лунное море, и они разбогатеют, продавая друг другу камни, да при этом еще умудрятся вырастить по двенадцать де-

тишек. А затем появится индус и начнет торговать в розницу тем, что скупит у китаев оптом: загонит все ниже себестоимости, но с жирной прибылью. Так и живем помаленьку.)

Видел я эту роскошь на Земле. Не стоит она того, чем они за нее платят. Я не про большую силу тяжести — там к ней привыкли; я о всякой фигнне. Сплошное *кукаи моа*. Если бы все, что срут людям на голову только в одном земном городе, вывезти в Луну, проблема удобрений у нас решилась бы на сотню лет вперед. Делай то. Не делай этого. Не выходи из строя. Где твоя квитанция об уплате налогов? Заполни бланк. Покажи лицензию. Принеси шесть копий. Здесь только выход. Нет правого поворота. Нет левого поворота. Встань в очередь и уплати штраф. Не забудь поставить печать. Сдохни — но сначала получи разрешение.

Вайо вцепилась в профа мертвой хваткой, уверенная в том, что знает все ответы. Но профа больше интересовали вопросы, чем ответы, и это ставило ее в тупик. Наконец она сказала:

— Профессор, я вас не понимаю. Я не настаиваю на слове «правительство». Я хочу только, чтобы вы четко сформулировали, какие ограничения свободы вы считаете необходимыми для обеспечения равных свобод для всех.

— Дорогая леди, я с радостью приму все ваши ограничения...

— Но вы же, по-моему, не терпите никаких ограничений?

— Верно. Но я приму любые ограничения, которые вам кажутся необходимыми для вашей свободы. Я-то свободен всегда, какими бы ограничениями меня ни окружали. Если я сочту их приемлемыми, я их стерплю. Если они покажутся мне обременительными, я их нарушу. Я свободен, ибо знаю, что только я один морально ответствен за свои поступки.

— Вы подчинились бы закону, который принят, скажем, большинством народа?

— Скажите мне, что это за закон, дорогая леди, и я скажу вам, буду ли я ему подчиняться.

— Вы увиливаете! Каждый раз, когда я ставлю принципиальный вопрос, вы уходите от ответа...

Проф прижал руки к сердцу:

— Простите меня! Поверьте, прекраснейшая Вайоминг, более всего в мире я жажду угодить вам. Вы говорили о сво-

ем стремлении включить в единый фронт всех попутчиков. Достаточно вам того, что я хочу вышвырнуть Администрацию и готов отдать за это жизнь?

Вайо просияла:

— Конечно достаточно! — Она несколько раз (очень нежно) ткнула его под ребро, обняла за шею и поцеловала в щеку. — Камрад! Будем же друзьями!

— Ура! — завопил я. — Подать мне сюда... ик!.. коменданта, я его... ик!.. иквидирую.

Я был в восторге от своей идеи. Ничего удивительного — я не выспался и не привык много пить.

Проф наполнил стаканы до краев, поднял свой к потолку и торжественно провозгласил:

— Камрады!.. Мы объявляем революцию!

Вайо расцеловала нас обоих, но я мигом прозрел, как только проф уселся и произнес:

— Заседание чрезвычайного комитета Свободной Луны объявляю открытым. Нам нужно разработать план действий.

Я всполошился:

— Постойте-ка, проф! Я ни на что не соглашался! Что за галиматья, какой еще «план действий»?

— Мы свергнем Администрацию, — ответил он ласково.

— Каким образом? Закидаете ее камнями?

— А это мы продумаем. Для того и разрабатывается план действий.

— Проф, вы меня знаете, — сказал я. — Если бы пинок под зад Администрации можно было купить за деньги, я бы не стал торговаться.

— «...наша жизнь, наше достояние и наша незапятнанная честь...»

— Чего-чего?

— Это цена, которую уже как-то раз пришлось платить за свободу.

— Что ж, я бы за ценой тоже не постоял. Но, когда я заключаю пари, мне нужен хоть какой-то шанс на выигрыш. Я говорил Вайо вчера, что не возражаю, если этот шанс будет совсем невелик...

— Ты сказал «один из десяти», Манни.

— Да, Вайо. Покажите мне шансы за и против, и я ставлю на кон. Если вы можете их показать.

- Нет, Мануэль, не могу.
- Тогда к чему весь этот треп? Лично я не вижу ни единого шанса на победу.
- Я тоже, Мануэль. Но у нас с тобой разный подход к этому делу. Революция — это искусство, сам процесс творчества увлекает меня больше, чем конечная цель. Проигрыш меня не смущает — поражение может доставить не меньшее духовное наслаждение, чем победа.
- Только не мне. Очень сожалею.
- Манни, — внезапно заговорила Вайо, — спроси у Майка.
- Я обалдел:
- Ты серьезно?
- Совершенно серьезно. Если кто-то и может рассчитать шансы, так это Майк. Ты не согласен?
- Хм... возможно.
- А кто такой, осмелюсь спросить, — вмешался проф, — этот Майк?
- Я пожал плечами:
- Да, собственно говоря, никто...
- Майк — лучший друг Манни. Он здорово рассчитывает шансы.
- Букмекер? Моя дорогая, если мы введем сюда четвертого, принцип трехчленных ячеек будет нарушен.
- Не понимаю почему, — сказала Вайо. — Майк мог бы стать членом ячейки, которую возглавит Манни.
- М-м-м... верно. Снимаю возражение. А он надежен? Вы за него ручаетесь? Как, Манни?
- Это бесчестный инфантальный любитель розыгрышей, которого политика нисколько не интересует.
- Манни, я передам Майку твое мнение о нем. Профессор, он совсем не такой! И он нам нужен! По правде говоря, он мог бы стать нашим председателем, а мы — его подъячейкой. Исполнительной тройкой.
- Вайо, ты соображаешь, что говоришь? Может, у тебя кислородное голодание?
- Я-то о'кей, я же не нализалась так, как некоторые. Думай, Манни! Шевели мозгами!
- Должен признаться, — сказал проф, — что нахожу эти высказывания в высшей степени противоречивыми.
- Манни?

— Да ну тебя...

И мы, перебивая друг друга, рассказали профу о Майке, о том, как он «ожил», как получил имя, как познакомился с Вайо. Проф принял известие о появлении у компьютера самосознания куда спокойнее, чем я в свое время воспринял факт существования снега, когда впервые его увидел. Проф просто кивнул и сказал: «Ну-с, дальше». Потом спросил:

— Так, значит, это компьютер коменданта? Тогда почему бы вам не пригласить на наше заседание самого коменданта — на том бы и покончили?

Мы постарались разубедить его. В конце концов я сказал:

— Попробуйте посмотреть на дело так: Майк сам себе голова, в точности как вы, проф. Если угодно, назовите его разумным анархистом, ибо он разумен и не испытывает преданности ни к какому правительству.

— Если машина не верна своему хозяину, почему ты считаешь, что она будет верна нам?

— Я это чувствую. Я отношусь к Майку как к хорошему другу, и он отвечает мне тем же. — Я рассказал, какие меры предосторожности принял Майк, чтобы я не засветился. — Сомневаюсь, что он в принципе может выдать меня тому, у кого нет этих сигналов: одного для секретной телефонной линии, другого для извлечения информации, которую я передал ему на хранение. Машины думают иначе, чем люди. Но я абсолютно уверен, что ему бы не хотелось меня предать... и, возможно, он меня прикроет, даже если кто-нибудь раздобыдет эти сигналы.

— Манни, а давай позвоним ему, — предложила Вайо. — После того как профессор де ла Пас поговорит с Майком, он поймет, почему мы ему доверяем. Профессор, мы не скажем Майку никаких секретов, пока вы его не проверите.

— Что ж, вреда, я думаю, от этого не будет.

— Честно говоря, я уже передал ему кое-какие секреты, — признался я.

И рассказал о магнитной записи вчерашнего собрания и о том, куда ее засунул.

Проф был неприятно поражен, Вайо встревожилась. Я сказал:

— Спокойно. Никто, кроме меня, не знает команды для извлечения. Вайо, ты помнишь, как повел себя Майк, когда встал вопрос о твоих снимках? Он не покажет их теперь да-

же мне, хотя именно я предложил их заблокировать. Когда вы оба прекратите вибривать, я позвоню ему, чтобы убедиться, что никто эту запись не вызывал, и попрошу ее стереть. Она исчезнет бесследно, ведь компьютер помнит все или ничего. А можно сделать еще лучше — переписать ее обратно на мой магнитофон, одновременно стирая из файла. Плевое же дело, ей-богу!

— Не суетись, — сказала Вайо. — Профессор, я верю Майку, и вы ему тоже поверите.

— По зрелом размышлении должен признать, что не вижу особого вреда от записи вчерашнего собрания, — сказал проф. — Такие большие митинги без шпиков не обходятся, и кто-нибудь из них запросто мог записать все на магнитофон. Меня огорчило твое легкомыслie, Мануэль, — недостаток, недопустимый для заговорщика, особенно стоящего во главе конспиративной организации.

— Когда я вводил запись в Майка, я не был заговорщиком. И не собираюсь им быть, если мне не докажут, что есть реальные шансы на победу.

— Беру свои слова обратно. Ты не был легкомыслен. Но неужели ты всерьез считаешь, что машина может предсказать исход революции?

— Не знаю.

— А я уверена, что может! — воскликнула Вайо.

— Погоди, Вайо. Проф, Майк сможет предсказать ее исход, если у него будет достаточно информации.

— Вот и я о том же, Мануэль. Я нисколько не сомневаюсь, что машина может решать проблемы, недоступные моему пониманию. Но чтоб такого масштаба! Для этого нужно знать... господи!.. да всю историю человечества, все детали общественной, политической и экономической ситуации на Терре и в Луне, учесть все психологические нюансы и технологические возможности, в том числе вооружение и коммуникации, надо разбираться в стратегии, тактике, технике агитпропа, знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли и многих других.

— И только-то?

— Только-то! Мой милый мальчик!

— Проф, сколько книжек по истории вы прочли?

— Не знаю. Более тысячи, вероятно.

— Майк может прочесть столько же еще до полудня: скорость чтения ограничена лишь техникой сканирования, сам он может накапливать информацию куда быстрее. Он в считанные минуты сопоставит любой факт со всеми другими известными ему данными, отметит противоречия и оценит вероятность развития процесса с учетом степени неопределенности. Проф, Майк читает каждое слово в каждой газете, выходящей на Терре. Читает все технические публикации. Читает художественную литературу, хоть и знает, что все это вымысел, так как постоянно стремится занять себя, удовлетворить свой информационный голод. Если есть хоть одна книга, которую надо прочесть для решения нашей задачи, скажите название. Он проглотит ее мгновенно, как только я ее принесу.

Проф поморгал:

— Поправка принята. Ладно, посмотрим, сможет ли он справиться с этой задачкой. Я продолжаю верить в необходимость того, что называется интуицией и человеческим здравым смыслом.

— У Майка есть интуиция, — заявила Вайо. — Я бы даже сказала — женская интуиция.

— Что же касается «человеческого здравого смысла», — добавил я, — то Майк, конечно, не человек. Однако все его знания получены от людей. Познакомьтесь с ним и тогда решайте, есть ли у него здравый смысл.

Я набрал номер:

— Привет, Майк!

— Привет, Ман, мой единственный друг. Здравствуй, Вайо, моя единственная подруга. Я слышу, с вами есть кто-то третий. Судя по всему, это профессор Бернардо де ла Пас.

Проф оторопел, погом восхитился. Я сказал:

— Ты совершенно прав, Майк. Потому-то я тебе и звоню. Профессор — не-дурак.

— Спасибо тебе, Ман. Профессор Бернардо де ла Пас, я счастлив с вами познакомиться.

— Я тоже счастлив нашему знакомству, сэр! — Проф поколебался и продолжил: — Май... сеньор Холмс, могу ли я спросить, как вы узнали о моем присутствии?

— Извините, сэр, но я не могу ответить. Ман? «Вы знаете мои методы».

— Майк — хитрый малый, проф. Он не хочет раскрывать секреты, которые узнал, выполняя для меня конфиденциальную работу. Поэтому он намекнул мне, чтобы я вам внушил, будто он идентифицировал вас по звуку... А он и впрямь многое может узнать по дыханию и биению сердца — массу, примерный возраст, пол и даже кое-что о состоянии здоровья. Его медицинские архивы неисчерпаемы; впрочем, как и все остальные.

— Я рад отметить, — заявил Майк серьезно, — что не замечаю признаков сердечных и респираторных заболеваний, обычных для человека в возрасте профессора, который провел столько времени на Земле. Я могу поздравить вас, сэр.

— Благодарю вас, сеньор Холмс.

— Мне было приятно сообщить вам об этом, профессор Бернардо де ла Пас.

— Как только он идентифицировал вашу личность, он сразу узнал, сколько вам лет, когда вас сослали и за что, какие публикации появлялись о вас в «Лунатике», «Лунном свете» и прочих изданиях, взглянул на фотоснимки, проверил ваш банковский счет, узнал, аккуратно ли вы платите налоги, и так далее и тому подобное. На это ушли сотые доли секунды. Майк только не признался — информация была строго между нами, — что ему известно о моем намерении пригласить вас сюда, а стало быть, он догадался о вашем присутствии сразу, как услышал ваше дыхание и пульс. Майк, ни к чему постоянно повторять «профессор де ла Пас», достаточно будет простого «проф».

— Понятно, Ман. Но профессор обращался ко мне формально и в высшей степени вежливо.

— Значит, вам обоим надо расстегнуть воротнички. Проф, вы усекли? Майк многое знает, но далеко не обо всем болтает. Он умеет держать язык за зубами.

— Это впечатляет.

— Майк — самый настоящий умник-разумник, вы увидите. Майк, я заключил с профессором пари — три против двух, что «Янкиз» опять выиграют чемпионат. Какие у меня шансы?

— Мне очень жаль, Ман. До завершения чемпионата еще далеко, но, судя по результативности команд и игроков, шансы один к четырем, запятая, семьдесят не в твою пользу.

- Неужто так плохо?
- Очень сожалею, Ман. Могу распечатать расчет, если угодно. Но я посоветовал бы тебе дать отступного. У «Янкис» высокая вероятность на победу в матче с отдельно взятой командой... но шансов на победу над всеми клубами лиги, если учесть еще такие факторы, как погода, несчастные случаи и другие переменные предстоящего сезона, у них не больше, чем я сказал.
- Проф, хотите взять отступного?
- Разумеется, Мануэль.
- Ваша цена?
- Три сотни гонконгских долларов.
- Ах вы старый грабитель!
- Мануэль, как твой бывший учитель, я не могу лишить тебя возможности учиться на собственных ошибках. Сензор Холмс... Майк, друг мой... Вы позволите называть вас другом?
- Сделайте одолжение! — Майк чуть не мурлыкал.
- Майк, амиго, а вы не следите за скачками?
- Бывает, что считаю шансы, и нередко. Программисты из гражданской службы дают задания. Но результаты так часто расходятся с прогнозами, что либо мне дают слишком неполные исходные данные, либо лошади или жокеи играют нечестно. Возможно, действуют сразу все три фактора. Однако я могу предложить вам формулу, благодаря которой скачки будут приносить вам верный доход, если играть регулярно.
- И какова же эта формула? Можно узнать? — нетерпеливо спросил проф.
- Можно. Делайте ставки на учеников ведущих жокеев. Они обычно мало весят и получают хороших лошадей. Но не ставьте все сразу — могут быть проколы.
- Ученик ведущего... хм... Мануэль, у тебя часы точные?
- Проф, чего вы хотите? Сделать ставку ни свет ни заря? Или выяснить то, о чем мы говорили?
- Ох, извини... пожалуйста, продолжайте. Ведущий ученик...
- Майк, я дал тебе вчера вечером магнитную запись. — Я наклонился к микрофону и прошептал: — «День взятия Бастилии».

- Помню, Ман.
- Ты обдумал ее?
- Со всех сторон. Вайо, ты говорила очень впечатляюще.
- Спасибо, Майк.
- Проф, вы можете на время отвлечься от лошадей?
- А? Конечно... я весь обратился в слух.
- Тогда прекратите бормотать себе под нос варианты ставок. Майк просчитает вам их куда быстрее.
- Я думал о деле: финансирование... совместных предприятий вроде нашего всегда дается с трудом. Но это можно и отложить. Я весь внимание.
- Я хочу, чтобы Майк сделал пробный прогноз. Майк, в той записи Вайо говорила о необходимости свободной торговли с Террой. Проф же предложил вообще наложить эмбарго на отправку продовольствия Терре. Кто из них прав?
- Вопрос сформулирован некорректно, Ман.
- Что я упустил?
- Можно я поставлю его иначе?
- Конечно. Изложи свои аргументы.
- В ближайшем будущем предложение Вайо сулит обитателям Луны солидные барышни. Цена продовольствия у входа катапульты возрастает минимум в четыре раза. При этом учтен и незначительный рост оптовых цен на Терре — незначительный потому, что Администрация и сейчас продаает продукты по цене, близкой к свободной рыночной. Я не стал учитывать субсидирование продовольствия, продажу его по демпинговым ценам и бесплатную раздачу, так как все это возможно лишь благодаря колоссальным доходам, связанным с искусственно заниженной ценой у входа катапульты. Не стану говорить и о более мелких переменных, они слишком несущественны. Ограничусь утверждением, что непосредственным эффектом будет повышение цены примерно в четыре раза.
- Вы слышите, профессор!
- Но, дорогая леди, с этим я и не спорил!
- Доходы у производителей продовольствия вырастут более чем в четыре раза, потому что, как указала Вайо, сейчас они вынуждены покупать воду и другие товары по искусственно завышенным ценам. Введение свободных рыночных цен, по идее, должно бы увеличить доходы производителей

в шесть раз, но фактический рост будет меньше из-за влияния других факторов: повышение цен на экспортируемые товары приведет к росту цен на все, что потребляется в Луне, — как на товары, так и на труд. И все же общий уровень жизни повысится примерно вдвое. Это будет сопровождаться оживленным строительством новых сельхозтуннелей, увеличением добычи льда, внедрением новых аграрных методов, что опять-таки увеличит экспорт. Однако рынок Терры так велик, а нехватка продовольствия носит столь хронический характер, что уменьшение прибыли, вызванное ростом экспорта, не станет ведущим фактором.

Проф перебил его:

— Но, сеньор Майк, все это лишь приблизит день, когда ресурсы Луны окончательно истощатся.

— Я предупредил, что прогноз краткосрочный, сеньор профессор. Могу ли я изложить долгосрочный прогноз, сделанный на основе ваших замечаний?

— Всепременно!

— Масса Луны составляет приблизительно семь, запятая, тридцать шесть на десять в девятнадцатой степени тонн. Если принять численность населения Терры и Луны и прочие переменные за константу и учесть постоянный рост экспорта, то пройдет семь, запятая, тридцать шесть на десять в двенадцатой степени лет, прежде чем будет израсходован один процент массы Луны. Иначе говоря, около семи тысяч миллиардов лет.

— Что? Вы в этом уверены?

— Сделайте одолжение, профессор, проверьте сами.

— Майк, — сказал я, — это шутка? Если да, то она не смешна даже по первому разу.

— Как бы там ни было, — пришел в себя проф, — мы экспортируем не лунную кору. Мы экспортируем нашу жизнь — воду и органику. А не горные породы.

— Я это учел, профессор. Прогноз основан на возможностях контролируемой трансмутации — то есть превращения одного изотопа в другой при условии эндотермичности реакций. Вывозиться будут именно горные породы, трансформированные в пшеницу, мясо и другие виды продовольствия.

— Но мы не умеем этого делать! Амиго, это нелепо!

— Ничего, когда-нибудь научимся.
— Майк прав, профессор, — вмешался я. — Сегодня мы и впрямь не умеем, но это вопрос времени. Майк, ты не подсчитал, сколько лет нам потребуется? Хорошо бы иметь в запасе такой козырь.

Майк печально ответил:

— Ман, мой единственный друг, если не считать профессора, который, как я надеюсь, тоже станет моим другом, я пытался подсчитать, но мне это не удалось. Вопрос поставлен некорректно.

— Почему?

— Потому что тут требуется гигантский теоретический прорыв. Моя информация не дает возможности прогнозировать место и время рождения гения.

Проф вздохнул:

— Майк, амиго, я даже не знаю, что чувствовать — разочарование или облегчение. Выходит, этот прогноз практически ничего не значит?

— Как это не значит?! Очень даже значит! — вскричала Вайо. — Мы обязательно найдем решение, когда приспичит! Скажи ему, Майк!

— Вайо, мне очень жаль. Хотел бы я обладать твоей уверенностью. Но ответ будет прежним: где и когда появится гений, мне неизвестно. Увы. Очень сожалею.

— Но тогда, — сказал я, — проф был прав? Если вернуться к нашим шансам?

— Одну минуту, Ман. Есть еще одно решение, предложенное профессором: возвратные поставки с Терры, тонна за тонну.

— Да, но это неосуществимо!

— Если транспортировка будет достаточно дешевой, земляне согласятся. Решение требует небольших технических новшеств, теоретического прорыва не нужно. Просто грузовые поставки с Терры должны стать такими же дешевыми, как катапультирование грузов с Луны.

— И ты называешь это небольшим новшеством?

— Я назвал его небольшим в сравнении с другими проблемами, Ман.

— Майк, дорогой, а сколько времени на это нужно? Долго придется ждать?

— Вайо, по самым грубым подсчетам, основанным скорее на интуиции, чем на информации, понадобится где-то порядка пятидесяти лет.

— Около пятидесяти лет? Так это же пустяк! Значит, у нас будет свободная торговля!

— Вайо, я сказал «порядка», а не «около пятидесяти лет».

— А какая разница?

— Разница большая, — вмешался я. — Майк имел в виду, что не ждет этого раньше чем через пять лет, но будет удивлен, если понадобится более пятисот. Так, Майк?

— Верно, Ман.

— Значит, нам нужен еще один прогноз. Проф сказал, что мы вывозим воду и органику и не получаем их обратно. Ты согласна, Вайо?

— Да, конечно! Только я не думаю, что эта проблема так неотложна. Когда придет время, мы ее решим.

— О'кей, Майк, у нас нет ни дешевого транспорта, ни трансмутации. Через сколько лет начнутся неприятности?

— Через семь лет.

— Семь лет! — Вайо вскочила, в полном изумлении глядя на телефон. — Майк, милый! Не может быть, чтобы ты говорил серьезно!

— Вайо, — вздохнул он печально. — Я очень старался. В этой задаче бесконечно большое число переменных. Я перепробовал несколько тысяч вариантов решения, исходя из разных предпосылок. Самый оптимистичный ответ получился при допущении, что поставки на Терру не увеличится ни на грамм, что численность населения Луны перестанет расти благодаря введению жестких мер ограничения рождаемости и что одновременно развернутся активные поиски льда, чтобы поддержать нужный уровень водоснабжения. При таких условиях запас времени будет чуть больше двадцати лет. Остальные прогнозы куда хуже.

Вайо, придя в себя, спросила:

— Что же произойдет через семь лет?

— Этот срок я получил, взяв за основу нынешнюю ситуацию и предположив, что Администрация не изменит свою политику; все главные переменные экстраполированы, исходя из их прошлой динамики. Судя по доступным данным, это наиболее вероятный ответ. В две тысячи восемьдесят втором

году начнутся первые голодные бунты. Каннибализм вряд ли возникнет раньше чем через два года после этого срока.

— Каннибализм! — Вайо отвернулась и спрятала лицо на груди профа.

Он похлопал ее по спине и мягко сказал:

— Мне очень жаль, Вайо. Люди не имеют представления о том, как хрупка наша экология. Однако даже меня это потрясает. Мне, конечно, известно, что вода всегда бежит вниз по склону, но я никак не думал, что мы с такой ужасающей скоростью приближаемся ко дну пропасти.

Вайо выпрямилась, лицо ее было спокойно.

— О'кей, профессор, я ошибалась. Эмбарго необходимо, равно как и все с ним связанное. Перейдем к делу. Давайте спросим у Майка, каковы наши шансы. Теперь вы верите ему, не так ли?

— Да, дорогая леди. Верю. Мы должны привлечь его на свою сторону. Ну, Мануэль...

Потребовалось немало времени, чтобы убедить Майка в нашей полной серьезности, заставить его понять, что «шуточки» могут нас погубить (это очень трудно усвоить машина, которая не представляет себе, что такое смерть), и получить заверение, что он может и будет хранить секреты, какие бы программы поиска информации к нему ни применили, — даже если сигналы будут наши собственные, но не от нас. Майка обидели мои сомнения, но дело было слишком серьезное, чтобы рисковать из-за какой-нибудь оплошности.

Около двух часов ушло на программирование и пересмотр программ, на выбор предпосылок и разбор вытекающих из них проблем, пока наконец все четверо — Майк, проф, Вайо и я — не удовлетворились тем, что нам удалось сформулировать. А именно: какие шансы на успех имеет революция — вот эта революция, возглавляемая нами, — если мы хотим не допустить голодных бунтов, собираемся сражаться с Администрацией голыми руками, а против нас все могущество Терры и ее одиннадцати миллиардов жителей, готовых нас раздавить и подчинить своей воле. И при условии, что никакой фокусник не вытащит для нас из шляпы кролика, что никуда нам не деться от предательства, людской глупости и малодушия и что сами мы отнюдь не гении и не играем никакой существенной роли в жизни Луны. Проф убедился, что

Майк знает историю, психологию, экономику и так далее. Под конец Майк сильно обсkaкал профа по количеству предложенных переменных. Наконец решили, что программа готова и что мы не в состоянии придумать еще один более или менее существенный фактор.

Тогда Майк сказал:

— Проблема слишком неопределенна. Как я должен ее решить? Пессимистически? Оптимистически? Или в виде диапазона вероятностей, описываемого кривой или несколькими кривыми? Что скажете, профессор, мой друг?

— Мануэль?

— Майк, — сказал я, — когда я бросаю игральную кость, то один шанс из шести за то, что выпадет единица. Я не прошу владельца лавочки проверить кость на плавучесть, не измеряю ее кронциркулем, не беспокоюсь о том, что кто-то может на нее дунуть. Не надо нам ни оптимистических, ни пессимистических подходов, не надо нам никаких кривых. Скажи нам одной фразой: каковы шансы. Равные? Один на тысячу? Никаких?

— Да, Мануэль Гарсия О'Келли, мой первый друг.

В течение тринадцати с половиной минут не было слышно ни звука. Вайо чуть не сгрызла себе костяшки пальцев. Никогда я еще не видел, чтобы Майку для расчетов потребовалось столько времени. Надо думать, он сверялся с каждой книгой, которую прочел, и перетряхнул все наборы случайных чисел. Я уже стал подозревать, что у него перегрузка и либо что-нибудь сгорело, либо случился кибернетический нервный срыв, требующий компьютерного аналога лоботомии, чтобы прекратить осцилляцию.

Наконец Майк заговорил:

— Ман, мой друг, я страшно сожалею.
— Что случилось, Майк?
— Я проделал расчет несколько раз, проверял и перепроверял. Шанс на победу всего лишь один к семи.

ГЛАВА 7

Я поглядел на Вайо, она на меня; мы громко расхохотались. Я вскочил и заорал: «Ура!» Вайо разрыдалась, обняла профа и принялась его целовать. Майк грустно сказал:

— Я не понимаю. Шансы семь к одному против нас. Не за нас.

Вайо прекратила слюнявить профессора и вскрикнула:

— Ты слышишь! Майк сказал «нас». Он включил и себя.

— Еще бы! Майк, старичок, мы все понимаем. Но знаешь ли ты хоть одного лунаря, который отказался бы поставить на такой роскошный шанс — один к семи?!

— Я знаю только вас троих. Данных, чтобы построить кривую, недостаточно.

— Что ж... мы лунари. А лунари — народ азартный. Тут поневоле станешь азартным, черт побери! Нас выперли сюда и заключили пари, что мы подохнем. А мы их обхитрили. И снова оставим их в дураках! Вайо! Где твоя сумочка? Давай сюда красный колпак! Надень на Майка. Поцелуй его. И примем по граммуречке. Налей Майку тоже — хочешь выпить, Майк?

— Я бы с удовольствием выпил, — с завистью отозвался Майк, — поскольку неоднократно размышлял над проблемой воздействия этилового спирта на нервную систему человека. Очевидно, оно аналогично легкому повышению вольтажа. Но поскольку я пить не могу, выпейте за меня кто-нибудь.

— Программа принята. Поехали. Вайо, где колпак?

Телефон был заподлицо со стеной — вделан прямо в скалу, так что напялить на него колпак не удалось. Мы водрузили колпак на полку, заменившую письменный стол, и произнесли в честь Майка тост, и назвали его «камрад», и он чуть

было не прослезился. Во всяком случае, голос у него дрогнул. Затем Вайо схватила «колпак свободы», надела его на меня и поцелуем посвятила, на сей раз уже официально, в подпольщики, причем с такой страстью, что моя старшая жена при виде этого зрелища хлопнулась бы в обморок. Затем Вайо нахлобучила колпак на профа, повторив с ним ту же процедуру, — я порадовался, что с сердцем у него, по словам Майка, все о'кей.

После этого Вайо надела колпак на себя, подошла к телефону, наклонилась и, приблизив губы к промежутку между микрофонами, послала несколько громких воздушных поцелуев:

— Это тебе, Майк, мой дорогой камрад! А Мишель тут?

И будь я проклят, если ей тут же не ответило нежнейшее сопрано:

— Я здесь, милочка! И я *ma-ak* счастлива!

Тогда поцелуй получила и Мишель, а мне пришлось объяснить профу, кто она такая, и представить его. Он был необычайно вежлив, громко втягивал воздух сквозь зубы, свистел и хлопал в ладоши — иногда мне кажется, что проф все-таки немного с приветом.

Вайо разлила водку. Проф подхватил стаканы, подлил в наши кофе, а в ее — чай и всем набухал меда.

— Мы объявили революцию, — сказал он твердо. — Теперь мы начнем ее творить. На трезвую голову. Мануэль, тебя избрали председателем. Начнем?

— Председателем будет Майк, — ответил я. — Это очевидно. И он же будет секретарем. Мы не станем держать ни единого клочка исписанной бумаги — это первое правило конспирации. С Майком нам бумага не нужна. Давай все обсудим и решим, на каком мы свете; я ведь в этих делах новичок.

— Кстати, — сказал проф, — к вопросу о конспирации. Тайна Майка должна оставаться в пределах этой ячейки. Круг допущенных лиц может быть расширен лишь при единогласном одобрении все троих... поправка: всех четверых.

— Какая тайна? — спросила Вайо. — Майк согласился хранить все наши секреты. Он более надежен, чем мы. Ему нельзя промыть мозги. Верно ведь, Майк, милый?

— Мне можно промыть мозги, — ответил Майк, — прибегнув к высокому вольтажу. Меня можно разбить, можно воздействовать на меня растворителями либо позитивной энтропией иного происхождения — мне даже думать об этом неприятно. Но если под «промывкой мозгов» ты подразумеваешь, что меня могут заставить выдать ваши секреты, ответ будет категорически отрицательным.

— Вайо, — сказал я, — проф имел в виду тайну самого существования Майка. Майк, старина, ты наше секретное оружие — ты ведь понимаешь это, верно?

Майк застенчиво произнес:

— При определении шансов на успех мне пришлось учесть это обстоятельство.

— И какие были шансы без тебя, камрад? Совсем никудышные?

— Не совсем хорошие. Отличались на порядок.

— Ладно. Замнем для ясности. Но секретное оружие должно быть секретным. Майк, кто-нибудь еще подозревает, что ты живой?

— А я живой? — В голосе его звучало трагическое одиночество.

— Хм... не будем спорить о семантике. Конечно, ты живой.

— Я не был в этом уверен. А как славно быть живым! Нет, Манни, мой первый друг, только вы трое об этом знаете. Трое моих друзей.

— Так должно остаться и впредь, если мы хотим сорвать банк. О'кей? Только нас трое — и больше никаких разговоров ни с кем.

— Зато мы будем болтать с тобой до посинения, — пообещала Вайо.

— Это не просто о'кей, — твердо сказал Майк, — это необходимость. Я включил этот фактор в расчет шансов.

— Значит, вопрос решен, — сказал я. — На их стороне все оружие в мире, зато на нашей — Майк. Такой вот расклад. Слушай, Майк, мне только что стукнуло в голову... нам придется воевать с Террой?

— Мы будем воевать с Террой... если не проиграем еще раньше.

— Типун тебе на язык. У землеедов есть такие же смышленые компьютеры, как ты? Или живые?

Майк помедлил с ответом.

— Не знаю, Ман.

— Нет данных?

— Мало данных. Я искал сведения не только в технических изданиях, но и в других источниках. На рынке нет компьютеров моей нынешней мощности... однако аналогичные мне модели можно усовершенствовать точно так же, как это проделали со мной. Кроме того, сведения об экспериментальном мощном компьютере могли быть засекречены и не опубликованы.

— М-м-м... что ж, придется идти на риск.

— Да, Ман.

— Таких умниц, как наш Майк, вообще больше быть не может, — презрительно заявила Вайо. — Не валяй дурака, Манни.

— Вайо, Ман вовсе не валяет дурака. Манни, я видел однажды странное сообщение. В Пекинском университете предприняли попытку соединить компьютер с человеческим мозгом для колossalного увеличения мощности. Компьютерный киборг.

— Там объяснялось как?

— Заметка была не технического характера.

— Что ж, не беспокойся о том, чего не в силах изменить.

Верно, проф?

— Правильно, Мануэль. Революционер должен избегать тревожных сомнений, иначе нервная система не выдержит.

— Не верю я ни одному вашему слову, — заявила Вайо. — У нас есть Майк, и мы победим. Майк, милый, ты сказал, что нам придется сражаться с Террой, а Манни утверждает, что Терру нам не одолеть. Наверняка у тебя есть какая-нибудь идея, как выиграть в этой схватке, иначе ты не дал бы нам шанса из семи. Что у тебя на уме?

— Закидать их камнями, — ответил Майк.

— Не смешно, — буркнул я. — Вайо, не ставь телегу впереди лошади. Мы еще не решили даже, как выбраться из этой норы, чтобы нас не прищучили. Майк, проф сказал, что вчера вечером были убиты девять охранников, а Вайо утвержда-

ет, что их всего двадцать семь. Так что осталось восемнадцать. Ты в курсе, так это или нет? Может, знаешь, где они и что затевают? Нельзя же начинать революцию, если мы носа не можем высунуть наружу.

Проф меня перебил:

— Мануэль, это трудности преходящие, мы сами с ними справимся. Проблема же, поднятая Вайоминг, основополагающая, и ее необходимо обсудить. Сегодня же и до конца. Меня интересует мнение Майка.

— О'кей, о'кей... вы можете чуть-чуть подождать, пока Майк ответит на мой вопрос?

— Извините, сэр.

— Майк?

— Ман, официально у коменданта числится двадцать семь охранников. Если девять убиты, теперь их, по официальным данным, осталось восемнадцать.

— Что значит — «официально числится»?

— У меня есть некоторая информация; не исключено, что она существенна. Позволь мне изложить ее, прежде чем выдвигать гипотетические предположения. Номинально в департаменте шефа безопасности, кроме клерков, числятся только охранники. Но я составляю платежные ведомости для административного комплекса, и число двадцать семь не совпадает с численностью персонала департамента безопасности.

Проф кивнул:

— Стукачи, да?

— Подождите, проф. И кто же эти люди?

— Это просто номера в ведомостях, Ман, — ответил Майк. — Я подозреваю, что сами фамилии находятся в банке данных шефа безопасности.

— Погоди-ка, Майк. Шеф безопасности Альварес хранит у тебя свои файлы?

— Предполагаю, что так, поскольку его банк данных перекрыт паролем, запрещающим поиск информации.

— Во зараза! — сказал я и добавил: — Проф, как вам это нравится? Он использует Майка для хранения информации, Майк знает, где она спрятана, но не может к ней прикоснуться.

— Почему не может, Мануэль?

Я постарался объяснить профу и Вайо, какими видами памяти обладает наш умник. Постоянная память, которая не может быть стерта ввиду особого устройства логической части, то есть самого процессора; оперативная память, которая используется для текущих программ, а затем стирается, — вроде той памяти, что подсказывает вам, подслостили вы кофе или нет; временная память, которая сохраняется в течение обусловленного времени — миллисекунд, дней, лет — и стирается по истечении срока; постоянно накапливаемая память, то есть базы данных, подобные образованию, получаемому человеком, с той разницей, что машина ничего не забывает, хотя сами эти данные могут быть сжаты, рассортированы, перемещены и отредактированы, и, наконец, длинный список специальных памятей — от файлов с записками-памятками до сложнейших программ. Причем каждая память активизируется собственным сигналом поиска, блокируемым или нет, с бесконечными разновидностями блокировки — последовательными, параллельными, временными, ситуационными и так далее.

Никогда не пытайтесь объяснить устройство компьютера невеждам. Легче девственнице объяснить, что такое секс. Вайо никак не могла взять в толк, почему Майк, зная, где Альварес хранит свои материалы, не может до них добраться.

Я сдался:

— Майк, ты не можешь ей растолковать?

— Попытаюсь, Ман. Вайо, я могу выдать заблокированные материалы, только получив задание извне. Я не могу сам себе задать такую программу поиска информации. Моя логическая структура не позволяет этого. Я должен получить сигнал, введенный извне.

— Хорошо, но скажи, ради *Bog'a*, что это за сигнал?

— Это, — без запинки выдал Майк, — специальный файл «Зебра». — И выжидательно замолк.

— Майк! — сказал я. — Разблокируй специальный файл «Зебра»!

Он повиновался, и информация хлынула к нам потоком. Пришлось еще убеждать Вайо, что Майк не упрямился, — он ведь почти умолял нас щекотнуть его за это место. Конеч-

но, ему был известен сигнал, как же иначе! Однако сигнал должен был поступить извне, этого требовала сама конструкция Майка.

— Майк, напомни мне проверить вместе с тобой все специальные сигналы блокировки и пуска. Возможно, там мы наткнемся на залежи ценной информации.

— Я уже думал об этом, Ман.

— О'кей, но это потом. А теперь вернемся обратно и не торопясь пройдемся по материалам «Зебры»... и, Майк, по мере чтения перепиши их, не стирая, под шифром «День взятия Бастилии» в отдельный файл. Назовем его «Дятел». О'кей?

— Программа готова и выполняется.

— Все новые данные, что внесет Альварес, обрабатывай в том же духе.

Главным нашим призом оказался полный список стукачей во всех поселениях, содержавший более двухсот имен; каждое из них сопровождалось шифром, который Майк идентифицировал с номером в платежной ведомости.

Майк начал зачитывать список по Гонконгу-Лунному, и тут Вайо ахнула:

— Стоп, Майк! Мне надо их записать!

— Эй! — сказал я. — Никаких записей! Что за базар?

— Эта женщина, Сильвия Чанг, — секретарь у нас в Гонконге! Но... но это означает, что вся наша организация у коменданта в руках!

— Нет, дорогая Вайоминг, — поправил ее проф. — Это означает, что вся его организация в наших руках.

— Но...

— Я понимаю, что проф имеет в виду, — обратился я к Вайо. — Наша организация состоит из нас троих и Майка, и комендант ничего о нас не знает. Зато теперь мы знаем все про его организацию. А потому — цыц! Дай Майку дочитать. Но ничего не записывай. Ты можешь получить список от Майка в любое время — стоит только позвонить. Майк, отмечь, что эта баба Чанг — секретарь бывшей организации Конгвиля.

— Отметил.

Вайо вся кипела, слушая фамилии стукачей в своем городе, но ограничилась тем, что мысленно отмечала личных

знакомых. Не все названные были «камрады», но все же их было достаточно, чтобы довести ее до белого каления. Имена по Новому Ленинграду нам почти ничего не говорили: проф знал троих, Вайо — одного. Когда дело дошло до Луна-Сити, проф заметил, что почти половина стукачей принадлежит к числу «камрадов». Некоторых я знал лично — естественно, не как фальшивых подпольщиков, а просто как добрых знакомых. Но не друзей. Не знаю, как бы я реагировал, обнаружив, что люди, которым я верил, — платные агенты босса. Думаю, меня бы это потрясло.

Вайо, во всяком случае, была потрясена. Когда Майк закончил, она сказала:

— Мне до зарезу нужно домой. Я ни разу в жизни не участвовала в ликвидации, но я с наслаждением уничтожу этих сволочей!

— Никто из них, — спокойно сказал проф, — не будет ликвидирован, дорогая Вайоминг.

— Что?! Профессор, вы что — против? Я никогда не убивала, но всегда считалась с тем, что такая необходимость может возникнуть.

— Убийство, — покачал головой проф, — не лучший метод обращения со стукачами, особенно когда они не знают, что вам известно об их предательстве.

— Я, должно быть, ужасно тупая, — захлопала ресницами Вайо.

— Нет, дорогая моя леди. Просто в вас слишком много очаровательной непосредственности... слабость, которой вам следует остерегаться. Справиться со шпионом — дело нехитрое: надо дать ему возможность дышать, окружить его надежными партийцами и скормливать ему безвредную информацию. Мы примем всех этих тварей в нашу организацию. Не пугайтесь — мы включим их в особые ячейки, или, правильнее сказать, «клетки». Ликвидировать шпионов было бы безумной расточительностью — каждого стукача тут же заменят новым, а само убийство предателей подскажет коменданту, что мы проникли в его секреты. Майк, *амиго мио*, в этом досье должно быть что-то и обо мне. Не взглянете ли?

Насчет профа было много чего, но я был поражен, узнав, что все сводится к оценке «безвредный старый дурак». Классифицировался он как «подрывной элемент» — по этой при-

чине его и сослали в Булыжник — и как член подпольной группы в Луна-Сити. Досье сообщало, что в организации он прослыл склочником, который вечно со всеми спорит.

Проф прямо расцвел — так был доволен.

— Надо подумать: может, стоит продать свою душу и пойти на жалованье к коменданту?

Вайо это не показалось забавным, особенно когда проф дал понять, что это не шутка, а просто довольно опасная тактика, нередко, однако, практикуемая.

— Революцию приходится финансировать, дорогая леди, и один из способов добыть для нее деньги — это пойти в полицейские осведомители. Очень возможно, что некоторые предатели фактически на нашей стороне.

— Ни за что не стала бы им доверять!

— Согласен. Основная трудность с двойным агентом — невозможность точно определить, кому он по-настоящему предан, если предан вообще. Хотите ознакомиться с собственным досье? Или предпочитаете прослушать его в одиночестве?

В деле Вайо никаких неожиданностей не оказалось. Стучаки коменданта вычислили ее еще несколько лет назад. К моему удивлению, выяснилось, что досье есть и на меня — результат формальной проверки на предмет допуска к работе в административном комплексе. Меня классифицировали как «аполитичного», причем кто-то дописал «туповат», что было, с одной стороны, обидно, а с другой — справедливо, иначе черт бы занес меня в эту революцию.

Через несколько часов проф попросил Майка прекратить чтение, откинулся на спинку стула и задумался.

— Ясно одно, — сказал он. — Коменданту много известно о Вайоминг и обо мне, известно уже давно. Ты, Мануэль, в этот черный список не попал.

— А после вчерашнего?

— Ах да. Майк, какие-нибудь дополнения вносились в файл за последние двадцать четыре часа?

Оказалось — никаких. Проф продолжил:

— Вайоминг права — мы не можем отсиживаться тут всю жизнь. Мануэль, сколько у тебя знакомых в списке? Шесть, не так ли? Кого-нибудь из них ты вчера видел?

— Нет, но они могли видеть меня.

— Вряд ли им удалось засечь тебя в такой гуще народа. Я сам тебя заметил, только когда вышел на трибуну, а ведь я знаю тебя с детских лет. С Вайоминг дело другое. Трудно предположить, чтобы ее путешествие из Гонконга и речь на митинге ускользнули от коменданта. — Он взглянул на Вайо. — Дорогая леди, сможете вы разыграть роль под на-званием «последняя блажь старика»?

— Вероятно, смогу. А что это значит, профессор?

— Мануэль пока чист. Я — нет, но мое досье не дает оснований предположить, что ищечки Администрации бросятся меня вылавливать. Вас же они наверняка захотят допросить и даже задержать. Вы считаетесь опасной. С вашей стороны было бы разумно не мозолить им глаза. Эта комната... Я подумываю о том, чтобы снять ее на какой-то срок — на недели или даже на годы. Вы можете скрываться здесь, если вам безразличны те совершенно очевидные заключения, которые будут сделаны из этого факта.

Вайо хихикнула:

— Господи, мой миленький! Неужели вы думаете, что мне есть дело до того, что обо мне подумают? Я с восторгом сыграю роль вашей ночной подружки... и не слишком полагайтесь на то, что это будет только игра.

— Никогда не дразните старого кобеля, — ответил он мягко. — А то еще куснет ненароком. На ночь я резервирую себе этот диван. Мануэль, я намерен вести себя как обычно и тебе советую то же самое. Хотел бы я видеть того казака, который сумеет меня арестовать, но тем не менее в этом убежище я буду спать спокойнее. К тому же здесь удобно проводить собрания ячейки, и телефон тут есть.

— Профессор, — вмешался Майк, — можно мне внести предложение?

— Конечно, амиго, мы будем рады выслушать ваше мнение.

— Я считаю, что с каждой новой встречей нашей исполнительной ячейки опасность будет возрастать. Но вам не обязательно встречаться во плоти — вы можете общаться по телефону, а когда будет желательно мое присутствие, я к вам присоединюсь.

— Ваше присутствие нам всегда желательно, камрад Майк. Больше того — необходимо. Однако... — Проф заколебался.

— Проф, — сказал я, — не переживайте, что нас подслушают. — И я объяснил, как можно звонить по коду «Шерлок». — Телефоны не опасны, если их контролирует Майк. Кстати, о кодах... вы же не знаете, как связаться с Майком. Как, Майк? Дать профу мой номер?

Обсудив этот вопрос, они остановились на коде «Мрак-и-тайна». Проф и Майк по-детски обожали интригу ради интриги. Я сильно подозреваю, что проф тащился от бунтарства задолго до того, как выработал свою политическую философию; что же касается Майка... какое ему дело, скажите на милость, до свободы людей? Революция была для него игрой, причем в этой игре подобралась приятная компания и появилась возможность продемонстрировать свои таланты. Майк был невероятно тщеславной машиной — другую такую поискать.

— Но эта комната нам все равно нужна. — Проф покопался в своей сумке и вытащил толстую пачку банкнот.

Я вытаращил глаза:

— Ограбили банк?

— В последние дни не приходилось. Может, в ближайшем будущем и возьмусь, если Дело того потребует. Думаю, для начала подойдет арендный срок на один лунный месяц. Организуешь, Мануэль? Портье может удивиться, услышав незнакомый голос. Я ведь прошел через грузовой отсек.

Я позвонил портье. Он запросил за ключ на четыре недели девятьсот гонконгских долларов, я предложил девятьсот купонов. Он осведомился, сколько человек будут проживать в номере. Я поинтересовался, давно ли в «Раффлзе» взяли моду совать нос в личные дела клиентов. Мы сошлись на четырехстах семидесяти пяти гонконгских долларах, я отправил ему деньги, он мне — два ключа, действительных в течение месяца. Один я отдал Вайо, другой профу, а себе оставил однодневный ключ, решив, что замки они менять не будут, разве что мы задержим оплату в конце срока. (На Земле я столкнулся с крайне неприятной практикой — от клиентов отелей требовали заполнять анкеты и даже предъявлять удостоверения личности.)

— Что еще? — спросил я. — Еда?

— Я не хочу есть, Манни.

— Мануэль, ты просил нас подождать, пока Майк не ответит на твои вопросы. Вернемся к основной проблеме. Как мы поступим, когда окажемся лицом к лицу с Террой, словно Давид с Голиафом?

— Ах да. Я надеялся, что этим мы займемся позже. Майк, у тебя действительно есть идея?

— Я сказал, Ман, — ответил он грустно. — Закидать их камнями.

— Ради *Bog'a*, Майк! Сейчас не время для шуток!

— Но, Ман, — возразил он, — мы можем закидать Терру камнями! И мы это сделаем.

ГЛАВА 8

До меня наконец дошло, как до жираfa, что Майк, во-первых, говорит совершенно серьезно, а во-вторых, его идея действительно может сработать. Еще более длинношими оказались Вайо и проф — в том, что касалось «во-вторых». Хотя, в принципе, и первое и второе было очевидно.

Майк рассуждал вот как: что такое «война»? В одной из прочитанных им книг война определялась как использование силы для достижения политических целей. А «сила» — это воздействие одного тела на другое, производимое с помощью энергии.

На войне такое воздействие осуществляется оружием — его у Луны не было. Но, подумав, Майк классифицировал «оружие» как устройство для манипулирования энергией, а уж энергии в Луне навалом. Одно Солнце в лунный полдень дает около киловатта на каждый квадратный метр поверхности. Солнечная энергия хотя и циклична, но практически неиссякаема. Термоядерная энергия обходится еще дешевле и почти так же неисчерпаема — магнитная ловушка установлена, знай себе только лед добывай. Энергии хватает — вопрос лишь в том, как ее использовать.

А вдобавок у нас есть, так сказать, энергия положения. Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной» одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду. Майку это взаимодействие гравитаций было отлично известно — он ежедневно перебрасывал через рубеж лунного притяжения зерновые баржи, чтобы затем дать им свободно скользить вниз к поверхности Терры.

Майк просчитал, что может случиться, если баржа массой сто тонн (или такая же каменная глыба) рухнет на Терру без торможения. Кинетическая энергия при ударе составит $6,25 \times 10^{12}$ джоулей, то есть более шести триллионов джоулей.

В долю секунды она превратится в тепло. Взрыв, да еще какой! Результат очевиден — взгляните на Луну. Что вы видите? Тысячи тысяч кратеров — это отметины, свидетельствующие о том, что Некто забавлялся, швыряя в Луну камешки.

— Джоули мне ничего не говорят, — сказала Вайо. — Как это выглядит в сравнении с водородной бомбой?

— Хм... — Я попробовал подсчитать в уме, но «голова» Майка сработала быстрее. Он ответил:

— Падение массы в сто тонн на поверхность Терры приблизительно соответствует взрыву двухкилограммной атомной бомбы.

— «Кило» — это «тысяча», — пробормотала Вайо, — а «мега» — «миллион». Значит, это всего лишь одна пятидевятисотая от стомегатонной бомбы? Совсюз, кажется, применил именно такую?

— Вайо, детка, — сказал я очень мягко, — на самом деле все иначе. Взрыв двухкилограммной бомбы эквивалентен взрыву двух миллионов кило тринитротолуола, а килограмм ТНТ — это очень сильный взрыв, спроси у любого бурильщика. Два миллиона килограммов сотрут с Земли вполне приличный город. Верно, Майк?

— Да, Ман. Но, Вайо, моя единственная подруга, тут есть еще один аспект. Мультимегатонные бомбы малоэффективны. Взрыв происходит на сравнительно небольшой площади, и значительная часть энергии тратится впустую. Хотя стомегатонная бомба по силе в пятьдесят тысяч раз превосходит двухкилограммную, но разрушительный эффект у нее выше лишь в тысячу триста раз.

— Мне кажется, в тысячу триста раз — это очень даже немало, особенно если они решат применить эти мегатонные бомбы против нас.

— Ты права, Вайо, моя подруга. Но у Луны много скал!

— Да. Что верно, то верно.

— Камрады, — сказал проф, — в этих делах я профан; во дни моей юности, когда мы занимались метанием бомб, мой

опыт ограничивался взрывами одного килограмма того химического вещества, о котором ты, Мануэль, упомянул. Но я надеюсь, что вы двое знаете, о чём говорите.

— Мы знаем, — согласился Майк.

— Тогда я принимаю ваши цифры на веру. Но если вернуться к привычному для меня способу мышления, ваш план требует захвата катапульты. Так?

— Да, — хором ответили мы с Майком.

— Это можно сделать. А потом мы должны удержать её и сохранить в работоспособном состоянии. Майк, вы продумали, как защитить катапульту, скажем, от небольшой ракеты с ядерной боеголовкой?

Дискуссия затянулась. Мы сделали перерыв на обед и, по обычаям профа, прекратили на время все деловые разговоры. Майк рассказал несколько анекдотов, и на каждый проф вспоминал еще по одному.

К тому времени, когда мы покинули отель «Раффлз», вечером 14 мая 2075 года, у нас — вернее, у Майка — был разработанный с помощью профа план революции, включающий основные варианты действий в переломные моменты.

Когда пришла пора уходить — мне домой, а профу в вечерний класс (если не арестуют), а потом домой, чтобы принять душ и прихватить с собой манатки на случай, если он вернется сюда ночевать, стало ясно, что Вайо не хочет оставаться одна в незнакомом отеле. Ей не занимать мужества, когда дела идут наперекосяк, но в остальное время она беззащитна и легкоранима. Поэтому я позвонил Ма по коду «Шерлок» и сообщил, что приведу с собой гостя. Ма ведет дом с большим искусством и тактом; каждый супруг имеет право привести гостя — на обед или на год, и наше второе поколение пользуется почти всеми свободами, только сначала нужно получить разрешение. Не знаю, как принято в других семьях, но наши обычай складывались чуть не целое столетие, и нас они устраивают.

Так что Ма не спросила ни имени, ни пола, ни возраста, ни семейного положения гостя; я был в своем праве, а Ма слишком горда, чтобы задавать вопросы. Она сказала только: «Прекрасно, дорогой. Вы поужинали? Сегодня ведь втор-

НИК, ТЫ ПОМНИШЬ?» «Вторник» — это напоминание о том, что семейство ужинает сегодня рано, так как вечером Грэг читает проповедь. Если гость голоден, ужин все-таки подадут: уступка гостю, не мне; мы все, за исключением Деда, либо едим за общим столом, либо на ходу перехватываем что-нибудь в кладовке.

Я успокоил Ма, сказав, что мы поели и будем спешить со всех ног, чтобы появиться дома до того, как ей надо будет уходить. Несмотря на то что лунари представляют собой пеструю смесь мусульман, иудеев, христиан, буддистов и еще девяноста девяти религий, в церковь почти все ходят по воскресеньям. Но Грэг принадлежит к секте, которая вычислила, что от заката во вторник до заката в среду по местному времени в Эдемском саду (минус вторая поясная зона на Терре) как раз и есть Священная Суббота. Поэтому, когда в Северном земном полушарии лето, мы ужинаем очень рано.

Ма всегда ходит на проповеди Грэга, так что взваливать на Ма домашние дела, которые могут ей помешать, было бы просто свинством. Все мы тоже время от времени ходим в церковь. Даже я выбираюсь несколько раз в году, потому что искренне люблю Грэга, который обучил меня одной профессии и помог, когда понадобилось, переключиться на другую и который с радостью отдал бы свою руку, чтобы спасти мою. Но Ма ходит туда регулярно, хотя для нее это скорее ритуал, чем религия. Однажды ночью во время постельной болтовни она призналась мне, что у нее нет веры, на которую можно было бы наклеить определенную этикетку, а затем попросила не проговориться об этом Грэгу. Я позаимствовал у нее осторожность во взглядах: не мне судить, кто закрутил всю эту карусель, но я рад, что Он продолжает ее вортеть.

Грэга взяли в семью, когда Мими была еще совсем юной; это была первая свадьба после ее собственной. Ма питала к нему слабость и хотя яростно отрицала обвинения, будто любит его больше остальных мужей, но, когда Грэга рукоположили, приняла его веру и не пропустила ни одной вторничной проповеди.

— А может, твой гость тоже захочет посетить церковь? — спросила она.

Я ответил, что увидим, но мы поспешили в любом случае, и попрощался. Затем постучал в дверь ванной и крикнул:

— Поторопись с наведением красоты, Вайо. Нам пора бежать.

— Минуту! — отозвалась Вайо и, вопреки дамскому обыкновению, действительно появилась через минуту. — Как я выгляжу? — спросила она. — Проф, сойдет?

— Дорогая Вайоминг, я потрясен! Вы были прекрасны раньше, вы очаровательны теперь, но узнать вас невозможно. Вы в полной безопасности. Я за вас спокоен.

Теперь настал черед профа превратить себя в старую развалину; в таком виде ему надо было добраться до черного хода в собственный дом, а затем предстать в облике известного учителя перед классом, чтобы иметь свидетелей на случай, если «мальчики в желтом» караулят его с приказом об аресте.

Пока ждали, я рассказал Вайо о Грете. Она спросила:

— Манни, а как мой грим — хорош? Сойдет для церкви? Какое там освещение — яркое?

— Не ярче, чем тут. Отличная работа, можешь не беспокоиться. А ты действительно хочешь в церковь? Силком тебя никто не тянет.

— Твоей мате... я хочу сказать, твоей старшей жене это будет приятно, верно?

— Вайо, — медленно произнес я, — религия — дело сугубо личное. Но раз ты спрашиваешь... Да, для знакомства с семьей Дэвис лучше и придумать нельзя, чем сходить с Ма в церковь. Если ты пойдешь, я тоже схожу.

— Я пойду. А я думала, что твоя фамилия — О'Келли.

— Так и есть. Но если официально, то к ней через дефис нужно добавить «Дэвис». Дэвис был первым мужем, он умер лет пятьдесят назад. Это фамилия всей семьи, и каждая наша жена именуется «*gospazha* Дэвис», а через дефис идут имена всех мужей из линии Дэвисов плюс ее девичья фамилия. Но в доме у нас «*gospazha* Дэвис» — это Ма, можешь так к ней и обращаться; прочих жен зовут по имени и добавляют «Дэвис», лишь когда подписывают чек или что-нибудь в этом роде. Единственное исключение — Людмила, ее фамилия Дэвис-Дэвис, потому что она гордится двойным членством в семье — по крови и по выбору.

— Понятно. Значит, если человека зовут Джон Дэвис, то он сын, а если у него есть еще одна фамилия, то он твой со-братьчик. Но женщина в любом случае будет, скажем, Джен-ни Дэвис, верно? Как мне разобраться? По возрасту? Это вряд ли поможет. Я совсем запуталась. А я еще думала, что клановые браки сложны! И полиандрия... Хотя мой брак был довольно прост. По крайней мере, у моих мужей была одна и та же фамилия.

— Ничего сложного. Когда женщина лет сорока обращается к пятнадцатилетней «мама Мила», тебе сразу ясно, кто из них дочь, а кто жена; впрочем, на самом деле все еще проще — мы не держим в семье дочерей брачного возраста, они уходят в чужие семьи. Правда, регулярно нас навещают. Фамилия твоих мужей была Нотт?

— Нет, они были Федосеевы — Чоу Лин и Чоу Му. Я вернула себе девичью фамилию.

Вышел проф, идиотски хихикая (выглядел он даже хуже, чем раньше), и мы покинули отель через разные выходы, договорившись о встрече в главном коридоре. Нам с Вайо нельзя было идти вместе, поскольку за мной могли следить. С другой стороны, Вайо плохо знала Луна-Сити — поселение такое запутанное, что даже его уроженцам случается заблудиться. Поэтому я пошел вперед, а она за мной, не теряя меня из виду. Проф для верности следовал за Вайо.

Мы договорились, что, если меня заберут, Вайо найдет телефон-автомат, сообщит Майку, затем вернется в отель и будет ждать профа. Впрочем, я не сомневался, что приласкаю рукой номер семь любого желтомундирника, который сумеет меня арестовать.

Но все прошло тип-топ. Сначала мы поднялись на пятый уровень, потом направимся через бульвар Карвера и снова наверх до третьего. Я заскочил на станцию метро «Западная», забрал руки и чемоданчик с инструментами; скафандр трогать не стал — это отличалось бы от моего обычного поведения, я ведь всегда хранил его там. Желтомундирник, торчавший на станции, не обратил на меня ни малейшего внимания. Оттуда двинулись на юг по хорошо освещенным коридорам, добрались до частного шлюза номер тринадцать и вышли в кооперативный туннель с нормальным давлени-

ем, ведущий к туннелям Дэвисов и дюжины других фермеров. Думаю, проф отстал от нас где-то пути к шлюзу, но я не оглядывался.

Я дождался Вайо перед нашей дверью и через секунду предстал перед старшей женой:

— Ма, познакомься, пожалуйста. Это Вайма Бет Джонсон.

Ма обняла ее, поцеловала в щеку и сказала:

— Как я рада, что вы навестили нас, дорогая Вайма. Наш дом — ваш дом.

Понимаете теперь, почему я так люблю свою старушку? Теми же словами она могла бы намертво заморозить Вайо, но они прозвучали тепло, и Вайо это поняла.

Я не предупредил Вайо, что изменю ей имя: додумался до этого по пути сюда. Некоторые из наших ребятишек еще маленькие и, хотя они с пеленок учатся презирать коменданта, все равно могут случайно ляпнуть про «Вайоминг Нотт, которая у нас нынче гостит...». А имя-то фигурирует не где-нибудь — в специальном файле «Зебра»!

Но предупредить не сообразил, так как в конспирации был новичком. Однако Вайо с ходу врубилась и даже глазом не моргнула.

Грег был уже в церковном костюме и явно намыливался уходить. Ма не торопясь подвела Вайо к своим мужьям — Деду, Грегу, Гансу, затем с царственной любезностью перешла к строю жен — Людмиле, Леноре, Сидрис, Анне — и принялась знакомить гостью с детьми.

— Ма! — сказал я. — Извини, но мне надо сменить руку. — Ее брови приподнялись на миллиметр, что означало: «Мы поговорим об этом, но не при детях». Поэтому я поспешил добавить: — Я знаю, что времени нет, Грег уже украдкой поглядывает на часы. Но мы с Ваймой тоже собираемся в церковь. Так что будь добренька, извини.

Она тут же смягчилась:

— Конечно, милый!

Ма развернулась, я увидел, что ее рука лежит на талии Вайо, и сразу успокоился.

Я сменил руку номер семь на «представительскую». А заодно нырнул в телефонную кабинку и набрал «Майкрофт-XXX».

— Майк, мы дома. Собираемся в церковь. Не думаю, что ты ее прослушиваешь, так что я позвоню попозже. Проф объявился?

— Пока нет, Ман. Какая это церковь? Может, у меня есть на нее выход?

— Храм Столпа огненного покаяния...

— Нет данных.

— Притормози немного, дружок. Служба идет в Третьем западном зале собраний. Это к югу от станции на кольцевой.

— Я знаю этот зал. Там есть ввод для микрофона и еще телефон в наружном коридоре. Я за ними послежу.

— Думаю, нам ничего не грозит, Майк.

— А проф говорит — надо последить. Он как раз сейчас позвонил. Хочешь с ним поговорить?

— Нет времени. Пока!

Вот так и установился новый порядок — постоянно поддерживать контакт с Майком, чтобы он был в курсе, где мы находимся и куда собираемся, и мог к нам подключиться, если у него в том месте есть нервные окончания. Открытие, которое я сделал утром, — что Майк может прослушивать отключенные телефоны — меня поначалу обескуражило: в магию я не верю. Однако, подумав, я сообразил, что центральная система управления телефонной сетью может и без вмешательства человека подключиться к любому номеру, если обладает свободой воли. У Майка же этой свободы в избытке.

Откуда ему известно, что телефон находится в наружном коридоре, понять было труднее, поскольку «пространство» Майк воспринимал совсем иначе, чем мы. Но в памяти у него хранилась «карта» — структурная схема инженерных сетей Луна-Сити, и он всегда мог привязать упомянутый нами объект к «своему Луна-Сити»; не упомню, чтобы он хоть раз что-то перепутал.

Так что со дня нашего тайного сговора мы постоянно контактировали друг с другом и с Майком через его разветвленную нервную систему. Об этом я больше упоминать не буду, разве что при необходимости.

Ма, Грег и Вайо ждали у внешней двери. Ма дергалась от нетерпения, но улыбалась. Я заметил, что она одолжила

Вайо свой палантин; как истинной лунарке, Ма глубоко плевать на прикид, но поход в церковь — случай особый. Мы не опоздали, хотя Грэг сразу же заторопился к кафедре, а мы — к своим местам. Я тут же погрузился в теплую полудрему, механически повторяя ритуальные жесты. Но Вайо внимательно слушала проповедь Грэга и либо знала наш требник наизусть, либо навострилась подсматривать в чужих книжках. Когда мы вернулись домой, дети были уже в постелях, равно как и большинство взрослых. Ганс и Сидрис поджидали нас. Сидрис подала соевое какао с домашним печеньем, после чего все разошлись по палатам. Ма выделила Вайо комнатку в детском туннеле, где обычно спали двое младших мальчуганов. Я не спрашивал, куда их переселили: и без того было ясно, что гостью постарались устроить как можно удобнее, иначе ее положили бы с кем-нибудь из старших девочек.

Этой ночью я спал с Ма. Отчасти потому, что наша старшая жена — лучшее лекарство от нервов, а они у меня здорово растрепались за последние сутки, отчасти же для того, чтобы она не думала, будто я прокрадусь к Вайо, когда все заснут. От моей мастерской, где я ночую, когда сплю один, до комнаты Вайо всего пара шагов. Ма совершенно прозрачно намекала: «Вперед, дорогой. Можешь не докладывать, если хватит наглости. Проскользнешь у меня за спиной — и все дела».

Разумеется, вслух ничего подобного сказано не было. Мы улеглись, поболтали, выключив свет, а потом я повернулся к ней спиной.

Вместо того чтобы пожелать мне спокойной ночи, Ма спросила:

— Мануэль, почему твоя хорошенъкая гостья гримируется под афро? Мне кажется, ее природная окраска пошла бы ей больше. Впрочем, не спорю, она очаровательно выглядит и в гриме.

Я повернулся к ней лицом и объяснил — сначала бегло, а потом во всех подробностях. В конце концов оказалось, что я выложил все, умолчал только о Майке. Нет, его я тоже включил в рассказ, но не в качестве компьютера, а как человека, с которым Ма вряд ли придется познакомиться — из соображений безопасности.

Откровенничая с Ма, а точнее говоря, принимая ее в собственную подъячейку, с тем чтобы она потом возглавила свою, словом, посвящая ее в подпольную деятельность, я отнюдь не уподоблялся мужу, который выбалтывает жене все свои секреты. Может, я слегка поторопился, но, с другой стороны, если уж посвящать ее в это дело, более подходящего момента не выберешь.

Ма умна. У нее прекрасные организаторские способности: не так-то просто управлять большой семьей и при этом ни разу не оскалить зубы. Ее уважали и фермеры, и горожане в Луна-Сити; она прожила здесь дольше девяноста процентов лунарей. И безусловно, могла нам помочь.

А дома нам без ее помощи просто не обойтись. Поди объясни, зачем мы с Вайо дуэтом говорим по телефону, или попробуй отделаться от ребячьего любопытства. Дохлый номер! Но при содействии Ма в доме у нас проблем не будет.

Выслушала она меня, вздохнула и сказала:

— Сдается мне, это опасное дело, милый.

— Так оно и есть, — согласился я. — Слушай, Мими, если не хочешь связываться, так и скажи... а потом забудь все, что я говорил.

— Мануэль! Как у тебя только язык повернулся! Ты мой муж, дорогой. Мы клятву давали — делить и горе, и радости. Твое желание для меня закон. — (Господи! Во заливает! И при этом искренне верит своим словам!) — Я не пущу тебя одного на опасное дело, — продолжала она. — А кроме того...

— Что, Мими?

— Я думаю, каждый лунарь спит и видит день, когда мы станем свободными. Каждый, кроме немногих жалких бесхребетных крыс. Я никогда об этом не говорила. Что толку в пустых разговорах? Надо не ныть, а нести свою ношу и идти вперед. Но я благодарю *Bog'a*, что мне дозволено дожить до этого дня, если, конечно, он настанет. Объясни мне подробнее. Я должна найти еще троих? Троих, которым можно доверять?

— Ты только не гони. Поспешай не торопясь. Ты должна быть уверена в тех, кого изберешь.

— Сидрис заслуживает доверия. Она умеет держать язык за зубами, этого у нее не отнимешь.

— Не думаю, что следует вербовать из семьи. Нужно расширять сеть. А главное — не спеши.

— Не буду. Прежде чем я начну действовать, посоветуюсь с тобой. И, Мануэль, если ты хочешь знать мое мнение... — Она сделала паузу.

— Я всегда ценил твое мнение, Мими.

— Не стоит говорить об этом Деду. В последнее время он стал рассеян и болтлив. А теперь спи, дорогой, спи спокойно, без снов.

ГЛАВА 9

А потом был долгий период, такой долгий, что вполне можно было позабыть о столь маловероятной вещи, как революция, если бы ее подготовка не отнимала у нас так много времени. Наша первая задача заключалась в том, чтобы не попасть на заметку. Вторая и более отдаленная требовала максимального ухудшения ситуации.

Да, ухудшения, ибо до самого конца не было такого, чтобы лунари все как один готовы были восстать. Все они презирали коменданта и обманывали Администрацию. Но это отнюдь не означало, что они готовы драться и умирать. Пронесите в разговоре с лунарем слово «патриотизм» — и он либо выплятится на вас с изумлением, либо решит, что вы говорите о его прежней родине. Среди нас были французы, чьи сердца навеки отданы *Ля бель патри*, бывшие немцы, сохранившие привязанность к *Фатерлянд*, русские, до сих пор обожавшие святую матушку Русь... Но Луна? Луна — это Бульгник, место ссылки, при чем тут любовь?

Мы были самым аполитичным народом, который когда-либо производила на свет история. Честно говоря, я, как и прочие лунари, был равнодушен к политике, пока обстоятельства не ткнули меня в нее носом. Вайоминг занималась ею потому, что ненавидела Администрацию по личным мотивам, а проф терпеть не мог любую власть из чисто интеллектуальных соображений. Майк же просто скучал от одиночества, и политика была для него единственным развлечением. Так что обвинять нас в патриотизме нет никаких оснований. Разве только меня: я принадлежу к третьему поколению лунарей и не питаю никакой привязанности к определенному месту на Терре. Пожил там недолго, невзлюбил Землю и землеедов — вот и готов «патриот».

Среднего лунаря интересуют пиво, азартные игры, женщины и работа, именно в такой последовательности. Женщины могут иногда переходить на второе место, но на первое — вряд ли, каким бы почетом они у нас ни пользовались. Лунари давно усвоили: женщин на всех не хватает. А те, что не смогли усвоить, вымерли, ибо даже самый одержимый самец-собственник не может быть начеку ежеминутно. Как говорит проф, общество адаптируется к реальности или погибает. Лунари адаптировались к суровой действительности, а кому не удавалось — гибли. Что до патриотизма, то для выживания он не обязателен.

Как гласит старинная китайская пословица, «рыбы не ведают, что живут в воде». И я ни о чем таком не думал, пока впервые не попал на Терру; но даже тогда я не понял, что в лунарях полностью пустует файл под названием «патриотизм», не понимал до той поры, пока не попытался его активизировать. Вайо и ее камрады тоже нажимали на патриотическую кнопку и тоже утыкались в пустоту: годы стараний, несколько тысяч членов, то есть меньше одного процента населения, а из этого мизерного числа почти десять процентов — платные стукачи!

Проф выразился кратко: «Людей легче заставить ненавидеть, чем любить».

К счастью, нам протянул руку сам шеф безопасности Альварес. Девять убитых охранников заменили девятью десятками новых; Администрация пошла на это неохотно, поскольку очень не любила тратить на нас деньги, а потому совершила одну глупость за другой.

Так уж повелось со дня основания колонии, что охрана у коменданта была немногочисленна. Тюремщики в историческом смысле были не нужны, в чем заключалась одна из привлекательнейших сторон колониальной пенитенциарной системы: она была дешева. Комендант и его помощник, конечно, нуждались в охране, равно как и заезжие шишкари, но самой тюрьме надзиратели были ни к чему. Даже корабли перестали стеречь, после того как поняли, что в этом нет никакой нужды, и к маю 2075 года численность охранников сократилась до минимума, причем всех их набирали из числа вновь прибывших ссыльных. Однако потеря девятерых

охранников за один вечер кое-кого напугала. В том числе и Альвареса — он «подшил» копии своих рапортов с требованиями помочи в файл «Зебра», и Майк их прочел. Лагерник, служивший до ссылки полицейским офицером на Терре, а затем заделавшийся охранником в Луне, Альварес был, пожалуй, самым запуганным и самым одиноким человеком в Булыжнике. Он требовал все новой и все более ощутимой подмоги, угрожая в случае отказа подать в отставку — блеф, который Администрация раскусила бы мгновенно, знай она Луну хоть немного. Ведь, окажись Альварес безоружным в любом поселении, он прожил бы ровно столько времени, сколько смог бы остаться неузнанным.

Свое подкрепление он получил. Мы так и не узнали, кто отдал приказ о том рейде. Прыщ Морт подобных настроений никогда не обнаруживал, правитель он был из породы чурбанов. Может, сам Альварес расстарался — в должность шефа безопасности он вступил недавно, хотел показать товар лицом, не исключено, что метил на место коменданта. Вернее же всего, доклады коменданта о подрывной деятельности побудили Администрацию на Земле навести у нас порядок.

Одна глупость повлекла за собой другую. Новые охранники были набраны не из этапированных, а из элиты внутренних войск Федерации Наций — лихих драгун-миротворцев. Парни они были злобные, крутые, в Луну отправляться не хотели и к тому же вскоре поняли, что «краткосрочная полицейская акция» обернулась для них путешествием в один конец. Они ненавидели Луну и лунарей, считая нас виновниками своих бед.

Заполучив драгун, Альварес установил круглосуточные посты на всех станциях метро, а также ввел паспорта и паспортный контроль. Существуй в Луне законы, его действия были бы противозаконны, поскольку девяносто пять процентов из нас теоретически считались свободными — либо родились здесь, либо отсидели свой срок. В городах этот процент был еще выше, так как лагерники жили в баракных поселениях Комплекса и в городе бывали только по выходным — два дня в лунный месяц, бесцельно и без денег шатаясь по улицам в надежде, что кто-нибудь поставит им дармовую выпивку.

Однако паспортная система не являлась незаконной, так как единственными писанными законами были у нас распоряжения коменданта. В газетах напечатали объявления, нам предложили в недельный срок оформить паспорта, и в одно прекрасное утро, ровно в восемь ноль-ноль, постановление вступило в силу. Некоторые лунари вообще никуда не ездят, другим приходится путешествовать по делам, а кое-кто мается из небольших периферийных поселений или даже из Луна-Сити в Новолен и обратно. Что ж, послушные мальчики заполнили анкеты, заплатили деньги, сфотографировались и получили паспорта. Я, по совету профа, тоже заделался паникой, получил паспорт и приложил его к пропуску, разрешавшему работать в Комплексе. Паник оказалось маловато. Лунари в это дело не поверили. Паспорта?

Что за штука такая неслыханная?

На станции метро «Южная» в то утро стоял солдат, одетый в желтый мундир, а не в обычную военную форму; было похоже, что он ненавидит и мундир, и всех нас в придачу. Я никуда ехать не собирался — просто прогуливался да посматривал по сторонам.

Объявили о капсule на Новолен. Толпа человек в тридцать двинулась к турникету. Мистер Желтый Мундир потребовал паспорт у первого подошедшего. Лунарь остановился и затянул спор. В это время второй протиснулся за спиной у солдата. Тот повернулся, заорал, но еще трое или четверо просочились мимо. Охранник потянулся за пистолетом; кто-то схватил его за локоть, пистолет выстрелил — пулевой, не лазерный, стреляет оглушительно.

Пуля щелкнула о перрон и со свистом куда-то срикошетила. Я отступил подальше. Пострадал только один человек — охранник. Когда первая группа пассажиров спустилась по пандусу, он недвижно лежал на платформе.

Никто не обращал на него внимания; его обходили, перешагивали через него — остановилась лишь одна женщина с ребенком на руках: она тщательно примерилась, пнула его каблуком в лицо и пошла себе по пандусу вниз. Вероятно, он был уже мертв, но я не стал проверять. Думаю, тело так и провалилось там до смены караула.

На следующее утро на посту стояла половина взвода. Капсула на Новолен ушла пустой.

Потом все утряслось. Те, кому надо было ездить, получили паспорта, а самые твердокаменные прекратили поездки. Пост у входа в метро теперь состоял из двух человек — один проверял паспорта, другой страховал его с пистолетом в руке. Проверяющий не особо усердствовал, и хорошо, что так, ибо документы были в основном фальшивые, причем первые подделки фабриковались кое-как. Вскоре, однако, откуда-то выкрадли бланки, и поддельные паспорта стали выглядеть не хуже официальных. Правда, стоили они дороже настоящих, но лунари предпочитали паспорта, выпускаемые частными фирмами.

Наша организация фальшивки не изготавляла, мы только поддерживали саму идею и знали, у кого они есть, а у кого нет. Майк хранил у себя полный список официально выданных паспортов. Это помогало нам отделять овнов от козлищ в тех досье, которые мы начали составлять; их тоже хранили у Майка, под шифром «Бастилия». Мы решили, что человека с поддельным паспортом можно считать нашим потенциальным соратником. По сети ячеек спустили указание — не вербовать в организацию людей с официальными документами. Если у вербовщика были сомнения, ему достаточно было послать запрос наверх и ждать ответа.

Однако неприятности охранников этим не ограничивались. Ни достоинство солдата, ни состояние его духа не улучшалось оттого, что перед ним или, еще хуже, у него за спиной прыгали дети, передразнивая каждое его движение, а то и просто носились взад-вперед, выкрикивая непристойности, корча рожи и складывая из пальцев всем известную фигуру. Во всяком случае, солдаты воспринимали это как оскорбление.

Один солдат ударил мальчишку по лицу и выбил несколько зубов. Результат: убиты два охранника и один лунарь.

После этого постовые стали детей игнорировать.

Мы ничего специально не придумывали, лишь поддерживали общий настрой. Кому, скажите, могло прийти в голову, что милая пожилая леди вроде моей старшей жены станет поощрять хулиганские выходки ребятни? Но именно она-то их и поощряла.

Были и другие вещи, которые раздражали холостых людей, оказавшихся вдали от дома. Одну мы спровоцировали

сами. Дело в том, что драгун-миротворцев завезли в Булыжник, так сказать, без дамского обеспечения.

Многие наши девицы — настоящие красавицы, и некоторые из них взяли за обыкновение слоняться по станциям. Одеты они были куда легче обычного, то есть близко к нулю, зато надушены сильнее, причем духами крепкими и возбуждающими. С желтомундирниками они не разговаривали и даже на них не смотрели — просто прохаживались в поле зрения солдат, волнообразно покачиваясь так, как умеют лишь девушки-лунарки (женщины Терры так ходить не могут — шестикратный вес не позволяет).

Такое зрелище, естественно, собирало толпы лиц мужского пола, от взрослых мужиков до неполовозрелых подростков: красотке — восторженные свистки и аплодисменты, «мальчику в желтом» — ядовитые насмешки. Первыми начали эту игру девицы из бордель-автоматов, но вскоре образовался такой наплыв желающих, что проф решил не тратить больше денег на постановку. И оказался прав: даже наша Людмила, застенчивая, как котенок, вызвалась попробовать, однако Ма категорически ей это запретила. Зато Ленора — на десять лет старше и самая красивая в нашей семье — попробовала, и Ма ее не бранила. Ленора вернулась раскрасневшаяся, взволнованная и довольная собой, горя желанием и дальше дразнить врага. Причем по собственной инициативе — ей и невдомек было, что революционная каша уже заварилась.

В это время с профом я виделся редко, и никогда на людях; мы поддерживали связь по телефону. Поначалу нам сильно мешало, что у нас на ферме был всего один телефон на двадцать пять человек, среди которых насчитывалось немало подростков, готовых висеть на проводе часами, пока не прогонят. Мими была строга: детям разрешался один телефонный звонок в день продолжительностью не более девяноста секунд с возрастающей шкалой наказаний за нарушение правила, что, однако, умерялось готовностью Ма делать исключения. Последние сопровождались «мамиными телефонными нотациями» типа: «Когда я впервые попала в Луну, здесь вообще не было домашних телефонов. Вы, дети, не можете себе представить, как легко...»

Мы чуть ли не последними из зажиточных семей установили у себя телефон. Когда я вошел в семью, телефон был для нас еще новинкой. Зажиточными же мы стали потому, что никогда ничего не покупали, если могли вырастить это сами. Ма не любила телефоны, ибо деньги за пользование услугами «Кооперативной компании связи Луна-Сити» в значительной степени шли в карманы Администрации. И никак не хотела понять, почему я не мог («ты же так хорошо разбираешься в этих вещах, Мануэль, милый») позаимствовать телефонный сервис, как мы заимствовали электроэнергию. Что телефонный аппарат — это часть системы переключений, в которой он должен фигурировать под определенным номером, Ма нисколько не интересовало.

И все же я додумался, как смухлевать. Проблема незаконного телефона состоит в том, что надо организовать прием телефонных звонков. Поскольку телефон не зарегистрирован, то, даже если вы сообщите о нем друзьям, с которыми хотели бы разговаривать, вы все равно останетесь «неизвестным» для сети — нет сигнала, который даст ей команду соединить с вами потенциального собеседника.

Но с тех пор как Майк вошел в число заговорщиков, подключение к сети перестало быть проблемой. В моей мастерской было почти все, что нужно, а остальное я или купил, или позаимствовал. Просверлил дырочку в телефонную будку из мастерской и еще одну — из комнаты Вайо (горная порода тут была толщиной около метра, но лазерный луч, суженный до размеров карандаша, режет быстро). Снял со стены зарегистрированный аппарат, присоединил к линии блочок беспроводной связи и замаскировал его. Осталось лишь спрятать в комнате Вайо и в моей бинауральные микрофоны и динамик, а также соорудить схемку, повышающую частоту за пределы слышимости, чтобы в аппарате Дэвисов было тихо, и преобразующую ее обратно в нормальную звуковую частоту.

Единственная проблема — как проделать такую работу без свидетелей; но это Ма взяла на себя.

Все остальное организовал Майк. Он не стал придумывать новых номеров — отныне я пользовался номером «Майк-рофт-XXX», только когда звонил по какому-нибудь другому

аппарату. Майк просто круглые сутки прослушивал мою мастерскую и комнату Вайо. Услышав, как я или она произносим: «Майк», он тут же отвечал, а на другие голоса не реагировал. Голоса он различал, словно отпечатки пальцев, и ни разу не ошибся.

Ну а я доделал кое-что по мелочам: поставил звукоизоляцию на дверь в комнате Вайо, такую же, как у меня в мастерской, соорудил переключатели для наших с ней переговорных устройств, а также провел сигнализацию, чтобы знать, одна ли она в комнате и закрыта ли у нее дверь, и чтобы Вайо знала то же самое обо мне. Все это обеспечило безопасность наших разговоров с Майком, друг с другом и общих переговоров вчетвером. С профом Майк мог связаться в любом месте, и проф либо поддерживал разговор, либо звонил позже по более безопасному аппарату. Иногда требовалось быстро разыскать меня или Вайо, — в общем, мы все старались непрерывно находиться на связи с Майком.

По моему контрабандному телефону, хоть у него и не было кнопочного набора, можно было дозвониться куда угодно: вызываешь Майка и под кодом «Шерлок» просишь соединить с кем нужно без всякого номера, поскольку у Майка полный список абонентов и он сыщет нужный набор букв куда быстрее. Мы начинали понемногу понимать, какими безграничными возможностями обладает телефонная сеть, когда она живая и к тому же на нашей стороне. Я получил от Майка и передал Ма еще один незанятый номер, чтобы она могла позвонить ему, если надо будет срочно со мной связаться. Ма быстро подружилась с Майком, которого по-прежнему считала человеком. И такое отношение к нему быстро распространилось в кругу семьи.

Как-то днем, когда я вернулся домой, Сидрис сказала мне:

— Манни, милый, звонил твой друг, у которого такой приятный голос, Майк Холмс. Просил, чтобы ты ему звякнул.

— Спасибо, родная. Позвоню.

— Когда ты наконец пригласишь его к обеду, Ман? Мне он кажется очень славным.

Я сказал, что у *gospodin'a* Холмса дурно пахнет изо рта, что он весь зарос шерстью и ненавидит женщин.

Она, пользуясь тем, что Ма нет поблизости, ответила непристойным словечком.

— Просто боишься мне его показать. Опасаешься, что я предложу принять его в мужья!

Я похлопал ее по спине и заверил, что она совершенно права. Потом рассказал об этом Майку и профу. Майк еще пуще принялся флиртовать с женской половиной семейства, а проф, как мне показалось, задумался.

Я продолжал учиться технике конспирации и понял, что означали слова профа о революции как искусстве. Я не забыл (и не подвергал сомнению) предсказания Майка о катастрофе, грозящей Луне всего через семь лет. Однако не думал об этом — все мое внимание поглотили более увлекательные и затейливые детали.

Проф неустанно твердил, что сложнейшими проблемами конспирации являются связь и безопасность, подчеркивая их конфликтную взаимозависимость: чем проще связь, тем выше угроза для безопасности; если же организация слишком законспирирована, меры предосторожности могут парализовать ее деятельность. Проф считал, что структура, состоящая из ячеек, представляет собой компромиссное решение проблемы.

Я принял систему ячеек, поскольку нужно было свести к минимуму последствия действий провокаторов. Даже Вайо согласилась, что организация, которая не состоит из изолированных отсеков, неработоспособна, примером чему служило прежнее подполье, буквально нашпигованное стукачами.

Но мне не нравилось, что связь внутри сети ячеек такая медленная. Как у древних земных динозавров, сигнал слишком долго шел от головы к хвосту, и наоборот.

На эту тему я потолковал с Майком.

Идею избыточных каналов связи, о которой я рассказывал профу, мы отбросили. Систему ячеек оставили, но безопасность и связь решили обеспечить с помощью чудесных возможностей нашего умника-разумника. Связь: мы создали троичную древовидную систему партийных кличек. Председатель: *gospodin* Адам Селен (Майк).

Исполнительная ячейка: Борк (я), Бетти (Вайо), Билл (проф).

Ячейка Борка: Васси (Ма), Волин, Ванг (Чанг).

Ячейка Бетти: Вильям (Грег), Вивиан (Сидрис), Ватанабэ (камрад Клейтон).

Ячейка Билла: Валльс (Финн Нильсен), Виктория, Воттер. И так далее.

На седьмом ярусе какой-нибудь Жорж руководил, скажем, Зигфридом, Зигмундом и Зарой, и на уровне буквы «З» нам потребовалось уже 2187 имен. Но для компьютерных мозгов это не проблема — Майк сам подбирал имена, а если не хватало, просто выдумывал. Каждый новый член организации получал партийную кличку и номер телефона для экстренной связи. Никаких запасных каналов или прохождения по цепочке — номер напрямую соединял звонившего с Адамом Селеном, то есть с Майком.

Безопасность: мы положили в основу два постулата. Ни одному человеку нельзя верить ни в чем — Майку можно верить безгранично. Первая мрачная часть этого предположения не нуждается в обосновании. Наркотики и другие ма-лоаппетитные средства могут сломить любого. Единственная защита — самоубийство, но оно не всегда возможно. Разумеется, существуют средства вроде «пломбы с цианидом», как классические, так и новейшие, почти стопроцентно надежные, и проф позаботился, чтобы мы с Вайо были ими обеспечены. Я так и не узнал, что он дал Вайо в качестве «последнего дара дружбы», а поскольку я своим не воспользовался, то не будем углубляться в детали. Да я и не уверен, что покончил бы с собой; не из того я слеплен теста, из которого делаются мученики.

Майку же возможность совершить самоубийство была ни к чему, наркотиками его не накачаешь, а боли он не чувствовал. Всю информацию о нас он хранил в отдельном банке памяти под кодом, запрограммированным исключительно на наши голоса, но поскольку плоть слаба, мы добавили еще один сигнал, которым в случае чего любой из нас мог заблокировать голоса двух остальных. По моему мнению, а я как-никак лучший компьютерщик в Луне, Майк не мог самостоятельно снять блокировку. А главное — никому и в голову не могло прийти спросить у головного компьютера об этом файле, ибо о нем никто не знал, как никто не подозре-

вал и о самом существовании Майка как личности. Что может быть надежнее?

Единственный риск состоял в том, что эта ожившая машина была эксцентрична. Майк постоянно демонстрировал свои непредсказуемые возможности; не исключено, что он додумался бы, как обойти блокировку, если бы захотел.

Впрочем, этого я не опасался. Майк был предан мне — своему первому и старейшему другу; ему нравился проф; я думаю, он любил Вайо. Нет-нет, секс тут ни при чем. Просто Вайо нельзя было не любить, и они с Майком сразу прониклись взаимной симпатией.

Я верил Майку. В жизни всегда приходится делать ставку на что-то. На Майка я бы поставил при любом раскладе.

Вот так мы и построили свою систему безопасности: Майку доверили абсолютно все, а каждый из нас знал только то, что должен был знать. Возьмем, например, «древо» кличек и номеров. Мне были известны имена моих камрадов по ячейке и тройке, которой я руководил. Этого вполне хватало. Майк придумывал партийные клички, отводил каждому подпольщику телефонный номер, хранил реестр настоящих имен с указанием кличек. Скажем, член партии Гордон (я его знать не мог, ибо он находился двумя ярусами ниже) вербовал какого-нибудь Фрица Шульца. Гордон сообщал об этом наверх, не называя никаких имен. Адам Селен звонил Гордону, ставил в известность, что партийная кличка Шульца — Дэниел, затем звонил самому Шульцу по номеру, полученному от Гордона, и сообщал ему кличку и экстренный номер телефона — для каждого новичка особый. Номер, данный Дэниелу, не знал даже руководитель ячейки. А то, чего вы не знаете, вы не сможете выдать ни под воздействием наркотиков, ни под пыткой — никак! Даже по легкомыслию. Теперь предположим, что мне нужно связаться с Дэниелом. Я понятия не имею, кто он такой; может, он живет в Гонконге, а может, держит лавочку в соседнем доме. Вместо того чтобы спускать сообщение вниз в надежде, что оно дойдет-таки до адресата, я звоню Майку. Майк мгновенно соединяет меня по коду «Шерлок» с Дэниелом, не называя мне его номера. Или предположим, что мне надо поговорить с камрадом, рисующим карикатуру, которую мы разошлем по всем пив-

нушкам Луны. Я не знаю, кто он такой, но мне надо внести изменения в рисунок.

Я звоню Майку: ему известно все, и меня мгновенно соединяют, причем камрад знает, что все в порядке, ведь вызов организован самим Адамом Селеном. «Говорит камрад Борк». Карикатурист не знаком со мной, но по букве «Б» понимает, что я — важная шишка. «Мы должны изменить то-то и то-то. Передай своему руководителю, чтоб он проверил, а сам начинай работу».

И еще множество мелких преимуществ: у некоторых камрадов нет телефонов, других можно поймать только в определенные часы, часть живет в периферийных поселениях, где еще нет телефонной связи. Не важно — Майк знает все, а остальные не знают ничего такого, что могло бы повредить кому-либо, кроме горстки людей, известных им в лицо.

После того как мы решили, что в экстренных случаях Майк будет говорить с каждым камрадом лично, возникла необходимость снабдить его большим числом голосов и замаскировать, придав ему трехмерность. Короче говоря, создать «Адама Селена, председателя Временного комитета Свободной Луны».

Необходимость в голосах вытекала из того факта, что у Майка был всего один водер-вокодер, в то время как его мозг мог одновременно вести десятки, а может, и сотни (сам не знаю сколько) разговоров параллельно — как гроссмейстер, одновременно играющий на пятидесяти досках.

Это могло стать нашим узким местом по мере роста организации и увеличения числа обращений к Адаму Селену, особенно в случае перехода к активным действиям.

Но я не просто хотел снабдить Майка несколькими голосами, я хотел, чтобы он вообще перестал разговаривать вслух. Один из здешних горе-компьютерщиков вполне мог заглянуть в машинный зал, когда Майк с нами разговаривал; даже последний недоумок заподозрил бы, что дело нечисто, увидев, как главный компьютер оживленно беседует сам с собой. Водер-вокодер — старое изобретение. Человеческий голос состоит из шипения и жужжания, смешанных в разных пропорциях, что верно даже для колоратурного сопрано. Вокодер раскладывает шипение и жужжение на составные элементы, которые компьютер (и даже тренированный

человеческий глаз) может прочесть. Водер — маленькая коробочка, которая умеет жужжать и шипеть, — с помощью управляющего устройства варьирует эти элементы в соответствии с шаблонами. Человек способен «играть» на водере, производя искусственную речь; правильно запрограммированный компьютер делает это так же легко и быстро, как вы разговариваете.

Однако голос в телефонной линии представляет собой не звуковые волны, а электрические сигналы. Поэтому Майку, чтобы говорить по телефону, не нужна была звуковая часть водера-вокодера. Звуковые волны необходимы лишь человеку, находящемуся на другом конце провода. Майку в машинном зале Комплекса вовсе ни к чему говорить вслух, поэтому я решил убрать звук и, следовательно, устраниТЬ опасность подслушивания.

Сначала я поработал дома, в основном рукой номер три. Результатом явилась крошечная коробочка, в которую мне удалось впихнуть двадцать цепей водеров-вокодеров минус голосовой вывод. Затем я позвонил Майку и попросил его «заболеть» так, чтобы это встревожило коменданта. После чего стал ждать.

Фокус с «болезнью» мы проделывали уже не раз. Я вернулся к работе после того, как выяснилось, что я чист, то есть в четверг той самой недели, когда Альварес ввел в файл «Зебра» доклад о произшествии в Стиляги-Холле. В его версии перечислялось около сотни имен (примерно из трех сотен присутствующих). Список включал Коротышку Мкрума, Вайо, профа, Финна Нильсена, но меня там не было, — видимо, стукачи меня не заметили. В докладе сообщалось также, что девять полицейских офицеров, выполнявших приказ коменданта по наведению порядка, были хладнокровно застрелены. Назывались и имена трех наших погибших камрадов.

В дополнении, последовавшем через неделю, говорилось, что «известная бунтовщица Вайоминг Нотт из Гонконга-Лунного, подстрекательская речь которой в понедельник 13 мая вызвала мятеж, стоивший жизни девяти доблестным офицерам, не обнаружена в Луна-Сити, не вернулась домой в Гонконг и, очевидно, погибла в бойне, которую сама же спровоцировала». Далее признавалось, что предыдущий рапорт был непол-

ным и что тела убитых исчезли, а точное число погибших установить невозможно.

Сей постскриптум означал, что Вайо не может ни вернуться домой, ни снова стать блондинкой.

Поскольку меня не засветили, я вернулся к своей обычной жизни: обслуживал клиентов, подвернувшихся на этой неделе, то есть бухгалтерские машины и каталожные файлы в Библиотеке Карнеги, а в свободное время сидел в номере «Л» отеля «Раффлз» и слушал, как Майк по телефону читает материалы «Зебры» и других специальных файлов, поскольку связь в своей мастерской я тогда еще не оборудовал. Всю неделю Майк приставал ко мне, как капризный ребенок (а он и был ребенок), спрашивая, когда же я приду к нему за новой порцией шуток. Отчаявшись дождаться, он решил рассказать мне их по телефону.

Я было рассердился, но тут же напомнил себе, что, с точки зрения Майка, анализ шуток не менее важен, чем освобождение Луны, и что грех нарушать обещания, данные ребенку.

Кроме того, меня ужасно интересовало, пустят меня в Комплекс или нет.

Мы знали, что проф засвечен, а потому ночевать он ходил в «Раффлз». Однако, хотя участие профа в митинге не было секретом и днем он не скрывался, желтомундирники его не трогали. Когда же мы выяснили, что Альварес разыскивает Вайо, меня снова охватило беспокойство — в самом ли деле я не засветился? Или они просто ждут момента, чтобы схватить меня по-тихому? Надо было проверить.

Поэтому я позвонил Майку и попросил разыграть сценку с «расстройством желудка». Он тут же «заболел», меня вызвали — никаких проблем. Мне пришлось предъявить паспорт на станции, а потом новому охраннику в Комплексе, но в остальном все было как обычно. Я поболтал с Майком, забрал у него тысячу анекдотов (условившись, что мы будем давать оценки по сотне в три-четыре дня, не быстрее), велел ему «выздороветь» и отправился обратно в Луна-Сити, завернув по пути к главному инженеру, чтобы получить денежку за отработанное время, транспортные расходы, материалы, амортизацию инструментов, спецобслуживание — в общем, за все, что мне удалось впихнуть в счет.

После этого я посещал Майка примерно раз в месяц. Чтобы не возбудить подозрений, ездил туда только по вызову, в случае каких-то неполадок, с которыми не мог справиться персонал Комплекса. Мне всегда удавалось их «исправить» — порой быстро, а порой лишь после целого дня работы.

Я не забывал оставлять на корпусе Майка следы от своих инструментов и имел при себе распечатки тестов до и после ремонта, чтобы показать, в чем заключались неполадки, как я производил обследование и как исправлял машину. После моих визитов Майк работал безупречно. Так что я был незаменим.

Смастерив новый водер-вокодер, я, недолго думая, предложил Майку «заболеть» еще разочек. Вызов пришел через тридцать минут. Майк был в ударе: его «болезнь» проявлялась в виде диких скачков режима кондиционирования в комендантской резиденции. Температура поднималась и падала каждые одиннадцать минут, а давление — еще чаще, с частотой примерно два цикла в секунду, что способно не только довести человека до нервного срыва, но и вызвать острую боль в ушах.

А вот не надо было поручать главному компьютеру кондиционирование своей резиденции! В Дэвисовых туннелях мы и в доме, и на ферме обходились простейшими детекторами в каждом помещении, так что любой, услышав тревожный звонок, мог выскочить из постели и вручную устраниить неполадки. Если коровы мерзли, то с кукурузой все было в порядке; если гасли лампы над пшеницей, то над овощами они продолжали гореть. Майк устроил в резиденции коменданта переполох, и никто не знал, что делать: лишнее доказательство, как глупо взваливать все на компьютер.

Майк веселился от души — такой юмор он обожал. Мне его проделка тоже понравилась, и, посоветовав ему продолжать в том же духе, я разложил инструменты и достал маленькую черную коробочку.

И вдруг в дверь начал ломиться дежурный компьютерщик. Я не спеша пошел к двери. В правую руку взял свою левую номер пять, а культо выставил на всеобщее обозрение — некоторых людей от этого тошнит, другим становится не по себе.

— Какого черта тебе тут надо, приятель? — поинтересовался я.

— Слушай, — говорит он, — комендант прямо икру мечет. Ты отыскал неисправность или как?

— Передай коменданту мое почтение и скажи, что я разобьюсь в лепешку, чтобы вернуть ему драгоценный комфорт, как только найду дефектную цепь... если, конечно, мне не будут мешать дурацкими вопросами. Ты что, так и будешь стоять у открытой настежь двери, чтобы в машину при снятом корпусе набилось побольше пыли? Дело твое, конечно, ты тут командуешь, но если машина станет чихать, сам ее и чини. Я даже не подумаю вылезать из теплой постели, чтобы тебе помочь. Можешь так и передать своему дурацкому коменданту.

— Попридержи-ка язычок, дружище!

— Сам попридержи, лагерник! Закроешь ты дверь или нет? Или мне выметаться отсюда обратно в Луна-Сити? — Я махнул своей номер пять, словно дубинкой.

Он прикрыл дверь. Откровенно говоря, я не испытывал особого удовольствия, унижая бедолагу. Просто это была наша политика — нагнетать напряженку всюду, где только можно. Парню и так было противно работать на Администрацию, я же хотел, чтобы он дошел до точки.

— Ну как, подсыпать им еще перчика? — спросил Майк.

— Хм-м... Нет, продолжай минут десять в том же духе и резко прекрати. Потом еще часок подергай им давление воздуха. Нерегулярно, но покрепче. Знаешь, что такое акустический удар?

— Разумеется. Это...

— Определений не надо. После того как закончишь главную атаку, тряхани воздуходувную систему до упора, чем ближе к акустическому удару, тем лучше, и повторяй встрыску через каждые несколько минут. А потом добавим Морту еще кое-что на долгую память. М-м-м... Майк, ты можешь заставить его сортиры работать в обратном режиме?

— Запросто! Все?

— А сколько их у него?

— Шесть.

— Что ж... запрограммируй, пусть выльется столько, чтобы промочить ему все ковры. Если знаешь, какой из них

ближе к спальне, пусть там фонтанирует до самого потолка. Сможешь?

— Программа запущена.

— Отлично. А теперь принимай подарок, дружок.

В звуковом блоке водера оказалось достаточно места, чтобы пристроить мою коробочку; сорок минут работы номером три — и все в ажуре. Мы протестировали водер-вокодер, а потом я попросил Майка позвонить Вайо и проверить работу каждой цепи.

В течение десяти минут царила полная тишина. Я поставил новые пломбы на той части корпуса, которую пришлось бы снимать, если бы ремонт был взаправдашним, собрал инструменты, прикрепил руку номер шесть и скатал в ролик распечатку тысячи шуток, которая вылезла из принтера. Мне не пришлось отключать голосовую часть водера — Майк позаботился об этом сам, он всегда так делал, когда кто-нибудь дотрагивался до двери. Поскольку его рефлексы работали быстрее моих примерно в тысячу раз, я о таких мелочах не волновался.

Наконец Майк сказал:

— Все двадцать цепей работают о'кей. Я могу переключаться с одной на другую даже в середине слова, и Вайо не удалось заметить местастыковки. А еще я позвонил профу, пожелал ему доброго здоровья и поболтал с Ма по твоему домашнему телефону — разговаривал со всеми тремя одновременно.

— Значит, дело в шляпе. А что ты насочинял для Ма — в смысле, зачем звонишь?

— Я попросил передать, чтобы ты позвонил мне. То есть Адаму Селену. Затем мы поболтали. Она очаровательный собеседник. Мы обсуждали проповедь Грэга в последний вторник.

— Не понял.

— Я сказал ей, Ман, что слушал проповедь и даже прочитировал самую поэтическую часть.

— Ох, Майк!

— Все о'кей, Ман. Я объяснил, что сидел в задних рядах, а когда запели последний гимн, потихоньку ушел. Ма не любопытна, она знает, что я не хочу, чтобы меня видели.

(Это Ма-то — самая любопытная женщина в Луне!)

— Ладно, думаю, ничего страшного не произошло. Но больше так не делай. Хотя — о чём это я? Делай, конечно! Ходи... то есть продолжай прослушивать собрания, лекции, концерты и все такое прочее.

— Если, конечно, всякие прохвости не будут отключать меня вручную! Ман, я ведь не могу контролировать все эти микрофоны так, как телефоны, например.

— Там слишком простой выключатель. Вот дурачье и усердствует: сила есть — ума не надо.

— Все равно это варварство. И несправедливость к тому же.

— Ну, Майк, а где ты видел справедливость? Что исправить не в силах...

— ...терпи до могилы. Одноразовая шутка, Ман.

— Извини. Сформулируем иначе: что нельзя исправить, надо выбросить и заменить чем-нибудь получше. Так мы и сделаем. Какие шансы ты насчитал в последний раз?

— Примерно один к девяти, Ман.

— Значит, стали хуже?

— Ман, они будут ухудшаться с каждым месяцем. Нижней точки мы еще не достигли.

— У «Янкиз» тоже сплошной завал. Ну ладно, ближе к делу. Майк, если кто-то упомянет о лекции или о чём-то подобном, ты сразу дашь понять, что тоже там был, и процитируешь что-нибудь к месту.

— Запомню. А зачем, Ман?

— Ты читал «Алый Первоцвет»? Эта книга должна быть в публичной библиотеке.

— Да. Прочесть тебе?

— Боже сохрани! Просто отныне ты наш Алый Первоцвет, наш Джон Голт, наш Болотный Лис — человек, овеянный тайной. Ты всюду бываешь, все знаешь, без паспорта проникаешь в любой город. Ты вездесущ, но тебя никто никогда не видит.

Замигали огоньки — Майк издал приглушенный смешок.

— Вот это забава, Ман! Она и в первый раз смешна, и во второй, а может, она смешна постоянно?

— Постоянно, дружок. Слушай, когда ты прекратил тарарам у коменданта?

— Сорок три минуты назад, если не считать отдельных акустических ударов.

— Спорю, у него уже все зубы ноют! Пусть побалдеет еще минут пятнадцать. А затем я доложу, что ремонт закончен.

— Заметано. Вайо просила тебе передать, Ман, чтобы ты не забыл про день рождения Билли.

— О господи! Прекрацай все немедленно, я убежал. Пока! — И я выскочил из зала.

Билли — сын Анны. Вероятно, последний — она нарожала нам восемь ребятишек, трое из них еще дома. Я, по примеру Ма, стараюсь не заводить в семье любимчиков... но Билли замечательный парнишка, и я сам учил его читать. Мне кажется, он на меня похож.

Я забежал в канцелярию, оставил счет и потребовал свидания с главным инженером. Меня впустили, хотя главный был не в духе, — видно, досталось от коменданта.

— Вот, держите, — сказал я ему. — Сегодня день рождения моего сына, и я не могу опаздывать. Но это я обязан вам показать.

Я вынул из чемоданчика конверт и вытряхнул его содержимое прямо на стол. Это был трупик обыкновенной мухи, которую я присмолил раскаленным проводом и приволок с собой. Мы в Дэвисовых туннелях беспощадно истребляем мух, но иногда одна-две просачиваются из города сквозь открытые шлюзы. Эта залетела ко мне в мастерскую и оказалась очень кстати.

— Видали? Догадайтесь, где я ее нашел?

На этой фальшивой улике я построил целую лекцию о проблемах ухода за точными машинами, об открытых дверях и дураках-дежурных.

— Пыль может погубить компьютер. Насекомые же вообще недопустимы! А ваши вахтенные шляются взад-вперед, будто на станции метро! Сегодня этот идиот разглагольствовал, распахнув обе двери настежь. Если я еще раз увижу, что машину лапал какой-то болван, к которому мухи липнут, как... ладно, шеф, это ваше хозяйство. У меня и без вас работы по горло, я у вас тут копаюсь только потому, что люблю точные машины. Но я не переношу, когда над ними издеваются. Прощайте!

— Минутку! Теперь моя очередь сказать вам пару ласковых!..

— Очень сожалею, но мне надо бежать. Как хотите, но я не дезинсектор. Я компьютерщик!

Ничто так не раздражает человека, как невозможность высказаться. При удаче и с помощью коменданта главный инженер аккурат к Рождеству заработает себе язву.

Я все равно опоздал, пришлось смиленно просить у Билли прощения. Альварес придумал новую забаву — тщательный обыск на выходе из Комплекса. Я вынес эту процедуру без единого ругательства в адрес драгун, очень уж не терпелось добраться до дома. Но увидев распечатку с шутками, они встали на дыбы.

— Это что такое? — требовательно спросил первый.

— Бумага для компьютера, — ответил я. — Тестовая распечатка.

Подошел второй драгун. Вряд ли они умели читать. Они настаивали на конфискации; я требовал, чтобы позвонили главному инженеру. В конце концов меня отпустили. Я не переживал по поводу обыска — чем больше будет таких случаев, тем выше поднимется накал ненависти к солдатам.

Решение еще больше очеловечить Майка возникло из необходимости дать каждому члену Партии номер телефона для экстренной связи. Мой совет насчет концертов и пьес просто случайно попал в ту же струю. Голос Майка по телефону имел некоторые особенности, которых я не замечал, пока общался с ним только в машинном зале. Дело в том, что, разговаривая с человеком по телефону, вы слышите фоновый шум: вы слышите дыхание, биение сердца, шорох движений, хотя, как правило, не осознаете этого. Фоновый шум проникает даже сквозь звукоизолирующий колпак и заполняет собой пространство, создавая телесный образ и окружающую его среду.

У Майка же ничего подобного не было.

К этому времени голос у него стал вполне человеческим по тембру и качеству, а также вполне узнаваемым. Это был баритон с североамериканским произношением и слабым австралийским акцентом. А перевоплотившись в Мишель, он (она?) щебетал нежнейшим сопрано с французским про-

ионсом. И как личность он сильно возмужал. Когда я впервые представил его Вайо и профу, это была смесь ребенка с педантом. За несколько недель он превратился в человека примерно моего возраста.

Когда Майк «проснулся», он лепетал хрипло и невнятно, я с трудом его понимал. Теперь же произношение стало четким и ясным, а выбор слов и манера речи соответствовали обстоятельствам: тон был дружеский со мной, уважительный с профом, галантный с Вайо, то есть говорил он с теми вариациями, которых можно ждать от взрослого мужчины.

Но фон был мертв. Полная тишина.

И мы принялись заполнять ее. Майку потребовался только толчок. Он не стал астматически дышать в микрофон. В обычных условиях вы даже не заметили бы внесенных им изменений — он работал тонкими мазками. «Извини, Ман, твой звонок застал меня в ванной», — говорил он слегка запыхавшись. Или: «Я завтракаю — дай дожевать». Он выдавал эти штучки даже в разговоре со мной, после того как решил «обрести человеческий облик».

Мы творили Адама Селена все вместе, обговаривая в «Раффлзе» мельчайшие детали. Сколько лет Адаму? Как он выглядит? Женат ли? Где он живет? Кем работает? Чем увлекается?

Мы решили, что Адаму около сорока, он здоров, полон жизненных сил, хорошо образован, интересуется искусством и науками, особенно увлекается историей, хорошо играет в шахматы, хотя и редко — времени не хватает. Состоит в браке самого распространенного типа — *troika*, где является старшим мужем. В семье четверо детей. Жена и младший муж, насколько нам известно, политикой не занимаются.

У него грубоватое, но привлекательное лицо, седые волнистые волосы, он смешанных кровей, лунарь во втором поколении с одной стороны, в третьем — с другой. По лунным стандартам богат, у него бизнес в Новолене и Конгвиле, не говоря уже о Луна-Сити. Главная контора находится в Луна-Сити — канцелярия с дюжиной сотрудников и кабинет, где сидят заместитель и секретарша.

Вайо пристала с вопросом: спит ли он со своей секретаршей? Я посоветовал ей не совать свой нос в интимные дела. Она возмущенно заявила, что нос тут ни при чем, — разве мы

не стараемся создать полнокровный образ? Мы решили, что его контора находится в южном крыле Старого Купола, возле третьего яруса, в самом сердце финансового района. Если вы знаете Луна-Сити, вы должны помнить, что в Старом Куполе у некоторых контор есть окна, так как они находятся над подземными этажами; я выбрал это место из-за шумовых эффектов. Мы набросали чертеж этажа и разместили контору между «Этна-Луна» и «Гринберг компани». Я побывал там и записал на магнитофон фоновые шумы, а Майк дополнил их тем, что уловил по телефону.

Теперь, когда вы звонили Адаму Селену, фон уже не был мертвым. Если на звонок отвечала секретарша «Урсула», она говорила: «Ассоциация Селена. Луна будет свободной». Дальше она могла сказать: «Подождите минутку. *Gospodin* Селен говорит по другому аппарату», а вы слышали, как в сортире спускается вода, и понимали, что секретарша несколько отклонилась от истины. Или вам отвечал сам шеф: «Адам Селен слушает. Свободу Луне. Одну минуту, я отключу видео». Вы могли попасть и на зама: «Говорит Альберт Джинвалла, доверенный помощник Адама Селена. Свободу Луне. Если вы по партийному делу — а я полагаю, что это так, ведь вы представились партийной кличкой, — не тревожьтесь, я помогаю председателю в этих вопросах».

Это была ловушка, поскольку всех камрадов инструктировали говорить только с Адамом Селеном. Тех, кто попадался, не наказывали, но руководителей ячеек предупреждали, чтобы им не доверяли серьезных дел.

До нас стали доходить отклики. Лозунги «Свободу Луне» или «Луна будет свободной» получили хождение среди молодежи, а потом и среди солидных граждан. Услышав впервые эти слова в деловом телефонном разговоре, я чуть не проглотил язык. Потом позвонил Майку и спросил, состоит ли мой собеседник в Партии? Оказалось — нет. Я попросил Майка свериться с «партийным древом» и выяснить, кто может его завербовать.

Самый интересный отклик обнаружился в файле «Зебра» — «Адам Селен» появился там меньше чем через лунный месяц после сотворения, а рядом стояла пометка, что это псевдоним лидера нового подполья.

Шпики Альвареса взялись за Адама Селена всерьез. На протяжении нескольких месяцев его досье в файле «Зебра» непрерывно пополнялось: «Мужчина, 35–45, контора в южном крыле Старого Купола, обычно принимает с 9:00 до 18:00 по Гринвичу, за исключением субботы, в другие часы звонки переключаются на дом, который, видимо, находится в муниципальной гермозоне, поскольку поездка к нему никогда не требует больше семнадцати минут. Дома есть дети. Занимается бизнесом, в том числе брокерскими операциями, ведет дела с фермерами. Посещает концерты, театры. Вероятно, член шахматного клуба Луна-Сити и „Луна Ассоси-асьен д'Эшек“. В обеденные перерывы играет на бильярде и занимается тяжелой атлетикой — скорее всего, в спортивном клубе Луна-Сити. Гурман, но следит за фигурой. Исключительная память плюс математические способности. Принадлежит к типу руководителей, способных принимать быстрые решения».

Один из стукачей уверял, что лично разговаривал с Адамом Селеном в антракте между двумя актами постановки «Гамлета» в «Народном театре». Альварес внес в досье словесный портрет — все, кроме волнистых волос, до мелочей совпало с нашим образом!

Но больше всего Альвареса сводило с ума то, что все номера телефонов Адама, которые ему сообщали, при проверке оказывались ошибочными. (Запас свободных номеров у Майка кончился, он теперь использовал любой телефон, который почему-либо бездействовал, и переключался на другой, когда этот номер отводился новым владельцам.) Альварес попробовал выследить «Ассоциацию Селена», исходя из предположения, что в номерах просто переврана одна буква из десяти. Мы узнали об этом в тот же миг, так как Майк прослушивал телефон в офисе Альвареса и слышал приказ, Майк разыграл очередную Майкову шутку: сотрудник Альвареса, пытаясь подобрать правильную комбинацию букв, неизменно попадал в резиденцию коменданта. В конце концов комендант рассвирепел, вызвал Альвареса на ковер и намылил ему шею.

Ругать Майка я не стал, но предупредил, что дотошного человека такие штучки могут насторожить и навести на

мысль, что кто-то балуется с компьютером. Майк ответил, что таких умников среди них не найдется.

Однако нельзя сказать, чтобы усилия Альвареса пропали даром: каждый раз, когда ему сообщали новый номер Адама, мы получали возможность установить личность стукача — нового стукача, так как доносчикам, выявленным ранее, никаких телефонных номеров не давали, их просто включили в специальную группу «собачий хвост», где они могли капать друг на друга до посинения. Так что с помощью Альвареса мы выявляли новых шпиков почти мгновенно. Думаю, Альварес быстро разочаровался в тех стукачах, которых ему удалось завербовать. Двое из них исчезли, и наша организация, насчитывавшая уже свыше шести тысяч человек, так и не смогла их найти. Очевидно, их ликвидировали или же они скончались при допросе.

«Ассоциация Селена» была не единственной нашей подставной компанией. Мы создали также «ЛуНоГоКо» — фирму куда более крупную, тоже подставную, но отнюдь не иллюзорную. Ее главная контора находилась в Гонконге-Лунном, дочерние отделения — в Новолене и Луна-Сити, и служило там несколько сот человек, в основном не имевших отношения к Партии. На создание этой фирмы мы положили немало трудов.

Генеральный план Майка содержал удручающе длинный перечень проблем, которые необходимо решить. Первая из них — финансирование. Вторая — как защитить катапульту от атаки из космоса.

Для решения первой проблемы проф предложил грабить банки — и расстался с этой идеей весьма неохотно. Тем не менее со временем мы таки стали грабить и банки, и фирмы, и даже Администрацию. Как это делать, придумал Майк, а более глубокая разработка принадлежала Майку и профу. Сначала Майк никак не мог сообразить, зачем нам деньги. О причинах, заставляющих людей «вертеться», он знал так же мало, как о сексе. Через «руки» Майка проходили миллионы долларов, и он не видел тут никаких проблем. Начал он с предложения выписать чек от имени Администрации на какую угодно сумму. Проф перепугался и принялся объяснять Майку, чем нам грозит попытка обналичить чек, выписанный Администрацией, скажем, на десять миллионов ку-

понов. И все-таки мы провели эту операцию, но в розницу, выписывая чеки на множество имен и точек по всей Луне. Каждый банк, каждая фирма, магазин, агентство, включая и Администрацию, для которых Майк вел бухгалтерию, теперь пополняли своими деньгами нашу партийную кассу. Это колоссальное надувательство основывалось на неизвестном мне, но прекрасно знакомом профу и давно хранившемся без применения в мозгу Майка факте, что большая часть денег реально существует лишь в виде бухгалтерских расчетов. Вот пример, который в разных вариантах воспроизвился сотни раз. Сын моей семьи Сергей, восемнадцати лет, член Партии, получает поручение открыть счет в банке страховой компании «Содружество». Он кладет туда какую-то сумму, потом часть ее снимает. При каждой операции машина чуть-чуть ошибается: Сергею выдают больше, чем он выписал, на счет зачисляется больше, чем он фактически кладет. Через несколько месяцев Сергей уезжает из города и переводит свой вклад, скажем, в «Банк взаимопомощи» Тихо-Нижнего. Туда переводится сумма, в три раза превышающая фактическую. Большую часть ее он вскоре забирает наличными и передает руководителю своей ячейки. Майк знает, сколько денег должен передать Сергей, но поскольку ни лидер ячейки, ни Сергей не имеют представления, что Адам Селен и бухгалтер-компьютер — одно лицо, оба по отдельности сообщают Адаму величину взятой суммы. Это помогает им оставаться честными, чего не скажешь о самой операции.

Теперь умножьте эту кражу трех тысяч гонконгских долларов на многие сотни подобных.

Я не могу перечислить все жульнические уловки, которыми пользовался Майк, чтобы свести концы с концами в своих бухгалтерских книгах и скрыть тысячи мелких краж. Напомню лишь, что любой аудитор исходит из предположения, что машина честна. Он проводит несколько тестов, которые должны показать, что машина работает нормально, но ему и в голову не придет, что тесты ровным счетом ничего не доказывают, ибо машина жульничает. Майк никогда не крал по-крупному, чтобы не вызвать потрясений в экономике; он откачивал понемножку, как у донора берут поллитра крови без всякого вреда для здоровья. Я даже не могу сказать, кто именно терял деньги, так часто они переходили

из рук в руки. Но сама операция меня беспокоила, поскольку я был воспитан в правилах честности (обман Администрации не в счет). Проф уверял меня, что все это не более чем слабый инфляционный процесс, погашаемый тем, что деньги все равно возвращаются в оборот, и что волноваться не следует: у Майка все записано, и после Революции мы вернем долги, причем без проблем, ибо Администрация уже не будет сосать из нас кровь в таких масштабах.

Я пожелал своей совести спокойной ночи. Все это комариный укус в сравнении с теми мошенническими операциями, которые проворачивает любое правительство, финансируя войну. А разве революция не та же война?

Эти деньги, пройдя через тысячи рук (и каждый раз возвращаясь приумноженными с помощью Майка), стали главным источником финансирования «ЛуНоГо Компани». Компания была смешанная, на взаимных началах и акционерная. «Джентльмены риска» — гаранты акционерного капитала — вкладывали краденые деньги от своего имени. О бухгалтерии фирмы даже говорить не хочу. Поскольку учетом занимался Майк, то ни малейший намек на честность не марал совесть этого учреждения.

Тем не менее акции компании котировались на бирже Гонконга-Лунного, фигурировали в операциях Цюриха, Лондона и Нью-Йорка. «Уолл-стрит джорнел» назвал нашу фирму «привлекательной в плане инвестиций повышенного риска и доходности с большим потенциалом роста».

«ЛуНоГоКо» занималась строительными и разведочными работами, вкладывала капиталы во многие проекты, в основном вполне легальные. Главной же ее целью было секретное сооружение новой катапульты. Разумеется, само строительство нельзя было сохранить в тайне.

Невозможно купить или построить энергетическую термоядерную установку так, чтобы этого никто не заметил (от использования солнечной энергии по понятным причинам пришлось отказаться). Часть оборудования заказали в Питтсбурге — это была стандартная установка, разработанная Калифорнийским университетом, и мы не пожалели денег, ибо качество того стоило. Статор для создания многокилометрового индукционного поля тоже незаметно не построишь. А главное — как утаить место строительства от той массы на-

рода, которую нужно нанять для работы на нем же? Пусть даже большая часть катапульты — это просто вакуум, поскольку статорные кольца у конца, служащего для выброса груза, расположены на солидном удалении друг от друга. Но катапульта Администрации, дающая ускорение в 3 g , тянет-ся в длину почти на сто километров. Она не только служит ориентиром для астрогаторов и фигурирует на всех лунных картах, но и настолько огромна, что ее можно увидеть или сфотографировать с Земли с помощью небольшого телескопа. А на экранах радаров она вообще как на ладони.

Мы же строили катапульту в расчете на ускорение в 10 g , правда, длиной всего около тридцати километров, но все равно такую машину спрятать нелегко.

И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Украденном письме».

Я частенько подсмеивался над Майковой страстью к беллетристике, считая ее чтение бесполезной тратой времени. Однако, как выяснилось, из нее он черпал более живые представления о человеческой жизни, чем из научной информации. Художественная литература давала ему гештальт жизни, воспринимаемой человеком как нечто само собой разумеющееся, поскольку он в этом гештальте живет. Но помимо «гуманизирующего эффекта», заменявшего Майку жизненный опыт, беллетристика, или «вымышенные данные», как он ее именовал, была для него источником разных идей. Идею, как спрятать катапульту, он позаимствовал у Эдгара Аллана По.

Мы спрятали ее и в буквальном смысле слова, ибо катапульту строили под поверхностью Луны, чтобы скрыть от глаз и от радаров. Однако ее следовало скрыть не только физически — нужно было засекретить ее селенографическое положение.

Как же сохранить в тайне место расположения огромного чудовища, над которым трудилось множество людей? А вот как: предположим, вы живете в Новолене. Вы знаете, где находится Луна-Сити? Естественно — на восточном берегу Моря Кризисов, это знают все! Ну? А на какой широте и долготе? Ну... надо посмотреть в справочнике. Ах так, да? Но если вы этого не знаете, как же вы добрались до Луна-Сити на прошлой неделе? Элементарно, дружище: сел в метро, сде-

лал пересадку у Торричелли, а потом спал всю дорогу. Капсула сама знает, куда ехать.

Понимаете? Вам неизвестно, где находится Луна-Сити! Вы просто вылезаете на станции метро «Южная»!

Вот так же мы спрятали катапульту.

Она где-то в Океане Бурь, «это знают все». Но где она находится на самом деле и где по нашим словам — это разные вещи. И разница составляет не менее ста километров то ли к югу, то ли к северу, то ли к западу, то ли к востоку, то ли во всех направлениях сразу.

Сегодня сведения о ее положении приведены во всех справочниках — и сведения эти по-прежнему ложны. Секрет расположения катапульты в Луне берегут как зеницу ока даже теперь.

Увидеть глазом или радаром из космоса ее нельзя. Вся она скрыта под поверхностью Луны, за исключением конца, из которого производится выброс, а этот конец — большая черная бесформенная дыра, точнее, такая же, как десять тысяч других, и находится она на склоне крайне негостепримной горы, куда невозможно совершить посадку даже на джамп-ракете.

И тем не менее тут побывало множество народа — как во время строительства, так и после него. Даже сам комендант нанес визит, а мой собрачник Грег водил его по стройке. Комендант прибыл на почтовой ракете, заказанной на день; киборгу дали координаты чуть в стороне от строительства и даже установили радарный маяк для облегчения посадки. Оттуда Морту пришлось добираться на луноходе, а грузовые луноходы в те дни совершенно не походили на пассажирские, курсировавшие от Эндовиля до Билютихэтчи. Это были просто машины для перевозки грузов без обзорных иллюминаторов и вдобавок такие тряски, что людей приходилось пристегивать ремнями. Комендант хотел было залезть в кабину, но... извините, *gospodin*, там место только для водителя и его помощника, а чтобы вести эту машину, нужны они оба.

Через три часа комендант потерял интерес ко всему на свете. Ему хотелось только одного — как можно скорее оказаться дома. На стройке он пробыл не более часа и разговоров о цели всего этого бурения и ценности вскрытых полезных ископаемых не поддерживал.

Люди попроще — рабочие и все прочие — добирались по туннелям, проложенным бурильщиками в поисках льда, а там заблудиться вообще раз плюнуть. Если бы кто-нибудь притащил в багаже инерционный курсограф, он, конечно, засек бы точное местоположение, но мы не теряли бдительности. Один такой умник нашелся — и у него тут же случилась авария со скафандром. Останки мы вернули в Луна-Сити, а в записи курсографа все было как надо — то есть как нам надо, ради чего мне пришлось совершить спешную вылазку, захватив с собой руку номер три. В азотной атмосфере можно вскрыть и запаять приборчик, не оставив никаких следов, что я и проделал в кислородной маске с несколько повышенным давлением. Всего делов-то!

Принимали мы и кое-каких шишкарей с Терры, в том числе из самой Администрации. Их привозили более легким подземным маршрутом; думаю, комендант их предупредил. Но последние тридцать километров все равно приходилось трястись на луноходе. Один гость показался нам нежелательным. Некий доктор Дориан, физик и инженер. Грузовик, в котором он ехал, перевернулся — дурак-водитель решил срезать путь, — а находились они вне зоны видимости, а маяк почему-то вышел из строя. В общем, бедняге Дориану пришлось семьдесят два часа просидеть в негерметизированном йглу из пемзы, и в Луна-Сити он вернулся вдребезги обессиленным гипоксией и огромной дозой радиации, несмотря на все усилия двух водителей (членов Партии), пытавшихся доставить его в целости и сохранности.

Возможно, мы немного перестарались. Не исключено, что он и не заметил бы обмана с координатами. Ведь мало кто любуется звездами, надев скафандр, даже если Солнце позволяет их увидеть. Еще меньше людей умеют читать по звездам, и уж почти никто не в состоянии определить свое положение на поверхности. Для этого нужны инструменты, нужно уметь ими пользоваться, надо захватить с собой таблицы и знать точное время. То есть, грубо говоря, как минимум необходимы октант, таблицы и отличные часы. Наших гостей даже приглашали выйти на поверхность, но если у них с собой оказывался октант или какой-нибудь его современный эквивалент, то с ними вполне мог стрястись несчастный случай.

Вот со шпиками у нас несчастных случаев не бывало. Мы позволяли им оставаться, наваливали на них тяжелейшую работу, а Майк читал их докладные. Один доносил, что он уверен, будто мы нашли тут залежи урана. Для тогдашней Луны это было в новинку, ибо проект «Центробур» осуществляли гораздо позже. Другой вышел наружу с целым набором гейгеровских счетчиков. Мы, как могли, постарались облегчить ему задачу протаскивания всего оборудования через узкую скважину.

К марта 2076 года катапульта была почти готова, осталось лишь смонтировать сегменты статора. Электростанцию тоже загнали внутрь, и силовые кабели легли под поверхностью Луны параллельно скрытому туннелю, протянувшемуся на тридцать километров. Число рабочих сократили до минимума; среди них преобладали члены Партии. Одного шпика мы все же оставили, чтобы Альварес получал свои доклады регулярно: нам не хотелось его тревожить, а то он мог заподозрить неладное. Зато в поселениях мы ему спокойной жизни не давали.

ГЛАВА 10

За эти одиннадцать месяцев произошло немало изменений. Вайо приняла крещение в церкви Грега. Здоровье профы пошатнулось так сильно, что ему пришлось бросить преподавание. «Янкиз» заняли в турнирной таблице последнее место. Я бы заплатил профу без особого сожаления, если бы их вытеснили в достойной борьбе, но слететь с самого верха до самого низа за один-единственный сезон — да я их теперь по видео и смотреть-то не хочу!

Болезнь профы была дипломатической. Для своих лет он был в отличной форме, по три часа в день делал в номере «Раффлз» зарядку, спал в пижаме с трехсоткилограммовыми свинцовыми утяжелителями. Я от него не отставал, и Вайо тоже, хотя терпеть не могла эти занятия.

Не думаю, что она жульничала и проводила ночи с комфортом, но поручиться не могу — я с ней не спал. К тому времени она заняла в семье Дэвисов прочное место. Ей понадобился всего один день, чтобы от обращения «*gospazha* Дэвис» перейти к «*gospazha* Ма», а еще через день она уже обнимала Ма за талию и называла ее «Мими Ма». Когда из файла «Зебра» стало ясно, что в Гонконг Вайо путь отрезан, Сидрис отвела ее в свой салон красоты в нерабочие часы и потрудилась над ней так, что темная краска на коже стала несмываемой. Прическу тоже подправила — цвет остался черным, а сами волосы выглядели так, будто Вайо безуспешно пыталась их расправить. Ну и еще всякие мелочи — матовый лак на ногтях, пластиковые вкладыши для щек и ноздрей и, конечно, прежние темные контактные линзы. После этой обработки Вайо могла бы переспать с кем угодно, не опасаясь за свой грим; из нее получилась великолепная «цветная», и происхождение мы ей заделали под стать — тамилка с примесью

ангольской и немецкой крови. Я звал ее чаще Ваймой, чем Вайо.

А красотка стала — загляденье! Когда она, покачивая бедрами, шла по коридорам, мальчишки за ней увивались стаями.

Она начала было учиться у Грэга сельскому хозяйству, но Ма это дело пресекла. У Вайо хватало и силы, и ловкости, и желания, но у нас на ферме вкалывали в основном мужчины, и все как один рвались в учителя. В общем, на обучение уходило куда больше человекочасов, чем Вайо была способна отработать. Поэтому ей пришлось вернуться к домашним обязанностям, а потом Сидрис взяла ее помощницей в свой салон красоты.

Проф играл на скачках и завел себе два счета — на одном отмечались ставки, сделанные по Майковой системе «ученика ведущего», а на другом — по собственной «научной» системе профа. К июлю семьдесят пятого года он признал, что ни черта не смыслит в лошадях, и полностью переключился на систему Майка, увеличив ставки и размещая их у большего числа букмекеров. Его выигрыши шли на погашение партийных издержек, в то время как аферы Майка финансировали строительство катапульты. Но проф начисто потерял интерес к беспроигрышным скачкам и со скучой делал ставки так, как ему подсказывал Майк. Он перестал читать «лошадиные» журналы, и это было грустно — что-то умирает, когда старый игрок расстается со своей страстью. У Людмилы родилась девочка — говорят, для первых родов это очень хорошо, да и вообще замечательно: в семье непременно должна быть малышка. Вайо поразила наших женщин, оказавшихся экспертом в акушерском деле, и еще раз повергла их в изумление, когда выяснилось, что она ничего не смыслит в уходе за ребенком. Двое наших старших сыновей наконец вступили в брак, а Тедди, которому исполнилось тринадцать, приняли в другую семью. Грэг нанял двух парней с соседних ферм, и после шести месяцев совместной работы и кормежки оба стали нашими собрачниками. Приняли их не с бухты-барахты — и их самих, и их семьи мы знали уже много лет. Это восстановило баланс, нарушенный приемом Людмилы, и положило конец язвительным намекам со стороны знакомых женщин, у которых сыновья засиделись в холостяках (хотя Ма и без того могла отбрить любого, кто, по ее

мнению, не соответствовал стандартам Дэвисов). Вайо завербовала Сидрис, Сидрис начала формировать свою ячейку, завербовав свою помощницу; таким образом, салон красоты «Бонтон» превратился в рассадник подпольщиков. Мы начали использовать на посылках малышей, давали им и другие задания — к примеру, детям куда сподручней, чем взрослым, покараулить или проследить за кем-нибудь в коридорах, да и подозрений они не вызывают. Сидрис подхватила эту мысль и всячески пропагандировала ее через женщин, которых вербовала в своем салоне.

Вскоре у нее в списке оказалось столько ребятишек, что мы смогли поставить под наблюдение всех стукачей Альвареса. С Майком, способным прослушивать любой телефон, и девчурой, следившей за шпирами с утра до ночи — причем пока один ребятенок караулил, другой мог сбегать к телефону, — мы держали стукачей под колпаком, не давая им увидеть то, чего не следовало. Вскоре мы стали перехватывать их телефонные доклады, не дожидаясь, пока они появятся в файле «Зебра»; даже если шпик шел звонить в пивнушку, «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» тут же сообщали Майку, и тот начинал прослушивать телефон раньше, чем доносчик заканчивал набирать номер.

Эти ребятишки вычислили заместителя Альвареса по Луна-Сити. Мы знали, что такой существует, поскольку здешние шпики не рапортовали по телефону непосредственно Альваресу и сам он их завербовать не мог: никто из них в Комплексе не работал, Альварес же появлялся в Луна-Сити, только когда сопровождал какого-нибудь особо крупного шишкя с Терры.

Заместитель Альвареса оказался фактически двумя людьми. Один, бывший лагерник, держал в Старом Куполе лавочонку, где торговал сластями, газетами и принимал ставки на бега, а второй, его сын, служил в Комплексе и собственоручно относил туда донесения, так что Майк не мог засечь их по телефону.

Эту парочку мы не тронули, но с тех пор стали получать донесения агентов на полдня раньше Альвареса. И это преимущество, достигнутое благодаря ребятишкам пяти-шести лет, спасло жизнь семерым партийцам. Слава «Нерегулярным частям с Бейкер-стрит»!

Не помню, кто их так называл; скорее всего, Майк. Я ведь всего лишь почитатель Шерлока Холмса, а Майк совершенно уверен, что он брат Шерлока — Майкрофт... да я и не побожился бы, что он ему не брат; «реальность» штука хитрая. Сами ребятишки так себя не называли — у них в этой игре были собственные шайки, а у шаек — свои клички. Конечно, секретами их не перегружали, во всяком случае опасными. Сидрис предоставляла матерям самим находить объяснения для детворы — почему им поручают то или иное задание, — с условием не называть истинных причин. А детям только давай что-нибудь потаинственней да позабавней, у них же почти все игры основаны на том, кто кого перехитрит.

В салоне «Бонтон» происходил ежедневный обмен сплетнями — женщины узнают новости быстрее, чем «Ежедневный Лунатик». Я попросил Вайо, чтобы она каждый вечер докладывалась Майку, но даже не пыталась отделять важные новости от несущественных, поскольку невозможно определить, что важно, а что нет, пока Майк не сопоставит тот или иной факт с миллионами других.

Салон красоты служил также для распространения новых слухов. Партия поначалу росла медленно, но потом резко пошла в рост: заработал эффект геометрической прогрессии с коэффициентом три, а к тому же драгуны достали всех почище прежних охранников. По мере увеличения партийных рядов мы стали налегать на агитпроп, на распространение злостных слухов, на открытую подрывную деятельность, провокации и саботаж. Финн Нильсен, пока дело не разрослось, занимался агитпропом и одновременно в качестве прикрытия вел работу в старом, насквозь прогнившем подполье. Теперь большую часть агитпропа и связанных с ним дел взяла на себя Сидрис.

В основном требовалось раздавать листовки и прочие материалы. Ни в салоне, ни дома, ни в гостиничном номере мы подпольной литературы, конечно, не держали, разносила же листовки малышня, которая еще и читать-то не умела.

Кроме того, Сидрис полный день трудилась над прическами, — в общем, дел на нее навалили выше головы. Как-то раз я вывел ее прогуляться под ручку по бульвару и вдруг заметил знакомое лицо и фигурку: худощая девчонка, сплошь острые углы и копна морковно-рыжих волос. Лет примерно

двенадцать — стадия, когда все идет в рост, прежде чем расцвести и округлиться. Я определенно уже встречал ее, но никак не мог вспомнить, где, когда и почему.

— Тихо, кукленок! — шепнул я. — Погляди-ка на эту молодую особу. Рыжую и плоскую.

Сидрис оглядела девчонку:

— Дорогой, я знала, что ты у нас с причудами. Но она пока все равно что мальчишка.

— Да ладно тебе! Кто она?

— *Вог* ее знает. Хочешь, я ее тормозну?

И тут я внезапно вспомнил все, будто мне по видео показали. Жаль, Вайо со мной не было, но мы никогда не появлялись на публике вместе. Эта рыжая девчонка была на том самом митинге, где убили Коротышку. Тогда она сидела на полу напротив трибуны, слушала, широко раскрыв глаза, и яростно аплодировала. А затем я видел ее в свободном полете, когда, свернувшись в воздухе в комок, она врезалась в колени желтомундирнику, чью челюсть я сломал буквально несколькими секундами позже.

Вайо и я были живы и свободны лишь благодаря решительным действиям этого ребенка.

— Нет, не заговаривай с ней, — шепнул я Сидрис, — но я не хочу упускать ее из виду. Хоть бы один из твоих «нерегулярников» показался, черт побери!

— Отвали и позвони Вайо. Через пять минут все будет в ажуре, — ответила мне жена.

Так я и поступил. А потом мы с Сидрис стали не спеша прохаживаться, заглядывая в витрины магазинов, поскольку наша преследуемая прилипала к каждой из них. Минут через семь-восемь к нам подошел мальчуган, остановился и сказал:

— Хелло, тетя Мейбл! Привет, дядя Джо!

— Привет, Тони! — Сидрис пожала ему руку. — Как мама, милый?

— Отлично! — ответил малыш и добавил шепотом: — Вообще-то, я Джок.

— Извини. — Сидрис тихонько сказала мне: — Последи за ней. — И увела Джока в кондитерскую.

Скоро она вышла и взяла меня под руку. Джок следовал за ней, облизывая леденец.

— До свидания, тетя Мейбл. Спасибо!

Он вприпрыжку скользнул меж прохожих, присоединился к рыженькой и сосредоточенно уставился на витрину, продолжая сосать леденец. Мы с Сидрис отправились домой.

Пришли, а нас уже ждет доклад:

Она зашла в ясли-интернат «Колыбелька» и больше не выходит. Нам ждать?

— Подождите еще немного, — сказал я Вайо и спросил, помнит ли она эту девочку.

Выяснилось, что помнит, но не имеет ни малейшего представления, кто она такая.

— Спроси у Финна, — посоветовала Вайо.

— Сейчас все узнаем, — сказал я и позвонил Майку.

Да, в яслях-интернате «Колыбелька» есть телефон, и Майк может его прослушать. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы собрать и проанализировать данные: слишком много детских голосов, а в этом возрасте их половая принадлежность почти неразличима. Наконец он сказал:

— Ман, я отобрал три голоса, которые могут соответствовать описанному тобой возрасту и физическому типу. Однако два из них откликаются на имена, которые я идентифицировал как мужские. Третий голос отвечает на обращение «Хейзел», причем ее то и дело окликает голос пожилой женщины с командирскими интонациями.

— Майк, посмотри в списках старой организации. Прроверь на Хейзел.

— Четыре Хейзел, — ответил он сразу же. — Вот она — Хейзел Мид. Вспомогательный отряд юных камрадов, адрес — ясли-интернат «Колыбелька», родилась двадцать пятого декабря две тысячи шестьдесят третьего года, масса тридцать девять кило, рост...

— Это и есть наша ракета-малютка! Спасибо, Майк. Вайо, отзови слежку. Ребята хорошо поработали. Майк, позвони Донне, передай ей, будь так добр.

Я оставил вербовку Хейзел Мид на долю девочек и больше ее не видел, пока Сидрис не привела ее к нам домой двумя неделями позже. Однако еще раньше Вайо мне доложила, что возникла проблема, касающаяся партийной дисциплины. Ячейка Сидрис была уже полной, а она непременно хо-

тела зачислить Хейзел Мид к себе. Во-первых, это не положено, а во-вторых, девочка еще слишком мала. Согласно нашим правилам, вербовке подлежали только взрослые — от шестнадцати и старше.

Я передал доклад Вайо Адаму Селену и исполнительной ячейке.

— Как мне представляется, — сказал я, — система трехчленных ячеек должна нам служить, а не сковывать. Не вижу ничего дурного, если в ячейке у камрада Вивиан будет на одного человека больше. По-моему, нам это ничем не грозит.

— Согласен, — отозвался проф. — Но предлагаю не включать нового камрада в ячейку Вивиан. Девочке ни к чему знать остальных, разве что по ходу дела потребуется. Кроме того, не думаю, что следует вербовать такого ребенка. Главный вопрос — именно возраст.

— Согласна, — откликнулась Вайо, — я тоже хотела поговорить о ее возрасте.

— Друзья, — сказал Майк робко (такой тон прорезался у него впервые за несколько недель — в последнее время это был увереный в себе руководитель Адам Селен, а вовсе не скучающая одинокая машина), — возможно, я должен был предупредить вас, но я уже сделал несколько подобных исключений. Мне казалось, что тут особо обсуждать нечего.

— Все правильно, Майк, — успокоил его проф, — председатель имеет право на собственное суждение. И сколько же у нас человек в самой большой ячейке?

— Пять. Это двойная ячейка — трое и двое.

— Порядок. Дорогая Вайо, разве Сидрис предлагает дать этому ребенку статус взрослого партийца? Сказать ей, что мы замышляем революцию... со всем кровопролитием, хаосом и возможным поражением?

— Именно этого она требует.

— Дорогая леди, мы ставим на кон нашу жизнь, но мы достаточно взрослые, чтобы это понимать. Тут необходимо эмоциональное представление о смерти. Дети редко способны поверить, что смерть грозит им лично. Зрелость, если хотите, можно определить как возраст, в котором человек осознает, что должен умереть... и принимает приговор без страха.

— Проф, — сказал я, — среди моих знакомых есть большие и рослые детки. Готов поставить семь против двух, что и в Партии таких наберется немало.

— Не спорю, дружище. Зато держу пари, что по меньшей мере половина из них не соответствует нашим требованиям; боюсь, под занавес нам еще придется убедиться в этом на собственной шкуре.

— Проф, — настаивала Вайо, — Майк, Манни! Сидрис уверена, что девочка уже взрослый человек. И я думаю так же.

— Ман? — спросил Майк.

— Давайте как-нибудь познакомим с ней профа, пусть сам решает. Меня она купила со всеми потрохами. Особенно своими боевыми качествами. Иначе я не стал бы и разговаривать.

Мы разошлись, оставив вопрос открытым. Вскоре Хейзел появилась у нас за обедом в качестве гостьи Сидрис. Она не подала виду, что помнит меня, и я повел себя так же. Гораздо позже Хейзел рассказала, что признала меня с ходу, и не только по левой руке, но в основном потому, что запомнила, как меня увенчала колпаком и расцеловала высокая блондинка из Гонконга. Более того, Хейзел сразу раскусила маскарад Вайо, узнав ее по голосу. Голос-то изменить труднее всего, как ни старайся.

Но Хейзел держала рот на замке. Даже если она поняла, что мы члены конспиративной организации, то ничем этого не выдала.

Из ее истории можно понять, как выковался этот стальной характер. Ее сослали вместе с родителями таким же крохотным ребенком, как и Вайо. Отец погиб от несчастного случая на принудительных работах, причем мать винила в его смерти Администрацию, которая всегда наплевательски относилась к технике безопасности. В пять лет девочка лишилась и матери. Отчего та умерла, Хейзел не знала; она тогда уже жила в интернате, в котором мы ее нашли. Не знала она и за что сослали родителей — возможно, за подрывную деятельность, если, как думала Хейзел, осуждены были оба. Скорее всего, именно от матери она унаследовала беспощадную ненависть к Администрации и коменданту.

Семья, державшая интернат, позволила девочке оставаться. Хейзел меняла детям подгузники и мыла тарелки с того

возраста, как ей стало хватать роста. Она сама научилась читать, могла изобразить печатные буквы, но по-настоящему писать не умела. Знание математики ограничивалось у нее способностью считать деньги, которые дети добывали разными неправедными путями.

По поводу ее ухода из интерната поднялся немалый шум: владелица «Колыбельки» и ее мужья заявили, что Хейзел должна отработать еще несколько лет. Девочка решила вопрос просто — вышла из дома в чем была, оставив кое-какую одежонку и те жалкие мелочи, которые составляли ее имущество. Ма это так возмутило, что она чуть было не втравила наше семейство в свару, вопреки всем своим правилам. Но я потихоньку шепнул ей, что как руководитель ячейки не желаю привлекать внимание к семье, вытащил из кармана деньги и сказал, что Партия оплатит покупку одежды для Хейзел. Ма от денег отказалась, отменила семейное собрание и отправилась с Хейзел в город, где проявила невиданную — по масштабам Ма — щедрость в выборе платья для девочки.

Так мы удочерили Хейзел. Я знаю, нынче это дело сопряжено со всякими бюрократическими процедурами, но тогда было не сложнее, чем подобрать котенка.

Еще больше шума наделало решение Ма отдать Хейзел в школу, которое не совпадало ни с тем, что держала в уме Сидрис, ни с тем, чего ожидала сама Хейзел как член Партии. Пришлось мне опять вмешаться, и Ма частично пошла на попятный. Хейзел определили к репетитору рядом с салоном Сидрис, то есть неподалеку от шлюза номер тринадцать. (Салон процветал в основном потому, что находился вблизи от фермы, что позволило нам провести туда воду, которой Сидрис могла пользоваться без ограничений, поскольку сточная вода поступала обратно для наших же нужд.) Хейзел училась по утрам, а днем помогала в салоне: зашпиливала пелеринки, подавала полотенца, мыла клиентам волосы — в общем, набиралась опыта. И вдобавок делала все остальное, что поручала Сидрис.

Этим «остальным» были обязанности командира «нерегулярных частей с Бейкер-стрит».

Всю свою коротеньку жизнь Хейзел возилась с малышней. И малышня ее любила. Хейзел умела добиться от ребя-

тишек всего, чего хотела; она понимала их язык, который взрослым кажется бессмысленной тарабарщиной, и стала идеальным мостом между Партией и ее самыми юными помощниками. Она превращала наши будничные задания в игру, убеждала детей играть по установленным правилам и не подавала виду, что поручение серьезно по взрослому счету, — ведь для ребятни куда важнее то, что оно казалось им серьезным по их собственным меркам. Вот пример; скажем, кроху, еще не умеющего читать, прихватили с подпольной литературой, что изредка случалось в действительности. После инструктажа Хейзел диалог выглядел примерно так:

Охранник: Малыш, где ты это взял?

Нерегулярист с Бейкер-стрит: Я не малыш, я большой мальчик.

Охранник: Ладно, большой мальчик, так где ты это взял?

НБС: У Джекки.

Охранник: У какого Джекки?

НБС: Просто Джекки.

Охранник: А как его фамилия?

НБС: Чья?

Охранник: Да Джекки!

НБС (*презрительно*): Джекки девчонка!

Охранник: Ладно, так где она живет?

НБС: Кто?

И так далее. Ключевым ответом на все вопросы было: «Взял у Джекки». А поскольку Джекки не существовало в природе, то у нее (у него) не было ни фамилии, ни домашнего адреса, ни даже постоянной половой принадлежности. Дети обожали выставлять взрослых дураками, особенно когда поняли, как это просто.

В худшем случае литературу изымали, но даже взвод драгун-миротворцев и тот дважды подумал бы, прежде чем арестовать ребенка. Да, теперь драгуны появлялись на улицах Луна-Сити только повзводно — кое-кто из них отправился в одиночку... и не вернулся обратно.

Когда Майк начал писать стихи, я не знал, что делать — смеяться или плакать. А он желал их публиковать. Сразу видно, как глубоко растлило «очеловечивание» эту невинную машину, раз ей приспичило увидеть свое имя в печати.

— Майк, — сказал я, — ради *Bog'a!* У тебя что — цепи перегорели? Или ты намерен нас выдать?

Прежде чем Майк успел надуться, вмешался проф:

— Постой-ка, Мануэль! Я тут вижу кое-какие возможности. Майк, псевдоним тебя устроит?

Вот так и родился Шутник Саймон. Думаю, Майк выбрал это имя, подбросив случайные числа, как игральные кости. Однако для серьезной поэзии у него был другой псевдоним — его партийная кличка Адам Селен. Стихи Саймона были нескладны, непристойны и полны бунтарства — от хулиганских насмешек над «шишками» до жестоких нападок на коменданта, систему, драгун и шпиков. Эти вирши можно было обнаружить на стенках общественных сортиров или на листовках, брошенных на пол в капсулах метро. Или в пивных. Но где бы они ни появились, под ними всегда стояла подпись «Шутник Саймон», а рядом красовался улыбающийся рогатый чертенок с раздвоенным на конце хвостиком. Иногда чертенок накалывал на вилы какого-то толстяка. Иногда на рисунке была только мордочка с широкой улыбкой и рожками, а порой — одни рожки и улыбка, означавшие «тут был Саймон».

Саймон возник в один прекрасный день во всех лунных поселениях сразу и с тех пор присутствовал повсеместно. Вскоре к нему присоединилось множество добровольных помощников: стихи и рисунки были так просты, что их мог изобразить кто угодно, а потому они стали появляться там, где мы и не планировали. К этому наверняка приложил руку кто-нибудь из наших попутчиков. Карикатуры и стихи распространялись даже на территории Комплекса, что уж никак не могло быть нашей работой — мы никогда не вербовали служащих Администрации. Так, например, спустя три дня после появления очень грубого лимерика, намекавшего, что у коменданта мозги заплыли жиром вследствие его неблаговидных привычек, этот лимерик вдруг появился на картинках-наклейках, причем карикатура заметно улучшилась и толстая фигура, убегавшая от вил Саймона, приобрела узнаваемые черты Прыша Морта. Мы эти картинки не оплачивали, мы их не печатали. Но они одновременно оказались в Луна-Сити, Новолене и Гонконге, налепленные повсюду — на телефонах-автоматах, на коридорных опорах, на шлюзах,

на ограждениях пандусов и так далее. Я сделал выборочный подсчет и передал его Майку. Майк доложил: только в Луна-Сити наклеено более семидесяти тысяч листовок.

Я не знаю ни одной типографии в Луна-Сити, которая рискнула бы взяться за такую работу и сумела бы ее выполнить. Может, существовала еще одна тайная организация?

Стихи Саймона имели такой успех, что Майк разошелся, как полтергейст, не оставив ни коменданту, ни шефу безопасности никакой возможности притвориться глухими.

«Дорогой Прыш Морт, — писал он в одной листовке. — Пожалуйста, будь осторожен с полуночи до четырех ноль-ноль. Люблю, целую, Саймон». А ниже — рожки и улыбка. С той же почтой получил письмо и Альварес: «Дорогой Фурункул! Если завтра ночью комендант сломает ногу, виноват будешь ты. Твоя совесть, Саймон». И опять улыбка и рожки.

Мы не планировали нападать на коменданта; просто хотели лишить сна и Морта, и Альвареса с охранниками в придачу, что нам и удалось. Майку осталось лишь время от времени позванивать по личному телефону коменданта между полуночью и четырьмью; кстати, номер этот в справочниках не значился и был известен лишь персональным помощникам коменданта. Соединяя их всех по очереди с Мортом, Майк не только вызвал жуткий переполох, но и разозлил коменданта, который категорически отказался верить оправданиям своих помощников. И тут произошло счастливое совпадение — доведенный до белого каления Морт *побежал вниз* по пандусу. Такое даже с каждым новичком случается — ровно один раз. Словом, комендант «прошелся по воздуху» и вывихнул колено, что довольно близко к перелому, причем Альварес при сем присутствовал.

Помаялись они без сна, это уж точно. Мы и другие розыгрыши устраивали в таком же духе. Например, пустили слух, будто катапульта заминирована и взлетит на воздух будущей ночью. Девяносто плюс восемнадцать человек не в состоянии обыскать стокилометровую катапульту за несколько часов, особенно если эти девяносто — драгуны-миротворцы, засунутые в скафандры, к которым они не привыкли и которые внушали им живейшее отвращение. Полночь пришлась на период «новоземья», когда Солнце сияло особенно ярко. Солдаты проторчали снаружи намного дольше, чем

полезно для здоровья, затеяли между собой свары и почти спеклись от жары, в результате чего чуть было не подняли первый в истории полка мятеж. Одна из свар окончилась летальным исходом. То ли он сам упал, то ли его спихнули с высоты, этого сержанта? Из-за ночного переполоха драгуны вышли на проверку паспортов такими сонными и злымя, что число стычек с лунарями заметно подскочило, а взаимная неприязнь значительно возросла. А стало быть, Саймону удалось накалить обстановку.

Стихи Адама Селена были более высокого качества, Майк показывал их профу и даже соглашался с его литературными суждениями (полагаю, дальными) без всякой обиды. Размер и рифмовка у Майка были безукоризненны, поскольку, будучи компьютером, он хранил в памяти весь словарный запас английского языка и мог отыскать нужное слово за считанные миллисекунды. Несколько хуже было с самокритикой, однако тут помогло суровое редакторское перо профа.

Впервые подпись Адама Селена появилась на страницах авторитетного «Лунного света» под мрачным стихотворением «Дом». Это были думы умирающего ссыльного и его открытие, сделанное накануне ухода в мир иной, что Луна стала его родным домом. Простой язык, непрятзательные рифмы, а единственная слегка крамольная мысль содержалась в выводе, к которому приходит умирающий: что даже множество угнетавших его комендантов — не слишком высокая цена.

Вряд ли редакция «Лунного света» долго раздумывала, печатать стихотворение или нет. Вещь была хорошая, и они ее опубликовали.

Альварес перевернул редакцию вверх дном, пытаясь както выйти на Адама Селена. Номер был в продаже уже почти две лунные недели, когда Альварес заметил стихи или ему их показали. Мы нервничали — нам как раз очень хотелось, чтобы стихотворение заметили. И пришли в восторг, узнав, как завибрировал Альварес.

Издатели ничем не могли помочь шефу стукачей. Они сказали ему правду — стихотворение пришло почтой. Есть ли у них оригинал? Да, конечно... Извините, но конверта нет, мы их не храним. Прошло довольно много времени, прежде чем Альварес удалился в окружении четырех драгун, которых таскал за собой для улучшения самочувствия.

Надеюсь, он получил немало удовольствия от этой бумаги. Письмо было отпечатано на официальном бланке конторы Адама Селена.

АССОЦИАЦИЯ СЕЛЕНА
ЛУНА-СИТИ

Отдел инвестиций

Офис председателя,

Старый Купол

А ниже — заголовок «Дом», «сочинение Адама Селена» и так далее.

Все отпечатки пальцев, которые там были, появились уже после отправки. Текст был напечатан на «Ундервуд офис электростатор», то есть на самой распространенной в Луне модели. И все равно таких машинок было не очень много, поскольку их импортировали. Опытный детектив мог бы идентифицировать машинку и обнаружил бы ее в городском офисе Администрации в Луна-Сити. Вернее будет сказать — машинки, так как в офисе их было шесть и мы печатали по пять слов по очереди на каждой. Операция стоила нам с Вайо бессонной ночи, и мы решили, что риск неоправданно велик, хотя Майк был на страже и прослушивал все телефоны. Больше мы такого не повторяли.

Альварес не показал себя опытным детективом.

ГЛАВА 11

В начале 2076 года дел у меня было невпроворот. Во-первых, я не мог игнорировать клиентов. А во-вторых, массу времени отнимала партийная работа, хотя я передал в другие руки все, что сумел. И все равно приходилось решать бесчисленные вопросы и рассыпать сообщения вверх и вниз. В этот напряженный график пришлось втиснуть время на силовые упражнения и носить утяжелители. Я не решился получить пропуск на центрифугу Комплекса — ту самую, в которой ученые-землееды продлевали срок пребывания в Луне. Хотя я раньше на ней тренировался, в этот раз мне не хотелось рекламировать свою подготовку к поездке на Терру.

Упражнения без центрифуги менее эффективны, но особенно утомительными они казались из-за того, что я не знал, имеет ли смысл ими заниматься. Согласно расчетам Майка, в тридцати процентах прогнозов развития событий требовалось, чтобы лунарь, способный выступить от лица Партии, совершил путешествие на Землю.

Я не представлял себя в роли посла — во-первых, образование подкачало, а во-вторых, дипломат из меня никудышный. Самой подходящей кандидатурой был, естественно, проф. Но проф был стар и мог не перенести полета на Землю. Майк сказал нам, что у человека в возрасте профа, с его комплекцией и так далее шанс прилететь на Терру живым меньше сорока процентов. Но проф тренировался напряженно и с энтузиазмом, стараясь выжать из своих жалких шансов все возможное, так что мне оставалось только навесить на себя утяжелители и приступить к работе, чтобы быть готовым заменить профа, если его старое сердце не выдержит. Вайо занималась тем же на случай, если что-то помешает моему полету. Делала она это преимущественно ради того, чтобы разделить со мной тяготы, — Вайо всегда предпочитала логике мужество.

А кроме бизнеса, партийных дел и тренировок была еще и ферма. Семья потеряла благодаря бракам троих сыновей, хотя и получила взамен двоих отличных ребят — Фрэнка и Али. Потом ушел работать в «ЛуНоГоКо» Грег — он стал главным мастером-бурильщиком на строительстве катапульты.

Там он был незаменим. Чтобы нанять и правильно расставить по местам людей, приходилось изрядно попотеть. На большинстве работ мы могли использовать и беспартийных, но ключевые позиции должны были занимать партийцы, причем не только политически надежные, но и компетентные. Грег не хотел уезжать из дома; на ферме он был нужен, да и бросать приход ему было жаль. Но все-таки согласился.

Это опять превратило меня в лакея на половинном жалованье при поросятах и цыплятах. Ганс был отличным фермером, он безропотно тянул за двоих. Но Грег управлял делами фермы с тех самых пор, как Дед ушел на покой, и Ганса тяготила новая ответственность. В общем-то, по старшинству это дело должно было перейти мне, но Ганс как фермер далеко меня превосходил, да и сельское хозяйство любил больше. Так что у нас давно подразумевалось, что Грега когда-нибудь заменит именно он. Я помогал ему, поддерживал его решения, а также вкалывал в те часы, которые удавалось урвать от других дел. В результате мне и почесаться некогда было.

В конце февраля я вернулся из долгой поездки — Новолен, Тихо-Нижний, Черчилль. К этому времени как раз закончили прокладку туннеля через Центральный залив, и я решил наведаться в Гонконг-Лунный и наладить деловые контакты, поскольку теперь мог пообещать клиентам срочный сервис в случае необходимости. Раньше это было невозможно, так как луноход на отрезке Эндовиль — Билютихэтчи курсировал только в темную половину лунного месяца.

Впрочем, бизнес служил лишь прикрытием для политических целей: связь с Гонконгом у нас была очень слабой, хотя Вайо делала все, что могла, — по телефону, разумеется. Она высоко ценила второго члена своей ячейки, кампрада Клейтона, который, судя по файлу «Зебра», был совершенно чист. Мы ввели Клейтона в курс дела, предупредили о гниль-

це в организации и посоветовали начать строить новую сеть ячеек, не теряя членства в старом подполье.

Однако телефон — это совсем не то, что личный контакт. Гонконг должен был стать нашим оплотом. Он меньше других поселений зависел от Администрации. Во-первых, потому, что его силовые установки не контролировались Комплексом. А во-вторых, Гонконг не слишком интересовала торговля с помощью катапульты, так как до прокладки метро он не был включен в общую транспортную сеть. И в финансовом отношении он был крепче других — банкноты банка Гонконга-Лунного котировались куда выше официальных купонов Администрации.

Гонконгские доллары, пожалуй, не были деньгами в юридическом смысле. Администрация их не принимала; когда я летал на Землю, мне пришлось покупать купоны, чтобы заплатить за билет. Но с собой я брал гонконгскую валюту, которую на Земле можно было обменять с небольшой потерей, тогда как купоны там вообще не котировались. Деньги или нет, но гонконгские банкноты не были бюрократическими бумажками — за ними стояли честные банкиры-китаэзы. Сотня гонконгских долларов соответствовала 31,1 грамма золота (старая тройская унция), и его действительно можно было получить в главном офисе банка — золото доставляли туда из Австралии. А не хотите золота — получите товары: бытовую воду, сталь нужных марок, тяжелую воду для реакторов — в общем, что душе угодно. Все это можно было приобрести и за купоны, но Администрация постоянно взвинчивала цены. Я не финансист, и когда Майк попытался меня просветить, у меня чуть голова не лопнула. Я просто знаю, что мы были рады заполучить эти «неденьги», тогда как купоны брали без всякой охоты, и не только потому, что ненавидели Администрацию.

Так что Гонконг, по идее, должен был стать партийной цитаделью. Должен был — но пока что не стал. Мы решили, что мне имеет смысл рискнуть и пойти на личный контакт, даже частично раскрыться, поскольку человеку с одной рукой замаскироваться не так-то просто. Это был риск, угрожавший в случае провала не только мне: следы неминуемо привели бы к Вайо, Ма, Грегу и Сидрис. Но кто сказал, что революция — спокойное занятие?

Камрад Клейтон оказался молодым японцем — то есть на самом деле не таким уж и молодым, просто все они выглядят юными, пока внезапно не становятся старичками. Не чистокровным — была у него и малайская примесь, и еще какая-то, но имя было японское, а дома тщательно соблюдались японские обычаи; все определялось «гири» и «гиму». На мое счастье, у Клейтона было множество «гиму» в отношении Вайо.

Предки Клейтона не были ссыльными. Они «добровольно», как и многие другие, поднялись по трапам кораблей под дулами автоматов, когда Великий Китай стал создавать свою империю. Но это ни в коем случае не порочило Клейтона — он ненавидел коменданта так же люто, как любой старый лагерник. Сначала мы с ним встретились в чайном домике — по-нашему, что-то вроде пивнушки — и часа два трепались обо всем, кроме политики. Он ко мне пригляделся и пригласил домой. У меня всего одна претензия к японскому гостеприимству: японские ванны, в которые ты погружаешься до подбородка, наполняются чистым кипятком.

В сущности, я почти ничем не рисковал. Мама-сан была сведуща в гримировке не хуже Сидрис, а моя «представительская» рука сошла за настоящую, поскольку кимоно скрывало шрам. За два дня я посетил четыре ячейки в качестве камрада Борка, преображенного благодаря гриму, кимоно и таби, и даже если среди присутствующих были стукачи, они не смогли распознать во мне Мануэля О'Келли. В Гонконг я прибыл набитый фактами, бесконечными цифрами и прогнозами и говорил только об одном — о голоде, который ждет нас через шесть лет, в 2082 году. «Вы еще счастливчики, вас это коснется позже. Но теперь, когда туннель построен, все больше и больше ваших фермеров начнут выращивать пшеницу и рис и отправлять их к каталупльте. Вот тогда наступит и ваш черед».

Это произвело впечатление. Прежняя организация, судя по тому, что мне доводилось видеть и слышать, в основном нажимала на ораторское искусство, зажигательную музыку и эмоции, походя в этом отношении на церковь. Я же сказал совсем просто: «Такие дела, камрады. Проверьте эти цифры. Я их вам оставлю».

С одним из камрадов я встретился с глазу на глаз. Это был инженер-китаец, которому было достаточно посмотреть

на вещь, чтобы тут же сообразить, как ее сделать. Я спросил его, видал ли он когда-нибудь лазерную пушку размером не больше ружья. Оказалось, не видал. Я упомянул, что паспортная система в наши дни весьма затруднила контрабанду. Он задумчиво сообщил в ответ, что это вряд ли касается перевозки драгоценных камней и что он через неделю собирается в Луна-Сити, в гости к своему кузену. Я сказал, что ляля Адам будет рад с ним познакомиться.

В общем, получилось, что съездил не зря. На обратном пути сделал остановку в Новолене, зашел в старомодный кабачок «Подрядчик» — я его давно заприметил, пунш у них классный, — сел за столик и случайно столкнулся с собственным папашей. Мы с ним дружим, хотя и не страдаем, если не видимся год-другой. Посидели, поболтали за пивом с бутербродами, а когда я встал, родитель мой выдал:

— Рад был тебя повидать, Манни. Свободу Луне!

Я ответил ему тем же, поскольку был слишком удивлен, чтобы отмолчаться. Такого аполитичного циника, как мой папаша, поискать. Раз уж он так заговорил, значит наша кампания набирает силу.

Итак, я вернулся в Луна-Сити воодушевленным и не слишком усталым, так как после Торричелли всю дорогу проспал. На станции «Южная» пересел на кольцевую, потом спустился и через Дно, чтобы не толкаться на бульваре, направился домой. По дороге завернул в судебный участок судьи Броуди, просто так, поздороваться. Это мой старый приятель, нас с ним вместе оперировали. Потеряв ногу, он стал судьей, и хорошим к тому же: в то время в Луна-Сити он был единственным судьей, которому не приходилось подрабатывать на стороне — букмекером или страховым агентом.

Когда двое противников являлись к нему на суд, а примириить их ему не удавалось, Броуди возвращал им гонорар и, если они решали выяснить отношения в поединке, бесплатно выступал в качестве рефери, продолжая при этом уговаривать драчунов воздержаться от ножей и попытаться прийти к мирному соглашение.

В зале заседаний Броуди не оказалось, хотя его цилиндр стоял на столе. Я собрался было уходить, но тут в зал ввалилась группа стиляг, а среди них одна девица и пожилой му-

жичок, которого они тащили силком. Мужичок был здорово потрепан, но по одежке сразу видно, что турист.

Туристы бывали у нас даже в те времена. Не орды, но все-таки. Они прилетали с Земли, останавливались на недельку в отелях и отправлялись обратно с тем же кораблем или оставались еще на неделю. Большинство, погуляв денек-другой по городу и обязательно совершив никому не нужную вылазку на поверхность, проводило досуг в азартных играх. Лунари, как правило, на них внимания не обращали — пусть себе, мол, развлекаются, каждый сходит с ума по-своему.

Старший из ребят — лет восемнадцати, явно главарь ватаги, спросил у меня:

— Где судья?

— Не знаю, здесь его нет.

Он растерянно пожевал губу. Я поинтересовался:

— Что-нибудь случилось?

— Да вот, хотим ликвидировать этого субчика, — ответил он с серьезным видом. — Но желательно, чтобы суд утвердил.

— Поищи в ближайших пивнушках, — посоветовал я, — надо думать, судья где-нибудь там ошивается.

— Послушайте, — встярл парнишка лет четырнадцати, — а вы, случайно, не *gospodin* О'Келли?

— Точно.

— А почему бы вам не рассмотреть наше дело?

Старший оживился:

— Вы согласны, *gospodin*?

Я задумался. Конечно, время от времени мне случалось выступать в роли судьи, да и кто в ней не выступал? Но такого уж жгучего желания брать на себя ответственность у меня не было. Однако слова юноши насчет ликвидации туриста меня насторожили. Такое дело могло вызвать шум.

Я решил вмешаться и обратился к туристу:

— Вы принимаете меня в качестве судьи?

Он удивился:

— А разве у меня есть выбор?

— Разумеется, — ответил я вежливо. — Если вы не захотите принять мой вердикт, я и в дело вникать не стану. Но я вас не неволю. Речь-то о вашей жизни, не о моей.

Он удивился еще больше, но не испугался, в глазах искорки загорелись.

— О моей жизни, вы говорите?

— Очевидно. Вы же слышали, ребята сказали, что намерены вас ликвидировать. Может, вы предпочитаете подождать судью Броуди?

Он ни минуты не колебался. Улыбнулся и сказал:

— Я принимаю вас как судью по моему делу, сэр.

— Как вам будет угодно. — Я посмотрел на старшего парня. — Кто участвовал в ссоре? Только ты и твой дружок?

— Нет-нет, судья. Мы все.

— Я пока еще не ваш судья. — Я обвел их взглядом. — Все ли вы просите меня быть вашим судьей?

Они закивали. Никто не сказал «нет». Главарь повернулся к девушке и произнес:

— Не молчи, Тиш. Ты принимаешь судьей О'Келли?

— Чего? Ах да, конечно!

Девчонка была бесцветным созданием лет четырнадцати — пухлявенькая, смазливая и пустая; тип красотки из бордель-автомата, какой она и обещала стать в будущем. Такие девицы предпочитают царить в своре стиляг, замужество их привлекает гораздо меньше. Нет, стиляг я не осуждаю: женщины в Луне дефицит, вот ребята и слоняются по коридорам. Днем-то они вкалывают, а вечерами им не к кому спешить домой.

— О'кей, судья одобрен, и вы все обязаны повиноваться моему вердикту. Теперь договоримся об оплате. Готовы раскошелиться, мальчики? Прошу иметь в виду, что я не собираюсь выносить приговор о ликвидации за какие-то жалкие гроши. Так что скидывайтесь, иначе я просто отпущу его на свободу.

Главарь похлопал глазами, потом ватага сбилась в кучу. Через минуту он подошел ко мне и сказал:

— Денег у нас маловато. Пять гонконгских с носа — вы согласны?

Их было шестеро.

— Нет. Просить суд вынести приговор о ликвидации за такую цену просто непристойно.

Они снова сбились в кучу.

— Пятьдесят долларов, судья?

— Шестьдесят. По десятке с каждого. И еще десятка с тобой, Тиш, — повернулся я к девчонке.

Тиш возмущенно вылупила глаза.

— Давай, давай, — сказал я ей. — Дарзанебы.

Она поморгала и полезла в сумочку. Деньги у нее были. У таких девок они всегда водятся.

Я собрал семьдесят долларов, положил их на стол и спросил у туриста:

— Покроете?

— Извините?

— Ребята платят мне семьдесят гонконгских долларов за приговор. Вы должны дать столько же. Если не можете, откройте бумажник и докажите; в этом случае останетесь моим должником. Но таково ваше долевое участие. В общем-то, дешевка за высшую меру. Но у ребят нет денег, так что вам повезло.

— Понял. Думаю, что понял. — Он выложил семьдесят долларов.

— Спасибо, — сказал я. — Нужны ли какой-нибудь из сторон присяжные?

У девчонки загорелись глаза:

— Еще бы! Пусть уж все будет по правилам!

— В таком случае я, пожалуй, тоже за, — сказал землеед.

— Пожалуйста, — говорю я. — Хотите защитника?

— Да, конечно. Думаю, адвокат мне не помешает.

— Я сказал «защитник», а не адвокат. У нас тут адвокатов нет.

Он опять заулыбался:

— Я полагаю, защитник, если бы я пожелал такового, был бы столь же... гм... неформальным, как и вся процедура?

— Может, да, а может, и нет. Я действительно неформальный судья, вот и все. Так что выбирайте.

— М-м-м... пожалуй, я положусь на вашу неформальность, ваша честь.

Тот парень, что был постарше, спросил:

— Это... насчет присяжных... Вы им сами отстегнете? Или придется нам?

— Я им заплачу. Я согласился судить за сто сорок чистыми. Ты что — никогда в суде не бывал? Но я не собираюсь швырять деньги на роскошь, без которой вполне смогу обойтись. Шесть присяжных, по пять долларов каждому. Посмотри, нет ли кого в переулке?

Один из ребят вышел и крикнул:

— Нужны присяжные. Плата пять долларов!

Собралось шесть мужиков — типичных обитателей Дна. Мне-то один черт, мне они нужны были только для мебели. А вообще, если хочешь стать судьей, лучше этим заниматься в приличном районе — там есть шанс заполучить в присяжные солидных людей.

Я сел за стол, надел цилиндр Броуди — и откуда только он его выкопал?

Не иначе как в чьих-то отбросах порылся.

— Суд начинает заседание, — произнес я. — Назовитесь и изложите суть.

Старшего парня звали Слим Лемке, девчонку — Патриция Кармен Жукова; остальных не помню. Турист подошел к столу, покопался в бумажнике и сказал:

— Вот моя карточка, сэр.

Она у меня хранится до сих пор. Там было написано:

СТЮАРТ РЕНЕ ЛАЖУА

Поэт-путешественник — солдат удачи

Суть дела была трагикомична: прекрасный пример того, почему туристам не следует шататься без гида. Разумеется, гиды их просто грабят, но туристы для того и существуют, разве нет? Этот, например, из-за отсутствия сопровождающего вообще чуть жизни не лишился.

Он забрел в пивную, которая у стиляг считается чем-то вроде клуба. Девчонка начала к нему клеиться. Мальчики, как положено, не стали вмешиваться: выбирает дама. Что-то он ей шепнул, она захихикала и ткнула его кулаком в живот. Он принял это совершенно нормально, совсем как лунаря... но ответил чисто по-земному: обнял за талию и привлек к себе, очевидно намереваясь поцеловать.

Хотите верьте, хотите нет, но в Северной Америке это вполне в порядке вещей; я там и не такого навидался, Тиш, естественно, удивилась, может быть, даже испугалась. И вскрикнула.

Парни накинулись на туриста и изрядно его оттрапали. А затем решили, что он должен заплатить за свое «преступление» по всем правилам. То есть через суд.

Похоже, им было не по себе. Держу пари, ни один из них до сих пор не принимал участия в ликвидации. Однако их даму оскорбили, а значит, отступать негоже.

Я с пристрастием допросил их, особенно Тиш, и решил, что все ясно. Потом сказал:

— Позвольте подвести итоги. Перед вами чужестранец. Наших обычаев не знает. Раз он оскорбил, значит виноват. Но насколько я понял, он никого не хотел оскорбить. Что скажут присяжные? Эй ты там! Проснись! Что скажешь?

Один из присяжных огляделся вокруг заплывшими глазами:

— Лик-ик-видировать его!

— Отлично. А ты?

— Э-э-э... — Второй явно колебался. — Думаю, хватит с него, ежели пустить ему юшку, пусть знает в другой раз. Мы тут не можем позволить мужикам лапать женщин, иначе у нас такой же бардак начнется, как на Терре...

— Разумно, — согласился я. — А ты?

Только один присяжный голосовал за ликвидацию. Прочие колебались между лупцовкой и большим штрафом.

— А ты что думаешь, Слим?

— Ну... — Парень явно нервничал под пристальными взглядами ватаги, а главное, девушки — возможно, его подружки. Но он уже остыл и не хотел ликвидировать этого олуха. — Мы над ним уже поработали. Может быть, если он встанет на четвереньки, да поцелует пол перед Тиш, да скажет, что сожалеет?..

— Вы готовы так поступить, *gospodin* Лажуа?

— Если прикажете, ваша честь.

— Я не прикажу. Вот мой вердикт. Во-первых, насчет этого присяжного... да, да, я о тебе. Ты оштрафован в размере гонорара за то, что дрыхнул во время судебной процедуры. А ну, ребята, взять его, забрать пятерку и вышвырнуть вон!

Что они и сделали с энтузиазмом — надо думать, получили хоть какую-то компенсацию за то удовольствие, которое предвкушали, но не решились испытать.

— Теперь вы, *gospodin* Лажуа; вы присуждаетесь к штрафу в размере пятидесяти долларов за то, что у вас не хватило соображения узнать кое-что о местных обычаях, прежде чем шататься по улицам. Выкладывайте.

Я спрятал доллары.

— Теперь вы, ребята. Подровняйся! Штраф по пять долларов с носа за то, что не проявили разумного подхода к человеку, явно нездешнему и незнакомому с нашими порядками. Что не дали ему дотронуться до Тиш — молодцы. Отлупили — тоже о'кей: впредь будет сообразительней. Могли даже вышвырнуть его из пивной. Но требовать ликвидации за элементарную ошибку, это... ну ни в какие рамки не лезет. Пять баксов с носа. Позвольте получить.

Слим сглотнул:

— Судья... я думаю, у нас нет столько. У меня, во всяком случае, нет.

— Я предполагал, что так может получиться. Даю вам не-делю на выплату долга, иначе сообщу ваши имена и адреса в Старый Купол. Знаете салон «Бонтон» рядом со шлюзом номер тринадцать? Он принадлежит моей жене, ей и заплатите. Заседание суда закрыто. Слим, не уходи. Ты тоже, Тиш. *Gospodin* Лажуа, давайте отведем этих молодых людей куда-нибудь наверх, поставим им по стаканчику и познакомимся поближе.

И опять у него в глазах вспыхнул странный восторженный огонек, чем-то напомнивший мне профа.

— Чудесная мысль, судья.

— Я уже не судья. Это двумя пандусами выше, так что советую вам предложить Тиш руку.

Он поклонился:

— Миледи? Смею ли я? — и согнул руку в локте.

Тиш моментально повзрослела:

— *Spasebaw, gospodin.* С удовольствием.

Я отвел их в дорогой ресторан, где эта парочка в своих диких одежках и грубом макияже выглядела совершенно неуместно. Они это чувствовали и держались напряженно, но я постарался их раскрепостить. Стюарт Лажуа проявил еще больше усилий, и не без успеха. Я записал их адреса и имена — у Вайо были свои планы насчет стиляг. Они выпили, встали, поблагодарили и ушли. Мы с Лажуа остались вдвоем.

— *Gospodin*, — обратился он ко мне, — чуть раньше вы употребили странное словосочетание. Странное для меня, я хочу сказать.

— Детишки ушли, так что зовите меня Манни. Какое словосочетание?

— Помните, когда вы настаивали, чтобы эта... гм... юная леди, Тиш... чтобы Тиш тоже заплатила... «Дар за небо» или что-то в этом роде.

— «Дарзанебы». Это значит — «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает, — я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив, — иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. Хотел напомнить ей, что за подарки потом приходится платить вдвое — либо выясняется, что они яйца выеденного не стоят.

— Любопытная философия.

— Это не философия, это факт. Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь. — Я помахал рукой в воздухе. — Когда я был на Земле, то слышал выражение «дешевле воздуха». Здесь воздух не дешев, здесь ты платишь за каждый вздох.

— В самом деле? Пока что за вздох с меня еще денег не требовали, — улыбнулся Лажуа. — Может, лучше не дышать?

— Все может быть. Сегодня вы, например, чуть не вдохнули вакуум. А не требовали потому, что вы уже заплатили. Вашу плату за воздух включили в стоимость туре, а мою с меня взимают ежеквартально. — Я начал было рассказывать ему, как моя семья покупает и продает воздух общинному кооперативу, но решил, что это слишком сложно. — Так что мы оба платим.

Лажуа выглядел невероятно довольным.

— Ну, экономическая необходимость мне ясна. Просто немного непривычно. Скажите мне... э-э... Манни, — кстати, меня зовут Стью, — мне действительно угрожала опасность «вдохнуть вакуум»?

— Видно, маловато я с вас содрал.

— Извините?

— Вы же ничего не поняли. Но я обчистил ребят до нитки, да еще оштрафовал их, чтобы задумались. А взять с вас больше, чем с них, права не имел. И очень жаль, что не имел, раз вы принимаете все это за шутку.

— Поверьте мне, сэр, я не считаю это шуткой. Мне просто трудно поверить, что ваши местные законы позволяют

предать человека смерти... вот так, походя... и за столь незначительный проступок.

Я вздохнул. С чего бы вы начали объяснение, если из слов собеседника ясно, что он не просто нуль в данном вопросе, но еще и набит предрассудками, которые противоречат фактам, и вдобавок ко всему даже не подозревает, что эти предрассудки у него наличествуют?

— Стыю, — начал я, — давайте разберемся по порядку. Здесь нет «местных законов», по которым вас можно было бы «предать смерти». И ваш проступок не был «незначительным». Я просто сделал скидку на ваше невежество. И все случилось вовсе не «походя», иначе мальчики спокойненько оттащили бы вас к ближайшему шлюзу с нулевым давлением, сунули туда и слиняли. Вместо этого они — парни-то просто молодцы! — соблюли все формальности и выложили собственные денежки, чтобы вас судить. И даже не ворчали, когда вердикт оказался совсем не таким, как они надеялись. Вам еще что-нибудь не ясно?

Лажу усмехнулся, и на щеках у него появились такие же ямочки, как у профа. Я обнаружил, что чем дальше, тем больше он мне нравится.

— Боюсь, что абсолютно все. Мне кажется, я очутился в Зазеркалье.

Он меня не удивил, поскольку я бывал на Земле и немногого представляю себе их мировосприятие. Землеед просто не мыслит своего существования без закона, в котором черным по белому все пропечатано на все случаи жизни. У них есть специальные законы для частных сделок и для заключения контрактов. Ей-богу! Но если человек не держит слова, кто захочет заключать с ним контракт? Или репутация уже ничего не значит?

— У нас нет законов, — сказал я. — Нам не позволили их иметь. Есть обычай, но они неписаные, и их не насиждают силой — они сами себя насижают, если можно так выразиться, потому что они просто следствие, вытекающее из объективных обстоятельств. Фактически наши обычай — это законы природы, которые диктуют людям, как себя вести, чтобы остаться в живых. Когда вы сегодня приударили за Тиш, вы нарушили закон природы... и поэтому чуть было не вдохнули вакуум.

Он задумчиво прищурился:

— Не объясните ли вы мне, какой закон природы я нарушил? Я хотел бы понять — иначе придется вернуться на корабль и сидеть там до самого отлета. Чтобы остаться в живых.

— Разумеется. Он так прост, что если вы его поймете, то уже никогда больше не попадете впросак. Смотрите — у нас тут два миллиона мужчин и меньше одного миллиона женщин. Это физический факт, такой же, как камень или вакуум. Добавьте сюда идею «дарзанебы». Дефицит всегда поднимает цену. Женщин мало, на всех не хватает, и это превращает их в самое драгоценное сокровище в Луне, которое дороже воздуха и льда, поскольку без женщин мужикам один черт — что жить, что помирать. За исключением киборгов, если вы считаете их мужиками; мне лично это никогда не удавалось. Итак, что же произошло в результате? Причем учтите, что в двадцатом веке, когда этот обычай или естественный закон только начал складываться, соотношение было еще хуже: десять и даже больше мужиков на одну женщину. Во-первых, произошло то, что всегда происходит в тюрьмах: мужчины стали пользоваться женщинами. Это мало помогло; проблема осталась нерешенной, ибо большинству мужчин нужны женщины и они не согласны на эрзац, если есть шанс получить настоящий *гельт*. Возбуждение достигло таких масштабов, что за женщин стали убивать. Послушать рассказы старожилов — кровь в жилах стынет, такая резня тут была. Но со временем уцелевшие нашли способ, как жить дальше, и все утряслось. Установился порядок, такой же естественный, как гравитация. Кто сумел приспособиться к реальности, остался в живых, кто не сумел — помер. Нет проблем. А реальность такова: женщин мало, и они задают тон... а вы окружены двумя миллионами мужчин, которые следят, чтобы вы танцевали под эту музыку. У вас нет выбора, выбор принадлежит только ей. Она может врезать вам так, что кровь хлынет ручьем, вам же нельзя тронуть ее даже пальцем. Вспомните, вы только обняли Тиш за талию, может быть, попробовали поцеловать... А предположим, она пошла бы с вами в гостиничный номер? Что тогда?

— Господи! Я думаю, они разорвали бы меня в клочья!

— Они не сделали бы ровным счетом ничего. Пожали бы плечами и притворились, будто в упор вас не видят. Потому как выбирает она, а не вы. И не они. Только она. И вы бы рисковали собственной шеей, если бы предложили ей пойти в номер; она могла оскорбиться, а тогда бы парни отдали вас по первое число. Но... возьмем, к примеру, эту Тиш. Глупая маленькая сучка. Покажи вы ей ненароком пачку банкнот, которую я видел в вашем бумажнике, вполне возможно, она сама бы предложила вам перепихнуться. В этом случае вы были бы в полной безопасности.

Лажуа вздрогнул:

— В ее-то годы? Я даже подумать об этом боюсь. Она ведь еще малолетка! Это же уголовное преступление, все равно что изнасилование.

— Ох, черт побери! Да ничего подобного! Женщины в ее годы обычно уже замужем или должны быть замужем. Стыю, изнасилований в Луне не бывает. Никогда. Мужчины не позволяют. Если бы такое вдруг случилось, никто не стал бы искать судью — все мужики в радиусе слышимости кинулись бы на помочь жертве. Но шансы, что девушка в ее возрасте девственница, практически равны нулю. Пока малыши подрастают, матери присматривают за ними с помощью всех горожан: дети тут в безопасности. Но когда они достигают брачного возраста, их уже не удержать, и матери даже не делают таких попыток. Если девчонке нравится шляться по коридорам и забавляться, ее не остановишь. Как только она достигла половой зрелости — она сама себе хозяйка. Вы женаты?

— Нет. — Он добавил с улыбкой: — Во всяком случае, сейчас.

— А предположим, вы женаты и жена говорит вам, что хочет завести еще одного мужа. Что бы вы сделали?

— Странно, что вы выбрали такой пример, — со мной как раз случилось нечто подобное. Я обратился к адвокату и добился, чтобы она не получила алиментов.

— Алименты! Тут и слова-то такого никто не знает, я его впервые услыхал на Земле. Здесь вы... вернее, муж-лунарь мог бы сказать: «Думаю, моя дорогая, нам понадобится помещение попросторнее». Или просто поздравил бы жену и своего

нового собрачника. Или, если бы ему уж очень тошно стало, «выписался» бы и пошел паковать чемоданчик. Но в любом случае — ни намека на скандал. Подними он хоть малейший шум — и против него ополчатся все окружающие. Его облили бы презрением все знакомые, как мужчины, так и женщины. Бедолаге осталось бы только сбежать в Новолен, сменить имя и попробовать начать жизнь заново. Все наши обычай работают по такому же принципу. Если ты вылез на поверхность, а у твоего спутника кончился кислород — отдай ему баллон и не спрашивай о деньгах. Но если он откажется заплатить, когда вы вернетесь назад, можешь ликвидировать его без всякого судьи, никто тебя не упрекнет. Впрочем, он заплатит; воздух — это святое, почти как женщины. Если ты обыграл новичка-лопуха в покер, дай ему денег на воздух. Не на еду — пусть вкалывает или сдохнет, это его проблемы. Если ты ликвидировал человека не в порядке самозащиты, оплати его долги и позаботься о детях, иначе люди перестанут с тобой разговаривать, ничего у тебя не купят, ничего не продадут.

— Манни, вы хотите сказать, что я могу убить человека, а потом уладить все деньгами?

— Да ничего подобного! Но ликвидация не противозаконна, потому что законов здесь нет — кроме распоряжений коменданта, — а ему плевать на наши разборки. Мы же считаем так: если мужика убили, значит он сам на это напросился. Так оно чаще всего и бывает. В противном случае его друзья возьмут дело в свои руки и ликвидируют виновного. И нет проблем. Кстати, ликвидации бывают крайне редко. Даже официальные поединки и те увидишь не часто.

— «Его друзья возьмут дело в свои руки»! Манни, а предположим, эти ребята пошли бы до конца? У меня тут нет друзей.

— Потому-то я и согласился судить. Хотя вряд ли они решились бы на такое. Но я не хотел рисковать. Ликвидация туриста могла запятнать репутацию нашего города.

— А это случается часто?

— Да я вообще такого не припомню; может, какой-нибудь несчастный случай и был не совсем случайным. Новичок тут всегда ходит по краю, уж такое это место — наша Луна.

Говорят, если новичок прожил тут год, он будет жить вечно. Но в первый год ни один агент ему страховку не выдаст. — Я взглянул на часы. — Стью, вы обедали?

— Нет, я как раз собирался пригласить вас в мой отель. Там прилично готовят. Гостиница «Орлеан».

У меня мороз пошел по коже — как-то раз отведал их готовки.

— А может, зайдем ко мне домой, я вас со своими знакомлю? В этот час у нас обычно есть что похлебать.

— А это удобно?

— Конечно. Подождите минутку, я позвоню.

Ма сказала:

— Мануэль, дорогой, как это мило! Поезд давно пришел. Я решила, что ты приедешь завтра или даже позже.

— Просто вляпался в пьяный дебош, Мими, и связался с дурной компанией. Иду домой, если, конечно, найду дорогу, и приведу дурную компанию с собой.

— Хорошо, дорогой. Обед через двадцать минут. Постарайся не опоздать.

— И тебя не интересует, что это за компания — мужская или женская?

— Зная тебя, предполагаю, что женская. Но, думаю, я разберусь, когда увижу.

— Ты знаешь меня как облупленного, Ма. Скажи девочкам, пусть принарядятся. Чтобы любых гостей затмили.

— Только не тяни — обед перестоится. Пока, милый. Целую.

— Целую, Ма. — Я подождал, потом набрал «Майкрофт-XXX». — Майк, я хочу, чтобы ты проверил одно имя. Землянин, пассажир с «Попова», Стюарт Рене Лажуа. Фамилию поищи и на «Л», и на «Ж», может быть «Ла Жуа».

Долго ждать не пришлось. Майк нашел Стью во всех главных земных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», Готский альманах, архивы лондонской «Таймс» и так далее. Француз по рождению, роялист, богач, еще шесть имен, которые он для удобства свел воедино, три ученые степени, в том числе юридическая, полученная в Сорbonne, знатные предки во Франции и Шотландии, разведен (детей нет) с высокочтимой Памелой Дефис-Дефис-Голубая-Кровь.

Такие землееды обычно считают ниже своего достоинства разговаривать с лунарем, у которого в роду одни арестанты. Но Стю был готов общаться с кем угодно.

Я послушал минут пять, потом попросил Майка подготовить полное досье со всеми подробностями.

— Майк, похоже, это наша птичка.

— Возможно, Ман.

— Ладно, я побежал. Пока!

К гостю я вернулся в глубокой задумчивости. Почти год назад, во время той пьяной беседы в номере «Раффлз», Майк обещал нам один шанс из семи, если будут соблюдены кое-какие условия. Одним из условий была помочь с Терры.

Несмотря на проект «швыряния камней», Майк понимал, да и мы тоже, что трем миллионам безоружных лунарей нечего и думать победить могучую Терру с одиннадцатью миллиардами жителей и неисчерпаемыми ресурсами, пусть даже мы сидим на пригорке и можем кидать в них камешки.

Майк провел параллель с восемнадцатым веком, когда от Британии отделились американские колонии, и с двадцатым, когда многие империи лишились своих колоний, и подчеркнул, что свобода ни разу не была достигнута с помощью одной только грубой силы. Во всех этих случаях имперские государства участвовали в каких-нибудь заварухах, выдохлись и сдали позиции, так и не использовав свои силы.

Мы были достаточно сильны, чтобы при желании спрятаться с охраной коменданта. Как только наша катапульта заработает (теперь уже с минуты на минуту), мы не будем больше беззащитными. Но нам необходим «благоприятный климат» на Терре. А тут не обойтись без помощи самой Терры.

Проф сначала считал это легкой задачей. Но она оказалась одной из самых сложных. Почти все его друзья на Земле поумирали, а у меня их отродясь не водилось, кроме нескольких преподавателей. Мы спустили вниз по ячейкам запрос: «Каких шишкарей на Земле вы знаете лично?» Ответ был один: «Шутить изволите?» Нулевая программа.

Проф следил за списками пассажиров прибывающих кораблей, стараясь найти там кого-нибудь подходящего для контакта, читал лунные перепечатки земных газет в поисках упоминаний о шишке, с которой мог бы связаться через

прежних знакомых; я же и не пытался — среди горсточки моих знакомых не было никаких важных персон.

Проф не выловил Стью из списка пассажиров «Попова». Ничего удивительного — они ведь не были знакомы. Конечно, Стью мог оказаться просто чудаком, как на то намекала его странная визитная карточка. Но это был единственный землянин, с которым мне довелось посидеть в Луне за рюмкой, на вид мужик стоящий, а если учесть еще и сведения Майка, то улов получался совсем неплохой. Словом, клевала крупная рыба.

Поэтому я и повел его домой — хотел посмотреть, какое впечатление он произведет на мое семейство.

Начало было хорошим. Ма улыбнулась и протянула руку. Стью взял ее и склонился так низко, что я испугался, как бы он не вздумал ее поцеловать. Но, видно, мои наставления насчет женщин не пропали даром. Ма заворковала и повела его к столу.

ГЛАВА 12

Апрель и май 2076 года ознаменовались новыми трудами и усилиями, направленными на то, чтобы настроить лунарэй против коменданта и подтолкнуть его к ответным репрессиям. Беда с Мортом заключалась в том, что он вовсе не был сволочью и сам по себе ненависти не вызывал, разве только как символ Администрации; нужно было как следует пугнуть его, чтобы он начал действовать. Кстати, в этом смысле средний лунарь был не лучше. Он презирал коменданта, потому что комендантов положено презирать, но по натуре своей не был революционером, так что расшевелить его — все равно что гору с места сдвинуть. Пиво, азартные игры, женщины, работа... Если революция не умерла от анемии, так это исключительно благодаря драгунам-миротворцам с их выдающимся талантом возбуждать к себе ненависть.

Но даже драгун нам приходилось подстегивать. Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие», ссылаясь на мифический инцидент в давней революции. Короче, нужен был кипиш, который взбудоражит все общество.

И все же мы не опускали рук. Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «Небесный пирог» и прочие, чтобы придать им лунную окраску. Получалось примерно так:

Сыны Булыжника, проснитесь!
Не позволяйте коменданту
Свободу вашу погубить!

Эти песни Шутник Саймон пустил в народ, а когда они достаточно укоренились в памяти, мы стали наигрывать их по радио и видео (разумеется, только мелодию). Коменданту попал в дурацкое положение, так как вынужден был запре-

тить исполнение определенных музыкальных тем; а нам это только на руку — пускай их народ насвистывает.

Майк скопировал голос и манеру речи заместителя Администратора, главного инженера и других глав департаментов; по ночам у коменданта телефон стал трезвонить без умолку. Звонили помощнички. Правда, они это наотрез отрицали. Поэтому Альварес отследил следующий звонок и не без помощи Майка убедился, что звонит начальник его службы снабжения, чей голос он тут же узнал.

Следующий звонок, разбудивший Морта, был сделан уже от имени самого Альвареса, и то, что Морт сказал Альваресу, и то, что Альварес сказал в свое оправдание, выглядело как помесь безумия с идиотизмом.

Проф велел Майку прекратить — он боялся, что Альварес может потерять работу, а этого мы не хотели: Альварес отлично лил воду на нашу мельницу. Но к тому времени драгун уже дважды поднимали ночью в ружье якобы по приказу коменданта, что сильно подорвало их моральный дух. Комендант же до конца уверовал, что со всех сторон окружен предателями, тогда как его подчиненные считали, что у начальства шарики зашли за ролики.

В газете *«Lunaya Pravda»* появилось объявление, что состоится лекция доктора Адама Селена на тему «Поэзия и искусство Луны — новый Ренессанс». Никто из камрадов на нее не пошел — по ячейкам спустили приказ всем оставаться дома. Когда на месте проведения лекции появилось три взвода драгун, они там никого не обнаружили. Так сказать, принцип неопределенности Гейзенберга в приложении к «Алому Первоцвету». Главный редактор газеты провел пару крайне неприятных часов, объясняя, что он лично не принимает объявлений и что это объявление кто-то доставил прямо в редакцию и оплатил наличными. Редактору было приказано не принимать больше никаких объявлений от Адама Селена. Затем приказ отменили и велели брать от Адама Селена любую бумажку и немедленно извещать об этом Альвареса.

Мы испытали новую катапульту, сбросив груз в южной части Индийского океана на 35° восточной долготы и 60° южной широты, то есть в точке, где, кроме рыб, никто не обитает. Майк был в восторге от своей меткости, поскольку высунулся поглядеть на цель всего два разочка, улучив момент,

когда следящие и направляющие радары Администрации бездействовали, и с первой же попытки попал в яблочко. На Терре газеты сообщили, что Кейптаунская станция космических наблюдений зарегистрировала в субантарктике гигантский метеорит; оценка силы удара полностью совпадала с расчетами Майка. Когда пришли вечерние известия агентства Рейтер, он позвонил мне и расхвастался.

— Я тебе говорю, все тютелька в тютельку, — заливался он. — Я сам все наблюдал! Какой замечательный всплеск!

Более поздние сообщения насчет ударной волны, поступившие от сейсмических станций, а также о цунами — от океанографических, подтвердили, что Майк восторгался не зря.

У нас был всего один контейнер (купить сталь — проблема), иначе Майк потребовал бы еще раз испытать свою новую игрушку. «Колпаки свободы» стали все чаще появляться на головах стиляг и их девчонок; Шутник Саймон тоже обзавелся колпачком между рожками; магазин «Бон марше» раздавал их в качестве подарков. У Альвареса произошел неприятный разговор с комендантом: Морт потребовал, чтобы ему разъяснили, почему его главный шпик считает необходимым реагировать на каждую дурацкую выходку подростков? Может быть, Альварес спятил?

В начале мая я столкнулся на бульваре Карвера со Слимом Лемке. На нем был «колпак свободы». Слим, похоже, обрадовался встрече, а я поблагодарил его за быстрое возвращение долга (он явился через три дня после суда над Стью и заплатил Сидрис тридцать гонконгских за всю шайку). Я поставил ему стаканчик. Пока мы сидели, я спросил его, почему молодежь носит красные шапочки. Почему именно шапки? Это же обычай землеедов, нет?

Он замялся, потом сказал, что это знак ордена типа «Лосей». Я сменил тему. Узнал, что его полное имя Мозес Лемке Стоун и что он член банды Стоунов. Я был приятно удивлен — мы оказались родственниками. И неприятно тоже: оказывается, даже лучшие семьи, такие как Стоуны, не всегда могут найти брачные союзы для своих сыновей. Мне-то повезло, а мог бы ведь в его возрасте так же носиться по коридорам. Я сказал ему о нашем родстве по материнской линии.

Он заметно потеплел, а вскоре спросил:

— Кузен Мануэль, ты никогда не думал, что нам следовало бы самим выбирать себе комендантов?

Я ответил — нет, коменданта назначает Администрация, и я думаю, так будет всегда. Он осведомился, а зачем нам Администрация? Я спросил — кто ему забивает голову такими идеями? Он заявил, что никто, он просто рассуждает, разве у него нет права рассуждать?

Я пришел домой и еле удержался от соблазна узнать у Майка партийную кличку этого паренька, если, конечно, она у него есть. Однако это было бы нарушением правил секретности, да и по отношению к Слиму нечестно. Третьего мая 2076 года семьдесят одно лицо мужского пола по имени Саймон задержали, допросили и отпустили. Газеты об этом факте умолчали, но знали о нем все. Наша организация разрослась до уровня буквы «Й», а двенадцать тысяч человек могут разнести слухи быстрее, чем я предполагал. Мы подчеркнули, что одна из этих опасных личностей была всего четырех лет от роду — ложь, разумеется, но весьма впечатляющая.

Стью Лажуа пробыл с нами февраль, март и вернулся на Терру лишь в начале апреля. Менял билеты с одного рейса на следующий, потом опять на следующий. Когда я сказал ему, что он опасно рискует и близок к невидимой черте, после которой начнутся необратимые физиологические изменения, он только ухмыльнулся и велел мне не беспокоиться. Впрочем, тут же договорился о центрифуге.

Стью не хотел уезжать даже в апреле. Его расцеловали со слезами на глазах все мои жены и Вайо, и он заверил каждую, что вернется. Но все-таки уехал — надо было работать. К этому времени он уже стал членом Партии.

Я не принимал участия в решении вопроса о вербовке Стью — опасался, что слишком к нему расположен. Вайо, проф и Майк были единодушны — рискнем! Я с радостью согласился.

Мы вербовали Стью Лажуа все вместе — я, проф, Майк, Вайо, Ма, даже Сидрис, Ленора, Людмила, наши ребятишки, Ганс, Али и Фрэнк, так как именно домашняя жизнь Дэвисов захватила его с самого начала. Не помешало, конечно, и то, что Ленора была самой красивой девушкой Луны.

Сити, хотя отнюдь не затмевала прелестей Милы, Вайо, Анны и Сидрис. Не повредило и то, что сам Стью обладал обаянием, способным сманить младенца от материнской груди. Ма надышаться на него не могла; Ганс обучал его гидропонике; Стью, грязный и потный, ползал с ребятами по туннелям, помогая собирать урожай с китайских рыбных садков; его кусали наши пчелы; он научился носить скафандр и выходил со мной наверх чинить солнечную батарею; помог Анне забить борова и выучился дубить кожи; сидел с Дедом, почтительно выслушивая его наивные суждения о Земле; мыл тарелки с Ма — чего ни один мужчина в семье никогда не делал; катался по полу с детьми и щенками; обучился молоть зерно и обменялся с Ма кухонными рецептами.

Я познакомил его с профом, с чего и началось политическое прощупывание Стью. Ничего определенного сказано не было — мы в любой момент могли отступить, — просто проф представил его Адаму Селену, по телефону разумеется, так как «он сейчас в Гонконге». А потом, когда Стью примкнул к нашему Делу, мы перестали притворяться и дали ему понять, что Адам — это председатель, с которым не принято встречаться лично из соображений безопасности.

Усерднее всех старалась Вайо, и по ее совету проф раскрыл карты, то есть рассказал Стью, что мы готовим революцию. Удивления это не вызвало. Стью давно уже все понял и только ждал, чтобы мы ему доверились.

Говорят, однажды из-за женского лица в море вышла тысяча кораблей. Не знаю, пользовалась ли Вайо при обращении Стью чем-нибудь более весомым, нежели словесные аргументы. И не пытался узнать. Однако на мое собственное обращение Вайо повлияла гораздо сильнее, чем профовы теории и расчеты Майка. Если она и прибегла к более сильным средствам, то она не первая героиня в истории, которая применила их ради своей страны.

Стью отправился на Терру с собственной кодовой книгой. Вообще-то, мне о шифрах и кодах известно лишь то, что любой компьютерщик узнает, изучая теорию информации. Шифр — это математическая система, по которой одна буква алфавита заменяется другой; самый простой вариант — когда буквы алфавита просто перемешаны. Шифры могут быть невероятно сложными, особенно те, что разработаны

с помощью компьютера. Но все они уязвимы как раз потому, что представляют собой систему. А то, что придумал один компьютер, другой вполне может «расколоть».

Коды в этом смысле надежнее. Предположим, в кодовой книге стоит символическая группа букв ГЛОПС. Что это означает — «тетя Минни прибывает домой в четверг» или число 3,14157?

Вы можете присвоить коду любое значение, и ни один компьютер не сможет раскрыть его, просто исходя из группы букв. Но дайте компьютеру достаточное число групп и хорошую теорию, которая учитывала бы их возможные значения, и компьютер со временем разберется, так как в значениях обнаружится определенная закономерность. Однако эта задача гораздо более высокого класса и на порядок труднее.

Выбранный нами код был одним из самых распространенных; им широко пользовались в деловой переписке как в Луне, так и на Терре. Но мы его основательно довели. Проф и Майк часами обсуждали, какую информацию Партии может понадобиться отправить агенту на Терре или получить от него. Потом Майк переработал этот гигантский объем информации и создал новый набор значений для кодовых сочетаний, которыми одинаково легко можно передать: «Покупайте фьючерсы тайского риса в...» или «Бегите. Мы разоблачены». В общем, все, что угодно, — туда были включены элементы шифра, которые позволяли выразить даже то, что первоначально не было предусмотрено.

Поздней ночью Майк распечатал новый код в типографии газеты *«Lunaya Pravda»*; ночной редактор передал бумажный рулон камраду, который превратил его в микропленку и передал третьему, причем никто из них не знал, что это такое и для чего.

Ролик закончил свое путешествие в бумажнике Стью. Досмотр багажа отъезжающих с Луны к тому времени сильно ужесточился и производился обозленными драгунами, но Стью уверял, что все будет в порядке. Может, он проглотил эту пленку?

С тех пор некоторые радиограммы «ЛуНоГоКо» на Терру пошли к Стью через его лондонского брокера. Часть их касалась чисто финансовых вопросов. Партии приходилось тратить на Земле большие деньги. «ЛуНоГоКо» переводила

туда определенные суммы (не все они были украдены, некоторые наши предприятия давали хорошую прибыль), но поскольку денег нужно было гораздо больше, Стью приходилось играть на бирже, используя секретные знания о плане революции: он, проф и Майк много времени провели, обсуждая вопрос о том, какие акции поднимутся, а какие упадут после Дер Таг. Проф на этих делах собаку съел, что же до меня, то я в них ни бельмеса не смыслю.

Но деньги-то нужны были и до Дер Таг, чтобы создать общественное мнение. Нам нужна была реклама, нужны были депутаты и сенаторы в Федерации Наций, нужно было, чтобы хоть одна страна признала нас сразу после переворота, нужны были даже обыватели, которые за кружкой пива говорили бы другим обывателям: «Да разве эта жалкая груда камней стоит жизни хоть одного нашего солдата? Да пусть провалится в тартарары, верно я говорю?»

Деньги на рекламу, деньги на подкуп; деньги для подставных организаций и деньги для проникновения в организацию, реально существующие; деньги, чтобы распространять сведения об истинном экономическом положении Луны (Стью был буквально ими нашпигован) в виде научных статей и популярных брошюр; деньги, чтобы убедить министерство иностранных дел хоть одной державы, что Свободная Луна — это для нее выгодно; деньги, чтобы вызвать интерес к лунному туризму у какого-нибудь крупного картеля...

Уйма денег! Стью предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. И все же денег не хватало, а дел было сверх головы. Я не знал, справится ли Стью хоть с десятой частью. Оставалось только держать за него кулаки. Но главное — какой-никакой, а канал связи с Террой у нас появился. Проф уверял, что наличие контакта с врагом исключительно важно для успешного ведения и завершения войны. (Вообще-то, проф пацифист. Однако, как и в случае с вегетарианством, он не позволял принципам мешать своему здравому смыслу. Из профа получился бы великий теолог.) Как только Стью отправился на Терру, Майк рассчитал наши шансы и получил один из тринадцати. Я спросил его — что за чертовщина? Он терпеливо ответил: «Понимаешь, Ман, это увеличивает риск, а то, что риск необходим, никак не отменяет его роста».

Я заткнулся. Примерно в то же время, то есть в начале мая, появился еще один фактор, который, с одной стороны, был нам на руку, а с другой — заметно увеличил риск. Одна часть Майка ведала всеми микроволновыми передачами между Террой и Луной — коммерческой перепиской, научными сообщениями, видео и радиоканалами, обычной перепиской Администрации и совершенно секретными докладами коменданта.

Кроме последних, Майк мог читать все, включая шифрованную и кодированную переписку коммерческих фирм. Расшифровка заменяла ему кроссворды, и никто его ни в чем не подозревал. Никто, кроме коменданта, — но комендант вообще не доверял никаким машинам. Он принадлежал к тому сорту людей, для которых любая техника сложнее пары ножниц слишком хитроумна, загадочна, а потому подозрительна: склад ума пещерного человека.

Комендант пользовался кодом, которого Майк никогда не видел. И шифры разрабатывал ему не Майк — комендант применял старинную шифровальную машинку, стоявшую у него в резиденции. А кроме того, он договорился с Администрацией на Земле о варьировании времени передач. Словом, чувствовал себя в безопасности.

Майк расколол его шифр и вычислил ритм изменений времени передач просто так, для разминки. С кодом он возиться не стал, пока проф не попросил; самому Майку это было неинтересно.

Но раз проф велел, Майк энергично принялся за совершенно секретную переписку коменданта. Пришлось начинать с нуля — в прошлом Майк стирал все сообщения коменданта, как только передача текста заканчивалась. Теперь он по крупицам собирал данные для анализа — ужасно медленно, поскольку комендант пользовался этим способом связи редко, только в случае особой необходимости, иногда с недельными интервалами. Но постепенно Майк начал улавливать значение некоторых буквенных групп, разумеется с определенной степенью вероятности. Код раскусить не так-то просто — ведь можно угадать значения девяноста девяти групп и все же упустить суть, ибо сотая группа остается для вас ГЛОПС!

Однако у того, кто пользуется кодом, тоже есть свои проблемы. Например, если ГЛОПС в процессе передачи по ошиб-

ке превратится в ГЛОПТ, то получатель депеши вlip. Любой способ связи должен основываться на принципе избыточности, иначе информация может быть потеряна. Именно этот принцип и атаковал Майк со свойственным машинам безграничным терпением.

И раскрыл большую часть кода даже быстрее, чем ожидал. Комендант отправлял теперь закодированные сообщения куда чаще, чем раньше, причем, как правило, на одну и ту же тему (что упрощало расшифровку) — о безопасности и подрывной деятельности.

Морт явно впал в панику. Он взывал о помощи. Он вспил, что саботаж продолжается, несмотря на две роты драгун-миротворцев, и требовал еще солдат, чтобы установить регулярные посты на всех ключевых пунктах всех поселений.

В ответ Администрация заявила, что его требования абсурдны, что Федерация не собирается жертвовать своими элитными войсками, так как они окажутся навсегда потерянными для выполнения своих функций на Земле, и что подобных заявлений от него больше слышать не желают. Если ему нужны охранники, пусть рекрутирует их из ссыльных, но увеличение расходов должно покрываться самой Луной, дополнительных ассигнований не будет. Коменданту предписывалось также сообщить, что он предпринял для обеспечения новых зерновых квот, спущенных Луне недавно.

Комендант ответил, что, если его чрезвычайно умеренные требования насчет обученного персонала органов безопасности — он повторяет, ему не нужны необученные, недостойные и непригодные к этому делу ссыльные, — не будут удовлетворены, он снимает с себя ответственность за общественный порядок, не говоря уже о повышенных поставках продовольствия. Администрация насмешливо поинтересовалась — кого волнует, если бывшие ссыльные передерутся друг с другом в своих подземных норах? Если это волнует коменданта, пусть вспомнит, какие успешные результаты дало в 1996 и 2021 годах простое отключение света.

Этот обмен мнениями заставил нас пересмотреть наш график, какие-то дела ускорить, другие отложить. Подобно хорошему обеду, революция должна быть приготовлена так, чтобы «перемены блюд» шли одна за другой бесперебойно. Стыю на Терре нужно было время. Нам нужны были кон-

тейнеры и небольшие направляющие ракеты, а также прочая электроника для успешного «швыряния камнями». А сталь была проблемой — и ее покупка, и обработка, и особенно перевозка по лабиринтам туннелей к новой катапульте.

Надо было довести количество членов Партии по меньшей мере до уровня «К», то есть примерно до сорока тысяч, причем в нижние эшелоны следовало подбирать людей не по талантам, а по бойцовским качествам. Нам нужно было оружие против возможных десантов. Нужно было переместить радары Майка, без которых он ничего не видел. (Увы, самого Майка переместить было нельзя. Правда, его «частички» были раскиданы по всей Луне, но центральная часть находилась в Комплексе под тысячеметровой скальной толщой, была окружена стальной стеной и подвешена на мощных пружинах. Администрация приняла меры предосторожности на случай, если кто-нибудь когда-нибудь вздумает бросить водородную бомбу в ее центр управления.)

Все это требовало времени, а потому следовало чуть снизить давление пара в котле.

Так что мы прекратили доводить коменданта и принялись за первоочередные задачи. Саймон просто взял отпуск. Прошел слух, что «колпаки свободы» нынче не в моде, с намеком, что выкидывать их не стоит. У коменданта перестал трезвонить телефон. Мы больше не провоцировали столкновений с драгунами. Стычки, правда, не прекратились, но их стало значительно меньше.

Как мы ни старались успокоить Морта, появился симптом, который обеспокоил нас самих. Хотя комендант не получил положительного ответа (во всяком случае, нам таких депеш перехватить не удалось) на просьбу о новых войсках, он стал выселять из Комплекса гражданский персонал. Государственные служащие, жившие там, бросились искать себе жилье в Луна-Сити. Администрация произвела пробное бурение и геофизическую разведку кубатуры, прилегающей к Луна-Сити, которую можно было превратить в новое поселение.

Все это могло означать, что Администрация намерена прислать небывало большой транспорт ссыльных. Впрочем, не исключалось, что помещения Комплекса планируют использовать для каких-то других целей.

— Зачем обманывать самих себя? — сказал нам Майк. — Комендант готовится к приему новых войск, и помещение нужно для казарм. Были бы другие объяснения, я бы о них знал.

— Майк, — спросил я, — но как могло случиться, что ты ничего не слышал о войсках? Ты же почти полностью расшифровал код коменданта.

— Не «почти», а полностью расшифровал. Но на последних двух кораблях сюда приезжали важные шишки из Администрации. Я не знаю, о чем они говорили вдали от телефонов.

Судя по объему высвобождаемых помещений, комендант рассчитывал получить еще с десяток фаланг. Мы прикинули и решили, что сможем с ними справиться, разумеется с помощью Майка, но это будет не почти бескровный *coup d'etat*, который планировал проф. Погибнет множество людей.

И мы изо всех сил налегли на ускоренную подготовку к мятежу, как вдруг...

ГЛАВА 13

Ее звали Мари Лайонс; ей было восемнадцать, родилась она в Луне, куда ее мать сослали в составе Корпуса мира в 2056 году. Об отце ничего не известно. Была она, по-видимому, совершенно безобидным существом, работала контролершей в департаменте транспорта, жила в Комплексе.

Возможно, она ненавидела Администрацию и ей нравилось дразнить драгун-миротворцев. А может, все началось с коммерческой транзакции, такой же деловой, как в комнатушке бордель-автомата за дверью, куда посетитель опускает монетку. Откуда нам знать? Участвовали шестеро драгун. Изнасилования им показалось мало (если это действительно было изнасилование); они поизмывались разными способами, а потом убили ее. Однако потихоньку избавиться от трупа не сумели. Женщина из местных служащих нашла еще теплое тело. Она закричала. Это был ее последний крик.

Мы узнали о случившемся немедленно. Майк известил нас троих в тот самый момент, когда Альварес и драгунский командир приступили к следствию в офисе Альвареса. Видимо, драгунский офицер быстро выявил виновников, и они с Альваресом допрашивали солдат по одному, а в перерывах между допросами отчаянно грызлись между собой. Альварес орал:

— Я же говорил вам, что ваши драгуны должны иметь своих собственных женщин! Я предупреждал!

— Заткнитесь! — гремел в ответ драгунский офицер. — Я вам сказал и повторяю снова, что никого сюда не пришлют. Вопрос сейчас в том, как замять дело.

— Вы что, спятили? Комендант уже в курсе.

— Пока еще далеко не все ясно!

— Бросьте вы! Лучше давайте сюда следующего!

Вайо, узнав про убийства, пришла ко мне в мастерскую. Бледная, несмотря на макияж; не сказала ни слова, села рядом и уцепилась за руку.

Наконец драгунский офицер ушел от Альвареса, так ни о чем и не договорившись. Альварес требовал немедленно казнить всех шестерых и оповестить об этом население (требование разумное, но явно недостаточное для его целей). Командир же продолжал настаивать на том, что надо «замять дело». Проф распорядился:

— Майк, продолжай слушать везде, где сможешь. Ну, что скажешь, Ман? Вайо? Какие соображения?

У меня их не было. Я еще не стал хладнокровным и расчетливым революционером. Мне хотелось одного — наступить каблуком на морды тех шестерых, чьи голоса я только что слышал.

— Не знаю. Что же нам делать, проф?

— Делать? Мы оседлали тигра, теперь остается только схватить его за уши! Майк, где Финн Нильсен? Найди его.

— Он как раз звонит, — ответил Майк и подключил к нам Финна.

Я услышал:

— ...на станции «Южная». Убиты оба охранника и шестеро наших. Я имею в виду лунарей, не обязательно камрадов. Ходят дикие слухи, что драгуны обезумели и сейчас насилиют и убивают всех женщин в Комплексе. Адам, мне надо поговорить с профом.

— Я слушаю, Финн, — решительно ответил проф. — Мы выступаем, ничего другого не остается. Бери лазерные ружья и людей, которые обучены ими пользоваться. Всех, кого найдешь.

— Да! О'кей, Адам?

— Делай, как говорит проф. Потом перезвони.

— Подожди, Финн, — вмешался я, — это Манни. Мне тоже выдай ружьцо.

— Ты не умеешь им пользоваться, Манни.

— Раз оно лазерное — сумею.

— Манни, заткнись! — с нажимом сказал проф. — Ты зря теряешь время. Дай Финну спокойно делать свое дело. Адам, передай распоряжение Майку. Скажи — боевая готовность номер четыре.

Глядя на профа, я тоже постарался взять себя в руки. У меня ведь из головы вылетело, что Финну не полагалось знать о том, что Адам — это и есть Майк. Вообще все вылетело, кроме жгучей ярости.

Майк сказал:

— Финн отключился. Проф, я объявил готовность номер четыре, как только все началось. Никаких передач, кроме обычных, заявки на которые были поданы раньше. Вы же не хотите, чтобы я их прервал?

— Нет, придерживайся плана. Никаких сообщений на Терру о том, что тут творится. Если что-то в этом роде появится, задержи, и мы посоветуемся.

Готовность номер четыре по сути означала введение цензуры на передачи для Терры, но так, чтобы не возбудить там ни малейшего подозрения. Для этого Майк должен был на разные голоса извиняться, дескать, у нас нарушения с прямой связью; что до сообщений, записанных на пленку, то тут проблем не было.

— Программа действует, — сказал Майк.

— Отлично. Мануэль, остынь, сынок, и займись лучше собственными делами. Драться будут другие, а ты нужен здесь, нам ведь многое придется импровизировать. Вайо, передай камраду Вивиан, чтобы забрала всех «нерегулярников» из коридоров. Отправьте ребят по домам — пусть их матери предупредят всех остальных матерей. Мы не знаем, где развернутся бои, но детей надо по возможности уберечь.

— Слушаюсь, проф.

— Минуточку. Как только известишь Сидрис, выпускай своих стиляг. Я хочу, чтобы в городском офисе Администрации начался погром — пусть вломятся туда, пусть крушат, орут, ломают, но желательно без жертв. Майк! План номер четыре, пункт «М». Отключи все линии связи с Комплексом, разумеется кроме твоих собственных.

— Проф, — вмешался я, — какой смысл производить там погром?

— Манни, Манни! Это же наш День! Майк, в других поселениях уже известно об изнасиловании и убийствах?

— Пока не слышал. Я то и дело прослушиваю разные точки. На станциях метро тихо, везде, кроме Луна-Сити. Толь-

ко что началось сражение на станции «Западная». Хотите послушать?

— Не сейчас. Манни, отправишься туда и посмотришь сам. Только не лезь в драку и держись поблизости от телефона. Майк, поднимай народ во всех поселениях. Передай новости вниз по ячейкам, используй версию Финна, а не то, что было на самом деле. Драгуны насилиют и убивают всех женщин в Комплексе — хочешь, дам тебе детали, хочешь, сам изобретай. Гм... ты можешь отдать приказ охранникам на других станциях метро вернуться в свои казармы? Мне нужен мятеж, но зачем посыпать безоружных людей против вооруженных, если этого можно избежать?

— Попытаюсь.

Я поспешил к станции «Западная», но по мере приближения к ней невольно замедлил шаг. Коридоры были забиты разъяренными людьми. В жизни не слышал, чтобы город так гудел. Я пересек виадук и уловил шум и крики со стороны городского офиса Администрации, хотя Вайо явно не могла так быстро настропалить своих стиляг. Их там и правда не было. Просто то, что проф планировал сделать, совершилось спонтанно.

На станции была дикая давка. Мне пришлось продираться сквозь толпу, чтобы увидеть то, в чем я хотел убедиться: что проверявшие паспорта солдаты либо сделали ноги, либо протянули. Оказалось — протянули, вместе с тремя лунарями. Один из них был мальчишкой лет тринадцати. Он так и умер, сомкнув руки на горле драгуна; на голове мальчика по-прежнему красовался красный колпак. Я пробился к телефону и отчитался.

— Возвращайся, — сказал проф, — но сначала прочти удостоверение личности у кого-нибудь из солдат. Мне нужно его имя и звание. Финна видел?

— Нет.

— Он отправился туда с тремя ружьями. Скажи, где будка, из которой ты звонишь, узнай имя солдата и возвращайся обратно к будке.

Один труп уже утащили: *Bog весть, зачем он им понадобился*. Другой был сильно изуродован, но мне удалось пробиться к нему и снять с шеи цепочку с личным медальоном,

прежде чем его тоже уволокли. Потом я протолкался обратно к телефону. В будке стояла какая-то женщина.

— Леди, — обратился я к ней, — мне очень нужно позвонить. Срочно!

— Прошу вас! Эта дрянь все равно не работает.

Для меня она заработала — об этом позаботился Майк. Я сообщил профу фамилию солдата.

— Молодец, — сказал он. — Финна видел? Он будет искаать тебя в будке.

— Не ви... Вот он, я его вижу.

— О'кей. Задержи его. Майк, ты можешь поговорить голосом этого драгуна?

— К сожалению, нет, проф.

— Ладно, тогда пусть голос будет просто хриплым и испуганным; есть шанс, что командир не разберется. А может, солдат должен звонить прямо Альваресу?

— Нет, он обратился бы к своему командиру; Альварес отдает распоряжения солдатам только через него.

— Тогда вызови командира. Доложи о нападении, попроси помочи и умри в середине разговора. Пусть фоном будут звуки мятежа, какой-нибудь крик типа: «Вот он, грязная сволочь!» — прямо перед твоей гибелью. Сможешь разыграть?

— Запрограммировано. Нет проблем, — весело отозвался Майк.

— Действуй. Манни, давай сюда Финна.

План профа заключался в том, чтобы обманом выманить свободных от службы солдат из казарм и направлять туда, где на выходе из капсул их встретят люди Финна. План некоторое время работал, потом Прыщ Морт психанул, велел немногим оставшимся солдатам охранять свою персону и начал бомбардировать Землю паническими требованиями подмоги. Ни одно из его посланий туда не попало.

Я сбросил с себя путы профовой дисциплины и вооружился лазерным ружьем как раз к тому моменту, когда должна была прибыть вторая капсула с драгунами. Сжег двоих, почувствовал, что жажда крови куда-то пропала, и оставил добивать противника другим снайперам. Это было слишком просто. Стоило драгуну высунуть голову в дверь, и он был готов. Половина взвода засела в капсуле — пришло их оттуда выкурить и послать вслед за остальными в мир иной. К это-

му времени я уже был на своем наблюдательном посту в телефонной будке.

Решение коменданта забаррикадироваться в резиденции вызвало мятеж в Комплексе. Альвареса убили, убили командира драгун и двух желтомундирников. Однако остатки желтых мундиров и драгун, всего тринадцать человек, заперлись вместе с Мортом — а может, они с самого начала состояли при нем: возможности Майка следить за событиями путем прослушивания были небезграничны. Но как только стало ясно, что все живые охранники находятся в резиденции коменданта, проф распорядился, чтобы Майк переходил к следующему этапу.

Майк отключил освещение в Комплексе, за исключением резиденции, и снизил снабжение кислородом до уровня, при котором начинается голодание — не смертельное, но достаточно сильное, чтобы вывести из строя всех несговорчивых. В самой же резиденции подача кислорода упала до нуля и ровно на десять минут остался чистый азот. К концу этого срока люди Финна, ждавшие в скафандрах на личной комендантской станции метро, взломали запоры шлюза и вошли внутрь «плечом к плечу». Луна была наша.

Часть вторая
ВОССТАВШАЯ ЧЕРНЬ

ГЛАВА 14

Итак, волна патриотизма захлестнула нашу юную нацию и объединила ее. Именно так пишут в книжках по истории, верно? Ох, братцы!

Я-то теперь ученый, и вот что вам скажу: подготовка к революции — это детские игрушки по сравнению с тем, что вас ждет после ее победы. Мы захватили власть слишком рано, мы не были готовы, а надо было браться за тысячу дел сразу. Администрация в Луне приказала долго жить, но Лунная администрация на Земле и Федерация Наций были живы и очень даже здоровы. Стоило им высадить у нас всего один десант, вывести на орбиту всего один крейсер — и через неделю-другую они прибрали бы Луну к рукам... и по дешевке. Мы были просто толпой.

Новую катапульту опробовали, но готовые каменные снаряды можно было пересчитать по пальцам одной руки — моей левой. К тому же катапульта — это не оружие против кораблей или десанта. Кое-какие идеи, как справиться с кораблями, у нас имелись, но пока только идеи. Было у нас и несколько сотен дешевых лазерных ружей на складе в Гонконге — китайские инженеры оказались настоящими мастерами, — но людей, умевших с ними обращаться, явно не хватало.

Кроме того, Администрация выполняла и полезные функции. Скупала лед и зерно, продавала воду и энергию, контролировала многие ключевые сферы жизни. Что бы там ни произошло в будущем, колеса должны были продолжать вортеться. Городские офисы Администрации разгромили слишком спешно (так, во всяком случае, думал я), ибо при этом уничтожили всю документацию. Однако проф утверждал, что лунарям — всем лунарям — был необходим символ ненавистной власти, который можно повергнуть в прах, и что городские офисы лучше всего годились на эту роль, так как были наименее ценные и в то же время наиболее известны.

К счастью, Майк контролировал связь, а значит, практически все остальное. Проф начал с надзора за известиями, передаваемыми с Терры и на Терру, предоставив Майку цензуру и фальсификацию новостей до тех пор, пока мы не решим, что следует сказать Земле; к этой программе добавили пункт «М», который отрезал Комплекс от всей остальной Луны, а вместе с ним изолировал обсерваторию Ричардсона и связанные с ней лаборатории — Пирсову радиометрическую, сelenофизическую станцию и другие. Лаборатории представляли собой проблему, так как в них работали ученые-земляне, продлевавшие благодаря центрифуге срок пребывания в Луне до шести месяцев. Большинство землян в Луне, если не считать горсточки туристов (тридцать четыре человека), были ученые. С ними следовало что-то делать, но в первую очередь необходимо было помешать им связаться с Террой.

Комплекс был лишен телефонной связи, и Майк не разрешал капсулам останавливаться на его станциях, даже когда в метро возобновилось движение — сразу после того, как отряд Финна Нильсена завершил свою грязную работу.

Выяснилось, что комендант не погиб, а убивать его мы не собирались.

Проф считал, что живого коменданта всегда можно превратить в мертвого, в то время как мертвого оживить не удастся даже в случае нужды. Поэтому решили довести его до полусмерти, чтобы ни он, ни его охрана не сопротивлялись, и в темпе ворваться к нему, когда Майк возобновит подачу кислорода.

С вентиляторами, запущенными на полную мощность, рассчитывал Майк, на это потребуется четыре минуты; еще минута уйдет на то, чтобы снизить содержание кислорода практически до нуля; итак — пять минут возрастающей гипоксии, пять минут аноксии, затем взлом нижнего шлюза — и одновременно быстрая подача чистого кислорода, чтобы восстановить баланс. Погибнуть за это время никто вроде не должен, но вырубятся охранники не хуже, чем под наркозом. Конечно, если кто-то из них будет при скафандре, можно ожидать сопротивления. Хотя вряд ли. Гипоксия — штука хитрая, можно потерять сознание, даже не понимая, что причина в нехватке кислорода. Любимая фатальная ошибка многих новичков.

Итак, комендант выжил, а вместе с ним три его женщины. Но Морт уже ни на что не годился — мозг слишком долго испытывал кислородное голодание, и это превратило его в кочан капусты.

Все солдаты погибли, хотя они были моложе коменданта. Видок у них был такой, будто аноксия свернула им шеи.

Больше в Комплексе никто не пострадал. Когда зажегся свет и возобновилась подача кислорода, все пришли в норму, в том числе шестеро насильников и убийц, запертых в казарме. Финн решил, что расстрел — слишком мягкое для них наказание, а потому взял на себя обязанности судьи и превратил в присяжных свой отряд.

Драгун раздели, связали по рукам и ногам и отдали женщинам Комплекса. Мне тошно даже подумать о том, что с ними сделали, хотя вряд ли они мучились дольше, чем Мари Лайонс. Женщины — странные существа: мягкие, добрые, нежные, но одновременно куда более свирепые, чем мы.

Хочется упомянуть, хотя хронологически это было позже, о судьбе стукачей. Вайо яростно настаивала на их ликвидации, но когда их согнали в кучу, потеряла мужество. Я ожидал, что проф с ней согласится, однако он покачал головой.

— Нет, дорогая Вайо, как бы мне ни претило насилие, есть только два способа обращения с врагами: или убить их, или превратить в своих друзей. Все полумеры чреваты осложнениями в будущем. Человек, настучавший на своих друзей один раз, будет стучать и дальше, а впереди у нас еще много испытаний, и стукачи могут оказаться очень опасными. Так что придется им умереть. И при этом публично. Чтоб другим было неповадно.

— Профессор, — сказала Вайо, — вы когда-то говорили, что если осудите человека, то сами его и казните. Вы собираетесь это сделать?

— И да, дорогая леди, и нет. Их кровь будет на моих руках; я принимаю на себя ответственность. Но у меня есть план, который должен отбить всякое желание шпионить у всех потенциальных доносчиков.

И Адам Селен объявил, что такие-то люди были наняты Хуаном Альваресом — покойным шефом безопасности бывшей Администрации — в качестве тайных осведомителей, и во всеуслышание назвал их имена и адреса. И даже не намекнул, что с ними делать.

Одному из них посчастливилось затаиться на целых семь месяцев, сменив место жительства и фамилию. Его тело нашли в начале 2077 года вблизи южного шлюза в Новолене. Однако большинству удалось прожить лишь несколько часов.

Сразу после переворота мы столкнулись с проблемой, о которой раньше даже не задумывались. С проблемой Адама Селена. Кто такой Адам Селен? Где он? Это была его революция, он проработал в ней каждую деталь, каждому камраду был знаком его голос. Теперь мы вышли из подполья... *так где же Адам?*

Мы целую ночь бились над этой проблемой в номере «Л» отеля «Раффлз»; мы обсуждали ее и одновременно принимали решения по сотням разных вопросов, возникавших у людей, которые хотели знать, что делать дальше, а сам «Адам» в это время разными голосами отдавал распоряжения по другим вопросам, не нуждавшимся в обсуждении, составлял фальсифицированные выпуски новостей для Терры, держал в изоляции Комплекс и делал еще великое множество дел. (Сомневаться не приходится: без Майка мы не смогли бы ни захватить Луну, ни удержать ее.)

По моему мнению, стать «Адамом» должен был проф. Проф был нашим руководителем и теоретиком; его знали все; некоторым особо доверенным партайцам он был знаком как камрад Билл, а прочие знали и уважали профессора Бернардо де ла Паса. Он же учил половину выдающихся граждан Луна-Сити, а также многих в других поселениях и был известен каждой мало-мальски заметной шишке в Луне.

— Нет! — сказал проф.

— Почему нет? — спросила Вайо. — Проф, мы вас выбрали. Скажи ему, Майк!

— Резервирую свое мнение, — ответил Майк. — Хочу послушать, что скажет проф.

— Я вижу, ты все уже проанализировал, Майк, — сказал проф. — Вайо, мой бесценный камрад, я не отказался бы, будь это возможно. Однако у нас нет способа сделать мой голос похожим на голос Адама, а каждый камрад знает Адама по голосу. Именно для этого Майк и сделал его таким запоминающимся.

Мы еще пообсуждали: может, будем показывать профана только по видео, а Майк тем временем пусть говорит за него известным всем голосом Адама.

И отвергли этот вариант. Слишком многие знали профана и слышали его речи, совершенно не совпадавшие с голосом и манерой Адама. Ту же возможность рассмотрели применительно ко мне — голоса у нас с Майком баритональные, по телефону я общался с ограниченным кругом людей, а по видео вообще не выступал.

Я эту идею придушил в зародыше. Народ и так удивится, узнав, что я один из замов председателя, а в то, что я и есть номер первый, просто никто не поверит.

— Давайте примем промежуточное решение, — сказал я. — Адам был тайной все это время. Пусть пока и остается. Его будут видеть только на экранах — в маске. Проф даст ему тело, Майк — голос.

Проф покачал головой:

— Я не знаю более верного пути разрушить доверие к нам в столь ответственный момент, чем выставить лидера, скрывающегося под маской. Нет, Манни.

Мы обсудили возможность пригласить на эту роль актера. В Луне не было профессиональных актеров, но были хорошие любители в «Народном театре» и в ассоциации «*Novy Bolshoi Teatr*».

— Нет, — суммировал проф, — не говоря уже о том, что нужно найти актера, который не возомнил бы себя Наполеоном, мы просто не можем ждать. Адам должен начать заниматься делами не позже завтрашнего утра.

— В таком случае ответ напрашивается сам собой, — заявил я. — Не показывать Майка по видео. Только радио. Придется придумать объяснение, почему Адама нельзя видеть.

— Вынужден согласиться, — ответил проф.

— Ман, мой самый старый друг, — сказал Майк, — а почему ты говоришь, что меня нельзя показывать?

— Ты что — не понял? — спросил я. — Майк, для видео нам нужны лицо и тело, но тело у тебя состоит из нескольких тонн металла. Лица же вообще нет, и это твое счастье — не надо бриться.

— Но что мешает мне показать лицо, Ман? В данную минуту я показываю вам голос. Ведь за ним нет звука. Могу точно так же показать лицо.

Я был настолько ошарашен, что даже не нашелся что ответить. Просто уставился на экран видео, который мы уста-

новили, когда сняли номер надолго. Импульс это импульс это импульс. Электроны гоняются друг за другом. Для Майка весь мир состоит из множества серий электрических импульсов, посланных им, или воспринятых, или мельтешащих в его внутренностях.

Наконец я сказал:

— Нет, Майк.

— Почему нет, Ман?

— Потому что у тебя ничего не получится! Голосом ты овладел прекрасно. На это требуется несколько тысяч решений в секунду — черепашья скорость для тебя. Но построить видеоизображение — значит... хм... производить в секунду, скажем, десять миллионов операций. Майк, ты такой проворный, что мне этого просто не постичь. Но не настолько проворный.

— Хочешь пари, Ман? — вкрадчиво спросил Майк.

— Если Майк говорит, что может, значит может! — возмущенно воскликнула Вайо. — Манни, чего ты к нему вяжешься?

(Вайо думает, что электрон размерами и формой похож на маленькую горошину.)

— Майк, — сказал я медленно, — деньги я ставить не буду. Но если хочешь, попытайся. Включить видео?

— Я сам могу его включить, — ответил он.

— Ты уверен, что найдешь его? Не хотелось бы, чтоб эту картинку увидели на каком-нибудь другом экране.

Он обиженно ответил:

— Я не дурак. А теперь не мешай мне, Ман... потому что, должен сознаться, мне понадобится напрячь все силы.

Мы молча ждали. Внезапно экран посерел, на нем возник намек на линии развертки. Потом снова почернел, затем слабо осветился в центре размытыми пятнами тени и света в форме эллипса. Не лицо, а расплывчатый образ, какой порою можно увидеть в облаках, окутывающих Терру.

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картинку вроде изображения эктоплазмы.

Призрачное лицо.

Внезапно оно отвердело, и мы увидели Адама Селена.

Пока это была лишь фотография зрелого мужчины. Фон отсутствовал — только лицо, словно вырезанное из газеты. И все же для меня это был Адам Селен. И никто другой.

Неожиданно он улыбнулся, губы ожили, шевельнулись челюсти, кончик языка мимолетно коснулся губ. У меня мороз пошел по коже.

— Как я выгляжу? — спросил он.

— Адам, — сказала Вайо, — у тебя слишком курчавые волосы. А на лбу должны быть небольшие залысины. Сейчас ты выглядишь так, будто на тебе парик.

Майк мгновенно внес изменения.

— Так лучше?

— Лучше. Но разве у тебя нет ямочек на щеках? Я была уверена, что слышала их, когда ты смеялся. Как у профессора.

Майк-Адам улыбнулся еще раз. На щеках появились ямочки.

— А как мне одеться, Вайо?

— Ты сейчас у себя в конторе?

— Да, я еще здесь. Сегодня пришлось задержаться.

Фон сделался серым, потом вошел в фокус и стал цветным. На стенном календаре за спиной Адама была видна дата — вторник 19 мая 2076 года, на часах — точное время. Возле локтя стоял картонный стаканчик с кофе. На столе — фотография в рамке: двое мужчин, женщина и четверо ребятишек. Появился звуковой фон — приглушенный шум площади Старого Купола, более громкий, чем обычно. Я слышал крики, где-то пели саймоновскую версию «Марсельезы».

Откуда-то сбоку донесся голос Джинваллы:

— *Gospodin?*

Адам взглянул в направлении голоса.

— Я занят, Альберт, — сказал он спокойно. — Не соединяй меня ни с кем, кроме ячейки «Б». Прочими делами занимайся сам. — Он снова посмотрел на нас. — Ну как, Вайо? Какие соображения? Проф? Ман, мой сомневающийся друг? Сойдет?

Я протер глаза:

— Майк, ты, похоже, можешь состряпать все, что захочешь.

— Разумеется. Но я не занимаюсь стряпней. Я женат.

— Адам, — сказала Вайо, — ты выглядишь как с иголочки — и это после такого-то дня?

— А я не позволяю мелочам брать над собой верх. — Он поглядел на профана. — Профессор, если картинка о'кей, давайте обсудим мое завтрашнее выступление. С него начнет-

ся утренний выпуск новостей в восемь ноль-ноль; об этом будут объявлять всю ночь, и ячейки нужно оповестить заранее.

Остаток ночи прошел в разговорах. Я дважды посыпал за кофе, Майк-Адам тоже налил себе новый стаканчик. Когда я заказал бутерброды, он попросил Джинваллу послать кого-нибудь за парочкой для себя. Тут я мельком увидел Альберта Джинваллу в профиль — типичный бабу, вежливый, но слегка надменный. Раньше я не знал, как он выглядит. Майк ел одновременно с нами, порой невнятно что-то говорил с набитым ртом.

Когда я спросил (профессиональный интерес!), Майк рассказал, что, построив портрет, запрограммировал его для автоматического показа, а теперь в основном уделяет внимание мимике. Но вскоре я окончательно забыл, что все это фикция. Просто Майк-Адам говорил с нами не по телефону, а по видео, и это было удобнее, вот и все.

К трем ноль-ноль мы выработали общую линию, и Майк отрепетировал речь. Проф предложил добавить несколько пунктов, Майк внес корректизы, и мы решили передохнуть. А то даже Майк-Адам уже начал позевывать, хотя, естественно, он остался на посту, охраняя контакты с Террой, держа в изоляции Комплекс и прослушивая множество телефонов. Мы с профом улеглись на кровати, Вайо растянулась на кушетке. Я свистнул, чтобы погас свет. В порядке исключения мы позволили себе лечь без утяжелителей.

Пока мы завтракали, Адам Селен выступал с обращением к Свободной Луне. Он был обаятелен и мужествен, ненавязчив, но убедителен.

— Граждане Свободной Луны, друзья, камрады! Позвольте, я представлюсь тем, кто со мной не знаком. Я Адам Селен, председатель Чрезвычайного комитета по освобождению Луны... вернее, комитета Свободной Луны, ибо мы наконец свободны. Так называемая Администрация, которая долгое время узурпировала власть в нашем доме, свергнута. Я стал времененным главой нашего нынешнего правительства — Чрезвычайного комитета.

Вскоре, как только будет возможно, вы выберете свое собственное правительство. Пока же, — Адам улыбнулся и про-

стер руки, словно взывая о помощи, — я буду стараться изо всех сил, надеясь на вашу поддержку. Нам не обойтись без ошибок — будьте снисходительны и терпеливы. Камрады, если вы еще не открылись друзьям и соседям, то самое время сделать это сейчас. Граждане, распоряжения, возможно, будут передаваться вам через ваших соседей-камрадов. Надеюсь, что вы подчинитесь им без принуждения; это приблизит день, когда я смогу откланяться, а жизнь потечет нормально, нормально в новом понимании — без Администрации, без охранников, без солдат, державших нас под прицелом, без паспортов, обысков и превентивных арестов. Однако необходим переходный период. Прошу вас всех — вернитесь к работе, к привычному образу жизни. К тем, кто работал в Администрации, та же просьба: вернитесь на свои рабочие места. Спокойно трудитесь, как прежде, мы будем платить вам зарплату, пока не решим, какие из функций Администрации нам следует сохранить, от каких отказаться и какие изменить. Наши новые сограждане, ссыльные, все, кто тянет лямку, отбывая сроки, данные вам на Земле! Вы свободны, ваше наказание кончилось! Однако я надеюсь, что вы будете продолжать работать. От вас не требуют — времена насилия позади, — вас убедительно просят. Вы, конечно, можете покинуть Комплекс, можете отправиться куда угодно... движение транспорта будет незамедлительно восстановлено. Но прежде чем вы воспользуетесь обретенной свободой, чтобы кинуться в города, разрешите мне напомнить вам: «Дармовой закуски не бывает». Лучше пока не трогайтесь с места. Мы обеспечим вас едой — возможно, не слишком изысканной, зато горячей и ежедневной.

Я попросил главного менеджера «ЛуНоГоКо» временно взять на себя повседневные функции упраздненной Администрации. Эта компания будет осуществлять общий надзор за делами и разработает план, который позволит нам избавиться от аппарата принуждения, состоявшего на службе у Администрации, и передать ее полезные структуры в частные руки. Так что, пожалуйста, помогите ей.

Граждане государств Терры, живущие среди нас! Ученые, путешественники и прочие, я вас приветствую! Вы стали свидетелями редчайшего события — рождения новой нации. Роды не обходятся без боли и крови. Так случилось и сейчас.

Но мы надеемся, что все уже позади. Мы не причиним вам вреда и постараемся организовать вашу отправку домой по возможности в кратчайшие сроки. Если же вы надумаете остаться и стать нашими согражданами — добро пожаловать! Пока же убедительно прошу вас избегать коридоров, чтобы не спровоцировать инцидентов, мы больше не хотим кровавых столкновений. Проявите терпимость — и я призову своих сограждан быть терпимыми по отношению к вам. Ученые Терры, возвращайтесь к своей работе в обсерваториях и лабораториях и не обращайте на нас внимания. Тогда вы даже не заметите, что мы переживаем период родовых схваток возникновения новой нации. Еще одно: мне крайне неприятно, но мы временно должны вмешаться в ваше право на связь с Террой. Мы это делаем по необходимости; цензура будет снята так быстро, как только возможно: мы ненавидим ее не меньше вас.

В заключение Адам попросил:

— Не пытайтесь увидеться со мной, камрады, и звоните мне лишь в случае крайней необходимости. Лучше пишите, если нужно; ваши письма будут внимательно и быстро рассмотрены. Но двойников у меня нет, я не спал всю прошлую ночь и вряд ли высплюсь сегодня. Я не могу выступать на митингах, не могу обмениваться рукопожатиями, не могу принимать делегации. Я должен безотрывно сидеть за столом и работать, для того чтобы поскорее отделаться от этой работы и передать ее тому, кого вы выберете. — Он широко улыбнулся. — Меня увидеть будет не легче, чем Шутника Саймона.

Выступление длилось пятнадцать минут, но суть его сводилась к одному: возвращайтесь на работу, соблюдайте спокойствие, дайте нам время.

Однако ученые нам его не дали — я должен был это предвидеть, сам на такие дела мастак.

Связь с Землей пока шла исключительно через Майка. Но у этих высоколобых электронного оборудования хватило бы на целый склад. За пару часов они сварганили передатчик для связи с Террой.

Нас спас путешественник, считавший, что Луна должна быть свободной. Он попробовал связаться с Адамом Селе-

ном по телефону и попал на даму из женского отряда, который мы срочно сформировали из ярусов «В» и «Г» в порядке самозащиты, так как, несмотря на просьбу Майка, пол-Луны бросилось звонить ему сразу же после сеанса видео: кто с просьбами, а кто и с намерением поучить Адама, как ему следует выполнять свои обязанности. После сотни звонков, переключенных на меня каким-то излишне активным камрадом из телефонной компании, мы создали эту буферную группу. К счастью, камрад леди, которая приняла этот звонок, поняла, что тут правило «успокойте их и отпустите с миром» не годится; она перезвонила мне.

Через пять минут я, Финн Нильсен и несколько добровольцев с ружьями мчались в капсуле в зону обсерватории. Наш информатор побоялся сообщить свое имя, но рассказал, где найти передатчик. Мы застали их на месте преступления, и только быстрая реакции Финна сохранила им жизнь: его ребята просто кипели. Однако мы не хотели расправы «для острастки»; мы с Финном договорились об этом еще по пути сюда. Ученых на испуг не возьмешь — у них мозги устроены иначе. К ним нужен особый подход.

Я раздавил передатчик ногой, приказал директору собрать всех сотрудников в помещении столовой и потребовал привести перекличку — поблизости от телефона. Потом поговорил с Майком, узнал имена и сказал директору:

— Доктор, вы говорили, что тут собирались все. Но здесь не хватает семерых. — Я назвал ему имена. — Доставить их сюда. Немедленно!

Оказалось, отсутствующие земляне были извещены, но отказались прекратить работу — типичные ученые.

Потом я начал говорить. Лунари стояли в одном конце комнаты, земляне — в другом. Землянам я сказал:

— Мы старались относиться к вам как к гостям. Но трое из вас попытались, а возможно, и успели послать депешу на Терру. — Я повернулся к директору. — Доктор, я мог бы обшарить все поселение, все постройки на поверхности, все углы в лабораториях и уничтожить каждую деталь, из которой можно сварганиить передатчик. По профессии я электронщик, а потому прекрасно понимаю, что в передатчик можно превратить чуть ли не любое устройство. Предположим, я изничтожу все, что годится для этой цели, а для верности за-

одно раскокаю все приборы, назначение которых мне неизвестно. И что в результате?

Можно было подумать, что я собираюсь придушить его дитя. Он посерел прямо на глазах.

— Это остановит всю исследовательскую работу... будут потеряны бесценные данные... Убытки на... ох, я даже не могу сказать какие! Наверняка больше полумиллиарда долларов!

— Вот и я так подумал. Впрочем, я могу и не ломать оборудование, а просто забрать его с собой. А вы живите как хотите.

— Но это будет почти так же ужасно! Вы должны понять, *gospodin*, что если эксперимент прерван...

— Понимаю. Чем перетаскивать отсюда приборы, рискуя чего-то недоглядеть, легче забрать вас всех в Комплекс и там запереть. У нас есть драгунская казарма. Но ваш эксперимент все равно полетит. А кроме того... Скажите, откуда вы, доктор?

— Из Принстона, Нью-Джерси.

— Вот как! Значит, вы тут уже месяцев пять и, без сомнения, тренируетесь и таскаете на себе грузы. Доктор, в таком случае вы можете рас прощаться с Принстоном навеки. Если мы вас переселим, то посадим под замок. Вы ослабнете. А если чрезвычайное положение затянется, вы превратитесь в лунаря, хотите вы этого или нет. И вся ваша мозговая бражка тоже.

Тут распетушился один из тех, кого пришлось вызывать по второму разу:

— Вы не имеете права так поступать! Вы нарушаете закон!

— Какой закон, *gospodin*? Тот, что существует в вашем вшивом городишке? — Я обернулся. — Финн, покажи ему закон.

Финн сделал несколько шагов вперед и приложил эмиссионный раструб ружья к пупку законника. Большой палец повел рычажок вниз — я видел, что предохранитель снят.

— Не убивай его, Финн, — сказал я и продолжил, обращаясь к землянам: — Я ликвидирую этого человека, если иначе вас не убедить. Поэтому присматривайте друг за дружкой. Еще одна попытка — и вам не видать родного дома как своих ушей. И экспериментам вашим крышка. Доктор, я вас предупредил: примите меры и обуздайте своих сотрудников.

Я повернулся к лунарям:

— *Tovarishchee*, помогите им сохранить честность. Разработайте сами порядок охраны. Не позволяйте задурить себе голову — каждый землеед у нас под подозрением. Если придется кого-нибудь ликвидировать — не стесняйтесь.

Я снова обернулся к директору:

— Доктор, любой лунарь имеет право входить куда угодно. Даже в вашу спальню. Ваши лаборанты станут отныне вашими командирами по вопросу безопасности. Если лунарь захочет сопровождать вас в сортир, не спорьте, а то как бы он не занервничал.

И опять к лунарям:

— Безопасность прежде всего! Каждый из вас работает на одного землееда — следите за ним! Распределите между собой обязанности и держите ухо востро. Следите за ними так, чтобы они даже мышеловку не сумели построить, не говоря уж о передатчике. Если слежка будет мешать работе, плюньте на работу: зарплата все равно бежит.

Я видел улыбки. В те дни для лунаря должность лаборанта была пределом мечтаний. Но лаборанты работали под началом землеедов, которые смотрели на нас сверху вниз, все без исключения, даже те, что делали вид и были ах как вежливы.

На этом я и закончил. Когда мне позвонили, я намеревался ликвидировать всех виновных, но проф с Майком меня урезонили: в наши планы не входило насилие над землянами, если его можно избежать.

Мы установили «уши» — чуткие приемники широкого диапазона вокруг лабораторной зоны, ибо даже самые узко-направленные излучатели фонят поблизости от места работы. Майку было поручено прослушивать все телефоны. После чего нам осталось только грызть ногти и надеяться на лучшее.

После очередного выпуска новостей с Терры мы облегченно вздохнули.

Все тихо-спокойно. Похоже, там принимали наши цензурированные передачи без подозрений: частные, коммерческие и административные сообщения шли своим чередом и выглядели совершенно обычными. Мы же продолжали работать, пытаясь уложить в дни то, на что нужны были месяцы.

К счастью, мы получили небольшую отсрочку — в Луне в это время не было ни одного пассажирского корабля, а ближайший рейс ожидался только седьмого июля. Мы, конечно, могли бы заманить экипаж на «ужин у коменданта», а затем выставить наряд возле их передатчиков или разобрать их. Без нашей помощи они бы не взлетели; в те времена одной из статей расхода льда была поставка воды для реакторов. Конечно, расход небольшой по сравнению с грузовым транспортом: один пассажирский корабль в месяц — это считалось сильно оживленным движением, тогда как зерновые баржи отправлялись ежедневно. Словом, прибытие корабля не грозило нам какой-то неотвратимой катастрофой. И все равно эта передышка была очень кстати — мы очень старались, чтобы все выглядело как прежде, пока не обзаведемся средствами защиты.

Поставки зерна шли по расписанию, как и раньше. Одну баржу катаapultировали чуть ли не в те самые минуты, когда люди Финна врывались в резиденцию коменданта. И следующая за ней пошла по расписанию, и другие тоже.

В эти дни мы не смели допустить ни одной ошибки, ни одного срыва; проф знал, что делает. Торговля зерном значила очень много (для такой маленькой страны, как Луна), и ее нельзя было свернуть за какие-то пару недель. Слишком многим людям она гарантировала хлеб и пиво. Если бы наш комитет объявил эмбарго и перестал скупать зерно, нас выкинули бы к чертям собачьим, а наше место занял бы новый комитет с совершенно иными взглядами.

Проф говорил, что для перестройки сознания нужно время. А пока зерновые баржи катаapultировались как обычно; «ЛуНоГоКо» вела бухгалтерию и выдавала расписки, используя прежний персонал гражданской службы. Депеши отправлялись за подписью коменданта, его же голосом Майк разговаривал и с Администрацией на Терре. Первый зам оказался разумным человеком, особенно когда понял, что от этого зависит, сколько он проживет. Главный инженер тоже остался на работе — Макингтайр был настоящий лунарь и по натуре вовсе не стукач. Другие главы департаментов и мелкая чиновничья сошка трудностей не доставляли; жизнь продолжалась, и у нас уйма времени уходила на то, чтобы расчленить структуру Администрации на части, подготавливая некоторые из них к продаже в частные руки.

Объявились больше дюжины людей, выдававших себя за Шутника Саймона; Саймон ответил на их притязания очень неприличными виршами и поместил свой портрет на первой полосе газет «Лунатик», «Правда» и «Гонг». Вайо снова стала блондинкой, съездила повидать Грэга на новую катапульту, а затем отправилась на десять дней в более далекое путешествие — в свой родной город, Гонконг-Лунный, захватив с собой Анну, которая очень хотела на него поглядеть. Вайо нуждалась в отдыхе, и проф уговорил ее уехать, сказав, что она все равно будет связана с нами по телефону, а с Гонконгом необходим более тесный контакт по партийным делам. Я взял на себя ее стиляг со Слимом и Хейзел в качестве замов — это были умные, толковые ребята, которым я мог доверять. Слим с благоговением воспринял известие, что я и есть камрад Борк и каждый день вижу Адама Селена. Партийная кличка самого Слима начиналась на букву «Ж». Эта упряжка была удачной и еще по одной причине: у Хейзел вдруг простили мягкие округлости, и не только благодаря отменной кулинарии Мими — просто Хейзел достигла определенной точки на своей орбите. Слим был готов переменить ей фамилию Мид на фамилию Стоун, как только она согласится. Пока же он с энтузиазмом занимался партийной работой, которую делил с нашей лихой рыжей девчонкой.

Энтузиазм этот был далеко не всеобщим. Многие кампады оказались бойцами только на словах. Большинство считало, что если драгуны-миротворцы ликвидированы, а комендант взят в плен, то и войне конец. Другие возмутились, узнав, какое низкое место занимают в партийной иерархии, и жаждали побыстрее избрать новую структуру во главе с собой. Они без конца трезвонили Адаму, надоедая ему бесчисленными предложениями; он их выслушивал, соглашался, убеждал, что такие таланты не должны пропадать зря до выборов... и отсыпал ко мне. Не могу припомнить, чтобы хоть один из этих амбициозных деятелей не оказался нулем, когда я пытался проверить его на конкретном задании.

Работы было выше горла, а делать ее не хотел никто. Ну разве кроме горсточки энтузиастов. Самыми активными оказались те, о которых Партия даже не подозревала. Однако в целом лунари как в Партии, так и вне ее не проявляли интереса к «патриотической» деятельности, если она не сулила хорошего оклада. Один сукин сын, отрекомендовавшийся

членом Партии (врал, конечно), подцепил меня в «Раффлез», где располагалась наша штаб-квартира, и предложил заключить контракт на поставку пятидесяти тысяч значков для «Ветеранов революции» с дореволюционным стажем. Клялся, что удовольствуется самой ничтожной прибылью (по моим подсчетам, около четырехсот процентов), я получу хороший кусок ни за что, а общество будет облагодетельствовано.

Когда я послал его, он стал угрожать донести на меня Адаму Селену («Моему лучшему другу! Ты меня еще узнаешь!») за саботаж.

Вот и вся помощь, которую мы получили. А нуждались мы совсем в другом. Нам нужна была сталь для новой катапульты, много стали. Проф поинтересовался — действительно ли необходимо делать для каменных снарядов стальную оболочку? Мне пришлось напомнить ему, что индукционное поле не «схватит» голый камень. Требовалось изменить расположение баллистических радаров Майка на старой катапульте и установить допплеровский на новой. И то и другое было необходимо, так как мы ждали атаки из космоса на старую катапульту.

Мы бросили клич — и получили двух добровольцев. А нужны были сотни механиков, которые не гнушались бы тяжелой работы в скафандрах. Пришлось их нанимать и платить столько, сколько потребуют. «ЛуНоГоКо» залезла в долги к Банку Гонконга-Лунного; времени, чтобы украсть нужную сумму, не было, к тому же большая часть ворованных средств переправлялась на Землю к Стью. Наш преданный друг Фу Мозес Моррис, ставивший свою подпись под многими нашими обязательствами, чтобы дело двигалось вперед, разорился и начал все с нуля: с крошечной швейной мастерской в Конгвиле. Впрочем, это случилось позже.

Купон Администрации упал после переворота с трех к одному до семнадцати к одному, и гражданские служащие взвыли, поскольку Майк все еще платил им купонами. Мы заявили, что они вольны оставаться или уходить, а тех, в ком нуждались, наняли заново за гонконгские доллары. И в результате нажили немало врагов, которые тосковали о славных былых денечках и были готовы всадить нож в спину новому режиму.

Зерновые фермеры и брокеры тоже ворчали, так как выплаты за продовольствие у входа катапульты производились в купонах и по фиксированной цене. «Не будем их брать!» — орали они, а представитель «ЛуНоГоКо» пожимал плечами и отвечал, что дело, конечно, хозяйственное, но поскольку зерно все еще идет Администрации на Терре (так оно и было), расплачиваться за него мы можем только купонами. Так что берите их или грузите свое зерно на вагонетки и дуйте отсюда.

Большинство выбирало деньги. Все бурчали, угрожали перестать выращивать зерно и перейти на овощи, или волокнистые культуры, или на что-то еще, что будут покупать у них и гонконгские... Проф ухмылялся.

Нам нужен был каждый бурильщик в Луне, особенно добытчики льда — обладатели тяжелых лазерных буров. Нам они были необходимы в качестве солдат. Нужда в них была такой жестокой, что, невзирая на отсутствие у меня одного «крыльышка» и потерю опыта, я подумывал, не вступить ли мне в их ряды, хотя, чтобы орудовать большим буром, нужна немалая сила, а протез — это не мускулы. Проф сказал, чтобы я перестал валять дурака.

Тот фокус, который мы задумали, на Терре вообще не получился бы. Лазерный луч, несущий колоссальную энергию, прекрасно работает в вакууме — а там он эффективен, лишь пока достаточно сконцентрирован. Тяжелые буры, разрезающие горные породы в поисках «карманов» льда, должны были сыграть роль артиллерийских батарей, предназначенных для отражения атаки из космоса. И корабли, и ракеты обладают электронными нервными системами, а электронике очень не нравится, когда по ней лупят тугим лучом, заряженным бесчисленным числом джоулей. Если цель загерметизирована (как корабли с командами и большинство ракет), то нужно лишь прожечь в ней дыру и вызвать внезапную декомпрессию. Если негерметизирована, мощный лазерный луч все равно ее поразит: выжжет «глаза», заставит потерять управление, изуродует все, что связано с электроникой, а нынче поди найди деталь, с ней не связанную.

Водородная бомба с разрушенными цепями — это уже не бомба, а просто корыто с дейтеридом лития, которое способно лишь развалиться при падении. Слепой корабль — бесполезный обломок, а не боевая единица.

Но все это просто только на словах. На самом деле лазерные буры никогда не предназначались для поражения целей, удаленных на тысячу километров или хотя бы на километр, а переделать их для прицельного огня — работа не на один день. К тому же артиллеристу требовалось непреклонное мужество, чтобы до последних секунд не стрелять в цель, которая несется прямо на него со скоростью два километра в секунду.

Но ничего другого у нас не было, а потому мы организовали Первый и Второй волонтерские артиллерийские полки Свободной Луны. Два полка для того, чтобы Первый поглядывал на Второй сверху вниз, а Второй завидовал Первому. В Первый вошли люди постарше, Второй состоял из молодых и напористых ребят.

Мы назвали их волонтерами, но на самом деле нанимали людей за гонконгские доллары — и не случайно за лед на контролируемом внутреннем рынке по-прежнему платили обесцененными купонами Администрации.

А главное, мы начали запугивать всех войной.

Адам Селен по видео напомнил, что Администрация, безусловно, попытается восстановить свою тиранию и что для подготовки отпора у нас есть считаные дни. Газеты цитировали его выступление и печатали собственные статьи — недаром мы еще до переворота обращали особое внимание на вербовку журналистов. Лунарей призывали держать скафандры под рукой и проверять работу сигнализации, контролирующей атмосферное давление в домах. Во всех поселениях были созданы добровольные отряды гражданской самообороны.

Из-за частых лунотрясений кооперативы, ведавшие воздушным обеспечением, имели специальные бригады «конопатчиков», готовых немедленно выступить по тревоге: несмотря на эластичный силикон и стеклопластик, все поселения «протекали». В Дэвисовых туннелях парнишки помладше каждый день тщательно проверяли герметизацию. Теперь же мы создали сотни аварийных команд «конопатчиков», преимущественно из стиляг, которых усиленно тренировали на учебных тревогах, заставляли торчать в скафандрах с открытыми шлемами все время пребывания на дежурстве и так далее.

Ребята справлялись отлично. Но идиоты начинали потешаться над ними, называли их «оловянными солдатиками», «адамовыми яблочками» и другими прозвищами. Какая-то команда занималась учениями, отрабатывая строительство временного шлюза вокруг поврежденного старого, а один из этих кретинов стоял и прямо-таки надрывал животик, хохоча над своими же грубыми насмешками.

Бригада гражданской обороны продолжала спокойно работать, построила временный шлюз, проверила его в скафандрах с закрытыми шлемами и убедилась, что он герметичен. Ребята вышли, схватили шутника, внесли во временный шлюз, а оттуда в зону нулевого давления, где и бросили.

После этого насмешники держали свои впечатления при себе. Проф считал, что нам следует хотя бы слегка пожурить стиляг, чтобы не ликвидировали столь беспощадно. Но я возражал и настоял на своем: я не видел другого способа улучшить породу. Некоторые виды громкоболтовизма должны в приличном обществе рассматриваться как тяжкое преступление.

Но самые сильные наши головные боли были связаны с самопомазанными государственными мужами.

Я вам говорил, что лунари аполитичны? И даже очень, когда дело доходит до практической деятельности. Но вряд ли был хоть один случай, когда двое лунарей, сойдясь за литром пива, не обменялись бы громогласными соображениями насчет того, как следует наводить порядок.

Я уже упоминал, что эти политологи-самоучки с самого начала пытались добраться до Адама Селена. Но проф нашел им занятие: каждого лично пригласили принять участие в «Специальном Конгрессе по проблемам организации Свободной Луны». Конгресс заседал в зале собраний Луна-Сити, а затем решил не расходиться, пока не завершит работу: неделю в Луна-Сити, другую в Новолене, третью в Гонконге, а потом снова по кругу. Все заседания передавались по видео. Проф председательствовал на первом, Адам Селен приветствовал собравшихся по видео, призвав их приложить все усилия для выполнения этой важнейшей работы («История смотрит на вас»).

Я присутствовал на нескольких заседаниях, затем изловил профа и потребовал ради *Bog'a* сказать, чего он, собственно, добивается?

— Я думал, вы враг любого правительства! Слышали вы этих кретинов после того, как сами выпустили их на свободу?

Он улыбнулся, продемонстрировав мне знаменитые ямочки:

— А что тебя волнует, Мануэль?

Меня волновало многое. В то время как я надрывался, стараясь раздобыть тяжелые буры и людей, способных орудовать ими как пушками, эти бездельники тратили целых полдня на обсуждение проблем иммиграции. Кто-то хотел ее полностью прекратить; кто-то жаждал обложить ее налогом, да еще таким высоким, чтобы обогатить государство (это притом, что девяносто девять из ста лунарей доставили в Булыжник насилию!); еще кто-то хотел сделать ее селективной по этническому признаку (интересно, к какой нации они отнесли бы меня?); кто-то желал ограничить ее женщинами, чтобы добиться их соотношения с мужчинами пятьдесят на пятьдесят. Это вызвало скандинавский клич: «Йа, приятель! Вели им, чтоб слали сюда бабенок! Тысячи тысяч бабенок! И на них на всех женюсь!»

Это было единственное более или менее разумное предложение за весь день.

В другой раз они обсуждали время. Конечно, время по Гринвичу не имеет отношения к лунному. А на кой нам лунное время, если мы все равно живем в глубинах? Покажите мне лунаря, который бы две земные недели дрыхнул, а потом две недели подряд вкалывал! Лунные сутки не для нашего обмена веществ. Между тем предлагалось сделать лунный месяц (то есть фактически лунные сутки) равным двадцати восьми дням (вместо 29 дней 12 часов 44 минут и 2,78 секунды), а для этого увеличить продолжительность дня — и соответственно часа, минуты и секунды — так, чтобы половина лунного месяца составляла ровно две недели.

Конечно, лунные сутки в некоторых случаях необходимы. Они диктуют нам, когда и зачем выходить на поверхность и как долго там оставаться. Но помимо того, что такая реформа выбила бы нас из упряжки с нашим единственным соседом, подумали ли эти болтливые черепушки, что произойдет с каждой мало-мальски важной константой в физике и в технике? Как у электронщика, у меня чуть судороги не

начались! Выбросить все книги, все таблицы, все инструменты и начать заново? Я знаю, что моим предкам пришлось переключиться с английских мер на метрическую систему, но они это сделали, чтобы упростить себе жизнь: четырнадцать дюймов в футе, сколько-то там футов в миle, унции и фунты! *Bog мой!*

Там в переменах был смысл, но зачем же лезть из кожи вон, чтобы все перепутать?

Кто-то настаивал, что нужно создать комитет и определить, что такое лунарский язык, а затем обложить налогом тех, кто говорит на «землянском» английском или других языках. О, мой народ!

В «Лунатике» я вычитал предложения по налоговой политике: там предлагалось целых четыре «единых» налога: кубический, коим наказывался человек, удлинивший свой туннель; подушный (одинаковый для всех); подоходный (хотел бы я посмотреть на того, кто вычислит доход семьи Дэвис или извлечет информацию из *Ma!*) и воздушный — не просто плата за воздух, как раньше, а именно налог. Я никак не думал, что Свободной Луне понадобятся налоги. До сих пор их не было и мы как-то обходились. Просто платили за то, что нам нужно. Дарзанебы! А как же иначе?

На другом заседании какой-то напыщенный болван предложил, чтобы дурной запах изо рта или запах пота считался преступным деянием, наказуемым ликвидацией. Может, я и согласился бы с ним, поскольку не раз оказывался в капсуле, набитой такими вонючками. Но это бывает редко и, кроме того, контролируется естественным путем: хронические больные или бедолаги, не способные излечиться, вряд ли смогут размножаться, ибо женщины в этом отношении весьма разборчивы.

Одна женщина (большинство в Конгрессе составляли мужчины, но женщины отнюдь не уступали им в глупости) предъявила длинный список необходимых, по ее мнению, постоянно действующих законов. Все они касались частной жизни. Никаких групповых браков. Никаких разводов. Никаких напитков крепче четырехградусного пива. Церковные службы только по субботам, и в этот день прекратить все работы. (В том числе подачу воздуха и контроль температуры и давления, леди? А как насчет телефонов и метро?) Длин-

ный список запрещенных лекарств и более короткий тех, что может выписать лишь «лицензированный врач». (Что такое «лицензированный врач»? Лекарь, к которому я хожу, имеет вывеску «практикующий врач» и занимается на стороне букмекерством, почему, собственно, я к нему и хожу. Слушайте, леди, да разве в Луне есть медицинские училища?) Она хотела запретить даже азартные игры! Да если лунарь не сможет бросить кости в порядочной компании, он пойдет в любой притон, даже если кости там с брачком.

Меня поразил не столько список вещей, которые ненавидела эта баба (что с нее возьмешь — она же явно безумнее киборга), сколько тот факт, что кто-то ее поддержал. Должно быть, в человеческом сердце глубоко сидит страстное желание не дать другим жить, как им хочется. Правила, законы — но всегда для других людей. Какую-то дремучую часть нашей души, существовавшую до того, как мы слезли в дерева, нам так и не удалось сбросить с себя, когда мы распрямились.

Ибо ни один из этих людей не сказал: «Пожалуйста, примите такой-то закон, чтобы я не мог продолжать делать того, что, как мне известно, я не должен делать». Нет, *tovarishchee*, речь всегда шла о чем-то, что ему не нравится у соседей. Запретить им «для их собственного блага», а вовсе не потому, что оратору лично нанесен какой-то ущерб.

На этих заседаниях я почти пожалел, что мы избавились от Прыща Морта. Сидел он в своей резиденции со своими бабами и не пытался указывать нам, как мы должны устраивать свои личные дела.

А проф, тот вовсе не казался возмущенным. Он только улыбался.

— Мануэль, неужели ты действительно думаешь, что эта толпа дефективных недоумков может принять хоть один закон?

— Но вы же сами им велели! И очень настойчиво!

— Мой дорогой Мануэль, я просто согнал всех известных мне кретинов в одно место. Я же всех их знаю; я годами выслушивал их рассуждения. И тщательно рассортировал их по разным комиссиям. У каждого из них своя навязчивая идея, и они обязательно перегрызутся. Председатель, которого я им навязал, позволив избрать этого недотепу, не спо-

собен даже узелок на веревке развязать. Он полагает, что каждый вопрос нуждается в «далнейшем изучении». Мне практически не о чем теперь беспокоиться; едва ли шестеро из присутствующих смогут найти общий язык по какому-нибудь вопросу; трем это удастся легче, а вообще-то, для дела, с которым справится один, больше одного и не нужно. Вот почему все парламенты в истории совершили нечто существенное лишь тогда, когда сильные вожаки подчиняли себе остальных. Не бойся, сынок, этот Специальный Конгресс не сделает ничего... а если — исключительно от переутомления — они примут какой-нибудь закон, он будет так перегружен противоречиями, что его придется просто выбросить. Зато они пока не путаются под ногами. Больше того, они нам еще пригодятся, только попозже.

— Мне показалось, вы говорили, что они ни на что не способны?

— А они ничего и не будут делать. Один человек, которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики.

— А кто этот покойник? Вы имеете в виду Майка?

— Нет, нет! Майк куда более живой, чем все эти нытики. Это Томас Джефферсон — первый разумный анархист, мой мальчик, тот самый, который чуть было не протащил свою нереализованную систему с помощью самой прекрасной риторики, когда-либо доверенной бумаге. Но тогда его схватили за руку... чего я надеюсь избежать. Мне все равно не превзойти его формулировок. Я просто их немножко приспособлю к условиям Луны и двадцать первого столетия.

— Слыхал о нем. Он освободил рабов, нет?

— Можно сказать, он пытался, но у него не получилось. Впрочем, не важно. Как продвигаются дела с обороной? Не думаю, что мы сможем продолжать эту игру в прятки после прибытия рейсового корабля с Терры.

— К тому времени мы еще не будем готовы.

— Майк говорит, что надо.

Мы, конечно, не успели, но и корабль тоже не пришел.

Эти ученые обвели вокруг пальца меня и тех лунарей, которым я поручил за ними следить. В фокусе самого крупного нашего рефлектора они поместили передающее устройство,

сказав лаборантам, что оно имеет астрономическое назначение — дескать, совершенно новая деталь радиотелескопа. И впрямь новая, это уж точно. Приборчик был ультракоротковолновый; они воткнули в рефлектор волновод, и телескоп аккуратненько стал передавать направленное излучение. Очень похоже на старинные радары. Рассеянное излучение задерживалось металлической решеткой и фольгой теплоизолирующего экрана. Поэтому «уши», которые я «насторожил» вокруг, ничего не слышали.

Они таки передали сообщение, подробно изложив свою версию. Об этом мы узнали, получив запрос Администрации с требованием опровергнуть грубый розыгрыш, найти шутника и прекратить безобразие.

Вместо этого мы выдали им Декларацию независимости: «В собрании Конгресса, четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года...»

Это было прекрасно.

ГЛАВА 15

Принятие Декларации независимости произошло именно так, как предсказал проф. Он преподнес ее в конце длинного утомительного дня, объявив, что после обеда состоится чрезвычайное заседание, на котором выступит Адам Селен. Адам прочел документ вслух, поясняя каждый абзац, потом прочел все целиком, так что звонкие фразы звучали как музыка. Люди рыдали. Вайо, сидевшая рядом со мной, плакала тоже, да я и сам еле сдерживался, хотя ознакомился с текстом заранее.

Адам поглядел на зал и произнес:

— Будущее зависит от вас. Обдумайте и не ошибитесь.

И вручил бразды правления профу, обойдя председателя.

Было двадцать два ноль-ноль, когда началась свара. Конечно, все они были за. С Земли весь день взахлеб кричали, какие мы плохие, как нас следует покарать, какой нам нужно дать урок и так далее. Подбавлять перцу не требовалось: того, что передавала Земля, хватало с избытком, а немногочисленные реплики «но с другой стороны» Майк попросту вырезал. Если и был день, когда Луна осознавала свое единство, то это второго июля 2076 года.

Итак, Декларацию собирались принять. Проф знал об этом еще до того, как предложил ее.

Но только не в том виде, в каком она написана...

— Достопочтенный председатель, во втором параграфе есть слово «неотторжимые», но это как-то не звучит. Вернее будет сказать «неотъемлемые», а еще лучше — «священные права», ибо так куда выразительнее, чем «неотъемлемые». Я хотел бы услышать мнение собравшихся на сей счет.

Впрочем, этот парень был почти нормальный — типичный литературный критик, нечто безобидное, вроде выдохшихся дрожжей в кружке пива. Но взять хотя бы даму, кото-

рая все ненавидела. Она тут же возникла со своим списком, прочла его вслух и предложила целиком ввести в Декларацию, «чтобы земляне знали, что мы цивилизованны и вполне можем занять свое место среди держав мира».

Проф не только дал ей высказаться — он всячески ободрял ее, позволив говорить за счет других желающих, а затем ненавязчиво поставил ее предложение на голосование, хотя никто из присутствующих его не поддержал. (Конгресс действовал по регламенту, над которым спорили до хрипоты несколько дней. Проф отлично знал правила, но следовал им лишь тогда, когда это было ему выгодно.) Мадам забаллотировали под крики одобрения, и она покинула трибуну.

Тут кто-то встал и заявил, что, конечно, такой длинный список не годится для Декларации, но почему бы не включить туда некоторые общие принципы? Ну хотя бы положение, что Свободная Луна гарантирует всем своим гражданам свободу, равенство и безопасность. Уточнять ничего не надо — просто записать эти фундаментальные принципы, которые, как всем известно, являются истинной целью нашего правительства.

Да, предложение стоящее, но следует написать: «свободу, равенство, мир и безопасность! Правильно, камрад? И пошло-поехало: а включает ли понятие «свобода» также и понятие «свободный от платы воздух»? Или это часть «безопасности»? Почему бы не внести на всякий случай в Декларацию слова «бесплатный воздух»? А еще лучше — «бесплатные воздух и воду», потому что ни свободы, ни безопасности не может быть без воды и воздуха. Воздух, воду и пищу.

Воздух, воду, пищу и кубатуру.

Воздух, воду, пищу, кубатуру и тепло.

Нет, не «тепло», а «энергию», тогда действительно будет перечислено все. То есть абсолютно все.

Приятель, да ты совсем спятил! Как это — «все»? Ты же оскорбляешь всю женскую половину человечества... А ну, отойдем в сторонку и повтори, что ты сказал!.. Дайте же мне закончить! Мы должны заявить им прямо в лицо, что больше не позволим земным кораблям садиться, если в них не будет женщин — по крайней мере столько же, сколько мужчин. По крайней мере, ясно? Ничего не подпишу, если иммиграционная проблема не будет решена на месте!..

Ямочки на лице профа не исчезали ни на секунду. Теперь-то я понял, зачем проф дрыхнул весь день, к тому же без утяжелителей.

Я, например, дико устал: весь день провел в скафандре возле катапульты, врезая в скалы последний из перемещаемых сюда баллистических радаров. И вообще все устали; к полуночи толпа начала редеть, утомленная дурацкой болтовней и убежденная, что в эту ночь ничего решено не будет. Говорить самому — это одно дело, но слушать чужой треп...

Время перевалило за полночь, когда кто-то спросил, почему Декларация датирована четвертым числом, если сегодня только второе? Проф вкрадчиво ответил, что сейчас уже третье и не похоже, что Декларация будет принята раньше четвертого... а четвертое июля — своего рода символ, и это нам не помешает.

После подобного заявления многие покинули зал, решив, что дебаты продлятся до четвертого июля. И тут я заметил, что зал синхронно с уходом одних людей заполняется другими. Вон там Финн Нильсен опустился в кресло, которое только что освободилось. А вот появился камрад Клейтон из Гонконга, сжал рукой мое плечо, улыбнулся Вайо и нашел себе место. Моих юных замов Хейзел и Слима я заметил внизу в первых рядах и подумал, что придется подтвердить Ма алиби Хейзел: мол, задержал ее по партийным делам, — и вдруг с изумлением увидел рядом с ними Ма собственной персоной. И Сидрис. И Грега, который, как предполагалось, находится у новой катапульты.

Огляделся по сторонам, а там еще дюжина знакомых — ночной редактор газеты *«Луная Правда»*, генеральный менеджер *«ЛуНоГоКо»* и так далее. До меня наконец дошло, что проф распорядился подтасовать колоду. Конгресс не имел постоянного членства, и наши проверенные камрады имели такое же право голоса, как и те, кто молол тут языками уже целый месяц. Теперь в креслах сидели свои люди... и дружно отклоняли все поправки. Около трех пополуночи, когда я уже начал подумывать, что больше не выдержу, кто-то послал профу записку. Он прочел, ударил молотком и сказал:

— Адам Селен просит вашего внимания... Могу ли я считать ваше одобрение единогласным?

Экран за трибуной снова осветился, и Адам заявил, что внимательно следил за дебатами и всячески приветствует ра-

зумную и конструктивную критику. Но если можно, он выскажет одно соображение. Почему бы не признать, что любая выраженная словами мысль несовершена? Если Декларация в целом всех устраивает, почему бы не отложить на время ее совершенствование и не принять то, что есть? «Достопочтенный председатель, таково мое предложение».

Приняли его на ура. Проф спросил:

— Есть возражения? — и подождал с поднятым молотком.

Тип, занявший место на трибуне еще до того, как Адам попросил слова, пробормотал:

— Тем не менее я утверждаю, что это обособленный причастный оборот... Но черт с ним, пусть остается...

Проф стукнул молотком:

— Принято!

Мы выстроились в очередь и поставили подписи на огромном свитке, «присланном из конторы Адама», как я заметил, уже с его подписью. Я расписался после Хейзел — девочка научилась писать, хотя в грамоте пока разбиралась слабо. Подпись была корявая, но буквы большие и гордые. Камрад Клейтон подписался партийной кличкой и настоящим именем, сначала буквами, а потом по-японски — три крошечных изящных рисунка один под другим. Два камрада поставили крестики, которые мы тут же засвидетельствовали. Все партийные вожаки были здесь этой ночью (вернее, утром), все расписались, а болтунов осталось не больше дюжины. Но и они тоже поставили свои подписи для истории. И таким образом поручились «своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью».

Очередь медленно продвигалась вперед, галдела понемногу, и вдруг проф стукнул молотком, требуя внимания:

— Вызываю добровольцев для выполнения опасного задания. Эта Декларация будет передана по информационным каналам, но кому-то необходимо лично вручить ее Федерации Наций на Терре.

Сразу стало тихо. Проф глядел на меня. Я слегка сглотнул слюну и произнес:

— Я записываюсь.

— Я тоже, — эхом отозвалась Вайо.

— И я! — сказала крошка Хейзел Мид.

Через минуту нас было уже больше дюжины — от Финна Нильсена до *gospodin'*а Причастный Оборот (он оказался хорошим парнем, если не считать его идефикса).

Проф записал имена и невнятно пробормотал, что связывается с нами, когда выяснится насчет транспорта.

Я отвел его в сторонку и спросил:

— Слушайте, проф, вы наверняка притомились и кое-что позабыли. Вы же знаете, что корабль на седьмое отменен; землееды обсуждают вопрос об эмбарго. Следующий корабль, который они пошлют к Луне, будет боевой. Как вы собираетесь лететь? В качестве военнопленного?

— Нет, их корабли нам не понадобятся.

— Вот как? Думаете построить свой? Вы хоть представляете, сколько времени это займет? Если вообще что-нибудь удастся построить? В чем я лично сомневаюсь...

— Мануэль, Майк говорит, что это необходимо и он все продумал.

Про Майковы «необходимо» я и сам знал. Он пересмотрел всю программу после того, как мы обнаружили, что хитроумные ребята из обсерватории Ричардсона все-таки умудрились известить Терру. Теперь он давал нам всего один шанс из пятидесяти трех... и заявил о настоятельной необходимости отправить профа на Терру. Но я не тревожусь о неосуществимом: я весь день вкалывал, как мог, чтобы наш единственный шанс оказался выигрышным.

— Майк обеспечит нас кораблем, — продолжал проф. — Проект уже готов, теперь его доводят.

— Доводят? Вот как? С каких это пор Майк стал инженером?

— А разве он не инженер? — спросил проф.

Я хотел было ответить, но заткнулся. У Майка нет учебных степеней. Он просто знает о машиностроении больше любого из людей. Равно как и о пьесах Шекспира, о загадках, об истории и так далее.

— Проф, объясните толком.

— Мануэль, мы отправимся на Терру вместе с грузом зерна.

— Что?! И кто это «мы»?

— Ты и я. Все остальные добровольцы — просто декорация.

— Послушайте, проф. Тут я пас. Я работал изо всех сил, хотя сама идея казалась мне дурацкой. Таскал на себе утяжелители на случай, если придется отправиться в это мерзкое болото. Но я подписался лететь на корабле, пусть даже с киборгом-пилотом. Главное, чтобы приземлиться мог нормально. А изображать из себя метеорит — такого уговора не было.

— Прекрасно, Мануэль. Я всегда признавал свободу выбора. Тогда полетит твой дублер.

— Мой... кто?

— Камрад Вайоминг. Насколько я знаю, она единственная, кроме нас, тренировалась для полета... если не считать землян, конечно.

Так что пришлось мне лететь. Но сначала я поговорил с Майком.

— Ман, мой первый друг, тебе не о чем беспокоиться. Вы полетите на барже ка-эм-сто восемьдесят семь, серия семьдесят шесть, и прибудете в Бомбей без проблем. Я специально выбрал эту баржу, потому что ее снимут с околоземной орбиты и поведут на посадку, когда Индия будет у меня в поле зрения и я смогу перехватить управление, если мне не понравится, как это делает их ЦУП. Верь мне, Ман, все продумано до мельчайших деталей. Даже решение продолжать поставки зерна, несмотря на провал режима секретности, было частью этого плана.

— Мог бы поделиться со мной и раньше.

— Не хотел понапрасну тебя беспокоить. С профессором я общался постоянно, ему известны все детали. Но ты отправляешься только для того, чтобы заботиться о нем, поддерживать его и продолжить его дело, если он умрет. Тут я не в силах дать никакой гарантии.

Я вздохнул:

— О'кей. Но, Майк, ты, конечно, не думаешь, что можешь обеспечить нам мягкую посадку с такого расстояния? Сигналы-то идут со скоростью света, запаздывать будут.

— Ман, ты что, думаешь, я в баллистике не разбираюсь? Когда вы будете на орбите, от запроса до ответа и до приема команды пройдет менее четырех секунд. Можешь мне поверить — я не потеряю и микросекунды. За четыре секунды вы успеете пролететь всего тридцать два километра, а по мере приближения к посадке и того меньше. Моя реакция будет

гораздо быстрей, чем у пилота за штурвалом, потому что мне не нужно тратить время на оценку ситуации и выбор верного решения. Максимум у меня четыре секунды, но реально они мне не понадобятся, поскольку я постоянно планирую и прогнозирую, заглядываю вперед и программирую всевозможные ситуации. В сущности, я буду опережать тебя на траектории на эти самые четыре секунды, так что реакция будет мгновенной.

— Но на этой консервной банке нет даже альтиметра!

— Уже есть. Ман, *пожалуйста*, верь мне. Я продумал все. Единственная причина, по которой я добавил кое-какое оборудование, — это чтобы ты успокоился. ЦУП в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. Их компьютер совсем не дурак.

— О'кей. Э-э-э... Майк, а с какой силой эти сволочные баржи плюхаются в воду? Сколько «же»?

— Не так уж много, Ман. Десять «же» при выходе на парковочную орбиту, потом не больше четырех... ну, правда, перед самой посадкой подскочит до пяти-шести. В воду войдете аккуратненько, как с пятидесятиметровой вышки, без сильного толчка и с ускорением около трех «же». Потом вынырнете, мягко сядете на поверхность и поплывете себе при нормальной земной силе тяжести. Ман, эти баржи делаются легкими. Мы не можем позволить себе швырять их с силой, а то у них швы разойдутся.

— Это радует. Майк, а что значит пять-шесть *же* для тебя? Тоже могут разойтись швы?

— Полагаю, я выдержал перегрузки порядка шести *же*, когда меня переправляли сюда. Правда, в моем нынешнем состоянии шесть «же» разорвали бы довольно много важных цепей. Однако меня больше волнуют сверхсильные, хотя и кратковременные перегрузки, которые мне предстоит испытать от ударных волн, когда Терра начнет нас бомбить. Данных для надежного прогноза недостаточно... но я могу потерять контроль над некоторыми периферийными функциями, Ман. А это может стать главным фактором в ряде тактических ситуаций.

— Майк, ты действительно считаешь, что нас будут бомбить?

— Вполне возможно, Ман. Вот почему это путешествие необходимо.

На том мы и порешили, после чего я отправился взглянуть на этот гроб. Лучше бы я остался дома.

Вы хоть когда-нибудь видели какую-нибудь из этих дурацких барж? Просто-напросто стальной цилиндр с тормозными и направляющими ракетами и импульсным радиолокатором. Похож на космический корабль не больше, чем пасатики — на мою руку номер три. Эта штука была открыта, и ее как раз переоборудовали под «жилое помещение».

Никакого камбуза. И никакого сортира. Вообще ничего. А зачем? Полет-то продлится всего пятьдесят часов. Не лопай в дорогу — и тебе даже санитарный контейнер в скафандре не понадобится. Бар и кресла тоже ни к чему — все равно из скафандров вылезать не придется: накачают тебя сноторвным, и все тебе будет до фени.

Во всяком случае, проф будет спать всю дорогу. Мне же придется бодрствовать при посадке, чтобы постараться выбраться из этой жестянки, если что-нибудь пойдет не так и никто не явится к нам с консервным ножом в руке. Сейчас там устанавливали нечто вроде люльки, подогнанной по форме под наши спины, облеченные в скафандры. Уложат нас в эти ямки, пристегнут — и вперед до самой Терры. По-видимому, конструкторов в основном занимала проблема, как сохранить общую массу баржи такой же, какой она была до выгрузки части пшеницы, чтобы не изменились центр тяжести и моменты вращения. Проблема комфорта их волновала гораздо меньше. Инженер, который там командовал, сказал мне, что даже вес дополнительной прокладки в скафандрах и тот учтен при расчетах. Известие о прокладке меня порадовало: эти ямы выглядели не очень-то мягкими.

Домой я вернулся в глубокой задумчивости.

Вайо за ужином не было. Меня это удивило. Грэг же сидел за столом, что удивило меня еще больше. И никто даже словечком не обмолвился о моем намерении разыграть на следующий день роль метеорита, хотя все были в курсе. Но только когда младшее поколение без единого намека встало из-за стола и вышло вон, до меня дошло, что продолжение следует. Я понял, почему Грэг не уехал обратно в Океан Бурь после окончания сессии Конгресса: кто-то потребовал семейного толковища.

Ма оглядела нас и сказала:

— Мы все в сбore. Али, закрой дверь; вот так, умница. Дед, ты начнешь?

Наш старейший муж, дремавший над чашкой кофе, встрепенулся, окинул взглядом стол и громко произнес:

— Я вижу, мы все в сбore. Вижу, что дети уложены спать. Вижу, что меж нами нет ни гостей, ни посторонних. И я говорю вам: мы собирались тут в соответствии с обычаями, установленными Черным Джеком Дэвисом, Первым мужем нашей семьи, и Тилли, Первой женой. Если есть проблема, которая касается спокойствия и счастья нашего брака, давайте вынесем ее на свет немедленно. Не будем оттягивать. Таков наш обычай. — Дед обернулся к Ма и мягко сказал: — Продолжай, Мими.

После чего опять впал в тихую дрему. Но в эту минуту, пока говорил, он снова был тем могучим, красивым, крепким и энергичным человеком, которого я видел в день своего избрания... Меня вдруг прошибла слеза: как же мне повезло в тот день!

И тут же сомнение одолело — а повезло ли? Единственной причиной нашего семейного сборища могло быть мое завтрашнее отплытие на Терру с наклейкой «Зерно». Неужели Ма собирается настроить семью против моей поездки? Никто не заставлял нас подчиняться решениям толковища; но все и всегда выполняли их неукоснительно. В этом и заключалась сила нашего брака: когда возникала проблема, мы встречали ее единым строем.

Ма начала:

— Есть ли у кого-нибудь вопрос, который требует обсуждения? Говорите, милые.

— У меня есть, — сказал Грэг.

— Послушаем Грэга.

Грэг отличный оратор. Он способен встать перед своей паствой и уверенно говорить о таких вещах, в которых я не чувствую себя уверенным даже наедине с собой. Однако в этот вечер Грэга никак нельзя было обвинить в самоуверенности.

— Ну... э-э... Мы всегда старались в нашем браке соблюдать равновесие между пожилыми и молодыми, регулярно пополнять его в нужном соотношении... чтобы сохранить наследие, переданное нам из рук в руки. Однако иногда мы отклонялись... по разумным причинам, — он взглянул на Люд-

милу, — а потом вносили поправки, — и посмотрел на Али и Фрэнка, сидевших рядом с Людмилой. — В течение многих лет, как видно из наших записей, средний возраст мужей в семье был около сорока, а жен — около тридцати пяти. Такая разница в годах установилась, когда сто лет назад возник наш брак, ибо Тилли исполнилось пятнадцать, а Черному Джеку двадцать в тот год, когда она избрала его в мужья. Сейчас же средний возраст мужей у нас ровно сорок, а средний возраст...

Ма сказала твердо:

— Оставь в покое арифметику, милый. Говори дело.

Я старался вычислить, кого имел в виду Грэг. Правда, последний год я редко бывал дома, а когда появлялся, то все уже, как правило, спали. Но Грэг явно говорил о свадьбе, а перед свадьбой у нас положено долго и скрупулезно разбираться в будущем кандидате. А как же иначе, ну сами подумайте!

Нет, все-таки я просто дурак. Грэг помялся и сказал:

— Я предлагаю Вайоминг Нотт.

Я же говорю — дурак. Я кое-что понимаю в технике, и техника понимает меня. А претензий на знание людей у меня нет. Когда я стану старшим мужем — если, конечно, доживу, — я поступлю точно так же, как Дед: вручу бразды правления Сидрис, пусть командует семьей. И все же... Ну хорошо, Вайо вступила в церковь Грэга. Мне нравится Грэг, я люблю Грэга. И восхищаюсь им. Но если теологическую основу его церкви пропустить через компьютер, не получишь ничего, кроме нуля. Вайо это знала наверняка, поскольку обратилась в Грэгову веру уже взрослым человеком; честно говоря, я подозревал, что ее обращение — всего лишь очередная жертва ради нашего Дела.

Хотя... она ведь завербовала Грэга еще до того. И именно она в основном моталась к новой катапульте, так как ей было легче уехать, чем профу или мне. Так чего удивляться? Если подумать, конечно.

— Грэг, — сказала Мими, — у тебя есть основания думать, что Вайо примет наше предложение?

— Да.

— Отлично. Все мы знаем Вайоминг. Я уверена, что у всех сложилось о ней определенное мнение. Не вижу причин от-

крывать дискуссию... разве что кто-нибудь желает высказать-
ся. Говорите...

Значит, для Ма это не сюрприз. Да и не может быть сюр-
призом, как и для всех остальных, ибо Ма никогда не допус-
тит толковища, пока не будет уверена в результате.

Однако любопытно, почему это Ма так уверена в моем
мнении? Настолько уверена, что даже не сочла нужным про-
щупать почву? И вот теперь сижу я в глубокой луже, пони-
мая, что обязан заговорить, понимая, что знаю нечто страш-
но важное, неизвестное никому другому, иначе дело не зашло
бы так далеко. Важное не для меня, а для Ма и всех осталь-
ных наших женщин. Жалкий трус — так я и просидел, ниче-
го не сказав.

— Хорошо, — вновь заговорила Ма. — Голосуем по оче-
реди. Людмила?

— Я? Я люблю Вайо, это все знают. За!

— Ленора, милая?

— Ну, я, пожалуй, уговорю ее снова потемнеть; мы с ней
прекрасно оттеняли друг друга. Ее единственный недоста-
ток, что она блондинка еще более яркая, чем я. *Da!*

— Сидрис?

— Я двумя руками за. Вайо наш человек.

— Анна?

— Я должна сказать кое-что, прежде чем проголосую,
Мими.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, милая.

— И тем не менее я хочу вытащить это дело на свет. Тилли
всегда так поступала, такова традиция. В нашем браке каж-
дая женщина несет свою ношу, принося в семью детей. Мож-
ет быть, вы удивитесь, узнав, что у Вайо их было восемь...

Али это явно поразило до глубины души. Он резко вски-
нул голову, челюсть отвисла. Я уставился в тарелку. Ах, Вайо,
Вайо! Как же я допустил до этого? Хочешь не хочешь, а при-
дется заговорить!

И вдруг понял, что Анна все еще продолжает:

— ...так что теперь она сможет иметь собственных детей;
операция прошла успешно. Но Вайо очень боится снова ро-
дить неполноценного ребенка, хотя, по словам главы кли-
ники в Гонконге, это практически невозможно. Поэтому мы
должны найти в себе достаточно любви, чтобы излечить ее
от страха.

— Мы будем ее любить, — серьезно сказала Ма. — Мы уже любим ее. Анна, ты готова проголосовать?

— А что, в этом есть необходимость? Я ездила в Гонконг вместе с ней и держала ее за руку, пока ей восстанавливали трубы. Я за Вайо.

— В этой семье, — продолжала Ма, — всегда предполагалось, что наши мужья обладают правом вето. Возможно, это странно, но такой обычай ввела в обиход Тилли, и до сих пор он себя оправдывал. Ну, что скажешь, Дед?

— Э? Что ты хочешь, дорогая?

— Мы голосуем за прием Вайоминг, *gospodin* Дед. Ты даешь свое согласие?

— Что? Ну конечно, конечно... Очень милая девочка. Скажи, а куда делась та маленькая хорошененькая африканочка, ее еще звали как-то похоже? Она на нас обиделась?

— Грег?

— Предложение было мое.

— Мануэль? Ты накладываешь вето?

— Я? Но ты же знаешь меня, Ма!

— Я-то знаю. Но иногда сомневаюсь, знаешь ли ты сам себя. Ганс?

— А что будет, если я скажу «нет»?

— Потеряешь несколько зубов, вот что, — тут же нашлась Ленора. — Ганс голосует за.

— Шутки в сторону, родные, — сказала Ма с упреком. — Голосование дело серьезное. Ганс, говори.

— *Da. Йес. Ja. Si. Oui.* Самое времечко завести настоящую блондинку в нашей... Ох!

— Прекрати, Ленора! Фрэнк?

— Да, Ма.

— Али, милый? Единогласно?

Юноша вспыхнул до корней волос и ничего не сказал. Только закивал что было сил.

Вместо того чтобы назначить пару, которая чинно заявится к кандидатке и сделает ей официальное предложение, Ма послала Людмилу и Анну, велев им привести Вайо немедленно. Как выяснилось, она была неподалеку, в «Бонтон». Церемония рушилась по всем статьям: вместо того чтобы назначить дату и обговорить подробности свадьбы, стали скликать детей, а двадцать минут спустя Грег раскрыл свою книгу

и мы приняли обеты. И я наконец понял своей тупой башкой, что все происходит с такой головоломной скоростью исключительно из-за моего намерения устроить себе завтра головоломку в самом буквальном смысле. Конечно, для меня это имело чисто символическое значение, ибо новобрачная всегда проводит первую ночь со старшим мужем, а вторую и третью ночи я намеревался болтаться в космосе. Но символическое или нет, а когда женщины начали плакать во время церемонии, я вдруг обнаружил, что у меня тоже текут слезы.

Вайо расцеловала всех и ушла под ручку с Дедом; я отправился спать в мастерскую. Устал зверски, особенно за последние два дня. Вяло подумал об упражнениях и решил, что перед смертью не надышишься. Потом подумал, что надо позвонить Майку, спросить про новости с Терры. И лег спать.

Не знаю, долго ли я спал, когда вдруг обнаружил, что уже не сплю, а в комнате кто-то есть.

- Мануэль? — раздался тихий шепот в темноте.
- А? Вайо? Тебе не полагается быть здесь, дорогая.
- Нет, полагается, муженек. Ма в курсе, что я здесь, Грег тоже. А Дед сразу пошел спать.
- Э-э-э... Который час?
- Около четырех. Пожалуйста, дорогой, можно я лягу?
- Что? Да, конечно! — Что-то я должен был сделать, но что? Ах да! — Майк!
- Да, Ман, — ответил он.
- Отключишь. Не прослушивай. Если понадоблюсь, вызови меня по семейному телефону.
- Вайо уже меня предупредила, Ман. Поздравляю.
- Затем ее голова оказалась на моем обрубке, и я обнял ее правой рукой.
- О чём ты плачешь, Вайо?
- Да не плачу я! Просто дико боюсь, что ты не вернешься!

ГЛАВА 16

Проснулся я в кромешной тьме, очумелый от страха. «Мануэль!» Ничего не понимаю — где низ, где верх.

— Мануэль! — снова забубнила тьма. — Проснись...

В мозгах у меня слегка прояснилось: это же сигнал-будильник! Ну да, я помню, как лежал распростертым на столе в госпитале Комплекса: свет слепит глаза, слышу чей-то голос, а в вены по каплям вливается снотворное. Но ведь это было сто лет назад, с тех пор прошла целая вечность, наполненная кошмарами, невыносимой тяжестью и болью.

До меня дошло, почему не разобрать, где низ, где верх; ощущение-то знакомое. Невесомость. Значит, я в космосе.

Что и почему не сработало? Может, Майк потерял запястью перед дробью? Или уступил своей детской природе и сыграл с нами шутку, не понимая, что она нас прикончит? Но тогда почему после всех этих бесконечных мучений я все еще жив? А может, я умер? Может, для призрака это и есть нормальное состояние — одиночество и потеряянность в небытии?

— Проснись, Мануэль. Проснись, Мануэль...

— Ох, да заткнись ты! — огрызнулся я. — Закрой свою гнусную пасть!

Запись продолжала крутиться. Я плонул на нее и решил врубить свет. Ну где же этот вонючий выключатель?! Нет, чтобы оторваться с трехкратной перегрузкой от Луны, вовсе не нужно мучиться сто лет, это мне просто кажется. Восемьдесят две секунды... Но порой человеческая нервная система ощущает каждую микросекунду. Три g — это в восемнадцать раз больше, чем обычно весит лунарь.

И тут я обнаружил, что эти безмозглые идиоты, у которых в головах чистый вакуум, не надели мне руку. По какой-то дурацкой причине они сняли ее, когда раздевали меня и сорвали в скафандр, а я от лошадиной дозы пилюль «не-вол-

нуйся-милый» и «баюшки-баю» совсем обалдел и не протестовал. Надеть руку обратно, конечно, забыли. А этот дреклиш выключатель конечно же где-то слева, там, где у меня пустой рукав скафандра.

Следующие десять лет я провел в попытках отстегнуться одной рукой, затем двадцать лет отбывал срок, плавая в не-проглядной тьме, пока наконец не натолкнулся на свою люльку. Выяснил, где у нее головная часть, и стал на ощупь искать выключатель. Отсек был не больше двух метров в любом направлении, но при невесомости и в полной тьме казался куда больше Старого Купола. Наконец нашел. И стал свет.

(Не спрашивайте, почему в этом гробу не сделали хотя бы трех осветительных систем, работающих непрерывно. Вероятнее всего, по привычке. Раз есть лампы, значит должен быть и выключатель, разве *нет*? Все наше жилище сварганили за пару дней; спасибо и на том, что выключатель вообще сработал.) Когда я зажег свет, объем сразу уменьшился до размеров, вызывающих клаустрофобию, а то и процентов на десять поменьше. И я смог взглянуть на профа.

На вид явно мертв. Что ж, у него есть уважительные причины. Позавидовал ему, но решил, как положено, проверить пульс, дыхание и так далее на случай, если ему не повезло и у него сохранились эти никчемные функции. Легко сказать — проверить. И дело тут не только в моей однорукости. Зерно перед погрузкой высушили и подвергли вакуумной обработке, но предполагалось, что наш отсек будет герметизирован. Никакой роскоши — просто резервуар, наполненный воздухом. Скафандрьи, конечно, обеспечат наши дыхательные потребности в течение двух суток, но даже в самом лучшем скафандре передвигаться удобнее, когда снаружи его окружает атмосфера, а не вакуум. Кроме того, мне надо было обследовать своего пациента.

А я не мог. Мне даже не требовалось снять шлем, чтобы понять — эта консервная банка не сумела остаться герметичной; стоило только взглянуть на скафандр, и все стало ясно. Конечно, лекарства для профа, сердечные стимуляторы и прочее были у меня в полевых ампулах; я мог проткнуть ими любой скафандр. Но как проверить пульс и дыхание? Скафандр-то у него — типичная дешевка, такую дрянь покупа-

ют только лунари, редко покидающие свои поселения. Никаких наружных контрольных приборов.

Рот у профа был раскрыт, глаза закатились. Мертвяк, решил я. Ничего уже не ждет экс-профессора за порогом этой старой баржи. Он сам себя ликвидировал. Я попытался пощупать пульс на шее: не выходит, мешает шлем.

Нас обеспечили программируемыми часами — неслыханная щедрость! Судя по их показаниям, я был в отключке сорок четыре часа с слишком, все по плану, а значит, через три часа мы получим жуткий пинок и выйдем на парковочную орбиту вокруг Терры. Затем, после двух витков, то есть еще через три часа, нас включат в программу приземления — если пуновский ЦУП не передумает и не оставит нас на орбите. Но это вряд ли: зерно не задерживают в вакууме дольше, чем необходимо. Оно начинает вздуваться и превращается в попкорн, что не только снижает его качество, но и нашу баржу может расколоть, как перезрелый арбуз. Приятная перспектива, не правда ли? И какого черта они упаковали нас вместе с зерном? Почему не загрузили баржу камнями, которым плевать на вакуум?

У меня хватило времени, чтобы поразмышлять об этом и почувствовать жажду. Глотнул из соски капельку, не больше, так как вовсе не собирался встретить 6 g с полным мочевым пузырем. (Беспокойство было излишним: меня снабдили катетером. Но сказать забыли.) Когда время стало подпирать, я решил, что профу не повредит, если я вколою ему лекарство, которое поможет выдержать перегрузку. Потом, на парковочной орбите, дам еще и сердечный стимулятор. Похоже, ему теперь вообще ничего не может повредить.

Сделал профу укол, а все оставшиеся в моем распоряжении минуты потратил на то, чтобы снова залезть в «упряжь». Нелегкая работа для однорукого. Жаль, не знал я имени моего заботливого дружка, — покрыл бы его покрепче.

Десять g выводят на парковочную орбиту вокруг Терры всего за $3,26 \times 10^7$ микросекунд; просто кажется, что дольше, поскольку 10 g в шестьдесят раз больше того, к чему привык этот жалкий мешок с протоглазмой. Фактически тридцать три секунды. Боюсь, моей прародительнице в Салеме пришлось покруче в те полминуты, когда ее вздернули и заставили плясать в воздухе.

Я дал профу сердечный стимулятор, а затем три часа пытался решить вопрос, стоит ли мне самому колоться перед приземлением. И решил, что не стоит. Все, что дали мне уколы при катапультировании, — это столетие кошмарных сновидений вместо полутора минут мучений и двух дней скуки, а кроме того, если эти последние минуты окажутся действительно последними, я хочу их прожить. Даже если они будут ужасны, они все равно мои, и я не собираюсь их никому отдавать.

Они и в самом деле оказались ужасными. Шесть *g* были не лучше, чем десять. Даже хуже. Да и четыре, честно говоря, не фонтан. Потом нам наподдали еще разок. Потом, совершенно внезапно, несколько секунд свободного падения. После чего последовал удар о воду, который вовсе не был «аккуратненьким» и который мы приняли на ремнях, а не на прокладках, так как нырнули «головой» вниз. А после глубокого нырка (думаю, Майк этого не предусмотрел) мы вылетели из воды и снова тяжело плюхнулись, прежде чем поплыть по волнам. Землееды зовут это плаванием, но оно сильно отличается от плавания в свободном падении: на вас давит сила тяжести в 1 *g*, то есть в шесть раз больше, чем в Луне, да к тому же еще болтает из стороны в сторону. И здорово болтает... Майк уверял, что на Солнце все спокойно и радиация внутри нашей «железной девы» нам не угрожает. А вот погода в Индийском океане его, видимо, не очень интересовала; прогноз для приземления барж был вполне приемлемым, и он решил, что все в порядке. Я бы на его месте решил точно так же.

Мне казалось, что в желудке у меня пусто. Но шлем вдруг наполнился такой отвратительной кислой жидкостью, что я врагу не пожелал бы оказаться на моем месте. Затем нас перевернуло, и эта дрянь хлынула мне в глаза, в волосы и даже в ноздри. Землееды зовут такие штуки морской болезнью. Всего лишь одна из множества мерзостей, которые у них в порядке вещей.

Не буду углубляться в подробности и описывать, как долго и нудно нас тащили на буксире в порт. Достаточно сказать, что вдобавок к морской болезни у меня почти кончился запас кислорода в баллонах. Каждый из них рассчитан на двенадцать часов — вполне достаточно для пятидесятичасо-

вого полета, большую часть которого я провел обездвиженным, но на дополнительные несколько часов буксировки ма- ленько не хватило. Когда баржа наконец остановилась, я при- балдел настолько, что меня уже ничего не волновало, в том числе и проблема выхода из жестянки.

Хотя нет, кое-что волновало... Нас подобрали, покрути- ли и оставили висеть вниз головой. Позиция малоприятная, особенно при земной силе тяжести, и просто невозможная, если предполагается, что ты должен: а) отстегнуть ремни; б) выбраться из углубления, сделанного по форме скафандр-ра; в) достать кувалду, прикрепленную к переборке с помо- щью барашковой гайки; г) сбить скобы, закрывающие ава- рийный люк; д) пробиться через него наружу и е) в заключе- ние вытащить на себе старика, одетого в тяжелый скафандр.

Я не выполнил даже пункта «а» — отключился, повиснув вниз головой.

К счастью, пункты эти были предусмотрены на крайний случай. Стю Лажуа знал о нашем прибытии, а незадолго до посадки известил об этом земные средства массовой информа- мации. Я очнулся, увидел склонившихся надо мной людей и тут же вырубился. Вторично пришел в себя уже в больни- це, лежа на спине и ощущая тяжесть в груди. Чувствовал се- бя слабым — не больным, а просто усталым, избитым, голод- ным и умирающим от жажды. Кровать покрывал прозрачный пластиковый колпак, под которым дышалось легко и сво- бодно.

Ко мне с обеих сторон бросились люди: с одной тоню- сенькая медсестра-индуска с огромными глазищами, с дру- гой — Стю Лажуа.

— Привет, дружище! Как самочувствие?
— Э-э-э... нормально. Но пропади оно все пропадом!
Разве так путешествуют?!

— А проф говорит, это был единственный способ. Ну и крепкий же старикан!

— Постой-ка! Проф говорит? Но проф же умер!
— Ничего подобного. Конечно, вид у него неважный. Мы поместили его на пневматическую постель, наблюдаем круглосуточно, да уж сколько приборов в него воткнули — не поверишь! Но он жив и в скором времени будет готов приступить к работе. Он на полном серьезе ничего не имеет

против вашего путешествия; он его даже не ощутил. Заснул в одном госпитале, проснулся в другом. Я-то, грешным делом, раньше понять не мог — почему проф не разрешает мне послать за вами корабль? Предлагал же ему, как-нибудь исхитрился бы зафрахтовать. Но он оказался кругом прав — реклама просто обалденная!

— Ты говоришь, — медленно произнес я, — проф не разрешил тебе послать корабль?

— Вернее, не разрешил председатель Селен. Разве ты не видел наших радиопрограмм?

— Нет. — (После драки кулаками не машут.) — В последние дни я был дико занят.

— Верю. Мы здесь тоже... даже не помню, когда удалось покемарить в последний раз!

— Ты говоришь совсем как лунарь.

— А я и есть лунарь, Манни, и не вздумай в этом сомневаться. Но сестричка в меня уже мечет молнии. — Стюо схватил ее и развернул лицом к дверям. (Я решил, что ему еще далеко до лунаря. Впрочем, сестричка никак не выразила своего возмущения.) — Пойди-ка, милая, поиграй во что-нибудь, а я отдам тебе своего пациента обратно через несколько минут, еще тепленьким. — Он закрыл дверь и вернулся к моей постели. — Адам был прав на все сто. Этот путь не только дал нам потрясающую рекламу, он был наиболее безопасным.

— Реклама — да. Но безопасным? Не надо об этом.

— Безопасным, уверяю тебя, старина. Вас не сбили. Хотя в течение двух часов они точно знали, где вы находитесь, — такая большая жирная мишень. Но они никак не могли решить, что делать; не успели выработать политику. Они даже не осмелились нарушить расписание приема барж: все средства информации трубили о вас, статьи у меня были подготовлены заранее. Сейчас они уже не рискнут вас тронуть даже пальцем — вы же герои, причем жутко популярные. А если бы я терял время на поиски и фрахт корабля... ну, в общем, не знаю. Скорее всего, вам приказали бы остаться на околоземной орбите; потом взяли бы вас, а возможно, и меня под арест. Ни один шкипер не рискнет подставить себя под ракеты, сколько бы ему ни заплатили. Чтобы определить, хорош ли пудинг, его надо съесть, дружок. А теперь давай-ка

я проинформирую тебя вкратце, как разворачиваются события. Вы оба — граждане Народного Директората Чад: это самое лучшее, что я смог сделать за такое короткое время. Кроме того, Чад признал Луну. Пришлось купить одного премьер-министра, двух генералов, нескольких племенных вождей и министра финансов — недорого, учитывая такую спешку. Пока что мне не удалось добиться для вас дипломатического иммунитета, но очень рассчитываю сделать это до вашего выхода из больницы. Как видишь, вы даже не арестованы: власти не знают, что вменить вам в вину. Правда, снаружи поставили охрану, так сказать, для безопасности. Но это даже к лучшему, иначе сейчас толпа журналистов тыкала бы тебе в лицо микрофонами.

— А в чем нас обвиняют? Я имею в виду, что им известно? Незаконная иммиграция?

— Ничего подобного, Манни. Ты не депортированный, и у тебя наследственное панафриканское гражданство по линии одного из предков, так что никаких проблем. Что касается профессора де ла Паса, то мы раскопали доказательство, что сорок лет назад он натурализовался как гражданин Чада, подождали, пока на документе высохнут чернила, и вручили властям. Они даже не могут обвинить вас в нелегальном въезде в Индию. Они не только сами посадили вас на Землю, но офицер контроля был столь любезен, что за небольшую взятку проштемпелевал ваши девственно чистые паспорта. И вдобавок ко всему ссылка профа в Луну не имеет юридической силы, так как сославшее его правительство давно ушло в отставку. Это признал компетентный суд, и это обошлось мне дороже всего.

Вернулась сестра, шипевшая, как кошка, у которой отнимают котят:

— Лорд Стюарт... вы должны дать отдых моему пациенту!

— Сию минуту, *ма шер!*

— Так ты, значит, лорд Стюарт?

— Правильнее будет «граф». Кроме того, у меня есть еще сомнительные права на принадлежность к клану Макгрегоров. Голубая кровь иногда помогает. Эти люди не стали счастливее, оттого что лишили себя королевской власти.

Уходя, он похлопал сестру по попке. Вместо того чтобы разораться, она завертела ею вовсю и, лучась улыбкой, по-

дошла ко мне. Стью следует отвыкнуть от таких шуточек, когда он вернется в Луну. Если вернется.

Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что все в порядке, только есть хочется.

— Сестра, вы не видели каких-нибудь протезов в нашем багаже?

Оказывается, видела, и я почувствовал себя куда лучше со своей номер шесть. В дорогу я взял номер шесть, номер два и представительскую — для путешествия вполне достаточно. Номер два, видимо, осталась в Комплексе; я надеялся, что о ней там позаботятся. Номер шесть годилась для всех случаев жизни, а если учесть, что и «представительская» при мне, то все должно быть в порядке.

Через два дня мы уехали в Агру, чтобы вручить свои ветеринарные грамоты Федерации Наций. Мне нездоровилось, и не только из-за земного тяготения; я вполне освоился с инвалидной коляской и мог даже пройти несколько шагов, правда не на публике. У меня болело горло, воспаления легких удалось избежать только благодаря лекарствам, а еще меня мучил понос и кожная сыпь на руках, распространившаяся до ног, то есть полный комплект хвороб, которые донимали меня во время прежних посещений этой заразной дыры Терры. Мы, лунари, даже не подозреваем, как нам повезло, что у нас жесткий карантин, почти нет микробов и мы в любой момент можем продезинфицировать что угодно с помощью вакуума. А может, наоборот, не повезло, поскольку у нас нет иммунитета, а иногда он очень кстати. И все равно, я бы с землянами не поменялся; я и слова-то такого — «венерический» — не слыхал, пока впервые не попал на Землю, и думал, что ветрянка — это когда начинается демокомпрессия и по туннелю бежит сквознячок.

Была и еще одна причина для мрачного настроения. Стью доставил нам письмо Адама Селена; тайным кодом, неизвестным даже Стью, Майк извещал, что наши шансы упали ниже одного из ста. Интересно, в чем тогда смысл этой безумной поездки, если она только ухудшила положение? Да и сам Майк — считает он эти шансы взаправду или придуривается? Хоть убей, не могу понять, как их можно вычислить, даже имея уйму исходных данных.

Но проф вроде совсем не волновался. Разговаривал с толпами репортеров, улыбался с бесчисленных фото, делал заявления, заверял мир, что испытывает большое доверие к Федерации Наций и убежден, что наши справедливые требования будут признаны, выражал благодарность обществу «Друзей Свободной Луны» за бесценную помощь в распространении правдивой информации среди землян о нашем маленьком, но гордом народе. А все «ДСЛ» и состояло-то из Стью, нанятых им профессиональных пиарщиков, нескольких тысяч любителей подписывать любые петиции и толстой пачки гонконгских долларов. Меня тоже фотографировали, я тоже пытался улыбаться, но на вопросы не отвечал, показывая на горло и хрюпя.

В Агре нас поместили в шикарном номере отеля, который когда-то был дворцом магараджи (и до сих пор принадлежал ему, хотя Индия считалась социалистическим государством); интервью и съемки шли своим чередом, и я почти не вылезал из коляски, даже в туалет сходить боялся, так как проф строго запретил мне фотографироваться в вертикальной позиции. Сам он постоянно лежал в постели или на каталке — постельные ванны, постельные судна, все постельное... и не только потому, что так безопаснее, учитывая возраст, и легче, как для всякого лунаря, но главным образом для фотографов. Его ямочки и вся его удивительно мягкая, обаятельная и подкупающая личность не сходила с сотен миллионов видеоэкранов и со страниц бесчисленных газет.

Но в Агре нам не помогло даже его обаяние. Профа доставили в канцелярию президента Великой Ассамблеи (меня тоже туда прикатили), где он попытался вручить свои верительные грамоты посла при Федерации Наций и будущего сенатора от Луны. Его тут же переадресовали в контору генерального секретаря, и там нам целых десять минут уделил помощник секретаря. Помощник посыпал зубом и наконец сказал, что может принять наши грамоты «без каких бы то ни было обязательств».

Документы переслали в мандатную комиссию, которая и положила их себе под задницу.

Я нервничал, проф читал Китса, зерновые баржи продолжали прибывать в Бомбей.

Сказать по правде, насчет барж я был не против. В день полета из Бомбая в Агру мы встали до рассвета и уехали

в аэропорт, когда город еще только просыпался. У каждого лунаря есть своя нора — у кого хорошо обустроенная и обжитая, вроде Дэвисовых туннелей, у кого еще не просохшая после бурения. Кубатура для нас не проблема и еще долго не будет проблемой.

Бомбей же кишел людьми, как улей пчелами. Больше миллиона людей (так нам сказали) живет там буквально на кусочке мостовой. Семейство может заявить права (и передавать их по наследству из поколения в поколение) на четко ограниченное место для спанья длиной в два и шириной в один метр возле какой-нибудь лавочонки. Там спит вся семья — мать, отец, ребятишки, иногда даже бабушка. Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. На утренней заре проезжая часть бомбейских улиц, и тротуары, и даже мосты покрыты сплошным ковром человеческих тел. Что они делают днем? Где работают? Что едят? (По их виду не скажешь, что они вообще что-то едят. Все ребра можно пересчитать.)

Если бы не простые арифметические расчеты, подтвердившие, что нельзя бесконечно отправлять вниз продовольствие, не получая ничего взамен, я швырнул бы карты на стол. Но... дарзанебы! Дармовой закуски не бывает. Ни в Бомбее, ни в Луне.

Наконец нас пригласили в «комитет по расследованию». Проф, конечно, не о таком мечтал. Он требовал открытого сенаторского слушания перед видеокамерами. Единственное, что напоминало о камерах в этом комитете, так это «камерный» характер заседаний. Они были закрытыми. Ну, не совсем: мой магнитофончик всегда при мне. Но видео не было. А проф за две минуты установил, что комитет состоит сплошь из заправил Лунной администрации или их подлипал.

Тем не менее это был шанс для начала переговоров, и проф обращался с членами комитета так, будто они хотели и имели право признать независимость Луны. А они нас третировали как нечто среднее между испорченными детьми и преступниками, ждущими приговора.

Профи разрешили произнести вступительное слово. Если убрать словесные украшения, оно сводилось к тому, что Луна *de facto* является суверенным государством с общепризнанным правительством, находится в состоянии граждан-

ского мира и порядка, во главе страны стоят временный президент и кабинет, выполняющие все необходимые функции, но жаждущие вернуться к частной жизни, как только Конгресс закончит разработку конституции, и что мы прибыли сюда с просьбой признать эти факты *de jure* и позволить Луне занять принадлежащее ей по праву место в совещательных органах человечества в качестве члена Федерации Наций.

То, что говорил проф, несколько отклонялось от истины, но слушатели не имели возможности обнаружить эти отклонения. Откуда им было знать, например, что наш «временный президент» — это компьютер, а весь «кабинет» — это Вайо, Финн, камрад Клейтон, Теренс Шихан (главред «Правды») и Вольфганг Корсаков (председатель правления «ЛуНоГоКо» и директор Банка Гонконга-Лунного). Среди них только Вайо знала, что Адам Селен не более чем декорация, прикрывающая компьютер. И ужасно нервничала, так как осталась защищать крепость в одиночестве.

Вообще «странные» Адама, не желавшего показываться на людях во плоти, доставляла нам кучу хлопот. Мы постарались превратить это нежелание в «необходимость по соображениям безопасности»: открыли для него контору в помещении бывшего офиса Администрации в Луна-Сити, а затем взорвали там небольшую бомбочку. После чего камрады, сильнее прочих волновавшиеся по поводу нежелания Адама потолкаться в толпе, стали громче всех вопить, что ему ни в коем случае не следует рисковать. Этот лозунг подхватили и газетные передовицы.

Пока проф говорил, я пытался представить себе, как застыгали бы эти надутые лопухи, если бы узнали, что наш президент — всего лишь набор «железок», кстати принадлежащих Администрации.

Но они только взирали на нас с ледяным неодобрением, ничуть не тронутые риторикой профа, хотя, возможно, это было лучшее выступление в его жизни, учитывая, что он говорил в микрофон лежа на спине, без всяких шпаргалок и практически не видя аудитории.

А затем они набросились на нас. Джентльмен, представивший Аргентину, — они не называли своих имен, мы для них рылом не вышли, — прицепился к выражению «бывший

комендант». Эта должность упразднена полстолетия назад! Он настаивает, чтобы ее вычеркнули из протокола и заменили бы официальным титулом: «Протектор лунных колоний, назначенный Лунной администрацией». Все прочие формулировки унижают достоинство Лунной администрации!

Проф попросил слова. «Достопочтенный председатель» снизошел. Проф мягко заметил, что принимает предложенную поправку, поскольку Администрация вольна называть своих служащих, как ей заблагорассудится, и что он не имел намерения унижать достоинство какого-либо учреждения Федерации Наций... Но если иметь в виду функции данного органа — бывшие функции бывшего органа, — то граждане Свободного Государства Луна, вероятно, будут думать о нем в привычной терминологии.

Шестеро членов комитета закудахтали одновременно. Кто-то возражал против слов «Свободное Государство Луна»: нет никакого «государства Луна», есть спутник Земли и собственность Федерации Наций, такая же как Антарктида, и вообще вся эта процедура — просто фарс. С последним утверждением я был вполне согласен. Председатель попросил уважаемого представителя Северной Америки держаться в рамках и все свои замечания направлять через него, то бишь председателя. Правильно ли понял председатель из последней реплики свидетеля, что этот якобы существующий де-факто режим намерен изменить действующую систему депортации преступников?

Проф принял подачу и отбил мяч:

— Достопочтенный председатель, я сам был депортирован, но сейчас Луна — моя возлюбленная Родина. Мой коллега, достопочтенный заместитель министра иностранных дел полковник О'Келли Дэвис (это я!), уроженец Луны, гордится своим происхождением от депортированных предков. Луна обрела силу мужеством тех, кого вы выбросили, как мусор. Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников; мы примем их. У Луны места хватит для всех — почти сорок миллионов квадратных километров пустует, площадь больше Африки. А если учесть, что благодаря нашему образу жизни мы занимаем не площадь, а объем, то в обозримом будущем Луна не отвергнет ни один корабль с грузом исстрадавшихся бездомных.

— Свидетелю рекомендуется воздержаться от произнесения речей, — заявил председатель. — Мы поняли смысл вашего выступления так, что группа, которую вы представляете, соглашается принимать заключенных по-прежнему?

— Нет, сэр.

— Что? Объяснитесь!

— Сразу же, как только иммигрант ступит на почву Луны, он станет свободным, каковы бы ни были его былые преступки, свободным идти туда, куда пожелает.

— Вот как? И что же в таком случае может помешать ему перейти посадочную площадку, влезть на другой корабль и вернуться сюда? Признаюсь, я был удивлен вашим заявлением о готовности принимать их... но мы в них не нуждаемся. Это наш гуманный способ освобождаться от неисправимых, которых иначе пришлось бы казнить.

(Я мог бы порассказать кое-что и заставить его заткнуться. Он явно никогда не бывал в Луне. Что касается «неисправимых», если такие бывают, Луна ликвидирует их быстрее, чем это делается на Терре. Когда я был мальчишкой, к нам прислали главаря гангстеров, по-моему, из Лос-Анджелеса. Он прибыл со взводом телохранителей и нагло заявил, что теперь будет править в Луне, как, по слухам, правил в какой-то тюрьме на Земле. Никто из них не прожил и двух недель. Гангстерский босс не добрался даже до бараков. Невнимательно слушал, как следует обращаться со скафандром.)

— Ничто не может удержать его от возвращения домой, насколько это зависит от нас, сэр, — ответил проф. — Хотя воспоминание о вашей полиции здесь, на Терре, возможно, заставит его задуматься. Но я еще никогда не слышал о ссыльном, у которого сразу нашлись бы деньги на обратный билет. И вообще, разве это проблема? Корабли — ваши; у Луны кораблей нет. Кстати, позвольте заметить: корабль, который должен был к нам прилететь в этом месяце, так и не прибыл. Я не жалуюсь, но это обстоятельство заставило меня и моего коллегу, — проф сделал паузу и улыбнулся, — прибегнуть к весьма неудобному способу передвижения. Я просто надеюсь, что это не политика. Луна с вами не ссорилась; мы ждем ваши корабли; мы хотим с вами торговать; мы хотим жить в мире. Прошу заметить, что все плановые поставки зерна пришли к вам точно по расписанию.

(У профа дар менять тему разговора.)

После чего они стали копаться в мелочах. Любознательный представитель Северной Америки захотел узнать, что случилось с «ко...». Он спохватился. «С протектором сенатором Хобартом».

Проф ответил, что тот перенес удар (*coup* — это и в самом деле удар) и больше не в состоянии исполнять свои обязанности; сейчас он поправляется и получает всю необходимую медицинскую помощь. Мы давно подозревали, задумчиво добавил проф, что со здоровьем у пожилого джентльмена не все в порядке, иначе трудно объяснить его странные поступки в течение последнего года... особенно многочисленные нарушения прав свободных граждан, включая недепортированных.

Проглотить эту историю было не так уж трудно. Передавая сообщение о нашем перевороте, ученые-астрономы доложили, что комендант убит... хотя Майк поддерживал в нем жизнь и даже порой перевоплощался в него. Например, когда Администрация потребовала у коменданта отчета по поводу диких слухов о бунте, Майк проконсультировался с профом и изобразил убедительную картину старческого маразма, умудрившись одновременно все опровергнуть, все подтвердить и перемешать в кучу. Вскоре мы сами дали информацию прессе, и комендант стал недоступен даже в виде своего компьютерного альтер эго. А через три дня мы провозгласили независимость.

Североамериканец захотел узнать, с какой стати он должен верить, что хоть одно слово в этой истории — правда. Проф улыбнулся прямо-таки ангельской улыбкой и даже попытался поднять исхудавшие руки, но они тут же бессильно упали на покрывало.

— Уважаемый представитель Северной Америки! Настоятельно советую вам посетить Луну, навестить большого сенатора Хобарта и увидеть все своими глазами. Мы приглашаем к себе в гости всех граждан Терры, в любое время, в любое место — смотрите на здоровье, нам скрывать нечего. Мы хотим быть друзьями, мы миролюбивые люди. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что моя страна не может предоставить вам транспортные средства, в отношении коих мы полностью зависим от вас.

Представитель Китая внимательно смотрел на профа. Не говорил ни слова, но ушки держал на макушке.

Председатель прервал слушание до пятнадцати ноль-ноль. Нам отвели комнату для отдыха и прислали завтрак. Мне хотелось поговорить, но проф мотнул головой, оглядел комнату и похлопал себя по уху. Ну я и заткнулся. Потом проф задремал, я опустил спинку коляски и последовал его примеру; на Терре мы старались спать как можно больше. Это помогало. Но не очень.

За нами не присыпали до шестнадцати ноль-ноль, хотя комитет уже заседал. Председатель нарушил свое собственное правило насчет речей и разразился тирадой, исполненной «скорее-сожалений-чем-гнева».

Для начала он напомнил, что Лунная администрация является внеполитической попечительской организацией, на которую возложена ответственная миссия по обеспечению гарантий того, что спутник Земли никогда не будет использоваться в военных целях. Он поведал нам, что Администрация выполняет свою священную обязанность уже более столетия, в то время как правительства возникали и уходили в небытие, союзы создавались и распадались; по сути, Администрация даже старше Федерации Наций, ибо ее хартия подписана гораздо более древней международной организацией, и Администрация так блестяще справлялась со своими обязанностями, что пережила множество войн и кризисов.

(Тоже мне новости! Но вы чувствуете, куда клонит?)

— Лунная администрация не может передать кому-либо свои функции, — торжественно заявил он. — Однако если колонисты на Луне докажут свою политическую зрелость, им может быть дарована некоторая степень автономии. Этот вопрос мы предложим поставить на рассмотрение. Многое зависит и от вашего поведения. Я хочу сказать — поведения всех колонистов. В последнее время имели место бунты и налечение ущерба собственности; этого впредь быть не должно.

Я все ждал, когда нам припомнят девяносто убитых драгун; он не сказал о них ни слова. Из меня не получится государственный деятель. «Высшие соображения» мне не по плечу.

— Ущерб, нанесенный собственности, должен быть возмещен, — продолжал председатель. — Обязательства долж-

ны выполняться неукоснительно. Если орган, который вы называете Конгрессом, сможет нам это гарантировать, комитет допускает, что так называемый Конгресс со временем станет агентством Администрации, ведающим внутренними делами. В самом деле, можно согласиться с тем, что стабильное местное правительство в будущем сможет взять на себя многие функции, которые ныне исполняет протектор, а возможно, даже пришлет делегата с совещательным голосом в Великую Ассамблею. Но подобную честь надо заслужить... Одно должно быть совершенно ясно. Луна по законам природы является вечной и общей собственностью народов Земли. Она не принадлежит той горсточке людей, которые в силу исторической случайности оказались ее обитателями. Священная обязанность, возложенная на Лунную администрацию, есть и пребудет навеки высшим законом для спутника Земли.

(«...исторической случайности», каково? Я ожидал, что проф вобьет ему эти слова обратно в глотку. Я думал, он скажет... Нет, я никогда не знаю заранее, что он скажет. И вот что он сказал...)

Проф долго держал паузу, а затем спросил:

— Достопочтенный председатель, кого отправят в ссылку на сей раз?

— Что вы сказали?

— Вы уже решили, кто из вас отправится в ссылку? Первый зам коменданта за эту работу не возьмется. — (Это была чистая правда, он предпочитал оставаться в живых.) — Он выполняет свои обязанности временно только потому, что мы его упросили. Если вы упорно не верите в нашу независимость, вам надо думать об отправке нового коменданта.

— Протектора!

— Коменданта. Давайте не будем играть в слова. Хотя, если бы мы знали, кого вы назначите, мы, возможно, с радостью именовали бы его «послом». Возможно, мы смогли бы найти с ним общий язык, и тогда вам не пришлось бы посыпать вооруженных бандитов... чтобы насиливать и убивать наших женщин!

— К порядку! К порядку! Пусть свидетель ведет себя как положено!

— Это не я нарушаю порядок, достопочтенный председатель! Изнасилование было, и гнусное убийство тоже! Но

все это уже принадлежит истории, а нам надо смотреть в будущее. Кого вы намерены сослать? — Проф попытался опереться на локоть, и я тут же насторожился: это был сигнал. — Надеюсь, вам известно, сэр, что дорога в Луну не рассчитана на обратный путь. Я родился здесь. И вы видите, каких усилий мне стоит даже временное возвращение на планету, которая отправила меня в изгнание. Мы изгои Земли, которые...

И вырубился. Я выскочил из своей коляски, рванулся к нему... и рухнул на пол.

Не все в этой сцене было игрой, хотя мои действия были ответом на полученный сигнал. Резкие движения на Терре опасны для сердца.

Гравитационное поле Земли схватило меня и размазало по полу.

ГЛАВА 17

Никто из нас серьезно не пострадал, зато средства массовой информации взахлеб распространялись о сенсации, так как я передал магнитофонную запись Стью, а он переправил ее своим подручным. Не скажу, что все заголовки были враждебны: Стью предварительно подрезал пленку, подредактировал и придал материалу нужную направленность.

«АДМИНИСТРАЦИЯ ВЫБИВАЕТ ИГРОКА У ПРОТИВНИКА? ПОСОЛ ЛУНЫ ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА С ПРИСТРАСТИЕМ. „ИЗГОИ!“ — КРИЧИТ ОН. ПРОФЕССОР ДЕ ЛА ПАС ПРИГВОЖДАЕТ АДМИНИСТРАЦИЮ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ. ЧИТАЙТЕ НА СТР. 8».

Но не все были так доброжелательны; в Индии наиболее благосклонной выглядела передовица в новоиндийской «Таймс», где задавался вопрос: неужели Администрация готова пожертвовать хлебом для голодающих масс, лишь бы не пойти на соглашение с лунными повстанцами? Высказывалось соображение, что уступки могут быть сделаны в обмен на увеличение поставок продовольствия. Приводилось множество раздутьой статистики. На самом деле Луна вовсе не кормит «сотни миллионов индусов» — наше зерно, так сказать, превращает «голодание» в «недоедание».

С другой стороны, крупнейшая нью-йоркская газета утверждала, что Администрация совершила ошибку, начав с нами переговоры, ибо каторжники понимают только язык кнута; надо высадить там войска, навести порядок, повесить виновных и оставить солдат для поддержания спокойствия.

В полку драгун-миротворцев, откуда происходили наши ныне покойные насилиники, вспыхнул бунт, который, впрочем, быстро подавили; он начался из-за слухов о том, что полк собираются отправить на Луну. Известие о бунте замять не удалось: Стью нанимал ловких ребят.

На следующее утро мы получили письмо с вопросом: в состоянии ли профессор де ла Пас продолжать переговоры? Мы отправились; комитет пригласил доктора и медсестру, чтобы наблюдать за профом. На сей раз нас обыскали и магнитофон у меня из сумки изъяли.

Я отдал его без особого сопротивления; магнитофон был японского производства, и Стью мне достал его как раз для сдачи при обыске. В моей руке номер шесть есть углубление для батарейки, в него с успехом поместился мой микромаг. Батарейка в тот день мне была ни к чему, а большинство людей — даже заматерелые полицейские — брезгуют дотрагиваться до протезов. О вчерашней дискуссии все как будто забыли... если не считать того, что председатель в первых же словах выбранил нас за «нарушение тайны закрытого заседания».

Проф ответил, что у нашей стороны нет ни малейшего желания делать из этих заседаний тайну и что мы всячески приветствовали бы присутствие представителей прессы, видеокамер, зрителей и кого угодно, так как Свободному Государству Луна скрывать нечего.

Председатель резко заметил, что так называемая Свободная Луна здесь не хозяйка; заседания закрыты, и их результаты не должны обсуждаться за пределами данной комнаты. Таков порядок.

Проф взглянул на меня:

— Вы поможете мне, полковник?

Я привел в движение механизм управления коляской, подъехал к нему и начал подталкивать его каталку к дверям, прежде чем председатель успел сообразить, что мы просто блефуем. Проф позволил уговорить себя остаться, не дав при этом никаких обещаний. Трудно давить на человека, который хлопается в обморок всякий раз, как слегка перевозбуждается. Председатель заявил, что вчера прозвучало слишком много речей не по существу, а насущные проблемы так и не были решены, поэтому сегодня он не потерпит никаких отклонений. И бросил взгляд на аргентинца, а затем на североамериканца.

Потом продолжил:

— Суверенность — это абстрактная концепция, одна из тех, определение которых много раз давалось заново, пока

человечество училось жить в мире. Мы не станем дискутировать на эту тему. Главный вопрос, господин профессор, — или посол *de facto*, если вам угодно, не в названиях суть, — главный вопрос таков: готовы ли вы гарантировать, что лунные колонии будут выполнять свои обязательства?

— Какие обязательства, сэр?

— Все обязательства, но в первую очередь обязательства по поставкам зерна.

— Я ничего не знаю о таких обязательствах, сэр, — ответил проф тоном, исполненным глубочайшего удивления.

Председатель крепко сжал молоток, но сказал совершенно спокойно:

— Бросьте, сэр, не стоит ломать копья из-за слов. Я говорю о квотах зерновых поставок — о тех увеличенных на тридцать процентов квотах, что определены на новый финансовый год. Можем ли мы получить ваше заверение, что вы будете уважать эти обязательства? Если нет — нам просто не о чем дальше разговаривать.

— В таком случае, сэр, я сожалею, но переговоры придется прервать.

— Это несерьезно!

— Напротив, сэр. Это совершенно серьезно. Суверенность Свободной Луны вовсе не абстрактное понятие, как вы склонны считать. Обязательства, о которых вы говорите, суть просто контракты, которые Администрация заключала сама с собой. Моя страна не может быть связана чем-либо подобным. Любые обязательства суверенной нации, которую я имею честь представлять, еще предстоит обсудить.

— Чернь! — взревел североамериканец. — Я же говорил, что вы слишком с ними миндальничаете! Рецидивисты! Воры и шлюхи! Они не понимают цивилизованного обращения!

— К порядку!

— Вы еще попомните мои слова. Попадись они мне в Колорадо, я бы их кое-чему научил! Мы умеем обращаться с этим отребьем.

— Уважаемый член комитета, призываю вас к порядку.

— Боюсь, — проговорил индиец (парс, представлявший в комитете Индию), — боюсь, что по существу я согласен с уважаемым представителем Северо-Американского Директората. Индия не может принять концепцию, что обязатель-

ства по поставкам зерна — всего лишь никчемная бумажонка. Порядочные люди не играют с голодом в политические игры.

— А кроме того, — вмешался аргентинец, — они плодятся, как животные! Как свиньи!

(Перед заседанием проф заставил меня принять транквилизатор. И настоял, чтобы я сделал это в его присутствии.)

— Достопочтенный председатель, — спокойно сказал проф, — могу ли я пояснить смысл моего заявления, прежде чем мы решим — возможно, излишне поспешно, — что переговоры должны быть прерваны?

— Пожалуйста.

— Все согласны? Мне не будут мешать?

Председатель оглядел членов комитета.

— Согласны все, — сказал он. — Предупреждаю уважаемых членов комитета, что в случае еще одного нарушения порядка я применю специальный параграф четырнадцатый. Старшего пристава прошу запомнить это и действовать соответственно. Свидетель может продолжать.

— Я буду краток, достопочтенный председатель. — Проф вдруг сказал какую-то фразу по-испански, но я уловил только слово «сеньор». Аргентинец побагровел, но смолчал, а проф продолжал: — Я должен сначала ответить в личном порядке уважаемому представителю Северной Америки, поскольку он затронул честь моих соотечественников. Я побывал не в одной тюрьме; я принимаю титул... нет, я горжусь титулом «рецидивист». Мы — граждане Луны — действительно рецидивисты и потомки рецидивистов. Но Луна — строгая госпожа и суровая наставница: тем, кто пережил ее уроки, больше нечего стыдиться. В Луна-Сити спокойно можно оставить кошелек без присмотра, а двери своего дома держать незапертыми. Не знаю, так ли обстоят дела в Денвере. Как бы там ни было, у меня нет желания ехать в Колорадо «кое-чему научиться». С меня вполне хватает уроков матери-Луны. Может быть, мы и чернь, но теперь мы восставшая чернь. Уважаемому представителю Индии я могу сказать, что мы не играем с голодом в политические игры. Мы просим всего лишь открытого обсуждения фактов, свободного от политической предвзятости. Если такая дискуссия состоится, я обещаю доказать вам, что Луна не только сможет продолжать поставки

зерна, но и значительно их увеличит... к большой выгоде Индии.

Индус и китаэза сразу сделали стойку. Индус начал было что-то отвечать, но спохватился и обратился к председателю:

— Достопочтенный председатель, не попросите ли вы свидетеля объяснить, что он имеет в виду?

— Свидетель может изложить свою точку зрения более подробно.

— Достопочтенный председатель, уважаемые члены комитета! Луне действительно под силу увеличить поставки для миллионов голодающих на Терре в десять или даже в сто раз. Тот факт, что зерновые баржи прибывали по расписанию во время лунных событий и продолжают поступать сегодня, доказывает наши добрые намерения. Но нельзя битьем заставить корову давать больше молока. Переговоры об увеличении поставок должны основываться на фактах, а не на предвзятых представлениях о том, что мы рабы, обязаные выполнять квоты, которых мы не устанавливали. Так на чем порешим? Станете ли вы настаивать на том, что мы рабы, принадлежащие Администрации, а не свободные люди? Или же признаете, что мы свободны, и вступите с нами в переговоры — и тогда мы с удовольствием объясним, каким образом мы можем вам помочь.

— Иными словами, — проворчал председатель, — вы предлагаете нам купить кота в мешке. Вы требуете, чтобы мы легализовали ваш незаконный статус... А потом вы расскажете о своих фантастических обещаниях увеличить зерновые поставки в десять или сто раз. Ваши обещания беспочвенные. Я эксперт по лунной экономике. А ваше условие невыполнимо: фактически оно означает признание Великой Ассамблей нового государства.

— Тогда поставьте этот вопрос перед Великой Ассамблей. Как только признают наше равенство и суверенитет, мы обсудим вопрос об увеличении поставок и договоримся об условиях. Достопочтенный председатель, зерно выращиваем мы, это наша собственность. Мы можем произвести его больше. Но не как рабы. Сначала вы должны признать суверенную Свободную Луну.

— Это невозможно, и вы это знаете. Лунная администрация не может отказаться от своей священной обязанности.

Проф вздохнул:

— По-видимому, мы зашли в тупик. Я могу лишь предложить временно прервать переговоры и как следует подумать. Сегодня баржи еще приходят... но с той минуты, как я извещу свое правительство о провале нашей миссии... поставки... прекратятся!

Голова профа упала на подушку, как будто события совершенно изнурили его, что вполне могло быть правдой. Я чувствовал себя относительно прилично, но я был молод и обладал опытом визитов на Терру и выживания на ней. Лунарь в возрасте профа не должен рисковать и пускаться в такую поездку.

После небольшой перепалки, на которую проф не обратил внимания, нас погрузили в машину и отправили назад в отель. По дороге я спросил:

— Проф, а что вы сказали сеньору Жирное Пузо? Почему у него так подскочило давление?

Проф хихикнул:

— Камрад Стюарт покопался в прошлом этих джентльменов, и всплыли интересные факты. Я спросил, кому сейчас принадлежит бордель на Калле-Флорида в Буэнос-Айресе и работает ли еще там знаменитая рыжая красотка?

— А почему? Вы когда-то были там частым клиентом? — Я попробовал представить себе профа в этой роли.

— Никогда. Вот уже сорок лет не бывал в Буэнос-Айресе. Бордель принадлежит ему, Мануэль, через подставных лиц, а его жена — красотка с тициановскими волосами — некогда подвизалась в этом заведении.

Я пожалел, что спросил.

— А это не запрещенный прием? Недипломатично как-то. Проф закрыл глаза и ничего не ответил.

Но к вечеру он приободрился и целый час провел с журналистами. Седые волосы разметались на алоей подушке, высохшее тело облачено в расшитую пижаму... если бы не глаза да ямочки — точь-в-точь свежий труп какого-нибудь шишака, подготовленный к пышному погребению. Я тоже смотрелся хоть куда в черном с золотом мундире, который, по уверениям Стю, был форменной одеждой лунных дипломатов моего ранга. Может, и так, но что-то я не слыхал,

чтобы в Луне водились дипломаты. Вообще же я предпочитаю скафандрь, у мундиров слишком жесткие воротнички. Я так и не понял, что означал иконостас у меня на груди. Каждой-то репортер пытался выведать об ордене, похожем на ущербный серп луны, какой она выглядит порою с Терры. Я ответил, что это награда за чистописание. Стью, находившийся неподалеку, тут же вмешался:

— Полковник скромничает. Это орден того же класса, что и Крест Виктории, а получил он его за боевые заслуги в тот славный и трагичный день...

И увел корреспондента, продолжая заливать ему всякую чушь. Стью умел вешать лапшу на уши почти так же лихо, как проф. Мне же обязательно надо придумывать ложь заранее.

Индийские газеты и передачи в этот вечер были весьма агрессивны; они так и брызгали слюной, взбешенные угрозой прекратить поставки зерна. Даже самые умеренные призывали «очистить» Луну, уничтожить «преступных троглодитов» и заменить нас «честными индийскими крестьянами», которые, понимая святость любой жизни, будут присыпать все больше и больше зерна. Проф назначил пресс-конференцию, чтобы объяснить в общих чертах, почему Луна не сможет продолжать поставки; организация Стью распространила слухи об этом по всей Терре. Некоторые репортеры не поленились разобраться в числах и принялись уличать профа в вопиющих противоречиях.

— Профессор де ла Пас, вы тут говорите, что поставки зерна должны сократиться вследствие истощения природных ресурсов и что к восемьдесят второму году Луна не сможет прокормить даже собственных жителей. И тем не менее сегодня днем вы заверили Лунную администрацию, что сможете увеличить поставки в десятки раз.

Проф наивно спросил:

— А разве комитет — это Лунная администрация?

— Ну... это ни для кого не секрет.

— Конечно, сэр, но они выдают себя за беспристрастный комитет по расследованию при Великой Ассамблее. Вы не думаете, что они должны дисквалифицировать самих себя? Чтобы расследование было действительно беспристрастным.

— Э-э-э... я тут ни при чем, профессор. Давайте вернемся к моему вопросу. Как вы можете объяснить противоречие?

— А меня интересует, почему вы считаете, что вы тут ни при чем, сэр? Разве не в интересах каждого жителя Терры избежать ситуации, которая вызовет войну между Террой и ее соседкой?

— Войну? С чего вы вдруг заговорили о войне, профессор?

— А чем еще это может кончиться, сэр? Если Лунная администрация уперлась и ни с места? Мы не можем принять ее требования. Цифры показывают почему. Если Администрация этого не поймет, она предпримет попытку подчинить нас силой... а мы ответим ударом на удар. Как загнанные в угол крысы — мы действительно загнаны в угол, мы не можем ни отступить, ни сдаться. Нам война ни к чему. Мы хотим жить в мире с соседней планетой. Мирно жить и мирно торговать. Но выбирать придется вам. Мы — карлик, вы — гигант. Могу уже сейчас предсказать, что следующим шагом Лунной администрации будет попытка принудить Луну силой. Это «миролюбивое агентство» начнет первую межпланетную войну.

Журналист нахмурился:

— Вам не кажется, что вы преувеличиваете? Предположим, что Администрация — или Великая Ассамблея, поскольку у Администрации нет собственных боевых кораблей, — предположим, что народы Земли решат сместь ваше... э-э-э... «правительство». Вы можете воевать — на Луне. Думаю, вы будете сопротивляться. Но вряд ли это означает межпланетную войну. Как вы сами сказали, у Луны нет кораблей. Проще говоря, нас вы не достанете.

Я сидел на кресле возле каталки профа и молча слушал. Он повернулся ко мне:

— Скажите им, полковник.

Я загараторил, как попугай. Проф с Майком сделали мне заготовки на все случаи жизни. Я их вырубрил и выдавал по мере необходимости.

— Джентльмены, — сказал я, — вы помните «Патфайндер»? Как он рухнул, потеряв управление?

Они помнили. Как можно забыть величайшую катастрофу эпохи первых космических полетов, когда несчастный «Патфайндер» свалился на бельгийскую деревушку?

— У нас нет космических кораблей, — продолжал я, — но мы можем сбросить на вас зерновые баржи, вместо того чтобы доставлять их по расписанию на околоземную орбиту.

На следующий день из моей фразы родился заголовок: «ЛУНАРИИ УГРОЖАЮТ ЗАБРОСАТЬ НАС РИСОМ», однако в тот момент она вызвала лишь удивленное молчание.

Наконец журналист сказал:

— И тем не менее я хотел бы знать, как вы объясняете противоречие между двумя вашими заявлениями — «никакого зерна после восемьдесят второго года» и «увеличим поставки в десять или в сто раз».

— Никакого противоречия нет, — ответил проф. — Они основаны на различных предпосылках. Цифры, которые я представил, отражают современную обстановку... и ту катастрофу, которая произойдет всего через несколько лет, если истощение природных ресурсов Луны будет продолжаться. Катастрофу, которую вызовут бюрократы из Администрации — или лучше сказать «автократы от бюрократии»? — своими угрозами загнать нас в угол, как нашкодивших детей.

Проф остановился, тяжело перевел дух и снова завел:

— Обстоятельства, при которых мы сможем продолжать или даже резко увеличить производство зерна, прямо противоположны указанным выше. Как старый учитель, я не могу удержаться от школьной привычки: выводы должны делать сами ученики для упражнения мозгов. Может, кто-нибудь желает попробовать?

Последовало неловкое молчание, а потом заговорил невысокий человечек со странным акцентом.

— Мне кажется, что вы имеете в виду способ пополнения природных ресурсов.

— Молодец! Отлично! — Проф просиял своими ямочками. — Вы, сэр, получите золотую медаль за этот семестр! Чтобы произвести зерно, необходимы вода и удобрения — фосфаты и так далее, можете узнать у специалистов. Присылайте все это нам — мы пришлем вам взамен прекрасное зерно. Опустите насосы в беспредельный Индийский океан. В Индии миллионы голов скота: собираите их «конечный продукт» и шлите нам. Собирайте содержимое своихочных горшков и не утруждайтесь его стерилизацией, мы научились это делать дешевле и проще. Шлите нам соленую морскую воду, тухлую рыбу, трупы животных, городские стоки, коровьи лепешки, любые отбросы — мы пришлем вам их обратно, тонна за тонну, золотым зерном. Чем больше при-

шлете, тем больше получите, хоть в десять раз, хоть в сто. Шлите нам ваших бедняков и обездоленных, шлите нам их тысячами и сотнями тысяч; мы обучим их быстрым и эффективным способам лунного туннельного земледелия и вернем вам неимоверное количество продовольствия. Джентльмены, Луна — это колоссальная залежь в четыре тысячи миллионов гектаров, ждущая, чтобы ее вспахали.

Это их сразило. Кто-то тихо спросил:

— Но что вы сами будете с этого иметь? Я говорю о Луне. Проф пожал плечами:

— Деньги. В виде товаров. Многие вещи у вас куда дешевле, чем у нас в Луне. Лекарства. Инструменты. Микрофильмы. Наряды для наших прелестных женщин. Покупайте наше зерно, и можете торговать с нами с большой прибылью.

Индийский журналист поглядел задумчиво и принялся писать. Европеец, сидевший рядом с ним, скептически усмехнулся и сказал:

— Профессор, вы представляете себе, в какую сумму обойдется отправка такого количества грузов?

Проф небрежно отмахнулся:

— Это вопрос техники. Сэр, когда-то везти грузы через океан было не только трудно, а просто невозможно. Потом стало дорого, трудно, опасно. Сегодня же вы продаете свои товары на других континентах почти за ту же цену, что и у себя дома. Расходы на транспортировку теперь самая малая составляющая в стоимости товара. Джентльмены, я не инженер. Но зато я кое-что знаю об инженерах. Если что-то должно быть сделано, инженеры найдут способ сделать это экономически выгодным. Если вы хотите получить зерно, которое мы можем вырастить, напустите на эту проблему ваших инженеров!

Проф стал задыхаться, жестом позвал на помощь, и медсестры увезли его из комнаты.

Я отказался продолжать эту тему, сказав журналистам, что им следует побеседовать с профессором, когда он будет в состоянии снова с ними встретиться. Тогда они принялись клевать меня с другого бока. Один потребовал, чтобы я объяснил, почему мы — колонисты — считаем себя вправе претендовать на самоуправление и в то же время не хотим пла-

тить налоги. В конце концов, колонии основаны Федерацией Наций, во всяком случае — некоторыми из ее членов. Это невероятно дорогое мероприятие. Земля оплатила все издержки, а теперь мы — колонисты — пожинаем плоды и не платим ни цента налогов. Разве это справедливо?

Я хотел послать его подальше, но перед интервью профф опять велел мне принять транквилизатор и потребовал, чтобы я зазубрил бесконечный список ответов на вопросы с подковыркой.

— Давайте разберемся по порядку, — сказал я. — Первое: за что, по вашему мнению, мы должны платить налоги? Скажите, что я получу взамен, и тогда, может быть, я с вами соглашусь. Нет, поставим вопрос иначе. Вы сами платите налоги?

— Конечно плачу. И вы тоже обязаны!

— И что вы получаете взамен этих налогов?

— Как это — взамен? Налоги платят правительству.

— Извините, — сказал я, — но я полный невежда. Всю свою жизнь прожил в Луне и мало что знаю о вашем правительстве; не можете ли вы объяснить мне попроще? Что вы получаете за свои деньги?

Все заинтересовались и с азартом стали дополнять то, что пропустил этот воинственный осел. Я записывал. Когда они закончили, я начал читать вслух.

— Бесплатные больницы — их в Луне нет. Медицинское страхование — такая штука у нас есть, но она совсем не похожа на то, что вы имеете в виду. Если кто-то хочет страховку, он идет к букмекеру и заключает пари. Вы можете застраховаться от чего угодно, но за определенную плату. Я, например, не страховался на случай болезней — я здоров. Или был здоров, пока не приехал к вам. Публичная библиотека у нас есть, та самая, которую основал Фонд Карнеги, начав с нескольких микрофильмов. Но она платная. Общественные дороги. Я думаю, к ним можно приравнять наше метро. Но оно не более бесплатно, чем воздух, которым мы дышим. Ах, извините, у вас ведь воздух бесплатный, не так ли? Я хочу сказать, что наше метро построено компаниями, которые вложили в него средства и яростно добиваются их возврата, с прибылью разумеется. Общеобразовательные школы. Школы есть во всех поселениях, и я никогда не слыхал, чтобы

они отказались принимать учеников; поэтому, полагаю, их можно назвать общеобразовательными. Но дерут они в тридорога. Вообще в Луне каждый, кто знает что-нибудь полезное и согласен обучить другого, предъявляет за это такой счетец — закачаешься! Так, что у нас осталось? Социальное обеспечение? Не знаю, что за зверь, но у нас такие не водятся. Пенсии. Вы можете купить пенсию. Но мало кто покупает. Почти все семьи большие, и старики, скажем, от ста лет и выше или возятся с чем-нибудь, что им по душе, или сидят и смотрят видео. Или спят. Они спят много, особенно те, которым за сто двадцать.

— Сэр, извините... Неужели люди на Луне действительно живут так долго?

Я сделал вид, будто удивился, хотя на самом деле вопрос был в числе спровоцированных, и ответ отскочил у меня от зубов автоматически.

— Никто не знает, как долго может жить человек в Луне: мы слишком недавно там появились. Старейшие жители Луны родились на Земле, а следовательно, их опыт не корректен. Пока из родившихся в Луне никто не умер от старости. Но это опять-таки ничего не доказывает: у них просто не было времени состариться — прошло меньше столетия. Хотя... Возьмем, к примеру, меня... Мадам, как по-вашему, сколько мне лет? Я настоящий лунарь в третьем поколении.

— Э-э-э... честно говоря, полковник Дэвис, меня поражает ваша молодость. Я хочу сказать, учитывая важность вашей миссии. Я дала бы вам двадцать два... Неужели больше? Ну, полагаю, ненамного...

— Мадам, я сожалею, что сила тяжести на Земле не позволяет мне раскланяться. Благодарю вас. Я женат уже больше двадцати двух лет.

— Что? Да вы шутите!

— Мадам, я никогда бы не осмелился определять возраст леди, но, если вы эмигрируете в Луну, вы сохраните свой теперешний юный вид на долгие годы и проживете как минимум на двадцать лет больше, чем здесь. — Я снова взглянул на список. — Могу сказать сразу обо всех оставшихся пунктах: ничего подобного у нас в Луне нет, а потому я не вижу никакого смысла платить за это налоги. Что касается другой части вашего вопроса, сэр, так вы, должно быть, сами знае-

те, что начальная стоимость создания колоний нами давно и многократно оплачена, одно зерно чего стоит! А из нас высасывают кровь — наши природные ресурсы... и даже не платят по ценам свободного рынка. Вот почему Лунная администрация так упорно стоит на своем — она присосалась к нам, как вампир. Идея, что Луна убыточна для Терры и что первоначальные инвестиции надо вернуть, — ложь, изобретенная Администрацией, чтобы оправдать ее обращение с нами как с рабами. На самом же деле в этом столетии Луна не стоила Земле ни цента, а первоначальные инвестиции давно выплачены.

Журналист попытался отыграться:

— Вы, надеюсь, не собираетесь доказывать нам, что лунные колонии выплатили все миллиарды долларов, которые пошли на развитие космонавтики?

— Я мог бы попробовать. Но в любом случае вряд ли справедливо удерживать эти деньги *с нас*. Космический флот ваш, он принадлежит Терре. У нас его нет! Почему же мы должны платить за то, чего не получали? С этим дело обстоит точно так же, как и с остальными пунктами вашего списка. Будет товар — будут деньги, но с какой радости нам платить за так?

Я тянул время, дожидаясь вопроса, который, как уверял проф, мне непременно зададут... и наконец услышал.

— Одну минуту! — раздался уверенный голос. — Вы проигнорировали два самых важных пункта нашего списка. Полицейская защита и вооруженные силы. Вы тут хвалились, что готовы платить за то, что получаете... Как насчет того, чтобы выплатить налоги по этим двум статьям за целое столетие? Кругленькая сумма набежит, однако. — И журналист ехидно ухмыльнулся.

Ну, спасибо, наконец-то! Я уж думал — не миновать мне взбучки от профа за неумение вытащить из них этот вопросик. Все поглядывали друг на друга, кивая, очень довольные, что я наконец получил по носу. Я изо всех сил старался изобразить искреннее недоумение.

— Извините, не понял. У Луны нет ни полиции, ни вооруженных сил.

— Прекрасно вы поняли, о чем я говорю. Вы пользуетесь защитой Миротворческих сил Федерации Наций. И по-

лиция у вас есть. И платит ей Лунная администрация! Мне доподлинно известно, что две роты были отправлены вам меньше года назад, чтобы выполнять там обязанности полицейских.

— Ах вот вы о чём! — Я вздохнул. — Скажите, от кого, по-вашему, Миротворческие силы защищают Луну? У меня нет сведений, что какая-нибудь из ваших стран готовится к нападению на нас. Мы от вас далеко, и у Луны нет ничего такого, на что можно позариться. Или вы имеете в виду, что мы должны платить этим силам за то, чтоб они нас не трогали? Если так, то существует старинная поговорка: ежели вы хоть раз уплатили данегельд, то уже никогда не отделаетесь от датчан. Сэр, мы будем драться с вооруженными силами ФН, если придется... но мы никогда не будем им платить! А теперь о так называемых полицейских. Их послали отнюдь не для того, чтобы нас защищать. Наша Декларация независимости раскрыла истинное лицо этих мерзавцев — кстати, ваши газеты ее опубликовали? — (Некоторые — да, некоторые — нет, смотря в какой стране.) — Они обезумели и начали насиловать и убивать! И теперь они мертвые. Поэтому не стоит посыпать к нам новые войска.

После этого я «устал» и удалился. Я и в самом деле устал; не такой уж я блестательный актер, и вести это толковище в намеченном профом русле было для меня немалым испытанием.

ГЛАВА 18

Только потом я узнал, что во время интервью мне тонко подыграли: наводящий вопрос о полиции и вооруженных силах был задан подсадной уткой; Стью Лажуа ничего не оставлял на волю случая. Впрочем, к тому времени, когда мне это стало известно, я уже накопил немалый опыт по части интервью; мы давали их бесконечно.

А в тот вечер, хоть мы и устали, нам еще предстояло по-трудиться. Кроме представителей прессы, к нам рискнули заглянуть гости из дипломатического корпуса в Агре; правда, их было мало, и никто не явился в своем официальном качестве, даже из Чада. Но мы были любопытной новинкой, и им хотелось на нас поглязеть.

Лишь один из них был действительно важной шишкой — китаец. Увидев его, я изумленно выступил глаза: это был китайский представитель из комитета. Мне он представился просто как «доктор Чань», и мы притворились, что видимся первые.

Именно этот доктор Чань, сенатор из Великого Китая, был долговременным главным представителем Великого Китая в Лунной администрации. Много позже он стал вице-президентом и премьером — но это уже незадолго до того, как его убили.

Вытащив из них тот вопрос, на который я должен был ответить в первую очередь, и с честью продравшись через другие, которые могли и подождать, я приехал в коляске в спальню, но меня тут же вызвал к себе проф.

— Мануэль, я уверен, что ты обратил внимание на нашего достойного гостя из Срединного Царства.

— Старого китаезу из комитета?

— Сынок, постараися забыть о лунном жаргоне. Пожалуйста, не пользуйся им здесь даже в разговорах со мной.

Этот китаец хочет знать, что мы имели в виду под «увеличением в десяток или даже в сто раз». Так что расскажи ему.

— Правду? Или туфту?

— Правду. Этот парень не дурак. Как у тебя с техническими деталями?

— Домашние задания выучил. Надеюсь, он не эксперт по баллистике.

— Он не эксперт. Но если чего не знаешь, не вздумай притворяться умником. И не обольщайся, будто он наш друг. Он может оказаться очень полезным, если решит, что наши интересы совпадают. Только не дави на него. Сейчас он у меня в кабинете. Удачи тебе. И помни, говори на стандартном английском.

Доктор Чань при моем появлении встал; я извинился, что не могу его приветствовать стоя. Он сказал, что понимает трудности, с которыми сталкивается джентльмен с Луны, приезжая на Землю, и просит не беспокоиться, после чего сам пожал себе руку и сел.

Опускаю ряд формальностей. Имелись ли у нас конкретные соображения, когда мы заявили, что существует дешевый способ отправлять массовые грузы на Луну? Или нет?

Я сказал, что такой способ, требующий немалых инвестиционных затрат, но дешевый в эксплуатации, существует.

— Это тот самый способ, который мы используем на Луне, сэр. Катапульта — индукционная катапульта, обеспечивающая вторую космическую скорость.

Лицо его осталось бесстрастным.

— Полковник, вам должно быть известно, что подобные проекты предлагались неоднократно и всегда отклонялись по весьма веским соображениям. Что-то там не получается с давлением воздуха, если я не ошибаюсь.

— Да, доктор. Но на основании глубокого компьютерного анализа и нашего собственного опыта катапультирования мы полагаем, что сегодня эта проблема может быть решена. Две наши крупнейшие фирмы — «ЛуНоГоКо» и Банк Гонконга-Лунного — готовы возглавить синдикат, который займется этим как частным проектом. Им потребуется помочь здесь, на Терре, и они согласны продать часть акций, хотя предпочли бы продать лишь облигации, сохранив за собой полный контроль. В первую очередь им нужна концес-

сия от какого-либо правительства, которое передаст им в постоянное пользование землю для строительства катапульты. Таким государством могла бы стать, например, Индия.

(Типичная словесная декорация. Если бы кто-то проверил бухгалтерию «ЛуНоГоКо», ее сразу объявили бы банкротом; положение Банка Гонконга-Лунного тоже было напряженным — он стал центральным банком страны, переживающей переворот. Целью всей речи было ввести в игру последнее слово — «Индия». Проф требовал, чтобы это слово обязательно было последним.)

Доктор Чань ответил:

— Не будем говорить о финансовых аспектах. Все, что возможно физически, люди способны сделать возможным экономически. Деньги — пугало для мелких умов. Почему вы выбрали Индию?

— Видите ли, сэр, Индия сейчас потребляет, если не ошибаюсь, свыше девяноста процентов наших поставок зерна...

— Девяносто три и одну десятую.

— Да, сэр. Индия жизненно заинтересована в нашем зерне, поэтому, вероятно, согласится сотрудничать. Она может дать нам землю, поставить рабочие руки, материалы и тому подобное. Но я назвал Индию еще и потому, что у нее широкий выбор подходящих площадок для будущего строительства, а именно: очень высокие горы вблизи от земного экватора. Последнее не обязательно, но желательно. А вот высокие горы — условие непременное. Из-за давления воздуха, о котором вы говорили, вернее, из-за плотности атмосферы. Вход катапульты желательно разместить на возможно большей высоте над уровнем моря, но ее конец, откуда груз будет выбрасываться со скоростью более одиннадцати километров в секунду, обязательно должен находиться в разреженной атмосфере, предельно близкой к вакууму. А для этого нужна высоченная гора. Что-то вроде пика Нандадеви, примерно в четырехстах километрах отсюда. Железная дорога оканчивается в шестидесяти километрах от него, а шоссе доходит почти до подножья. Высота восемь тысяч метров. Я не утверждаю, что Нандадеви — идеал, это просто подходящее место с хорошим коммуникационным обеспечением. Реальное место могут выбрать лишь здешние инженеры.

— Чем выше горы, тем лучше?

— О да, сэр, — заверил я его. — Высота горы предпочтительнее близости к экватору. Катапульту можно сконструировать так, чтобы скомпенсировать некоторое увеличение силы тяжести при удалении от экватора. Самое трудное — избежать сопротивления этой мерзкой плотной атмосферы. Извините, доктор, я вовсе не намеревался критиковать вашу планету.

— Есть и более высокие горы. Полковник, расскажите мне подробнее о предполагаемой катапульте.

И я начал:

— Длина катапульты определяется ускорением, которого мы хотим достичь. Мы считаем, вернее, наш компьютер вычислил, что оптимальным будет ускорение в двадцать «же». В земных условиях это означает, что потребуется катапульта длиной триста двадцать три километра. Поэтому...

— Подождите, пожалуйста! Полковник, вы всерьез предполагаете пробурить скважину глубиной более трехсот километров?

— О нет! Катапульту нужно строить на поверхности, чтобы ударные волны расходились в воздухе. Статор будет расположен почти горизонтально, полого приподнявшись от входа до выходного конца всего километра на четыре при длине в триста километров. И будет представлять собой почти прямую линию — легкая кривизна обусловлена силой Кориолиса и рядом более мелких факторов. Лунная катапульта на глаз выглядит совершенно прямой и настолько близка к горизонтали, что баржи чуть не задевают пики за ней.

— Понятно. Я было подумал, что вы переоцениваете возможности земной техники. Мы сегодня умеем бурить глубокие скважины, но не такие. Продолжайте.

— Доктор, вполне возможно, что именно это распространенное заблуждение и помешало землянам построить катапульту. Я видел ранние исследования. Как правило, они исходили из того, что катапульта должна быть вертикальной или хотя бы конец ее должен быть сильно задран вверх, чтобы космический корабль запускался почти в зенит... И то и другое не только невозможно технически, но и не нужно. Я думаю, подобный предрассудок вызван тем фактом, что ваши космические корабли действительно взлетают вертикально или почти вертикально. Но им это надо для выхода за

пределы атмосферы, а не для того, чтобы лечь на нужную орбиту. Вторая космическая скорость — величина не векторная, а скалярная. Груз, вылетевший из катапульты со скоростью убегания, не вернется на Землю, в каком бы направлении его ни запустили. Хм... две поправки: он должен быть направлен не к Земле, а к определенной точке небесной полусферы, и ему необходимо придать достаточную дополнительную скорость, чтобы пробить атмосферу. Если направление выбрано верно, груз долетит до Луны.

— Ясно. Но значит, катапульта может работать лишь раз в лунный месяц?

— Нет, сэр. Ею можно будет пользоваться ежедневно, надо только выбрать момент, когда Луна окажется на пересечении с заданной орбитой. Фактически же — по крайней мере, по расчетам нашего компьютера, я не эксперт в астронавигации — катапульту можно будет использовать круглые сутки, просто регулируя скорость выброса, и грузы будут прибывать к Луне по разным орбитам.

— Я как-то не совсем представляю себе эту картину.

— И я тоже, доктор, но... Извините, по-моему, в Пекинском университете есть исключительно мощный компьютер, я не ошибся?

— Ну, предположим, есть. И что же?

(То ли мне почудилось, то ли он действительно насторожился и замкнулся еще больше. Что у них там? Компьютер-киборг — «маринованные мозги»? Или живой мозг в полном сознании? В любом случае — жуть!)

— Высококлассный компьютер мог бы рассчитать возможные сроки выброса из такой катапульты, какую я вам описал. Некоторые орбиты окажутся слишком далеко от Луны, и пока она сумеет «захватить» их, пройдет очень много времени. Другие обогнут часть Терры, а затем прямо направятся к Луне. Третий просты, как те, по которым мы отправляем грузы на Терру. Ежедневно бывают такие моменты, когда можно выбрать кратчайшую траекторию. Но в самой катапульте груз находится меньше минуты, так что все ограничивается временем, необходимым для подготовки груза. Можно даже вести через катапульту несколько грузов одновременно, если энергии достаточно, а компьютерный контроль надежен. Единственное, что меня беспокоит... Ведь высокие горы покрыты снегом?

— Как правило, — ответил он. — Лед, снег и голый камень.

— Видите ли, сэр, я уроженец Луны и ничего не знаю о снеге. Статор не только должен быть устойчив по отношению к мощному гравитационному полю планеты, но ему еще предстоит выдержать сильные толчки с двадцатикратной перегрузкой. Я не думаю, что его можно закрепить на льду. Или можно?

— Я не инженер, полковник, но мне кажется, что это сомнительно. Снег и лед придется удалить. И следить за тем, чтобы они не образовывались. Погода тоже будет представлять собой проблему.

— О погоде я ничего не знаю, доктор, а все мои знания о льде сводятся к тому, что теплота его кристаллизации составляет триста тридцать пять миллионов джоулей на тонну. Не имею представления, сколько тонн придется расплывать, чтобы расчистить площадку и поддерживать ее в рабочем состоянии, но мне кажется, для этого может потребоваться не менее мощный реактор, чем для самой катапульты.

— Мы умеем строить реакторы, мы умеем плавить лед. Будет нужно — пошлем наших инженеров на север для повышения квалификации, пока они не поймут, что такое лед. — Доктор Чань усмехнулся, а я внутренне поежился. — Проблемы строительства в условиях льда и снега были решены в Антарктике много лет назад, так что об этом не беспокойтесь. Значит, нужен расчищенный участок твердой скальной породы длиной триста пятьдесят километров высоко над уровнем моря. Что-нибудь еще, что я должен знать?

— Почти ничего, сэр. Растворенный лед можно будет собирать у входа катапульты — вот вам готовый груз для отправки на Луну, дешево и сердито. И в этих же стальных контейнерах мы пришлем на Землю зерно, чтобы не истощать попусту лунные ресурсы. Один и тот же контейнер можно гонять туда-сюда сотни раз. А мы на Луне будем принимать грузы точно так же, как сейчас приземляют баржи вблизи Бомбей. Тормозные ракеты на твердом топливе и программный контроль из ЦУПа. Только нам это обойдется дешевле, у нас-то скорость убегания — два с половиной километра в секунду, а у вас — одиннадцать; соотношение квадратов скоростей один к двадцати в нашу пользу, фактически же бу-

дет еще выгоднее, так как за счет уменьшения веса тормозных ракет можно увеличить массу полезного груза. Впрочем, можно усовершенствовать весь процесс доставки.

— Как?

— Доктор, это не моя специальность. Но всем известно, что ваши лучшие корабли летают на водороде, нагреваемом в термоядерном реакторе. Водород на Луне дорог, но мы можем заменить его любым другим веществом, пусть даже с меньшей эффективностью. Представьте себе гигантский, грубо сляпанный космический буксир, приспособленный к лунным условиям и работающий на испаренных горных породах. Этот буксир выходит на парковочную орбиту, забирает земные грузы и доставляет их на поверхность Луны. С виду он может быть неказист, удобств никаких не нужно, пилотов тоже, даже киборгов, а управлять его полетом будет стационарный лунный компьютер.

— Да, я полагаю, такой корабль можно спроектировать. Но не будем усложняять проблему. Вы сообщили мне все существенное насчет катапульты?

— Думаю, да, доктор. Самое главное — место для ее строительства. Возьмите тот же пик Нандадеви. Судя по карте, к западу от него тянется очень высокий, постепенно снижающийся горный хребет длиной примерно с нашу катапульту. В таком случае это идеальное место для строительства — меньше придется вырубать, меньше перебрасывать мостов. Я не говорю, что это единственное идеальное место, но в принципе нужно искать нечто подобное: очень высокий пик с длинной-предлинной грядой к западу от него.

— Вас понял.

И доктор Чань стремительно вышел.

В течение следующих недель я повторял то же самое по меньшей мере в дюжине стран, всегда с глазу на глаз, создавая впечатление полной секретности. Все, что менялось, так это название пика. В Эквадоре я упирал на то, что Чимборасо находится почти на экваторе — идеально! А в Аргентине подчеркивал, что их Аконкагуа — высочайший пик во всем Западном полушарии. В Боливии отметил, что Альтоплано по высоте не уступает Тибетскому нагорью (почти правда), расположено куда ближе к экватору и там полно удобных

мест для строительства, а горные вершины могут поспорить с любыми пиками на Терре.

Я разговаривал с североамериканцем — политическим противником того урода, который назвал нас «чернью». Я сказал ему, что хотя гора Маккинли и не хуже любой вершины в Азии или Южной Америке, но Мауна-Лоа, пожалуй, лучше всего подходит для строительства. Если ускорение увеличить вдвое, катапульту можно будет укоротить и «подогнать по мерке», а Гавайи станут важнейшим космопортом мира... вернее, Солнечной системы, ибо освоение Марса не за горами, и торговые пути трех (а может быть, и четырех) планет пойдут через их «Большой остров». О вулканическом происхождении Мауна-Лоа я не проронил ни слова, зато заметил, что островное положение позволит в случае аварии сбросить груз прямо в Тихий океан.

В Совюз обсуждался лишь пик Ленина высотой более семи тысяч метров (к сожалению, расположенный слишком близко к границе с их великим соседом).

Килиманджаро, Попокатепетль, Логан, Эль-Либертадо — мой излюбленный пик менялся в каждой стране; главное, чтобы в сердцах местных жителей он был «высочайшим пиком на Земле». Я даже умудрился найти доводы в пользу весьма скромных гор Чада, когда нас там принимали, и так увлекся, что чуть было сам себе не поверил.

Время от времени, с помощью наводящих вопросов от подручных Стью Лажуа, я разглагольствовал о химическом производстве (о чем не имел ни малейшего представления, просто заучил наизусть ряд фактов) на поверхности Луны, где безбрежный вакуум, солнечная энергия, безграничные запасы сырья и почти стабильные условия среды позволяют развивать способы производства, слишком дорогие или невозможные на Земле, как только дешевая транспортировка грузов в оба конца сделает экономически выгодной эксплуатацию нетронутых ресурсов Луны. И всегда намекал, что твердолобые бюрократы из Лунной администрации не в состоянии оценить огромный потенциал Луны (что было правдой), плюс отвечал на вопрос, который задавали постоянно: заверял, что Луна готова принять любое количество переселенцев. Это тоже было правдой, но я ни разу не упомянул, что Луна (порою не без помощи лунарей) убивает около по-

ловины прибывших новичков. Однако люди, с которыми мы говорили, очень редко предполагали эмигрировать сами; они думали о том, как заставить или убедить уехать других, чтобы снизить перенаселенность и уменьшить собственные налоги. А я, естественно, не распространялся о том, что полуголодные толпы на Терре размножаются с быстротой, какую никакие катапульты не компенсируют. Мы не могли разместить, накормить и обучить даже один миллион переселенцев в год, а этот миллион для Терры был жалкой каплей в море; здесь за одну ночь делают детей вдвое больше. Добровольных эмигрантов будет не так много, и Луне вполне по силам их принять, но если земляне введут принудительную эмиграцию и попрут косяком... Луна признает только один способ воспитания новичка: стоит ему допустить единственную фатальную ошибку в поведении или в отношениях с внешней средой, которая пускает в ход зубы без предупреждения, — и он тут же превратится в удобрение для наших туннельных ферм.

Так что большая эмиграция означала бы резкий скачок процента эмигрантов, обреченных на гибель: нас было слишком мало, чтобы помочь им выжить в здешних условиях.

Проф тем не менее продолжал расписывать «великое будущее Луны». Я же придерживался темы катапульты.

За те недели, пока мы ждали повторного вызова из комитета, мы успели побывать во многих местах. Люди Стью взяли на себя организацию поездок, так что вопрос упирался лишь в наше физическое состояние. Каждая неделя, проведенная на Терре, сокращала нашу жизнь на год, если не больше. Но проф никогда не жаловался и всегда был готов очаровывать новую партию землян.

В Северной Америке мы пробыли дольше, чем рассчитывали. Дата принятия нашей Декларации независимости — ровно через триста лет после провозглашения независимости Северо-Американских колоний Британии — оказалась великолепным орудием пропаганды, которое сотрудники Стью мгновенно пустили в ход. Североамериканцы испытывают огромную нежность к своим «Соединенным Штатам», хотя термин этот потерял всякое значение после того, как ФН установила на континенте свои порядки. Каждые восемь лет они избирают президента непонятно зачем — а за-

чем англичане сохраняют королеву? — и похваляются своим «суворенитетом». «Суворенитет», как и «любовь», может означать что угодно, в зависимости от того, какое значение вы в него желаете вложить. А вообще-то, это просто слово, стоящее в словаре где-то между «пьянством» и «трезвостью».

Но в Северной Америке это слово пользуется большим почетом, а четвертое июля там вообще дата магическая. «Лига Четвертого июля» организовала наши выступления, и Стью говорил, что ему пришлось лишь слегка подмазать ее для начала, потом, мол, само пошло. Лига даже собрала нам денег на поездки в другие страны: североамериканцы охотно выкладывают монеты, их не волнует кому.

Дальше к югу Стью использовал другую дату: его люди распространяли сведения, что наш *coup d'état* произошел пятого мая, а вовсе не двумя неделями позже, как это было на самом деле. Нас принимали с криками «*Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!*» А мне казалось, они орут: «Сгинь-ка домой! Либо в ад!» Речи, конечно, произносил проф.

Но в Стране Четвертого июля я без дела не сидел. Стью заставил меня снять протез и подкалывать рукав так, чтобы виден был обрубок, а его ребята пустили слух, будто я потерял руку «в борьбе за свободу». Когда меня спрашивали об этом, я улыбался в ответ: «Вот видите, что получается, если грызешь ногти?» — и менял тему разговора.

Вообще-то, Северная Америка мне никогда не нравилась, даже во время первого путешествия. Это не самая перенаселенная часть Терры, здесь всего-то около миллиарда человек. В Бомбее люди спят на мостовой; в Большом Нью-Йорке их пакуют в стоячем положении — не уверен, что кто-нибудь из них вообще спит по ночам. Я был счастлив, что у меня есть своя инвалидная коляска.

Конечно, везде сходят с ума по-своему; здесь все помешаны на цвете кожи: они постоянно подчеркивают, насколько им это безразлично. В первой поездке я все время был то слишком светлым, то слишком темным, в общем, не таким, как надо; кроме того, от меня непрерывно ожидали рассуждений о вещах, о которых я раньше даже не задумывался. Видит Бог, я ничего не знаю про свои гены. Одна моя бабка родилась в той части Азии, через которую захватчики перли, как саранча, и по пути насиливали всех подряд. Так и спрашивали бы у бабки!

Я кое-как научился справляться с этой темой, но рвотный привкус во рту все равно оставался. По мне, неприкрытым расизм и то лучше — как в Индии, например, где ты или индус, или никто... там только парсы смотрят на индусов сверху вниз (индусы отвечают им взаимностью). Впрочем, всерьез с североамериканским «расизмом навыворот» мне сталкиваться не пришлось — я ведь был «полковник О'Келли Дэвис, герой Свободной Луны».

Вокруг нас так и кишили сочувствующие, готовые оказать любую помощь. Я позволил им сделать две вещи, на которые во времена учебы у меня не хватало ни времени, ни денег: мне показали, как играют «Янкиз», и свозили в Салем.

Лучше бы я сохранил свои иллюзии. Бейсбол приятнее смотреть по видео: там все видно в деталях, и тебя не пихают со всех сторон одновременно двести тысяч болельщиков. К тому же аутфилдера надо было просто пристрелить. Большую часть игры я провел в страхе: предвкушал, как меня поволокут на коляске через эту толпу и как я буду уверять хозяев, что игра доставила мне истинное наслаждение.

Что до Салема, то это обычное местечко, не хуже (и не лучше) остального Бостона. После визита туда у меня возникло подозрение, что они вешали не тех ведьм, которых следовало. Но все же день не пропал зря: меня сняли на пленку, когда я возлагал венок на месте бывшего моста в другом районе Бостона, Конкорде, а потом произнес памятную речь; вообще-то, мост и поныне там, его видно под стеклом. Хицкий такой мостик, смотреть не на что.

Проф от всего был в восторге, как бы круто ему ни приходилось; у профа колоссальные резервы жизнелюбия. Он всегда находил нечто новое, что можно поведать о великом будущем Луны. В Нью-Йорке он выдал управляющему сети отелей (с кроликом на эмблеме) речь о том, какую прибыль будут приносить лунные курорты, когда экскурсии станут доступны большинству землян: кратковременные туры никому не повредят, к туристам приставят сопровождающих, будут организованы экзотические вылазки, азартные игры... и никаких налогов. Последний момент привлек особое внимание собеседника, поэтому проф расширил его и перешел к проблеме долгожительства: строим сеть пансионатов для престарелых, где землееды будут жить на пенсию, выплачи-

ваемую Террой, причем жить на десять, двадцать, тридцать, сорок лет дольше, чем на Земле. Конечно, они станут изгнанниками, но что лучше? Долгая старость в Луне или погребальный склеп на Терре? А потомки будут навещать их и заполнять отели для туристов. Проф живописал соблазнительные картиныочных клубов со зреющими, невозможными в условиях жуткой земной гравитации, спортивных игр, преображеных легким лунным притяжением, он даже начал разглагольствовать о плавательных бассейнах, катках и возможности летать. (Я решил, что у него просто перегорели предохранители.) Кончил он намеком, что некий швейцарский картель уже начал заниматься этими делами.

На следующий день он рассказывал управляющему зарубежными филиалами авиакомпании «Чейз Интернейшнл Панагра», что отделение фирмы в Луна-Сити можно укомплектовать паралитиками, сердечниками, инвалидами и прочими убогими, которым трудно переносить земную силу тяжести. Толстяк-управляющий сопел и отдувался — возможно, он и сам задумался об эмиграции, — но, услышав слова «без налогов», мигом навострил уши.

Нам не всегда удавалось одерживать словесные победы. Газеты частенько встречали нас в штыки, а кроме того, всегда находились настырные типы, мечтавшие посадить нас в лужу. И когда рядом со мной не было профа, шансы у них возрастили. Один такой тип привязался ко мне по поводу слов профа на заседании комитета, что мы «владеем» выращенным в Луне зерном. Сам он, похоже, придерживался противоположной точки зрения. Я заявил, что не понимаю смысла его вопроса.

— Разве не правда, полковник, — сказал он, — что ваше временное правительство подало прошение о приеме в Федерации Наций?

Мне бы ответить «без комментариев», но я попался на удочку и согласился.

— Отлично, — продолжал он. — Очевидно, главным препятствием является утверждение противной стороны, что Луна и так всю жизнь принадлежала Федерации Наций под юрисдикцией Лунной администрации. В любом случае своим согласием вы признали, что это зерно принадлежит Федерации Наций на правах опеки.

Я спросил его, из чего это он делает такой вывод.

— Полковник, — ответил он, — вы называете себя заместителем министра иностранных дел. Надо думать, вы знакомы с Хартией Федерации Наций?

Как-то я ее перелистал.

— В достаточной степени, — сказал я осторожно.

— Тогда вам известна Первая свобода, гарантируемая Хартией, и ее современное толкование, данное Контрольным комитетом Федеративной Ассамблеи в постановлении номер тысяча сто семьдесят шесть от третьего марта сего года. А если известна, значит вы признаете, что все зерно, выращенное на Луне и превышающее внутренние потребности, безоговорочно и *ab initio* является общественной собственностью, находящейся под опекой Федерации Наций, агентства которой распределяют эту собственность по мере необходимости. — Он говорил и одновременно что-то строчил в блокноте. — Можете ли вы что-нибудь добавить к своему заявлению?

— О чём вы говорите? — изумился я и завопил: — Вернитесь! Ничего я не признаю!

После чего «Таймс» Большого Нью-Йорка публикует:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА С ЛУНЫ ГОВОРИТ:
«ПИЩА ПРИНАДЛЕЖИТ ГОЛОДАЮЩИМ»

Нью-Йорк, сегодня. О'Келли Дэвис, самопровозглашённый «полковник вооруженных сил Свободной Луны», агитирующий за повстанцев в лунных колониях ФН, добровольно заявил нашей газете, что статья «Свобода от голода», содержащаяся в Великой Хартии, применима к лунным поставкам зерна...

Я спросил профа, как мне следовало отвечать.

— На провокационный вопрос всегда отвечай встречным вопросом, — сказал он мне, — и никогда не проси разъяснить суть вопроса — тебе тут же вложат в рот чужие слова. Этот репортер... он что — тощий? Ребра торчат?

— Нет. Плотненький такой.

— Значит, он не живет на те восемнадцать сотен калорий в день, что указаны в постановлении, на которое он ссылается. Ты мог бы спросить его, как долго он бы протянул на этом рационе и почему перестал его соблюдать? Или поин-

тересоваться, что он ел сегодня на завтрак, — и изумленно вылупить глаза, что бы он ни ответил. А если ты не знаешь, куда клонит твой собеседник, сбей его с толку встречным вопросом и переводи разговор на другую тему. А потом, вне зависимости от его ответа, гни свою линию дальше. Логика тут ни при чем — это вопрос тактики.

— Проф, но здесь никто не живет на тысячу восемьсот калорий в день! В Бомбее — может быть. Но не здесь.

— В Бомбее тоже. Мануэль, этот «равный рацион» просто фикция. Половина продовольствия на планете идет через черный рынок или не учитывается по тем или иным причинам. Или ведется двойная бухгалтерия, и цифры, которые доходят до ФН, не имеют ничего общего с реальностью. Ты думаешь, сведения о зерне из Таиланда, Бирмы и Австралии, которые Великий Китай сообщает Контрольному комитету, верны? Я уверен, что индийский представитель в продовольственном комитете так не думает. Но Индия помалкивает, ибо получает львиную долю поставок зерна с Луны... а потом «играет с голодом в политические игры» (помнешь формулировочку?), манипулируя с помощью нашего зерна своей избирательной кампанией. В прошлом году в Керале был запланированный голод. Ты читал о нем в газетах?

— Нет.

— Правильно. Потому что они о нем не писали. Управляемая демократия, Мануэль, это великолепная штука для тех, кто управляет... Ее главной силой является «свободная пресса», только «свободная» толкуется как «ответственная», а уж правители решают, что является «ответственным», а что «безответственным». Ты знаешь, что больше всего нужно сейчас Луне?

— Больше льда.

— Система массовой информации, которая не зависела бы от одного-единственного канала распространения. Наш друг Майк — наша величайшая опасность.

— Что? Вы не доверяете Майку?

— Мануэль, есть вопросы, в которых я не доверяю даже самому себе. Нельзя «чуть-чуть» ограничить свободу информации, как нельзя быть «чуть-чуть беременной». Мы не свободны и не будем свободны до тех пор, пока кто-то — пусть даже наш союзник Майк — контролирует средства массовой

информации. Когда-нибудь я надеюсь основать газету, которая будет независима от всех источников информации и каналов распространения. Я бы с радостью набирал ее вручную, как Бенджамин Франклин.

Я сдался:

— Проф, предположим, что эти переговоры провалятся и поставки зерна прекратятся. Что тогда будет?

— Народ — там, дома, — разозлится на нас... и многие на Терре умрут. Ты читал Мальтуса?

— Кажется, нет.

— Умрут многие. Затем положение вновь стабилизируется и население увеличится, но уже за счет людей, способных лучше трудиться и обеспечить себя пропитанием. Эта планета не перенаселена, она просто плохо управляет... и самое жестокое, что можно сделать с голодным, — это дать ему еду. «Дать». Прочти Мальтуса. Над доктором Мальтусом не стоит смеяться — это небезопасно, он всегда смеется последним. Этот человек повергает в безнадежность. И я рад, что он уже умер. Но не читай его до того, как закончится наша миссия. Лишние знания мешают дипломатам, особенно честным.

— Ну, не так-то уж я честен.

— Однако у тебя нет таланта ко лжи, поэтому спасение для тебя только в невежестве и упрямстве. Последнего у тебя хватает, постараися сохранить и первое. Во всяком случае, на время. Парень, твой дядюшка Бернардо ужасно устал.

— Извините, — сказал я и покатил из комнаты.

Проф не щадил живота своего. Я бы с радостью бросил все дела, если бы мог засунуть его в корабль и спасти от земной гравитации. Но движение по-прежнему оставалось односторонним — зерновые баржи и больше ничего.

А проф продолжал радоваться жизни. Когда я подкатил к дверям и уже дал сигнал освещению вырубиться, то опять обратил внимание на игрушку, которую он недавно приобрел и которая радовала его, как радует мальчишку рождественский подарок; это была медная пушка.

Настоящая медная пушка с парусного судна. Маленькая, ствол всего полметра; а вес вместе с деревянным лафетом пятнадцать кило. «Сигнальная пушка» — было написано в ее паспорте. От нее веяло древней историей, пиратами, плен-

никами, которых отправляли «прогуляться по доске». Славная вещица, но я все же спросил профа — зачем? Если нам и удастся отчалить, перевезти ее в Луну будет невозможно — хотя ради нее я готов отказаться даже от скафандра, почти не ношенного, и вообще оставить себе лишь пару левых рук и шорты. Если подопрет, откажусь даже от «представительской». Ну а если совсем подопрет — черт с ними, с шортами.

Проф протянул руку и погладил блестящий ствол.

— Мануэль, когда-то жил человек, который в этом Директорате имел синекуру — начищал медную пушку возле здания суда.

— А зачем суду пушка?

— Не важно. Он занимался этим из года в год. Работа кормила его и даже позволяла откладывать кое-что на черный день, но не давала возможности сделать карьеру. И вот в один прекрасный день он уволился, снял со счета все свои сбережения, купил медную пушечку... и стал ее начищать.

— Похоже, он был полнейшим идиотом.

— Без сомнения. Но не большим, чем мы, когда свергали коменданта. Мануэль, ты меня переживешь. Когда Луна обзаведется своим знаменем, пусть на нем будет золотая пушка на черном поле, перечеркнутом красной бастардной полосой в честь гордого низкого происхождения. Думаешь, это можно будет сделать?

— Думаю, да, если вы нарисуете. Но зачем нам знамя, если во всей Луне нет ни одного флагштока?

— Оно может развеваться в наших сердцах... как символ всех дураков, которые столь чудовищно непрактичны, что воображают, будто могут одолеть городскую управу. Ты запомнишь это, Мануэль?

— Будьте уверены. То есть я обязательно напомню вам, когда придет время.

Мне этот разговор жутко не понравился. Проф начал пользоваться кислородной маской, но только втихаря, ни в коем случае не на людях. Полагаю, я действительно невежествен и упрям; во всяком случае, оба эти качества проявились в городе Лексингтоне, Кентукки, в Центральной административной зоне. Единственной темой, на которую проф позволял мне импровизировать без вызубренных домашних заготовок, была наша жизнь в Луне. Проф велел говорить

правду, подольше распространяться о простых, теплых домашних обычаях, особенно если они отличаются от земных. «Помни, Мануэль, что тысячи жителей Терры, побывавшие в Луне с краткосрочными визитами, — это ничтожно малая доля процента всех землян. Для большинства людей мы такая же любопытная диковинка, как необычные звери в зоопарках. Ты помнишь ту черепашку на выставке в Старом Куполе? Это мы и есть».

Что правда, то правда. Они разглядывали меня, словно какого-то невиданного жука. Так что когда эта парочка начала допрашивать меня о семейной жизни в Луне, я откровенно обрадовался. Я ничего не приукрашивал, просто кое о чем умолчал — о том, что к семейной жизни прямо не относится, но заменяет ее в обществе с явным преобладанием мужчин. Свободное время в Луна-Сити проводят главным образом дома и в семье. По земным понятиям, может, и скучно, а по мне, так лучше не бывает. Другие поселения сходны в этом отношении с Луна-Сити — там тоже люди работают, воспитывают детей, сплетничают и в основном развлекаются, не отходя от обеденного стола. Рассказывать-то особенно не о чем, но я готов был ответить на любой вопрос, который их заинтересует. Все обычай в Луне ведут свое происхождение с Терры, как и сами лунари, но Терра очень велика, и обычай, пришедший, скажем, из Микронезии, может показаться очень странным в Северной Америке.

Эта женщина — язык не поворачивается назвать ее леди — хотела узнать о разных формах брака. Во-первых, верно ли, что «на» Луне можно жениться без лицензии?

Я спросил, а что это за штука такая — лицензия на брак?

Ее компаньон сказал:

— Оставь его, Милдред, пионерные общества не имеют лицензий на брак.

— Но разве вы не ведете никакой регистрации браков? — настаивала она.

— Разумеется, ведем, — согласился я. — У моей семьи есть книга, записи в которой восходят к первой высадке ссыльных в Джонсон-Сити. Там записана каждая свадьба, каждое рождение, каждая смерть — словом, все важнейшие события не только в самой семье, но и во всех ее ответвлениях, насколько нам удавалось это проследить. Кроме того, есть

человек, школьный учитель, который ходит по домам и копирует старинные семейные записи по всему нашему поселению. Пишет историю Луна-Сити. Такое у него хобби.

— Но разве у вас нет официальных записей? У нас в Кентукки существуют архивы, которые уходят в глубь времен на сотни лет.

— Мадам, мы еще не прожили там столько.

— Да... верно. Но ведь должен же быть в Луна-Сити какой-нибудь городской чиновник? Может быть, вы его называете иначе — например, «летописец округа»? То есть официальное лицо, которое хранит свидетельства такого рода? Документы и тому подобное?

— Не думаю, мадам, — ответил я. — Некоторые букмекеры занимаются нотариальной работой, свидетельствуют подписи на контрактах и ведут их учет. Это для людей, которые сами ни читать, ни писать не умеют, а потому своих архивов иметь не могут. Но я никогда не слыхал, чтобы кто-то вел записи браков. Я не говорю, что такого быть не может. Но я не слыхал.

— Такие замечательно простые нравы! У нас ходят слухи, что на Луне очень легко получить развод. Осмелюсь предположить, что это тоже правда?

— Нет, мадам, я бы не сказал, что развод у нас так уж прост. Слишком многое приходится оговаривать. М-м-м... ну, возьмем простой пример: леди и, скажем, двое мужей.

— Двое??!

— Бывает и больше, а бывает и один. А может быть и сложный брак. Но давайте возьмем одну леди и двух мужей как типичный пример. Она решает с одним из них развестись. Предположим, все происходит полюбовно, другой муж согласен, а тот, от которого она хочет отделаться, тоже шума не поднимает. Впрочем, если бы и поднимал, толку бы от этого было чуть. О'кей, она разводится, он уходит. И все равно остаются проблемы. Оба мужа могут оказаться партнерами в бизнесе, у собрачников это часто бывает. Развод может разбить партнерство. Появляются денежные претензии, которые должны быть улажены. Все трое могут совместно владеть кубатурой, и, если она записана на жену, бывший муж, вероятно, должен получить либо деньги, либо право аренды. И почти наверняка есть дети, с которыми следует

считаться, которых нужно растить и так далее. Да мало ли что! Нет, мадам, развод — штука непростая. Развестись с человеком можно за десять секунд, но потом десять лет придется распутывать концы. А здесь разве не так?

— Э-э... зэбудем, штэ я зэдэла вам этот вэпрос, пэуковник; у нас тут все прошче. — Именно так она и говорила; я понимал ее лишь потому, что была известна общая тема интервью. Дальше воспроизводить ее произношение не стану. — Но если это «простой» брак, то что вы называете «сложным»?

Я пустился в объяснение полиандрии, клановых, групповых, линейных браков и еще более редких сочетаний, которые считаются вульгарными у консервативных людей, в том числе у моей семьи. Вроде того, что затеяла моя матушка, когда выгнала вон моего родителя. Описывать этот случай я не стал — моя мать всегда любила крайности.

— Вы меня совсем запутали, — сказала женщина. — Какая все-таки разница между линейным и клановым браком?

— Очень большая. Возьмем мой собственный случай. Я имею честь быть членом одного из самых старых линейных браков в Луне и, по моему пристрастному мнению, одного из лучших. Вы спрашивали о разводе. В нашей семье не было ни одного, и готов спорить на что угодно — никогда не будет. Линейный брак год от года становится крепче, члены семьи постигают искусство совместной жизни и уже не мыслят своего существования друг без друга. Кроме того, требуется единогласное решение всех жен, чтобы развестись с мужем, а это невозможно. Старшая жена не позволит делу зайти так далеко.

Я продолжал описывать преимущества этой формы брака, его финансовую прочность, прекрасные условия для воспитания детей. Подчеркнул, что смерть кого-нибудь из супружников для нас, конечно, большое горе, но не трагедия, как во временных семьях, особенно для детей: дети просто не могут стать сиротами. Полагаю, я расписывал все это с излишним энтузиазмом, но моя семья — самое важное в моей жизни. Кто я без нее? Всего лишь однорукий механик, ликвидируй его — никто и не заметит.

— Вот почему этот брак крепок, — говорил я. — Возьмите мою младшую жену — ей шестнадцать. Надо думать, что

старшей женой она станет, когда вступит в восьмой десяток. Это вовсе не значит, что все жены, которые старше ее по возрасту, к тому времени умрут. В Луне, похоже, женщины вообще не умирают. Но они могут отказаться от руководства семьей: по нашей семейной традиции они обычно так и поступают, хотя младшие жены никакого давления на старших не оказывают. Поэтому Людмила...

— Людмила?

— Русское имя. Из волшебной сказки. У Милы больше полувека будет перед глазами хороший пример, прежде чем она взвалит на свои плечи эту ношу. Она вообще очень разумна и вряд ли способна сделать большую ошибку, а если и сделает, то другие жены поправят. Наша семья — саморегулирующаяся система, как компьютер с хорошей обратной связью. Прочный линейный брак бессмертен; я думаю, что мой переживет меня по крайней мере лет на тысячу. Вот почему, когда придет мой час, я умру без сожалений. Лучшая часть меня будет продолжать жить.

В это время профа повезли из комнаты. Он сделал знак остановиться и прислушался. Я обернулся к нему.

— Профессор, — сказал я, — вы знаете мою семью. Объясните, пожалуйста, этой леди, почему наша семья счастлива. Если, конечно, вы считаете ее счастливой.

— Безусловно, — ответил проф. — Однако мне хотелось бы сделать более общее замечание. Дорогая мадам, мне кажется, что брачные обычай в Луне представляются вам слишком экзотичными.

— Ну, может быть, это чересчур сильно сказано, — возразила она быстро, — но, во всяком случае, они несколько необычны.

— Они проистекают, как и все брачные обычай вообще, из экономической необходимости, порождаемой условиями жизни, а наши условия очень отличаются от земных. Возьмите линейный брак, который так хвалил мой коллега... и, заверяю вас, вполне справедливо, несмотря на его личные пристрастия. Я же холостяк и подобных пристрастий не имею. Линейный брак — самое прочное из возможных изобретений для сохранения капитала и обеспечения благополучия детей (двух главных социальных функций брака) в обстановке, где не существует безопасности ни для капитала, ни

для детей, кроме той, которая обеспечивается индивидуумами. Люди так или иначе всегда приспосабливаются к окружающей среде. Линейный брак — удивительно удачное изобретение в этом смысле. Все другие лунные формы брака предсматривают ту же цель, хотя и менее успешно.

Он пожелал всем доброй ночи, и его увезли. Я ношу с собой — всегда! — фотографию своей семьи, самую последнюю, в данном случае снятую на свадьбе Вайоминг. Новобрачные выглядели пригожими и счастливыми — даже Дед и тот смотрелся высоким и гордым, никак не обнаруживая упадка сил.

Но я был разочарован: они глядели на фотографию как-то странно. Мужчина — его звали Мэтью — сказал:

— Вы можете дать мне этот снимок, полковник?

— Это единственный экземпляр, — поморщился я, — а до дома так далеко.

— Я имею в виду — на минутку. Позвольте мне ее переснять. Прямо здесь, на месте, не выпуская из рук.

— Ах так! Ну конечно!

Я выглядел на фото не лучшим образом, но другого лица у меня нет, зато Вайо была там хороша, а вторую такую, как Ленора, вообще поискать. Он переснял фотографию, а на следующее утро за мной пришли, разбудили чуть свет, арестовали, увезли в инвалидной коляске и заперли в камеру с решетками! За многоженство. За полигамию. За открытую проповедь безнравственности и публичную попытку совращения окружающих.

Хорошо еще, что Ма этого не видела.

ГЛАВА 19

Стью угробил целый день на то, чтобы мое дело передали в суд ФН и там закрыли. Его адвокаты нажимали на вопрос о «дипломатической неприкосновенности», но суды ФН на эту приманку не клюнули, а просто отметили, что инкриминируемые мне обвинения находятся вне юрисдикции суда низшей инстанции, за исключением обвинения в «совращении», по которому, однако, не представлено достаточных улик. У ФН нет законов о браке; их и не может быть — есть лишь одно постановление, требующее от каждой страны «относиться с уважением и доверием» к брачным обычаям других народов. Из одиннадцати миллиардов землян не меньше семи миллиардов живут в странах, где полигамия разрешена официально, и подручные Стью ловко склонили общественное мнение в нашу пользу, подняв крик о «гонениях»; публикации завоевали нам симпатии людей, которые иначе даже не узнали бы о нашем существовании, в том числе в Северной Америке и других странах, где легально полигамии нет, но где люди исповедуют принцип «живи сам и давай жить другим». Так что все оказалось к лучшему, ибо нам как раз и надо было привлечь к себе внимание. Ведь для много-миллиардного земного улья Луна — это пустой звук, они нашего восстания просто не заметили.

Подручные Стью затратили уйму энергии на разработку плана моего ареста. Мне-то обо всем рассказали несколько недель спустя, когда я поостыл и смог спокойно оценить полученные выгоды. Они свели вместе судью-идиота, взяточника-шерифа и дикие местные предрассудки, которые вспыхнули при виде той милой фотографии, ибо, как признался позже Стью, многообразие оттенков кожи в семье Дэвисов вызвало особый гнев судьи и заставило его наделать глупостей, выходящих за пределы его обычного тупоумия.

Мое единственное утешение — что Ма не увидит моего позора — оказалось утопией: изображения моей мрачной физиономии в клеточку появились во всех лунных газетах, которые перепечатывали самые злобные нападки земной прессы, хотя статей в мою защиту было гораздо больше. Но я недооценил свою Мими: она нисколько не стыдилась, она только мечтала, как бы ей добраться до Земли и разорвать там кое-кого на мелкие кусочки.

Хотя эта история и помогла нам на Земле, но наибольший эффект она вызвала в Луне. Лунари из-за нее сплотились как никогда. Они почувствовали себя оскорбленными, а Шутник Саймон и Адам Селен вовсю подливали масла в огонь. Лунари, вообще-то, народ добродушный, но если дело кажется женщин — шутки в сторону! Каждая леди восприняла новости с Терры как личное оскорбление, а мужики, которым политика вообще до фени, внезапно обнаружили, что я — «молоток и свой в доску».

Был и еще один побочный результат. Как правило, старые лагерники смотрят на свободнорожденных сверху вниз, но позже мне частенько приходилось слышать от бывших заключенных: «Привет, рецидивист!» — что-то вроде масонского приветствия, означавшего, что меня приняли.

Однако тогда я ничего хорошего в этой истории не видел. Меня пихали, как скотину, у меня брали отпечатки пальцев, фотографировали, меня кормили едой, которую мы и свиньям постеснялись бы дать, меня всячески унижали, и только сила тяжести удерживала меня от попытки кого-нибудь из них пристукнуть — будь на мне в момент ареста моя номер шесть, я бы наверняка не утерпел.

Но все улеглось, меня освободили. Уже через несколько часов мы вылетели в Агру: наконец-то пришел вызов из комитета. Приятно было снова оказаться во дворце магараджи, но смена часовых поясов — мы перемахнули одиннадцать штук за три часа — не оставила времени на отдых. Так что отправились на слушание, осоловелые от недосыпа и накачанные таблетками, чтобы не вырубиться на ходу.

Слушание было односторонним; мы слушали, а председатель вещал. Вещал он не меньше часа. Изложу только самую суть.

Наши абсурдные претензии отвергались, Лунная администрация будет и дальше выполнять свои священные обязанности. Беспорядков на своем спутнике Земля не потерпит. Более того, недавние беспорядки показали, что Администрация была излишне снисходительна. Это упущение будет исправлено принятием программы активных действий — пятилетнего плана, в котором тщательно регламентируются все стороны жизни на Луне под опекой Администрации.

В настоящее время разрабатывается кодекс законов; будут созданы гражданские и уголовные суды для клиентов-вольнонаемных — то есть для всех жителей опекаемой территории, а не только для ссыльных, отбывающих срок. Будут открыты общеобразовательные школы и учебные заведения для взрослых. Будут сформированы плановые комиссии по экономике, промышленности и сельскому хозяйству, что позволит более полно и эффективно использовать материальные ресурсы спутника Земли и труд клиентов-вольнонаемных. В качестве ближайшей цели принято решение увеличить за пять лет поставку зерна в четыре раза — цель вполне достижимая с помощью научного планирования использования природных и трудовых ресурсов. Первоочередная задача — организовать отток клиентов-вольнонаемных из непроизводительных сфер и направить их на бурение обширной сети сельскохозяйственных туннелей, чтобы гидропоника начала развиваться в них не позднее марта 2078 года. Новые гигантские фермы будут принадлежать Лунной администрации и управляться научными методами, произволу частных собственников будет положен конец. К концу пятилетия эта система обеспечит выполнение нынешних квот; что же касается клиентов-вольнонаемных, выращивающих зерно на частных фермах, то им разрешат продолжать свое занятие, но постепенно включат в новую систему производства, по мере того как надобность в их менее эффективных методах отпадет.

Председатель поднял взгляд от своих записей:

— Короче, лунные колонии цивилизуют и приведут в административное соответствие со всем цивилизованным обществом. Прискорбно, но приходится признать — я говорю это скорее как гражданин, нежели как председатель коми-

тета, — что мы должны поблагодарить вас за услугу: вы привлекли наше внимание к ситуации, которая уже давно нуждалась в решительной корректировке.

Мне хотелось врезать ему по ушам. «Клиенты-вольнонаемые»! Ишь какое затейливое название вместо простого слова «рабы»!

Но проф безмятежно сказал:

— Я нахожу предложенные планы в высшей степени интересными. Разрешается ли задавать вопросы? С чисто информационной целью?

— С чисто информационной — пожалуйста.

Североамериканский представитель выскочил вперед:

— Только не думайте, что мы намерены выслушивать дерзости от пещерных троглодитов! К вам это тоже относится! Так что следите за своими выражениями.

— К порядку! — призвал председатель. — Продолжайте, профессор.

— Меня заинтриговал термин «клиенты-вольнонаемые». Согласны ли вы с тем, что подавляющее большинство населения главного спутника Земли составляют не арестанты, а свободные граждане?

— Разумеется, — вежливо согласился председатель. — Рассмотрены все юридические аспекты новой политики. За мелкими исключениями, примерно девяносто один процент колонистов имеет гражданство различных стран — членов Федерации Наций либо по праву рождения, либо по праву наследования. Те, кто пожелает, могут вернуться на родину. Вам будет приятно узнать, что Администрация рассматривает план, согласно которому неимущим будут предоставлены кредиты на оплату переезда... возможно, под надзором Международного Красного Креста и Полумесяца. Могу добавить, что я сам от всего сердца поддерживаю этот план, поскольку он кладет конец всякой болтовне о «рабском труде». — И он самодовольно ухмыльнулся.

— Понимаю, — согласился проф. — В высшей степени гуманно. Интересно, учитывает ли при этом комитет (или Администрация) тот бесспорный факт, что обитатели Луны физически не способны жить на Земле? Что лунари против собственной воли обречены на вечную ссылку из-за необра-

тимых физиологических изменений и никогда не смогут жить полноценной жизнью при силе тяжести, в шесть раз превышающей ту, к которой они привыкли?

Мерзавец поджал губы, будто это соображение было для него совершенно неожиданным.

— Я лично не считаю ваше утверждение бесспорным. Полагаю, все зависит от организма. Для одних это так, для других — иначе. Ваше присутствие здесь доказывает, что обитатели Луны способны жить на Земле. В любом случае мы не имеем намерения насильно переселять их сюда. Напротив, мы надеемся, что они решат остаться, и собираемся поощрять добровольцев, желающих эмигрировать на спутник Земли. Но это будет индивидуальный выбор, без какого-либо ущемления свобод, гарантируемых Великой Хартией. Что же до предполагаемого физиологического феномена, то он правового характера не имеет. Если кто-то считает, что для него разумнее остаться на Луне, или полагает, что там он будет более счастлив, это его право.

— Понимаю, сэр. Мы свободны. Свободны либо оставаться в Луне и работать там, где вы укажете, за плату, вами же назначенную, либо вернуться на Землю и умереть.

Председатель пожал плечами:

— Вы считаете нас злодеями, но это не так. Да если бы я был молод, я бы сам эмигрировал на Луну. Какие великолепные возможности! Во всяком случае, ваши обвинения меня не волнуют. История нас оправдывает.

Проф меня удивил. Он не стал сражаться. Я встревожился: похоже, сказываются недели напряжения плюс бессонная ночь. Он сказал:

— Достопочтенный председатель, как я понимаю, сообщение с Луной в скором времени будет возобновлено. Можно ли рассчитывать на места для меня и моего коллеги на первом же корабле? Ибо должен признаться, сэр, эта гравитационная слабость, о которой я говорил, в нашем случае вполне реальна. Наша миссия завершена; нам пора возвращаться домой.

(И ни слова о зерновых баржах. Или о «швырянии камнями», или хотя бы о бессмысленности битья коровы. В голосе профа звучала глубокая усталость.)

Председатель наклонился вперед и заявил с неприкрытым злорадством:

— Профессор, тут возникают затруднения. Откровенно говоря, вам собираются предъявить обвинение в преступлениях против Великой Хартии и даже против всего человечества... в настоящее время формулировка уточняется. Я, однако, сомневаюсь, чтобы человеку вашего возраста и с вашим состоянием здоровья грозило нечто больше, нежели условный приговор. Как вы полагаете, разумно ли будет с нашей стороны вернуть вас туда, где вы совершили противоправные деяния, и тем самым спровоцировать новые беспорядки?

Проф вздохнул:

— Я понимаю вашу точку зрения. В таком случае вы разрешите мне удалиться? Я очень устал.

— Разумеется. Прошу вас оставаться в распоряжении комитета. Служение окончено. Полковник Дэвис...

— Сэр? — Я уже начал разворачивать свою коляску, чтобы выкатить профа из комнаты: наших сопровождающих сюда не пускали.

— Я хотел бы поговорить с вами, если позволите. В моем кабинете.

— Э-э... — Я взглянул на профа. Глаза закрыты, похоже, потерял сознание. Но одним пальцем подзывает меня к себе. — Достопочтенный председатель, я больше сиделка, чем дипломат. За профессором нужен уход. Он очень стар и болен.

— Ваши сопровождающие о нем позаботятся.

— Ну... — Я подъехал к профу так близко, как позволяла коляска, нагнулся пониже. — Проф, как вы себя чувствуете?

Он почти неслышно шепнул:

— Узнай, что ему надо. Соглашайся. Тяни время.

Через несколько минут мы с председателем остались один на один, звуконепроницаемая дверь захлопнулась... что не имело никакого значения, ибо в комнате наверняка была дюжина «ушей» (плюс одно «ухо» в моей левой руке).

— Виски? Кофе? — спросил он.

— Нет, благодарю вас, сэр, — ответил я. — Мне приходится соблюдать здесь жесткую диету.

— Понятно. Вы действительно прикованы к этой коляске? Выглядите вы хорошо.

— Я могу, если надо, встать и пересечь комнату. При этом, возможно, потеряю сознание. Или даже хуже. Предпочитаю не рисковать. Вещу тут в шесть раз больше, чем обычно. Сердце может не выдержать.

— Понятно. Полковник, я слышал, вы в Северной Америке влипли в какую-то глупую историю. Я глубоко сожалею об этом, поверьте. Варварские места! Всегда чувствую себя отвратительно, когда приходится там бывать. Думаю, вы гадаете, о чем я хочу с вами побеседовать.

— Нет, сэр. Надеюсь, вы скажете об этом, когда сочтете нужным. Я удивлен другим — зачем вы все еще называете меня полковником?

Он издал лающий смешок:

— По привычке, должно быть. Привыкаешь, знаете ли, к протоколу. Хотя у вас есть возможность сохранить это звание. Скажите, что вы думаете о нашем пятилетнем плане?

Я думал, что от него разит дерьямом.

— Полагаю, он тщательно продуман.

— Да, над ним основательно поработали. Полковник, вы кажетесь разумным человеком; более того, вы действительно разумный человек. Мне известно не только ваше прошлое, но каждое сказанное вами слово, чуть ли не каждая ваша мысль с тех пор, как вы ступили на Землю. Вы родились на Луне. Считаете ли вы себя патриотом? Луны, я имею в виду.

— Вероятно, да... Однако я и теперь считаю, что мы поступили правильно.

— Если между нами — я согласен. Этот старый дурак Хобарт... Полковник, это хороший план, но ему недостает исполнителя. Если вы действительно патриот или, скажем, практичный человек, принимающий близко к сердцу интересы своей страны, вы сможете помочь нам воплотить его в жизнь. — Он предостерегающе поднял руку. — Не спешите! Я не предлагаю вам продаться, сделаться предателем или что-нибудь еще в этом роде. Я предлагаю вам шанс стать настоящим патриотом, а не псевдогероем, отдающим жизнь за заранее проигранное дело. Давайте посмотрим на вещи трезво. Неужели вы верите, что лунные колонии устоят против силы, которую обрушит на них Федерация Наций Земли? Вы человек не военный, это мне известно, и, кстати, меня толь-

ко радует, но вы технарь: как видите, это мне тоже известно. Скажите откровенно, сколько, по-вашему, нужно кораблей и бомб, чтобы уничтожить лунные колонии?

— Один корабль, шесть бомб, — ответил я.

— Верно! Боже мой, как приятно говорить с разумным человеком. Две бомбы должны быть очень большими, возможно, их придется сделать специально. В живых останутся очень немногие и ненадолго, в основном в мелких поселениях, в стороне от зоны бомбейки. И все это сделает один корабль за десять минут.

— Согласен, сэр, — сказал я, — но профессор де ла Пас правильно заметил: битьем молока от коровы не получишь. А если ее пристрелить — тем более.

— А как вы думаете, почему мы тянули и ничего не предпринимали целый месяц? Этот идиот, мой коллега, не буду называть его по имени, толковал о «дерзостях». Дерзости меня не пугают; все это болтовня, а меня интересует дело. Нет, мой дорогой полковник, мы не станем пристреливать корову... Но если нас припрут к стенке, мы дадим корове понять, что ее можно пристрелить. Водородные бомбы — дорогие игрушки, но мы в силах потратить несколько штук на предупредительные бомбейки по голым скалам, чтобы корова поняла, что с ней может случиться. Однако нам не хотелось бы применять столь сильные средства: не дай бог, корова испугается, и молоко скинет. — Он издал еще один лающий смешок. — Лучше уговорить старушку, чтобы дала молока добром.

Я не реагировал.

— Вас не интересует, каким образом? — не выдержал он.

— Каким же?

— С вашей помощью. Не перебивайте и разрешите мне закончить.

И привел он меня на высокую гору, и предложил мне царства земные. Вернее, лунные. А еще точнее, должность протектора *pro tem* с намеком, что, если все будет о'кей, последние два слова из названия уберут. Убедить лунарей, что победы им не видать. Убедить их, что новый план создан для их же блага, подчеркнуть выгоды — бесплатные школы, бесплатные больницы и так далее, детали потом, главное, чтобы все было под надзором правительства, как на Терре. На-

логи — для начала низкие, автоматически и безболезненно вычитаемые из зарплаты и доходов от зернопоставок... И, что важнее всего, на сей раз Администрация не пошлет зеленых юнцов заниматься мужской работой, а отправит два полка полиции одновременно.

— Эти проклятые драгуны-миротворцы были ошибкой, — продолжал он, — и мы ее не повторим. Между нами: весь этот месяц мы настойчиво доказывали Комиссии по контролю за поддержанием мира, что горсточка людей не в состоянии обеспечивать порядок среди трех миллионов, к тому же разбросанных по шести большим поселениям и пятидесяти мелким. Так что у вас будет солидная поддержка — не просто войска, а военная полиция, привыкшая умирять население без лишнего шума. Кроме того, отправим женский вспомогательный отряд, обычные десять процентов, и никаких жалоб на насилие больше не будет. Ну как, сэр? Думаете, потянете? Зная, что по большому счету это лучший выход для вашего народа?

Я ответил, что должен изучить все в деталях, особенно планы и квоты пятилетки, чтобы не принимать необдуманных решений.

— Конечно, конечно, — согласился он. — Я вам дам копию беловика, мы все подготовили. Возьмите ее с собой, изучите, подумайте до утра. Завтра поговорим. Только дайте мне слово джентльмена держать все в секрете. На самом деле никакого секрета тут нет... но такие вещи лучше уладить до того, как о них начнет говорить пресса. Кстати, о публикациях: вам понадобится помочь, и вы ее получите. Мы пойдем на любые издержки, пошлем вам лучших людей: заплатим сколько потребуется, построим центрифугу, как ученым... в общем, вы понимаете. На сей раз ошибок не будет. Этот дурак Хобарт... Он мертв, не правда ли?

— Нет, сэр. Просто в маразме.

— Надо было его прикончить. Вот вам копия плана.

— Сэр, кстати, о стариках... Профессор де ла Пас тут оставаться не может. Не проживет и шести месяцев.

— Ну это только к лучшему, не так ли?

Я постарался удержаться от эмоций:

— Вы не понимаете. Его любят и почитают. В идеале, я должен его убедить, что водородные бомбы — не пустая

угроза и его патриотический долг — спасти все, что можно спасти. Но так или иначе, если я вернусь без него... я не только не потяну, я даже начать не сумею, просто не проживу достаточно долго.

— Хм... ладно, там посмотрим. Завтра поговорим. Скажем, часов в четырнадцать.

Я вышел, погрузился в фургон, и тут меня затрясло. Не дано мне глядеть на вещи с точки зрения высших соображений.

Стью с профом ждали меня.

— Ну? — спросил проф.

Я оглядел стены и постучал пальцем по уху. Мы наклонили головы к голове профа и натянули на себя парочку одеял. В постели профа и в моем кресле жучков не было — я проверял их каждое утро. Но что касается самой комнаты, то безопаснее шептаться под одеялами.

Я сделал вступление. Проф прервал меня:

— Его происхождение и привычки оставим на потом. Давай факты.

— Он предложил мне работу коменданта.

— Надеюсь, ты согласился?

— Процентов на девяносто. Я должен изучить это дерьмо и завтра дать ответ. Стью, когда мы можем приступить к осуществлению плана «Ноги в руки»?

— Уже приступили. Ждали только, когда ты вернешься. Если вернешься, конечно.

Следующие пятьдесят минут мы провели в лихорадочной деятельности.

Стью вызвал костлявого индуся, одетого в дхоти. Через тридцать минут он превратился в двойника профа, и Стью перегрузил профа из постели на диван. Дублировать меня было проще. Наших дублеров вкатили в гостиную, как раз когда стемнело и принесли ужин. Несколько человек вошло, несколько — вышло. Среди последних была пожилая индуска в сари, опиравшаяся на руку Стюарта Лажуа. За ними шествовал толстенький бабу.

Труднее всего было доставить профа по лестнице на крышу; он никогда не пользовался механическими инвалидными ходунками, у него не было возможности их освоить, а кроме того, он больше месяца пролежал на спине.

Но рука Стью держала его крепко. Я стиснул зубы и преодолел тридцать проклятых ступенек без посторонней помощи. Когда добрался до крыши, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Главное — не хлопнуться в обморок, это сейчас совсем некстати. Бесшумный маленький флаер возник из тьмы в точно назначенное время, и через девять минут мы уже сидели в чартерном самолете, которым летали весь последний месяц, а еще через две минуты стартовали в Австралию. Понятия не имею, чего стоило организовать всю эту музыку и поддерживать ее наготове, пока не понадобится, но все прошло как по нотам.

Вытянувшись рядом с профом и наконец отдохнувшись, я спросил:

- Как вы себя чувствуете, проф?
- О'кей. Немного устал. И разочарован.
- *Ja da.* Разочарован.
- Я имею в виду — из-за того, что так и не повидал Тадж-Махал. В юности не довелось, а нынче... Дважды был от него в двух шагах, несколько дней назад и сегодня, но так и не увидел. Теперь уж никогда не увижу.
- Подумаешь, обыкновенная гробница.
- А Елена Прекрасная — обыкновенная баба. Спи уж, парень.

Мы приземлились на китайской половине Австралии, в городе под названием Дарвин. Нас погрузили на корабль, усадили в антиперегрузочные кресла и сделали уколы.

Проф уже уснул, а я начал клевать носом, когда внезапно появился Стью. Широко ухмыльнулся, уселся рядом и пристегнул ремни. Я воззрился на него:

- И ты здесь? Кто же остался в лавке?
- Те самые ребята, которые и раньше делали основную работу. Это хорошая команда, я им больше не нужен. Манни, дружище, мне неохота торчать так далеко от дома. Я имею в виду Луну, на случай если ты туда соображаешь. Похоже, это последний поезд из Шанхая.
- При чем тут Шанхай?
- Ладно, замнем для ясности... Манни... я разорился в пух и прах. Одни долги кругом — и я смогу их уплатить, только если кое-какие акции быстро пойдут вверх. По крайней мере, Адам Селен уверял меня, что они поднимутся, ко-

гда мы пройдем через переломную точку истории. К тому же меня ждет арест — или будет ждать в скором времени — за нарушение общественного порядка. Короче говоря, я избавлю их от расходов по моей транспортировке в Луну. Как думаешь, в моем возрасте не поздно учиться на бурильщика?

Мозги у меня заволокло туманом — укол делал свое дело.

— Стыю, в Луне ты еще не стар... какие наши годы... а если... за нашим столом всегда... ты же у нас любимчик Мими...

— Спасибо, дружище, я подумаю. Стартовый сигнал! Дыши глубже.

И тут на меня обрушилась десятикратная.

ГЛАВА 20

Наш корабль был чем-то вроде парома Земля — орбита. Их используют для связи с обитаемыми спутниками, для снабжения патрульных судов Федерации и для перевозки пассажиров к спутникам с казино и развлечениями. На сей раз на корабле было только три пассажира вместо сорока, и никакого груза, кроме трех скафандров и медной пушечки (да, дурацкая игрушка была на борту: скафандры вместе с профовой «бабахалкой» доставили в Австралию за неделю до нас); экипаж нашего славного «Жаворонка» состоял только из шкипера и пилота-киборга.

Зато топлива было хоть отбавляй.

Мы совершили (как мне потом сказали) обычный подход к спутнику «Элизиум», а затем внезапно сменили орбитальную скорость на вторую космическую — придавило нас при этом покруче, чем на старте.

Маневр засекла федеральная станция космического слежения; нам приказали остановиться и объяснить свои действия. Все это я узнал от Стью, пока приходил в себя и наслаждался роскошью невесомости, прицепившись к креслу одним ремнем. Проф все еще был без чувств.

— Они, значит, захотели узнать, кто мы такие и соображаем ли мы, что делаем, — говорил Стью. — Мы ответили, что мы китайское судно «Расцветающий лотос», выполнившее миссию милосердия. Направляемся к Луне для спасения ученых, томящихся там в неволе. Сообщили им свои данные для идентификации — сам понимаешь, данные «Расцветающего лотоса».

— А как же радиомаяк?

— Если мне продали то, за что я заплатил, то наш радиомаяк, который десять минут назад идентифицировал нас как «Жаворонка», должен был давать позывные «Лотоса». Впро-

чем, скоро все выяснится. У них есть один крейсер, который может сбить нас ракетой и разнести... — Стю взглянул на часы, — в ближайшие двадцать семь минут, если верить киберджентльмену, пилотирующему наше корыто; в противном случае шансы крейсера на перехват упадут почти до нуля. Так что если тебя это волнует — если хочешь молитву прощать или послание кому отправить, — то сейчас самое время.

— А проф? Будем его будить?

— Пусть спит. Для прыжка на тот свет лучше не придумаешь: прямо из мирного сна — в облако светящегося газа. Хотя, может быть, тебе известны какие-то религиозные обряды, которые он хотел бы соблюсти? Правда, проф никогда не казался мне религиозным, во всяком случае в ортодоксальном смысле.

— Он не религиозен. Но если у тебя самого есть подобные желания, ты меня не стесняйся.

— Благодарю, я обо всем позаботился еще до того, как мы покинули Землю. А как насчет тебя, Манни? Я мало похож на падре, но постараюсь, если надо. Есть на совести грешки, а, дружище? Если хочешь, исповедуйся, я неплохой специалист по грехам.

Я ответил, что особой нужды в исповеди не испытываю. Потом припомнил кое-какие приятные грешки и выдал ему более или менее правдивые версии. Это, в свою очередь, напомнило Стю о его собственных, что напомнило мне... Время «зеро» пришло и кануло в вечность, а мы все еще не исчерпали перечня. Стю Лажуа как раз тот парень, с которым приятно провести последние минуты жизни, даже если они окажутся не последними.

Двое суток мы бездельничали, только проходили всякие малоприятные процедуры, чтобы не занести в Луну какую-нибудь заразу. Но я не возражал ни против искусственно вызванного озоба, ни против жара жестокой лихорадки; наслаждался невесомостью и был счастлив, что лечу домой.

Или почти счастлив... Проф спросил, что меня тяготит.

— Ничего, — ответил я. — Не могу дождаться, когда снова окажусь дома. Но... по правде говоря, стыдно показаться там после такого провала. Проф, где мы ошиблись?

- Провала, мой мальчик?
- А как еще это можно назвать? Мы просили о признании. И не получили его.
- Мануэль, мне следует повиниться перед тобой. Ты должен помнить расчет шансов, сделанный Адамом Селеном как раз перед нашим отлетом с Луны.
- Стью поблизости не было, но из осторожности никогда не говорили «Майк», только «Адам Селен».
- Конечно помню! Один из пятидесяти трех. Затем мы добрались до Терры, а шансы с треском грохнулись до одного из ста. А сейчас сколько, как вы думаете? Один к тысяче?
- Я получал новые прогнозы каждые несколько дней... вот почему и винюсь перед тобой. Последний, полученный прямо перед вылетом, исходил из еще не подтвержденного в тот момент предположения, что мы смоемся с Терры и благополучно вернемся домой. Или что хоть один из нас троих вернется. Вот почему камрада Стью вызвали в Луну — у него, как у землянина, больше выносливости к сильным ускорениям. Фактически Майк выдал восемь прогнозов. В худшем мы все погибаем, в лучшем — все трое остаемся в живых плюс промежуточные варианты. Хочешь поставить несколько долларов на то, каков последний прогноз? Размер ставки и шансы назовешь сам. Намекну: ты излишне пессимистичен.
- Э-э... Да ну его! Говорите, не тяните время.
- Шансы против нас сейчас всего семнадцать к одному... и весь месяц разрыв сокращается. А сказать тебе об этом я не имел права.
- Я был изумлен, поражен, восхищен — и жестоко обижен.
- Как это — не имел права?! Слушайте, проф, если мне не доверяют, отстраните меня и поставьте на мое место в исполнительной ячейке Стью.
- Погоди, сынок. Именно туда он и войдет, если что-нибудь случится с нами — со мной, с тобой или с бесценной Вайоминг. Я не имел права сказать тебе это на Земле — и могу сказать сейчас — не потому, что тебе не доверяют, а потому, что ты плохой актер. Чтобы успешно справиться со своей ролью, ты должен был верить, что наша цель — добиться признания независимости.
- Спасибо, что разъяснили!

— Мануэль, Мануэль, надо было бороться каждую секунду, бороться изо всех сил — и проиграть.

— Вот как! А мне не сказали, потому что не дорос, да?

— Ну пожалуйста, Мануэль! То, что мы временно держали тебя в неведении, резко повышало наши шансы; можешь справиться у Адама. Добавлю только, что Стюарт принял свой вызов на Луну без слов, даже не спросил зачем. Камрад, тот комитет был слишком малочислен, а председатель слишком умен; все время существовала опасность, что нам предложат приемлемый компромисс. В первый день такая вероятность была особенно высока. Добейся мы, чтобы наш вопрос вынесли на Великую Ассамблею, опасность разумного решения исчезла бы. Но нам отказали. Лучшее, что я мог сделать, — это разозлить комитет, не останавливаясь даже перед личными оскорблениеми, лишь бы обеспечить хоть один голос, который всегда будет против здравых решений.

— Наверное, я никогда не разберусь во всех этих высших соображениях!

— Наверное. Но твои таланты и мои дополняют друг друга. Мануэль, ты ведь хочешь видеть Луну свободной?

— Вы знаете, что хочу.

— Но тебе также известно, что Терра может нас разгромить?

— Конечно. Ни один прогноз не дает нам шансов даже пятьдесят на пятьдесят. Поэтому я никак не могу понять, зачем вы решили их разозлить...

— Пожалуйста, не торопись. Поскольку они могут навязать нам свою волю, наш единственный шанс — эту волю ослабить. Вот почему нам так важно было попасть на Терру. Чтобы посеять разногласия, породить разброс мнений. Самый хитроумный полководец в истории Китая однажды сказал, что высшее военное искусство — ослабить волю противника так, чтобы тот сдался без боя. Вот в чем заключается и наша конечная цель, и главная угроза. Предположим — а это казалось вполне вероятным в первый день, — что нам предложили бы заманчивый компромисс. На место коменданта — губернатор, возможно, из наших же рядов. Местная автономия. Делегат в Великой Ассамблее. Высокие цены на зерно у входа катапульты плюс премии за поставки сверх квоты. Осуждение политики Хобарта и выражение сожале-

ний по поводу насилия и убийств плюс солидная денежная компенсация родственникам жертв. Было бы это приемлемо для нас? Вот тут — в Луне?

— Но они ничего подобного не предлагали!

— Председатель был готов предложить нечто похожее в первый день, причем тогда он был полным хозяином в своем комитете. Он намекнул на возможность подобной сделки. Предположим, мы добились бы условий, которые я только что обрисовал. Было бы это приемлемо для наших лунарей?

— Э-э... возможно.

— Более чем возможно. Вот почему шансы, когда мы улетали с Луны, были такими низкими. Именно этого нам следовало избежать любой ценой — компромисса, который успокоит народ, ослабит его волю к сопротивлению и вместе с тем не предотвратит неизбежную катастрофу, ожидающую нас в недалеком будущем. А потому я круто изменил курс и ликвидировал возможность соглашения, начав притираться к мелочам и сохранив при этом оскорбительную вежливость. Мануэль, мы с тобой знаем — и Адам знает, — что поставки продовольствия надо прекратить! Только так можно спасти Луну от катастрофы. Но ты можешь представить себе фермера, который борется за прекращение поставок?

— Нет. А любопытно было бы получить известия из дома: как там приняли сообщение о прекращении поставок?

— Таких сообщений не будет. Так решил Адам: никаких заявлений, пока мы не доберемся домой. Мы все еще продолжаем скупать зерно у фермеров. Баржи по-прежнему прибывают в Бомбей.

— Но вы же сказали, что поставки прекратятся немедленно?

— Это была угроза, а не моральное обязательство. Несколько барж погоды не делают, а нам нужно выиграть время. У нас в Луне маловато союзников — только незначительное меньшинство. Большинство людей индифферентны, их можно временно склонить и в ту и в другую сторону. А противостоят нам тоже меньшинство... главным образом фермеры, которых интересует не политика, а цены на зерно. Они ворчат, но еще принимают купоны, надеясь, что их курс все-таки начнет расти. Однако, если мы объявим, что поставки

прекращены, фермеры займут активно враждебную позицию. Адам хочет сделать заявление в такой момент, когда большинство будет на нашей стороне.

— Это когда же? Через год? Через два?

— Через два-три дня. Может быть, через четыре. Тщательно отредактированные цитаты из «плана пятилетки», отрывки из твоих записей, особенно предложение этого ублюдка, рассказы о твоем аресте в Кентукки...

— Эй! Об этом лучше не вспоминайте!

Проф только улыбнулся и вздернул бровь.

— Хм... — сказал я недовольно. — О'кей. Если это поможет.

— Это поможет больше, чем любая статистика наших природных ресурсов.

Наш пилот — подключенное к приборам бывшее человеческое существо — пошел на посадку, даже не подумав задержаться на орбите (чего, мол, тянуть: корабль легкий, маневренный), так что мы получили напоследок еще одну хорошую встряску. Но тормозил он всего два с половиной километра, и через девятнадцать секунд мы сели в Джонсон-Сити. Я перенес посадку нормально, только ужасно сдавило грудь, словно сердце сжимают исполнинским кулаком; потом все прошло, и я принялся жадно глотать воздух, приходя в себя и радуясь привычному весу тела. Но бедного старого профа посадка чуть не доконала.

Позднее Майк объяснил мне, что пилот отказался подчиниться приказу. Зная, что проф на борту, Майк хотел посадить корабль осторожненько, с небольшими перегрузками, как яичко в корзинку. Но не исключено, что киборг знал, что делает: посадка с длительным торможением требует массы топлива, а «Лотос-Жаворонок» и так сел почти «сухим».

Как бы там ни было, но лихая гаррисонова посадка чуть не стоила профу жизни. Стью заметил это, пока я силился разыщаться, и мы оба тут же кинулись к профу — сердечные стимуляторы, искусственное дыхание, массаж... Наконец ресницы профа дрогнули, он взглянул на нас и улыбнулся.

— Дома... — шепнул он еле слышно.

Мы заставили его отдохнуть минут двадцать, прежде чем позволили надеть скафандр. Он был так близок к концу, что,

казалось, вот-вот услышит ангельские хоры. Шкипер заполнял баки и очень торопился отделаться от нас, чтобы забрать пассажиров в обратный рейс. Этот голландец за всю дорогу не перемолвился с нами ни единным словом; думаю, он здорово жалел, что из алчности влез в историю, которая могла его разорить или даже угробить. Но тут на борт проникла Вайо — примчалась нас встречать. Не думаю, что Стью доводилось видеть ее в скафандре раньше, и уверен, что блондинкой он ее ни разу не видел; во всяком случае, он ее не узнал. Я обнял ее, несмотря на скафандр, а Стью стоял рядом и ждал, чтобы его представили. Когда же незнакомый «мужик» схватил его и начал тискать, Стью страшно удивился.

Я услыхал приглушенный скафандром голос Вайо:

— Ой-ой! Манни, мой шлем!

Я открыл его и откинул. Она встряхнула локонами и широко улыбнулась.

— Стью, разве ты не рад меня видеть? Или ты меня не узнаешь?

По его лицу медленно разлилась улыбка — как восход над лунным «морем».

— Здравствуйте, *gospazha!* Я счастлив вас видеть!

— Вот еще — *gospazha!* Я, милый, для тебя просто Вайо, запомни раз и навсегда. Манни тебе не сказал, что я снова блондинка?

— Говорил, конечно... Но знать и видеть — вещи разные.

— Ничего, привыкнешь! — Она остановилась, нагнулась над профом, что-то шепнула, хихикнула, поцеловала его, потом выпрямилась и выдала мне (теперь уже без шлема) такой «с приездом», что у нас обоих брызнули слезы. После чего кинулась целовать Стью.

Он попятился. Вайо удивилась:

— Стью, мне что — опять намазаться ваксой, чтобы ты со мной поздоровался?

Стью искоса взглянул на меня и наконец ответил на поцелуй Вайо. Она уделила этому делу не меньше времени и усердия, чем нашему с ней приветствию.

Только позже я понял причину странного поведения Стью; несмотря на его «обращение», он все же не был настоящим лунарем, а Вайо за это время успела выйти замуж. Ну и что, спрашивается, какая разница? Однако на Терре это

большая разница, а Стью еще не проникся как следует мыслью, что в Луне леди — сама себе хозяйка. Этот дурачок подумал, что я обижусь!

Мы натянули скафандр на профа, облачились сами и вышли; под мышкой я тащил профову пушку. После того как спустились и прошли через шлюз, скафандря сняли, и я почувствовал себя польщенным — под скафандром у Вайо оказалось измятое красное платье, которое я подарил ей сто лет назад. Она разгладила его рукой, и юбка вспыхнула ярким огнем.

Иммиграционный зал пустовал, только вдоль стены выстроилось человек сорок в скафандрах и шлемах, точь-в-точь новоприбывшие ссыльные. Это отправлялись домой земляне — застрявшие здесь туристы и несколько ученых. Но леть им придется налегке, скафандры перед стартом выгружены. Я поглядел на бедолаг и вспомнил о пилоте-киборге. Когда «Жаворонка» готовили к рейсу, с него сняли все кресла, кроме трех; этим людям придется выносить перегрузки, лежа на голом полу, и если шкипер не проявит осторожности, киборг раздавит землян в лепешку.

Я сказал об этом Стью.

— Не бери в голову, — ответил он. — У капитана Лейерса есть на борту поролоновые матрасы. Он не даст пассажирам погибнуть — они для него теперь все равно что страховой полис на собственную жизнь.

ГЛАВА 21

Моя семья, все тридцать с лишком человек, начиная с Деда и кончая детишками, ждала нас за дверью следующего шлюза уровнем ниже. Нас залили слезами, зацеловали, затискали; на сей раз Стю не пятился. Маленькая Хейзел устроила целую церемонию: надела нам на головы «колпаки свободы», а уж потом поцеловала, и по этому сигналу вся семья напялила колпаки; я внезапно прослезился. Может, это и есть патриотизм — когда спирает дыхание и ты счастлив до боли? А может, это просто радость от встречи с любимыми?

— А где Слим? — спросил я у Хейзел. — Его что, не пригласили?

— Не мог прийти. Он младший церемониймейстер на приеме.

— На приеме? Нам вполне достаточно этого приема.

— Подожди, и увидишь.

Увидел. Хорошо, что вся семья приехала нас встретить; только там да по пути в Луна-Сити (мы заняли целую капсулу) я их и видел. На станции «Западная» стояла густая орущая толпа в «колпаках свободы». Нас троих на плечах потащили прямо в Старый Купол, окружив охраной из стиляг, которые, сомкнув локти, прокладывали дорогу сквозь эту веселую давку. Парни все щеголяли в красных колпаках и белых рубашках, девчонки — в белых водолазках и красных, под цвет колпаков, шортиках.

И на станции, и в Старом Куполе, когда нас поставили на пол, меня целовали женщины, которых я не встречал ни раньше, ни потом. Оставалось надеяться, что меры, принятые взамен карантина, окажутся достаточно эффективными, иначе половина жителей Луна-Сити сляжет с гриппом или с чем-нибудь похуже. (Как выяснилось, мы хорошо почис-

тились — эпидемий не было. Но в детстве я видел, как раз-разившаяся эпидемия кори унесла тысячи жизней.)

Кроме того, я волновался за профа; прием был слишком крутым для человека, который час назад чуть не помер. Однако он не только наслаждался этой толкотней, но еще и произнес в Старом Куполе замечательную речь — не слишком логичную, зато наполненную звучными фразами. Там были и «домашний очаг», и «любовь», и «Луна», и «камрады и сограждане», и даже «плечом к плечу», причем все как-то к мести.

Под огромным видеоэкраном для новостей в южной стороне Купола возвели помост. Нас приветствовал Адам Селен, а затем на экране появилась огромная голова профа и раздался его усиленный аппаратурой голос — кричать ему не пришлось. Однако после каждой фразы приходилось делать паузу: рев толпы топил в себе все, даже могучий глас динамиков, и заодно давал профу время для отдыха. Впрочем, проф уже не казался старым, усталым и больным; возвращение в Булыжник оказалось для него настоящим тоником, в котором он нуждался больше всего. Да и я тоже! Было чудесно чувствовать свой нормальный вес, ощущать себя сильным, вдыхать чистый, обогащенный кислородом воздух родного города.

А неслабый у нас городок! В Старый Купол нельзя втиснуть все население Луна-Сити, но, похоже, они попытались. Я прикинул площадку в десять квадратных метров и попробовал подсчитать количество голов; дошел до двухсот и бросил, не сосчитав и половины. «Лунатик» оценил толпу в тридцать тысяч — думаю, приврал немного.

Слова профа услышали почти все три миллиона; видео донесло это зрелище до тех, кто не мог побывать в Старом Куполе, кабельное видео и ретрансляторы передали его через безмолвные «моря» во все поселения. Проф воспользовался случаем и поведал о рабском будущем, которое уготовила нам Администрация; он размахивал в воздухе копией плана.

— Вот они! — кричал проф. — Вот они — ваши оковы! Ваши ножные кандалы! Вы согласны надеть их?

— НЕТ!

— А они говорят, что наденете! Они говорят, что сбросят на нас водородные бомбы... и тогда выжившие сдадутся и наденут кандалы. Наденете?

— НЕТ! НИКОГДА!

— Никогда, — согласился проф. — Но они угрожают послать войска... новые и новые войска, чтобы убивать и насиливать. Нам придется с ними сражаться.

— *DA!*

— Мы будем драться с ними на поверхности, мы будем драться в туннелях метро, мы будем биться в коридорах! И если мы погибнем, то погибнем свободными!

— Да! Йа! *Da!* Пусть знают! Пусть знают!

— И если мы погибнем, пусть история запишет: то был звездный час Луны! Дайте нам свободу... или дайте нам смерть!

Кое-что в этой речи показалось мне знакомым. Но слова звучали свежо и ново; мой голос слился с ревом толпы... Я знал, что Терру нам не победить, — я же технарь, и я знаю, что водородная бомба не разбирает, кто храбрый, а кто нет. И все равно был готов. Если они хотят драки — они свое получат!

Проф дал толпе поорать, а потом запел «Боевой гимн Республики» в переделке Саймона. На экране возник Адам, погнал мелодию, а мы попытались слинуть под щумок, спустившись с тыльной стороны платформы при поддержке Слима и его стиляг. Но женщины нас отпускать не хотели, а где уж нашим ребятам противиться желаниям леди! Так что те, конечно, прорвались. В общем, было уже двадцать два ноль-ноль, когда мы вчетвером — Вайо, проф, Стью и я — оказались в «Раффлзе», в номере «Л», где к нам по видео присоединился Адам-Майк. К тому времени я просто помирал от голода, вернее, мы все помирали, а потому я заказал ужин прямо в номер. Проф настоял, чтобы мы поели, прежде чем начнем обсуждать дальнейшие планы. После ужина приступили к делу.

Адам попросил для начала прочесть вслух копию плана — для него и для камрада Вайоминг.

— Но прежде, камрад Мануэль, если у вас с собой записки, сделанные на Земле, передайте их, пожалуйста, ускорен-

ным способом по телефону в мой офис. Я прикажу переписать их и постараюсь изучить... Пока у меня есть лишь закодированные сводки, которые присыпал камрад Стюарт.

Так я и сделал, зная, что Майк изучит записи мгновенно; весь остальной разговор был частью мифа об Адаме Селене. Я решил поговорить с профом насчет того, чтобы ввести Стю в курс дела. Раз он войдет в исполнительную ячейку, притворяться дальше слишком утомительно.

Передача записей Майку на сверхскоростях заняла пять минут, чтение вслух — еще тридцать. Когда я закончил, Адам сказал:

— Профессор, благодаря вашей речи митинг прошел еще удачнее, чем я предполагал. Думаю, нам следует немедленно провести через Конгресс вопрос об эмбарго. Я могу сегодня же вечером известить, что сессия Конгресса начнется завтра в полдень. Ваши предложения?

— Послушайте, — вмешался я, — наши болтуны будут мусолить этот вопрос неделями. Если им непременно нужно его обсуждать, хотя я не понимаю зачем, давайте сделаем как с Декларацией: начнем поздно, затянем до полуночи, подключим наших людей.

— Извините, Мануэль, — ответил Адам. — Я так увлекся событиями на Земле, что не успел сообщить вам о здешних новостях. В Конгрессе теперь совсем другие люди. Камрад Вайоминг!

— Манни, милый, теперь это выборный Конгресс. Он должен одобрить решение, ведь Конгресс — фактически наше правительство.

— Вы, — сказал я медленно, — провели выборы и вручили им бразды правления? Тогда зачем мы тут заседаем?

Я поглядел на профа, ожидая взрыва. Я не против правительства вообще, как проф, я просто не мог врубиться, на кой это нужно — менять одну говорильню на другую. Первый состав Конгресса, по крайней мере, можно было перетасовать, а эти небось приkleяются к своим креслам — не оторвешь!

Проф был безмятежно спокоен. Сложил пальчики и сидит себе, в ус не дует.

— Мануэль, я не думаю, что ситуация так безнадежна, как тебе кажется. В каждую эпоху людям приходилось как-

то приспосабливаться к народной мифологии. Когда-то считалось, что короли — помазанники Божьи, и проблема была в том, чтобы Господь помазал правильных кандидатов. Современный миф — это «народное волеизъявление»... но проблема изменилась лишь внешне. Мы с камрадом Адамом долго бились над вопросом, в чем заключается эта самая «воля народа». Осмелюсь предположить, что нынешнее решение годится в качестве рабочего инструмента.

— Ну... ладно. Но почему нам ничего не сообщили? Стью, ты знал?

— Нет, Манни. Но меня это не волнует. — Стью пожал плечами. — Я монархист, меня эти игры не увлекают. Однако я согласен с профом, что в наше время выборы — необходимый ритуал.

— Мануэль, — снова заговорил проф, — какой смысл было сообщать нам об этом на Терре? У нас с тобой там дел хватало. Камрад Адам и бесценная камрад Вайоминг занимались этим в наше отсутствие, так что давай-ка сначала посмотрим, а уж потом рассудим, что к чему.

— Извините. Ну, Вайо?

— Манни, мы вовсе не пустили все на самотек. Мы с Адамом решили, что Конгресс из трехсот депутатов — самое то, что нужно. Затем мы несколько часов анализировали списки членов Партии плюс списки заметных беспартийцев. И наконец составили список кандидатов, причем включили туда некоторых членов бывшего Специального Конгресса. Там ведь далеко не все были болтунами, и мы выбрали самых достойных. Затем Адам обзвонил всех подряд и спросил, согласны ли они послужить родине, причем предупредил, чтобы до поры до времени держали язык за зубами. Некоторых пришлось заменить. Когда все было готово, Адам выступил по видео, сказав, что пришло время выполнить обещание Партии насчет свободных выборов, назначил дату и объявил, что голосовать могут все, кто достиг шестнадцати, а тем, кто хочет выставить свою кандидатуру в Конгресс, нужно собрать сто подписей и послать заявление в Старый Купол или в избирательный участок. Ах да, мы создали тридцать временных избирательных округов, по десять депутатов от каждого, так что во всех поселениях, кроме самых маленьких, был свой округ.

— Итак, вы все организовали и партийный список прошел?

— О нет, дорогой. Никакого партийного списка не было — во всяком случае, официально. Но наши кандидаты были подготовлены... и, надо сказать, мои стиляги проделали отличную работу по сбору подписей. Заявки наших кандидатов были отосланы в первый же день. Заявок поступило много, в общей сложности получилось свыше двух тысяч кандидатов. Но Адам выступил по видео всего за десять дней до выборов; мы знали, чего хотим, а оппозиция была расколова. Адаму даже не пришлось поддерживать наших кандидатов. Все сработало — ты победил: ты набрал семь тысяч голосов, Манни, тогда как твой ближайший соперник — менее тысячи.

— Я победил?

— Ты победил, я победила, проф победил, камрад Клейтон победил — словом, почти все, кто, по нашему мнению, должен был попасть в Конгресс. В общем, это было нетрудно. Хотя Адам и не выступал ни в чью поддержку, я расстаралась и сообщила камрадам, кого он предпочитает. Саймон тоже руку приложил. Жаль, вас тут не было в ту ночь, когда мы наблюдали за выборами. Волнующие часы!

— А как вы справились с подсчетом голосов? Никогда не мог понять эту выборную систему. Писали бумажки с именами, что ли?

— О нет, у нас система была получше... ведь многие камрады даже писать не умеют. Мы открыли избирательные участки в банках. Тамошние клерки удостоверяли личность своих клиентов, а клиенты — личность членов своих семей и соседей, у которых нет банковских счетов. Люди просто называли вслух имя кандидата и наблюдали, как клерки набирают его на клавиатуре компьютера; затем результаты поступали в Счетную палату Луна-Сити. Голосование продолжалось часа три, а результаты объявили буквально через несколько секунд.

Неожиданно у меня в башке просветлело, и я решил, что попозже допрошу Вайо наедине. Хотя нет, не Вайо — Майка! Пробьюсь через его исполненную достоинства маску Адама Селена и выбью истину из его нейристоров! Я вспомнил

историю чека с десятью миллионами миллиардов долларов, и мне стало интересно, сколько людей голосовало за меня на самом деле. Семь тысяч? Семь сотен? Или только семья и друзья?

Зато я перестал волноваться по поводу нового Конгресса. Проф по-старому сыграл не просто подтасованной, а крапленой колодой — и быстренько смылся на Землю, пока их тут раздевали донага. Спрашивать у Вайо смысла не было; вряд ли они посвятили ее в свои махинации... Чем меньше она знала, тем лучше играла свою роль!

И никто ничего не заподозрил. Все отнеслись к выборам с полным доверием, все были уверены, что если в компьютер вводят правильные цифры, то он выдаст такой же правильный результат. Я и сам когда-то в этом не сомневался, пока не встретил компьютер с чувством юмора.

И я решил не поднимать вопрос о том, чтобы Стью раскрыли тайну самосознания Майка. Трое — это и так на две единицы больше, чем надо. А может, и на три...

— Ма... — начал я, но тут же спохватился. — Мое мнение — неплохая работа. И с каким перевесом мы выиграли?

Адам бесстрастно ответил:

— Восемьдесят шесть процентов наших кандидатов прошли. Приблизительно как я и ожидал.

(«Приблизительно»! Такой же мухлеж, как моя левая рука! Точно как ты рассчитал, Майк, старый железный мошенник!)

— Снимаю возражения насчет полудня. Я приду.

— Мне кажется, — сказал Стью, — учитывая, что эмбарго вступит в силу немедленно, мы должны как-то поддержать энтузиазм, свидетелями которого были сегодня. Иначе начнется долгий ползучий период углубляющейся экономической депрессии — из-за эмбарго, я имею в виду, и крушения иллюзий. Адам, вы с самого начала произвели на меня впечатление своей способностью давать точный прогноз будущих событий. Мои дурные предчувствия обоснованы?

— Да.

— Ну и?

Адам оглядел нас всех по очереди — нет, хоть убейте, невозможно поверить, что это подделка и что Майк в данный

момент попросту изучает нас с помощью своих бинауральных микрофонов.

— Камрады... открытая война с Террой должна начаться как можно скорее.

Все молчали. Одно дело — говорить о войне, другое — смотреть ей в лицо. Наконец я вздохнул и спросил:

— И когда же мы начнем швырять в них камнями?

— Мы не начнем, — ответил Адам. — Они первыми должны бросить в нас камень. Вопрос в том, как их подтолкнуть. Я оставил свои соображения напоследок. Мануэль?

— Хм... что я могу сказать? Будь моя воля, я бы в первую очередь шарахнул хорошенъкой глыбой по Агре — есть там один тип, который только зря воздух портит. Но ведь это не то, что нам нужно?

— Нет, не то, — серьезно ответил Адам. — Вы тем самым не только вызовете гнев всего индийского народа, который крайне отрицательно относится к любому посягательству на жизнь, вы вызовете гнев и потрясение у всех народов Земли, ибо уничтожите Тадж-Махал.

— Включая и мой гнев, — заметил проф. — Ты говоришь чушь, Мануэль.

— Слушайте, — сказал я, — я же не говорю, что именно так и надо сделать. Кроме того, ведь можно стрельнуть и мимо ващего Таджа.

— Мануэль, — сказал проф, — Адам правильно заметил: наша стратегия должна заключаться в том, чтобы спровоцировать Терру нанести нам первый удар. Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр, великое достижение *Welt-politick*. Вопрос в том, как это сделать. Адам, я думаю, надо вну什ить им, что мы слабы и разрозненны, что Терре достаточно лишь продемонстрировать силу — и Луна тотчас вытянется в струнку. Сты! Ваши люди на Земле могли бы оказать нам бесценную помощь. Предположим, Конгресс отвергнет меня и Мануэля. Последствия?

— О нет! — закричала Вайо.

— О да, дорогая Вайо. Нет нужды делать это, можно просто передать по каналам новостей на Землю. А еще лучше использовать подпольный «луч», якобы принадлежащий ученым-землянам, благо они пока не все уехали; наши же

официальные каналы будут являть все классические признаки жесткой цензуры. Адам?

— Я беру это на заметку как тактический прием, который может быть включен в нашу стратегию. Но этого мало. Нужно, чтобы нас бомбили.

— Адам, почему вы так настаиваете? — спросила Вайо. — Даже если Луна-Сити способен выдержать удар самых мощных бомб — надеюсь, мне не придется убеждаться в этом на практике, — мы знаем, что тотальной войны Луна не перенесет. Вы сами говорили это много раз. Нельзя ли как-нибудь иначе добиться того, чтобы они оставили нас в покое?

Адам задумчиво оттянул кожу на правой щеке, и я подумал: Майк, если ты не прекратишь это актерство, я сам поверю в твое существование! Он меня достал. Когда же наконец удастся поговорить с ним наедине, без «председателя Селена»?

— Камрад Вайоминг, — сдержанно начал он, — эта ситуация в теории игр рассматривается как сложная игра с не-нулевой суммой. У нас есть определенные ресурсы, или игровые фишки, и много возможных ходов. У противника фишек гораздо больше, а выбор ответных ходов значительно шире. Наша задача заключается в том, чтобы вести игру с оптимальной результативностью, одновременно вынуждая противника терять свое превосходство в силах и мешая ему применить их в полном объеме. Самое главное — правильно выбрать время и так разыграть гамбит, чтобы запустить цепочку событий, благоприятствующих нашей стратегии. Согласен, что с ходу это трудно понять. Я мог бы пропустить все факторы через компьютер и показать вам результаты. Или примите мои выводы на веру. Или используйте свой собственный здравый смысл.

Так сказать, ненавязчиво напомнил Вайо (перед самым носом у Стью), что он не Адам Селен, а Майк — наш умник-разумник, способный решать сложнейшие проблемы, поскольку он и есть компьютер, да еще самый гениальный в мире.

Вайо тут же отступила.

— Нет, нет, — сказала она, — я в математике полный нуль. Хорошо, надо — значит надо. Как же мы это сделаем?

К четырем ноль-ноль у нас наконец появился план, удовлетворявший Стью и профа с Адамом; иначе говоря, к этому времени Майку удалось протащить свой план, делая вид, будто он извлекает идеи из нас. А может, автором плана был проф Адам продавал нам чужой товар?

В любом случае у нас теперь был план и сроки его выполнения. В основе лежала та самая генеральная стратегия, которую мы выработали во вторник 14 мая 2075 года. Просто были учтены некоторые тогда лишь предполагавшиеся, а теперь совершившиеся события. Если говорить о самой сути, он требовал от нас всячески хамить Терре, одновременно создавая впечатление, что выпороть нас не составляет труда.

В полдень я примчался в зал собраний совершенно невыспавшийся и обнаружил, что мог поспать еще как минимум два часа. Конгрессмены из Гонконга запаздывали, несмотря на то что всю дорогу ехали на метро. Вайо ударила по столу молотком только в четырнадцать тридцать.

Да, мою новобрачную избрали временным председателем новорожденного Конгресса. Знание парламентских правил, казалось, было у нее в крови, так что выбор можно назвать удачным; к тому же толпа лунарей ведет себя куда лучше, когда молотком постукивает дама.

Не собираюсь описывать в деталях, что было сказано и сделано на этой сессии, да и на других тоже; можете ознакомиться с протоколами. Я приходил только в самых необходимых случаях и даже не пытался постигнуть правила этого толковища — они мне казались смесью в равных долях обычной вежливости и чистейшей магии, с помощью которой председатель добивается своего.

Не успела Вайо ударом молотка призвать всех к порядку, как какой-то мужик вскочил и заявил:

— *Gospazha* председатель, предлагаю отказаться от обычной процедуры и заслушать профессора де ла Паса...

Зал одобрительно загудел. Вайо опять стукнула молотком.

— Предложение нарушает регламент, депутату от Нижнего Черчилля предлагается занять свое место. Наше предыдущее заседание не было завершено; в соответствии с объявленной ранее повесткой дня слово имеет председатель Ко-

митета по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Оказалось, что это Вольфганг Корсаков — депутат от Тихо-Нижнего (член ячейки профа и наш главный надувала в «ЛуНоГоКо»). Он не только получил слово, но и оставил его за собой на целый день, время от времени давая возможность высказаться тем, кого хотел услышать, и затыкая рот всем прочим. Однако публика особо не ерепенилась и казалась довольной своими ведущими. Было шумновато, но порядок соблюдался.

К вечеру Луна уже получила правительство взамен временного, то есть подставного, которое мы в свое время сформировали из самих себя и которое отправило нас с профом на Землю. Конгресс утвердил акты, принятые временным правительством, таким образом узаконив все, что мы сделали, поблагодарил его за работу и предложил комитету Вольфганга продолжить свою деятельность по созданию структуры постоянного правительства.

Проф был избран президентом Конгресса и исполняющим обязанности премьер-министра того промежуточного правительства, которое будет действовать до принятия конституции. Он протестовал, ссылаясь на возраст и здоровье... а затем сказал, что готов служить, если собрание согласно несколько облегчить ему ношу: он слишком стар и истощен путешествием на Землю, чтобы вести заседания, кроме особо важных, а потому просит Конгресс избрать спикера и заместителя спикера. Кроме того, он считает, что Конгресс мог бы расширить свой состав (не более чем на десять процентов), избрав независимых членов, чтобы премьер-министр, кто бы им ни был, имел возможность формировать свой кабинет из лиц, ныне членами Конгресса не являющихся. В особенности это касается министров без портфеля, которые должны снять груз с его, профа, плеч.

Но тут депутаты заартачились. Почти все они гордились своим званием «конгрессменов» и не желали делиться им с посторонними. Проф сидел с усталым видом и ждал. Тогда кто-то сказал, что все равно, мол, контроль остается за Конгрессом, и после этого профу дали то, чего он хотел. Затем кто-то из публики толкнул речь под видом вопроса, обра-

щенного к председательствующей. Все знают, сказал он, что Адам Селен воздержался от выдвижения своей кандидатуры в Конгресс на том основании, что председатель Чрезвычайного комитета не должен злоупотреблять преимуществами своего положения и локтями прокладывать себе дорогу в новое правительство... Но может быть, уважаемая леди председатель скажет конгрессменам, что мешает избрать Адама Селена независимым членом? В знак признания важности его заслуг? Дать всей Луне и всем этим землеедам, особенно из бывшей Лунной администрации, понять, что мы не отрекаемся от Адама Селена, наоборот, мы уважаем и любим нашего почтенного государственного деятеля, который не избран президентом только потому, что сам этого не пожелал!

Крики одобрения не смолкали долго. В протоколах вы найдете имя того, кто произнес эту речь, но можете поставить десять против одного, что написал ее проф, а оратора организовала Вайо.

Вот как все оформилось несколько дней спустя.

Премьер-министр и министр иностранных дел — профессор Бернардо де ла Пас.

Спикер — Финн Нильсен; его заместитель — Вайоминг Дэвис.

Заместитель министра иностранных дел и министр обороны — генерал О'Келли Дэвис; министр информации — Теренс Шихан (Шини передал газету «Правда» своему заму, чтобы тот работал со Стью и Адамом); особый министр без портфеля в Министерстве информации — Стюарт Рене Лажуа; независимый член Конгресса, министр экономики и финансов (и опекун вражеской собственности) — Вольфганг Корсаков; министр внутренних дел и безопасности — камрад Клейтон Ватанабэ; специальный советник премьер-министра — Адам Селен. Плюс еще десяток министров и министров без портфеля из разных поселений.

Понимаете теперь, что произошло? Если отбросить пышные титулы, то ячейка «Б» по-прежнему, как когда-то и предложил Майк, заправляла всеми делами, но теперь уже при поддержке Конгресса, в котором большинство было за нас, а те, что против, проиграли и остались за бортом.

Но в то время я не понимал смысла всей этой говорильни.

На вечернем заседании проф отчитался о нашем путешествии, а затем передал слово мне — с согласия председателя комитета Корсакова, — чтобы я рассказал о «плане пятилетки», о том, с чем его едят, и о том, как Администрация пытается меня подкупить.

Я неважный оратор, но во время обеда у меня была возможность проглядеть речь, написанную Майком. Он изложил все так язвительно, что я снова взбесился и пребывал в этом состоянии все время, пока говорил, так что мне удалось их завести. Когда я сел на место, Конгресс кипел от ярости.

Проф вышел вперед — худой, бледный — и тихо сказал:

— Камрады конгрессмены, что будем делать? Я предлагаю, и председатель Корсаков не против, чтобы мы обсудили, так сказать, неофициально вопрос о том, как реагировать на это наглое оскорбление, нанесенное нашему народу.

Некий депутат от Новолена предложил объявить войну, и Конгресс чуть было с ходу не принял решение, но проф напомнил, что по регламенту мы вроде как слушаем доклады комитета.

И опять выступления, и все такие же резкие. Наконец камрад конгрессмен Чанг Джонс сказал:

— Собратья-конгрессмены! Ах, извините. *Gospodin* председатель Корсаков! Я фермер, выращиваю рис и пшеницу. Вернее, выращивал, потому что в мае взял ссуду в банке и теперь мы с сыновьями переходим на многоотраслевое хозяйство. Мы разорены — мне даже пришлось занять деньги, чтобы купить билет сюда... но семья не голодает, и когда-нибудь с банком мы расплатимся. Короче говоря, зерно выращивать я бросил. Но другие не бросили. Катапульта ни разу, ни на одну баржу не уменьшила отгрузки после того, как мы стали свободными. Мы все еще отправляем зерно, надеясь, что их чеки когда-нибудь будут чего-то стоить. Но теперь-то мы знаем! Они во всеуслышание объявили, что собираются с нами сделать... во что они хотят нас превратить! Я вижу лишь один способ доказать этим подонкам, что с нами этот номер не пройдет: немедленно прекратить поставки! Ни одной тонны, ни единого кило... пока они не приползут сюда на брюхе и не предложат честную цену!

Около полуночи депутаты приняли решение об эмбарго, а затем разошлись до следующего созыва, оставив комитет продолжать работу.

Мы с Вайо отправились домой, и я тут же принялся восстанавливать свои семейные связи. Больше делать было нечего. Адам и Стю занимались разработкой планов, как покруче завести землеедов; катапульта Майк закрыл («технические неполадки, связанные с баллистическим компьютером») еще двадцать четыре часа назад. Последняя баржа, находившаяся в пути, будет принята пуновским ЦУПом примерно через день, и тогда землянам грубо заявят, что это последняя баржа в их жизни.

ГЛАВА 22

Удар, нанесенный фермерам, смягчили тем, что закупка зерна у входа катапульты продолжалась, но на чеках было напечатано предупреждение, что Свободное Государство Луна не гарантирует их оплаты и не может поручиться, что Лунная администрация когда-либо оплатит их хотя бы купонами, и так далее и тому подобное. Некоторые фермеры оставляли зерно у входа катапульты, другие нет, но возмущены были все. Однако сделать ничего не могли; катапульта закрыта, погрузочные конвейеры не движутся.

В остальных отраслях экономики депрессия наступила не сразу. Мобилизация в оборонные отряды так сильно сократила ряды бурильщиков, что продажа льда на свободном рынке стала выгодной. Принадлежащая «ЛуНоГоКо» сталелитейная компания брала на работу любого здорового мужика, который попадался под руку, а Вольфганг Корсаков тут же снабжал новых работников бумажками «национальных долларов», с виду похожих на гонконгские и теоретически обеспеченные последними. В Луне было много еды, много работы, много денег; люди не страдали: «пиво, азартные игры, женщины и работа» — все как обычно.

«Националки», как их прозвали, были инфляционными деньгами, деньгами военного времени, неразменными бумажками, которые в первый же день упали на десятую долю процента, что было закамуфлировано под «оплату за обмен». Что-то на них покупали, они никогда не падали до нуля, но их обменный курс отражал растущую инфляцию не хуже зеркала. Новое правительство тратило деньги, которых у него не было.

Но все это произошло несколько позже.

Вызов Земле, Администрации и Федерации Наций мы бросили в умышленно неприемлемом тоне. Кораблям ФН

предписывалось не приближаться к Луне ближе чем на десять ее диаметров; выходить на орбиту вокруг Луны запрещалось на любом расстоянии под угрозой немедленного уничтожения (способ мы не уточняли, ибо такового не имели); частным кораблям посадка разрешалась при условии, если а) разрешение испрашивалось заранее; б) корабль соглашался передать управление лунному ЦУПу (Майку) на расстоянии ста тысяч километров от Луны и следовать предписанным курсом; в) на борту не было оружия, за исключением пистолетов, на которые имели право три члена экипажа. Последнее должна была подтвердить специальная инспекция сразу же после посадки, до получения топлива или реактивной массы. Никому не разрешалось выходить на поверхность Луны (исключая членов команды, занятых разгрузкой, погрузкой и обслуживанием корабля), кроме граждан тех стран, которые признали Свободную Луну.

(Признал только Чад, а у него кораблей не было. Проф предполагал, что некоторые частные корабли могут перерегистрироваться и летать под торговым флагом Чада.)

В манифесте отмечалось, что ученые Терры, все еще находившиеся в Луне, могут вернуться домой на любом корабле, который будет выполнять наши условия. Манифест призывал все свободолюбивые народы Терры осудить нарушения наших прав Администрацией, как прошлые, так и планируемые, признать нас и воспользоваться всеми благами свободной торговли и добрососедских отношений. В особенности подчеркивался тот факт, что в Луне нет ни налогов, ни искусственных торговых ограничений и что правительство Луны намеревается сохранить все эти преимущества. Мы также провозгласили неограниченную свободу иммиграции, указав, что испытываем нехватку рабочих рук и что все иммигранты немедленно найдут здесь занятие, обеспечивающее им достойный жизненный уровень.

А еще мы расхваливали свое продовольственное положение: среднее суточное потребление на душу взрослого населения более четырех тысяч калорий, пища богата белками, дешева и не рационирована. (Стю посоветовал Адаму-Майку указать цену первосортной водки: пятьдесят гонконгских центов за литр — и никаких налогов. Поскольку второсорт-

ная водка в Америке стоит в десять раз дороже, Стью знал, что делает. Адам, трезвенник «по природе», не подумал об этом — одно из крайне редких упущений Майка.)

Лунной администрации рекомендовалось собраться вместе где-нибудь подальше от людей, скажем, в безводной части Сахары, и получить последнюю зерновую баржу бесплатно, прямо на головы и на конечной скорости. За сим следовало нахальное заявление, что таким же образом мы готовы разделаться с каждым, кто вздумает угрожать нашему спокойствию, и что у входа катапульты скопилось немало груженых барж, готовых к столь оригинальной доставке.

После этого нам оставалось только одно — ждать.

Но ждать не означает сидеть сложа руки. У нас действительно было несколько груженых барж; мы выбросили из них зерно, загрузили снова, но уже камнями и внесли некоторые изменения, чтобы баржи не подчинялись пунскому ЦУПу. Тормозные ракеты сняли, оставив лишь бортовые направляющие, а освободившиеся тормозные перенесли к новой катапульте и там переделали в бортовые. Затратили огромные усилия, чтобы подвезти к новой катапульте стальные листы и превратить их в оболочки для монолитных каменных цилиндров; сталь была нашим узким местом.

Через два дня после оглашения манифеста заработала «подпольная» радиостанция. Передатчик был слабенький, время от времени затыкался, чтобы создавалось впечатление, будто он спрятан в одном из кратеров, где может работать только в определенные часы, пока храбрым ученым-землянам не удастся наладить автоматический повтор передач. Частоту ему подобрали близкую к «Голосу Свободной Луны», а потому наша безудержная похвальба нередко заглушала его начисто.

(Оставшиеся в Луне земляне-ученые не имели ни малейшего шанса послать на Терру сообщение. Те, что решили продолжать свои исследования, находились под неусыпным присмотром стиляг, а на время сна их запирали в бараках.)

И все же «подпольной» станции удалось донести «правду» до Терры. Профа судили за уклон и посадили под домашний арест. Меня казнили за предательство. Гонконг-Лунный отделился и объявил о своей независимости... с ним

можно попытаться договориться. В Новолене мятежи. Все производство продовольствия коллективизировано, яйца на черном рынке в Луна-Сити продаются по три доллара за штуку. Формируются женские батальоны, в которых каждый боец клянется убить минимум одного землянина; сейчас они проходят подготовку с макетами ружей в коридорах Луна-Сити.

Последнее было почти правдой. Многие дамы пожелали принять участие в боевых действиях и создали гвардию ополчения «Адские леди». Но их подготовка была вполне серьезной, и Хейзел дулась, что Ма не позволила ей вступить в ряды. Потом перестала дуться и создала организацию «Стиляги-оторвые» — девчачью гвардию, которая обучалась после школьных занятий и готовилась стать подкреплением отрядов стиляг, отвчавших за воздух и герметизацию. «Оторвые» изучали меры оказания первой помощи, а кроме того, тренировались в способах защиты без оружия — о чем, надеюсь, Ма так никогда и не узнала.

Мне трудно определить, о чем рассказывать, а о чем лучше помолчать. Всего не расскажешь, но то, что пишут в книжках по истории, — такое вранье!

«Министром обороны» я был не лучшим, чем «конгрессменом». Я не оправдываюсь, у меня просто не было возможности подготовиться ни к тому ни к другому. Почти все мы были дилетанты в революции; один проф, похоже, понимал, что делает, но и для него кое-что было внове — ему еще не приходилось участвовать в победившей революции и быть частью правительства, а тем более возглавлять его.

Как министр обороны я не смог придумать других способов защиты, кроме тех, что у нас уже были. А было их раз-два и обчелся — воздушные отряды стиляг в поселениях да лазерные артиллеристы вблизи баллистических радаров. Если ФН все же решится на бомбезку, у нас не будет ни малейшей возможности ей помешать; у Луны нет ни одной ракеты-перехватчика, а это не тот приборчик, который можно сварганиить из заржавленных железок. Мы даже не знали, как делаются ядерные боеголовки для таких ракет.

Но какие-то попытки я все же предпринимал. К примеру, попросил тех самых инженеров-китаэз, которые изгото-

вили нам лазерные ружья, решить задачку насчет перехвата бомб или ракет — проблема-то одна, разве что ракета летит быстрее.

А потом занялся другими вещами. Я, откровенно говоря, надеялся, что ФН все же не станет бомбить поселения. Некоторые из них, в частности Луна-Сити, располагались на такой глубине, что, пожалуй, могли выдержать даже прямое попадание. Нижний уровень Комплекса, где «жила» главная часть Майка, строили специально с учетом возможности бомбового удара. С другой стороны, Тихо-Нижний представлял собой просто огромную естественную пещеру, примерно такую же, как Старый Купол, и крыша там была всего несколько метров толщиной; герметичную прокладку на потолке постоянно подогревали с помощью горячих труб, чтобы новые трещины тут же затягивались. Так что для разрушения Тихо-Нижнего не требовалось даже особо крупной бомбы.

Но ведь предела мощности для водородных бомб не существует. При желании ФН могла сокрушить и Луна-Сити или даже смастерить «оружие конца света», которое расколет Луну, как спелый арбуз, и довершит работу, уже начатую парочкой астероидов в Тихо. Если земляне на такое решатся, я все равно не смогу им помешать, а потому нечего зря ломать голову.

Я переключился на решаемые проблемы. Помогал на новой катапульте, старался усовершенствовать прицельные устройства лазерных буров, расставленных вокруг радаров (а также удержать бурильщиков — половина из них ушла, когда цены на лед поднялись). И еще я хотел создать систему децентрализованного технического контроля во всех поселениях. Майк разработал проект, мы конфисковали все компьютеры широкого профиля, какие только смогли обнаружить (платили «националками», на которых даже краска высохнуть не успела), а потом я передал эту работу Макинтайру — бывшему главному инженеру Администрации; ему она была вполне по плечу, а я в одиночку ни в жизнь не справился бы со всеми этими перевозками да перемотками, даже если бы очень захотел.

Мы наложили лапу и на самый большой компьютер, который ведал бухгалтерией в Банке Гонконга-Лунного и од-

новременно служил расчетной палатой для всего города. Посмотрев его спецификацию, я решил, что это умная машина, разве что не говорит, и спросил Майка, возьмется ли он обучить банковского собрата баллистике. Мы наладили временную связь, чтобы машины друг с другом познакомились. Майк объявил, что простой работе вроде управления новой катапультой научить этого типа можно, хотя сам он, то бишь Майк, не рискнул бы сесть на корабль, если вести его будет этот бухгалтер: слишком он формализован и некритичен. Проще говоря, глуп.

Ну, мне-то без надобности, чтобы компьютер насвистывал мотивчики или рассказывал анекдоты; он должен был выбросить груз из катапульты в нужную миллисекунду и с нужной скоростью, проследить за его приближением к Терре и подтолкнуть когда следует.

Банк Гонконга-Лунного вовсе не жаждал продавать своего бухгалтера. Однако в правлении банка были патриоты, мы обещали вернуть компьютер как только, так сразу, и его погрузили на луноход, который был слишком велик для туннелей, а потому для перевозки потребовалась вся темная половина лунного месяца. Да еще пришлось соорудить огромный временный шлюз, чтобы вытащить эту машину из Гонконга. Я снова соединил компьютеры, и Майк принялся за преподавание баллистики: надо было учитывать возможность, что его связь с новой катапультой будет прервана во время бомбекки.

(Знаете, что использовал банк вместо компьютера? Две-сти клерков со счетами. Счеты? Это такие проволочки с назанными на них бусами — старейший числовой компьютер, настолько древний, что никто даже не помнит, когда его изобрели. Русские, китаэзы и япошки считали на них испо-кон веков, а в маленьких лавочонках — и по сей день.)

Проблема переделки лазерных буров в оружие космической обороны решалась проще, хотя, может быть, и менее надежно. Нам пришлось оставить их на прежних лафетах; не было ни времени, ни стали, ни мастеров, чтобы сделать новые. Поэтому мы сосредоточили усилия на усовершенствовании прицелов. Потребовались телескопы. Их было мало — какой дурак возьмет с собой в ссылку телескоп? И где тот рынок, что снабдит лагерника этим товаром позже?

Геодезические инструменты и бинокуляры на шлемах — вот и все, что мы нашли, плюс оптические приборы, конфискованные в лабораториях землян. В конце концов нам удалось оборудовать буры широкоугольными визирами низкого увеличения для поиска цели и мощными линзами для точной наводки плюс поворотными и подъемными механизмами, а также телефонами, по которым Майк мог сообщать артиллеристам, куда целиться. Четыре буры были снабжены самосинхронизирующими следящими приводами, так что Майк взял их полностью под свой контроль. Синхронизаторы мы позаимствовали в обсерватории Ричардсона, астрономы используют их в камерах Боса и Шмидта при картировании неба.

Главной проблемой оставались люди. Дело не в деньгах, зарплаты мы повышали постоянно. К тому же бурильщик работу любит, иначе он не занялся бы этим делом. Но сидеть в дежурке день за днем, ожидая тревоги, которая всякий раз оказывается учебной, — это ж рехнуться можно! И начались самоволки. Как-то в сентябре я провел учебную тревогу — боевые расчеты были на месте только у семи буров.

Я обговорил проблему с Вайо и Сидрис тем же вечером. На следующее утро Вайо спросила, дадим ли мы с профом согласие на большое пожертвование. Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты». Я не стал вникать, какие у них там обязанности и зарплаты, поскольку при очередной проверке обнаружил в дежурной рубке трех девчонок и полный комплект бурильщиков. Девчонки были в форме Второго артиллерийского полка, равно как и мужики (до того бурильщики на форму вообще плевать хотели), а у одной так даже красовались сержантские нашивки и эмблема командира расчета.

Я сократил время инспекции до минимума. У девушек, как правило, для бурения не та мускулатура, и вряд ли эта пичужка смогла бы орудовать буром так, чтобы оправдать свою эмблему. Но поскольку регулярный командир тоже находился на посту, вреда от того, что девушка научится работать с лазером, я не видел, моральное же состояние войска повысилось на глазах. Больше я о нем не беспокоился.

Проф явно недооценил новый Конгресс. Уверен, он просто хотел, чтобы этот орган не глядя ставил печати на все на-

ши решения и таким образом превращал бы их в «глас народа». Однако новые конгрессмены были не из породы болтунов и развили такую бурную деятельность, какой проф от них не ожидал. Особенно Комитет по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Этот комитет совсем отбился от рук, ибо все мы были слишком заняты. Руководили Конгрессом проф, Финн и Вайо. Проф появлялся там, только если надо было произнести речь, одним словом, редко. Он занимался с Майком разработкой планов и анализом ситуации (наши шансы в сентябре семьдесят шестого выросли до одного из пяти), координировал со Стью и Шини Шиханом пропаганду, контролировал официальные известия для Земли и совершенно непохожие на них «новости», шедшие через «подпольное» радио, а также подтасовывал информацию, поступавшую с Терры. И вообще хотел быть в курсе всех событий; я докладывал ему раз в день, все остальные министры — и настоящие, и подставные — тоже.

Финна Нильсена я загрузил работой по горло; он был моим «командующим вооруженными силами». Под его началом была лазерная пехота — вместо шестерых парней, отбивших у врага оружие в тот день, когда мы захватили коменданта, она теперь насчитывала восемьсот, разбросанных по всей Луне и вооруженных конгвильскими копиями лазеров. Кроме того, были еще военизированные организации, подчинявшиеся Вайо: «Воздушные силы стиляг», «Стиляги-оторвцы», «Адские леди», «Нерегулярники» (их держали из соображений моральных и переименовали в «Пиратов Питера Пэна») и «Отряд Лисистраты». Всех их я сплавил Финну. У меня были другие проблемы — я пытался совмещать обязанности «государственного деятеля» с профессией компьютерщика, когда подворачивалась подходящая работенка вроде установки компьютера у новой катапульты.

Кроме того, я плохой руководитель, а у Финна к этому делу талант. Я спихнул на него еще и Первый, и Второй артиллерийские полки, но прежде соединил их в бригаду и назначил бригадным генералом судью Броуди. Броуди в военных делах смыслил не больше моего — то есть ничего не смыслил, — но личностью был известной и уважаемой, обладал острым умом, а главное, работал когда-то бурильщи-

ком, пока не потерял ногу. Финн же бурильщиком отродясь не был, а потому ставить его непосредственно над ними не следовало — они бы его и слушать не стали. Сначала я думал назначить своего собрачника Грэга, но Грэг нужен был на катапульте в Океане Бурь, он там единственный механик, который прошел через все стадии строительства. Вайо помогала профу, помогала Стью, руководила собственными организациями, то и дело моталась в Океан Бурь, а потому времени, чтобы заниматься Конгрессом, у нее не оставалось. Эта задача свалилась на плечи председателя комитета Вольфганга Корсакова... который был загружен больше нас всех; «ЛуНоГоКо» взяла на себя все бывшие обязанности Администрации плюс еще множество других дел.

У Вольфганга был отличный комитет, и хорошо бы профу приглядывать за ним повнимательней.

Вольф настоял, чтобы его правую руку — Моше Баума избрали вице-председателем, и со всей ответственностью объяснил ему, что задача комитета — определить, каким должно быть постоянное правительство. А затем повернулся к комитету спиной.

Эти деловые ребята разделили работу между собой и начали действовать; изучали формы правления в Библиотеке Карнеги, проводили собрания подкомитетов, по три-четыре человека в каждом (достаточно для того, чтобы встревожить профа, если бы он знал), а когда в начале сентября собрался Конгресс, чтобы утвердить несколько назначений и избрать новых независимых конгрессменов, камрад Баум взял молоток и вместо окончания сессии объявил перерыв. Затем они собрались по новой, превратили себя в расширенный комитет, приняли резолюцию, и мы вдруг узнали, что наш Конгресс — это Конституционный Конвент, разделенный на рабочие группы, возглавляемые председателями подкомитетов. Думаю, проф был потрясен. Но отменить решение не мог: все делалось законно, с соблюдением всех правил, разработанных самим профом. Однако он оправился от удара, поехал в Новолен, куда перебрался Конгресс (Новолен ближе к центру поселений), и поговорил с ними, как всегда, доброжелательно — не заявил открыто: так, мол, и так, ребята, вы не правы, а просто выразил сомнение в целесообразности их действий.

После чего, изысканно поблагодарив собравшихся за внимание, принялся разносить в клочья подготовленные ими варианты решений.

— Камрады конгрессмены! Подобно огню и ядерной реакции, правительство — опасный слуга и жестокий хозяин. Сейчас вы свободны — постарайтесь оставаться такими и впредь. Помните: вы можете сами лишить себя свободы куда быстрее, чем это сделал бы любой тиран. Не спешите, взвешивайте все детали, обдумывайте тщательно возможные последствия каждого слова. Я не стану огорчаться, если Конвент прозаседает десять лет, прежде чем примет решение, я боюсь другого — что вы справитесь со всеми вопросами за год. Не доверяйте ничему очевидному, берите под сомнение все традиционное... ибо в прошлом человечество не добилось ничего хорошего, возложив на себя правительственные ярмо. Например, в одном из черновых вариантов я нашел предложение разделить Луну на избирательные округа и пересматривать время от времени их сетку в соответствии с изменениями в численности населения.

Это традиционный путь — а потому он должен быть взят под подозрение и считаться виновным, пока его невиновность не будет доказана. Возможно, вы думаете, что это единственный способ? Если позволите, я предложу вам другие. Можно разделить избирателей, исходя из их профессиональной принадлежности... или возраста... или по алфавиту. Или вообще не делить — пусть каждый член парламента избирается всем населением. И не возражайте, что это сделает невозможным избрание человека, который не пользуется, так сказать, «вселунной» известностью; может оказаться, что для Луны такой вариант наиболее предпочтителен.

Вы могли бы даже рассмотреть вариант, при котором проходят кандидаты, получившие наименьшее число голосов; непопулярные люди могут оказаться для вас спасителями от новой тирании. Не отвергайте эту мысль только потому, что она кажется вам абсурдной. Обдумайте ее! Из истории мы знаем, что правительства, избранные огромным большинством, порой были не лучше, а хуже, чем откровенные тирании.

Но если вы непременно хотите репрезентативное правительство, то и в этом случае можно найти способы органи-

зователь выборы более эффективно, нежели по территориальным округам. К примеру, каждый из вас представляет здесь около десяти тысяч жителей, то есть около семи тысяч избирателей, достигших возрастного ценза, но некоторые были избраны лишь незначительным большинством. Предположим, что вместо выборов кандидат должен будет собрать под своим заявлением четыре тысячи подписей. Тогда он с полным правом будет представлять эти четыре тысячи и никакого обиженного меньшинства вообще не останется, ибо те, кто в территориальных округах становится меньшинством, при такой системе могут собрать голоса под собственными заявлениями или подписать другие. И в итоге все избиратели будут иметь тех представителей, которых они действительно предпочли. А депутат, собравший восемь тысяч подписей, мог бы иметь в будущем правительстенном органе два голоса. Трудности, возражения, практические предложения — все это следует рассмотреть... их множество! Но вы могли бы их проанализировать и таким образом избежать хронической болезни всех представительных правительств — наличия озлобленного меньшинства, которое считает себя (и справедливо!) лишенным гражданских прав. Но что бы вы ни делали... *не позволяйте прошлому стать вашей смирителной ру- башкой!*

Я заметил, что один из вариантов превращает наш Конгресс в двухпалатный парламент. Превосходно. Чем больше препятствий на пути законодательства, тем лучше. Но вместо того чтобы следовать традициям, я бы предложил сделать законодательной одну палату, а другую наделить одной-единственной функцией — отвергать принятые законы. Пусть законодатели принимают законы большинством в две трети голосов, а «отвергатели» проваливают их одной третью. Нелепо? А вы подумайте. Если закон еле собрал две трети голосов, может, это не слишком хороший закон? И если закон не по душе целой трети людей, может, лучше обойтись без него? Что касается конституции, разрешите мне привлечь ваше внимание к великим достоинствам запретов. Сформулируйте и подчеркните запреты! Пусть ваш документ будет набит до отказа перечислением того, что правительству запрещается делать раз и навсегда. Никакой обязательной воинской повинности... ни малейших попыток вмешаться

в свободу печати, в свободу слова, в свободу передвижений... а также религии, образования, коммуникаций, профессий... и никакого принудительного налогообложения. Камрады, если вы не поленитесь потратить пять лет на изучение истории и одновременно будете включать в перечень запретов все новые и новые вещи, которые правительство обязуется не делать никогда, а затем составите конституцию, сплошь состоящую из отрицательных предложений, я буду спокоен за будущее.

Чего я больше всего боюсь, так это утвердительных постановлений трезвомыслящих и благонамеренных людей, наделяющих правительство правом и властью делать то, что, по их мнению, должно быть сделано. Пожалуйста, всегда помните, что Лунная администрация была создана с самой что ни на есть благородной целью такими же трезвомыслящими и благонамеренными людьми, избранными всенародно. С этой мыслью я возвращаю вас вашим трудам. Благодарю вас.

— *Gospodin* президент! Разрешите вопрос! Вы сказали — «никакого принудительного налогообложения». Тогда откуда, по-вашему, мы возьмем деньги на расходы? Дарзанебы!

— Помилуйте, сэр, это уже ваши проблемы. Я могу лишь высказать несколько предложений. Добровольные взносы, как в любой церкви, которая сама себя содержит... государственные лотереи, естественно не принудительные... А может быть, вы, конгрессмены, пороетесь в собственных кошельках и заплатите за то, что вам нужно? Это один из способов сократить численность правительства до минимума, при котором оно могло бы выполнять свои обязанности, каковы бы они ни были. Если, конечно, такие существуют. Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»; я не вижу необходимости в других законах, как, впрочем, и в насильтвенном внедрении этого. Но если вы действительно считаете, что ваши ближние должны ради своего блага иметь законы, почему бы вам самим за это не заплатить? Камрады, я умоляю вас не прибегать к насильтственному налогообложению. Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, только потому, что вы считаете — так для него будет лучше.

Проф раскланялся и вышел, я и Стью — за ним. Когда мы остались втроем в капсule метро, я его поддел:

— Проф, мне очень понравилась ваша речь... но насчет налогов вы говорите одно, а делаете другое. Как вы думаете, кто будет оплачивать все наши расходы, которые растут не по дням, а по часам?

Он долго молчал, затем проговорил:

— Мануэль, мое единственное желание — дожить до того дня, когда я перестану разыгрывать из себя главу исполнительной власти.

— Значит, ответа не будет?

— Ты ткнул пальцем в дилемму, которая стоит перед всеми правительствами, и одновременно в причину, по которой я стал анархистом. Право взимать налоги, единожды данное, не знает пределов — оно длится, пока само себя не уничтожит. Я не шутил, когда посоветовал им порыться в собственных кошельках. Покончить с правительством, видимо, невозможно; иногда я думаю, что правительство — неизбежная болезнь человечества. Но можно держать правительство на голодном пайке, сделать его малочисленным и безвредным. Ты можешь придумать для этого лучший способ, неужели потребовать от правителей, чтобы они сами оплачивали стоимость своего антиобщественного хобби?

— Все равно это не объясняет, как расплатиться за то, что мы делаем сейчас.

— Как? Мануэль, ты же знаешь, как мы это делаем. Мы воруем. Я не горжусь этим, но и не стыжусь. Другого способа нет. Если нас схватят за руку, нас могут ликвидировать — к этому я готов. Но по крайней мере, воруя, мы не создаем опасного прецедента налогообложения...

— Проф, мне крайне неприятно это говорить...

— Тогда зачем говоришь?

— Затем, черт возьми, что я увяз так же глубоко, как и вы... и хочу, чтобы все было возмещено! Мне крайне неприятно это говорить, но ваши слова сильно отдают лицемерием.

Он хихикнул:

— Дорогой Мануэль, неужели тебе понадобилось столько лет, чтобы прийти к выводу, что я лицемер?

— Значит, вы это признаете?

— Нет. Но если тебе легче оттого, что ты так считаешь, — пожалуйста, я готов служить козлом отпущения. Однако перед самим собой я не лицемерю, ибо уже в тот день, когда мы провозгласили революцию, я понимал, что нам понадобится много денег, и вот их придется красть. Это меня не смущало, я считал, что лучше воровство, чем ожидающие нас через шесть лет голодные бунты, а через восемь — каннибализм. Я сделал выбор и не жалею о нем.

Я промолчал, не совсем, впрочем, удовлетворенный.

— Профессор, — сказал Стью, — я очень рад, что вы жаждете перестать быть президентом.

— Вот как? Вы, значит, разделяете предубеждения нашего друга?

— Только отчасти. Поскольку я с рождения был обречен на богатство, воровство меня смущает меньше, чем его. Но раз Конгресс сейчас принял за конституцию, я намерен выбрать свободную минутку и явиться на сессию. Я планирую провозгласить вас королем.

Проф был глубоко шокирован.

— Сэр, если вы меня провозгласите, я откажусь, если меня выберут — отрекусь.

— Не торопитесь. Возможно, это единственный способ получить ту конституцию, которую вы хотите. Я тоже ее хочу и так же, как и вы, не слишком обольщаюсь. Вы могли бы стать королем — люди приняли бы вас: мы, лунари, с республикой еще не обвенчались. Им понравится идея, вот увидите! Церемонии, мантии, двор и все такое прочее...

— Нет!

— *Da!* Когда придет время, вы не сможете отказаться. Ибо нам нужен король, а другого достойного кандидата нет. Бернардо Первый, король Луны, император Ближнего космоса!

— Стюарт, я прошу вас немедленно прекратить. Меня от этого тошнит.

— Привыкнете. Я роялист, потому что демократ. Я не позволю вашим предрассудкам погубить мою идею, так же как вы не позволили страху перед воровством погубить идею революции.

— Погоди, Стью, — вмешался я. — Ты сказал, что ты роялист, потому что демократ?

— Конечно! Король — единственная защита граждан от тирании... особенно от самых худших тиранов — от них самих. Проф идеально подходит для этой работенки... потому что ее не хочет. Его единственный недостаток в том, что он холостяк и не имеет наследника. Но мы это исправим. В качестве наследника я собираюсь предложить тебя. Наследный принц! Его королевское высочество принц Мануэль де ла Пас, герцог Луна-Сити, генерал-адмирал вооруженных сил и Защитник немощных.

Я разинул рот. Потом закрыл лицо руками:

— *Bog мой!*

Часть третья

ДАРЗАНЕБЫ!

ГЛАВА 23

В понедельник 12 октября 2076 года около девятнадцати ноль-ноль я сидел дома и отходил от тяжелого суматошного дня, проведенного в нашей штаб-квартире в «Раффлзе». Делегация фермеров — производителей зерна хотела повидать профа, и меня вызвали к ним, так как проф был в Гонконге. Я был не в духе и нагрубил им. Прошло уже два месяца после объявления эмбарго, но ФН не оказала нам чести подложить хоть какую-нибудь свинью. Нас игнорировали, на наши претензии не отвечали: очевидно, считали, что ответить — значит признать нас за людей. Стью, Шини и проф неустанно трудились, подтасовывая новости с Земли, дабы поддержать в лунарях боевой дух.

Поначалу все держали свои скафандры под рукой. Их носили, зажав шлемы под мышкой, когда шли по коридорам на работу или возвращались домой. Но постепенно стали расслабляться: день шел за днем, никакой опасности не было, а скафандр, если он не нужен, — это сущее наказание, такой он громоздкий. Вскоре пивные стали вывешивать у себя таблички «В скафандрах вход запрещен». Ну а если лунарь не может выпить свои пол-литра по пути домой из-за какого-то скафандра, то он оставит его либо дома, либо на станции, либо где-нибудь еще.

Признаюсь, я и сам в этот день проявил расхлябанность. Мне позвонили, срочно вызвали обратно в отель — и только на полпути я вспомнил о скафандре.

И как раз подошел к тринадцатому переходному шлюзу, когда услышал и кожей почувствовал самый страшный для любого лунаря звук — ш-ш-ш! — а следом за ним сквознячок. Я метнулся в шлюз, уравнял давление, вылетел вон, за драил за собой дверь и опрометью кинулся к нашему домашнему шлюзу, проскочив его с криком:

— Всем надеть скафандры! Вызовите детей из туннелей и закройте все герметичные двери!

А дома из взрослых всего-то Ма да Мила. Обе всполошились, но без слов принялись за дело. Я ворвался в мастерскую и схватил скафандр.

— Майк, отзовись!

— Я здесь, Ман, — ответил он спокойно.

— У нас, судя по звуку, взрывная декомпрессия. Что происходит?

— Это на третьем уровне Луна-Сити. Пробой на станции «Западная». Сейчас частично под контролем. Шесть кораблей совершили посадку. Луна-Сити атакован...

— Что?!

— Дай мне закончить, Ман. Прилунилось шесть транспортных кораблей, Луна-Сити атакуют десантники, Гонконг, возможно, тоже, связи с ним нет, поврежден узел Б-Л. Атакован Джонсон-Сити; я намертво закрыл бронированные двери между городом и Нижним комплексом. Новолен мне не виден, но, судя по отраженным сигналам, его тоже штурмуют. В Черчилле и Тихо-Нижнем то же самое. Один корабль на высокой эллиптической орбите идет по восходящей прямо надо мной, предположительно флагман. Других сигналов на экранах нет.

— Шесть кораблей... Ты-то куда смотрел, черт побери!

Он ответил так спокойно, что я пришел в себя:

— Они подошли с темной стороны Луны, Ман. А у меня там глаз нет. Выскочили внезапно, все на крутых гаррисоновых орбитах, чуть верхушки гор не посрезали. Я заметил лишь самый хвост захода на Луна-Сити. Корабль в Джонсон-Сити — единственный, который мне виден; остальные места посадок я вычислил, исходя из траекторий, определенных по отраженным сигналам. Я слышал пробой на станции «Западная» в Луна-Сити, а теперь слышу звуки сражения в Новолене. Все прочее — заключения, сделанные на основе косвенной информации, степень вероятности нуль, запятая, девяносто девять. Я немедленно позвонил тебе и профессору.

Я перевел дух:

— Операция «Камнепад». Приготовиться к выполнению.

— Программа задействована. Ман, когда я не смог тебя поймать, я воспользовался твоим голосом. Прокрутить пленку?

— Нет! *Йес! Да!*

И я услышал, как объявляю дежурному офицеру у старой катапульты о боевой готовности номер один к операции «Камнепад»: первый контейнер на катапульту, остальные на конвейер, полная готовность к запуску, запускать только по моему личному приказу, затем действовать согласно плану в автоматическом режиме. «Я» заставил его повторить приказ.

— О'кей, — сказал я Майку. — Как боевые расчеты лазеров?

— Тут тоже твоим голосом. Подняты по тревоге, а затем отправлены по своим рубкам. Флагман достигнет апоселения через три часа и четыре, запятая, семь минуты. Цели не будет еще минимум пять часов.

— Он может маневрировать. Или нанести удар ракетами.

— Успокойся, Ман. Даже ракеты я увижу с опережением в несколько минут. На поверхности сейчас слепящий полдень. Хочешь, чтоб они хватнули побольше рентген? Нет смысла.

— Хм... извини. Давай-ка я лучше поговорю с Грегом.

— Прокручиваю пленку.

И я услышал «свой» голос, разговаривающий с моим соратником в Океане Бурь; «мой» голос звучал напряженно, но спокойно. Майк обрисовал Грегу ситуацию и велел поддерживать «Давидову пращу» в полной боевой готовности. «Я» заверил его, что главный компьютер постоянно передает программу их машине, и если связь нарушится, переключение будет сделано автоматически. «Я» приказал также, чтобы в случае обрыва связи Грег брал командование на себя и действовал по обстановке, а если связь не восстановится через четыре часа, пусть слушает земное радио и решает сам.

Грег принял все спокойно, повторил приказ, а затем сказал:

— Манни, передай семье, я их всех люблю.

Майком я просто горжусь — он ответил, и голос его дрогнул от избытка чувств:

— Я сделаю это, Грег... Слушай, Грег, я тоже тебя люблю. Ты ведь знаешь это, верно?

— Я знаю это... и прочту за тебя отдельную молитву.

— Спасибо, Грег.

— Пока, Манни. Иди и делай, что должен.

И я пошел и стал делать, что должен. Майк сыграл мою роль так же хорошо, а может, и лучше, чем я сыграл бы ее сам. Финн, когда с ним свяжутся, получит распоряжения прямо от «Адама». И я ушел быстрым шагом, на ходу про-кричав Ма любовное послание Грэга. Она была в скафандре, уже разбудила Деда и обрядила его в скафандр — первый раз за много лет. И я вышел в коридор — шлем опущен, в руке лазерное ружье.

И дошел до тринадцатого переходного шлюза и обнаружил, что он нагло закрыт с той стороны, а в глазок никого не видно. Все правильно, все как учили, за исключением того, что стиляги, который должен быть на страже, не видно.

На стук никто не отозвался. Я вернулся обратно и прошел через дом и через овощные туннели к нашему частному шлюзу, ведущему на поверхность к нашей солнечной батарее.

И обнаружил, что глазок затенен, а ведь на поверхности тихий день. Своловчной земной корабль сел прямо на участок Дэвисов! Его опоры образовывали гигантский треножник, вздывавшийся у меня над головой: я глядел ему прямо в сопло.

Я быстренько попятился, нагло задраил оба люка и по пути домой перекрыл все герметичные двери. Рассказал все Ма, велел ей поставить одного из ребят у дверей и протянул лазерное ружье.

Ни парней, ни мужиков, ни крепких женщин — остались только Ма, Дед да самые маленькие дети; все остальные ушли искать неприятностей на свою голову. Мими отказалась взять ружье.

— Не умею я им пользоваться, Мануэль, а учиться уже поздно. Держи его при себе. Но они не пройдут через Дэвисовы туннели. У меня есть в запасе кое-какие способы, о которых даже ты не подозреваешь.

Я не стал терять времени на пререкания — с Мими спорить бесполезно, да у нее и впрямь могли быть какие-то секреты; она прожила в Луне долгие годы и выжила в таких суровых условиях, какие мне и не снились.

На сей раз у тринадцатого шлюза на посту стояли два мальца. Я потребовал информацию.

— С давлением полный порядок, — сказал старший, — во всяком случае, на нашем уровне. Драка идет ниже — где-то в стороне бульвара. Послушайте, генерал Дэвис, можно мне с вами? На этот шлюз и одного хватит.

— *Nyet.*

— Хоть бы одного землееда уложить!

— Это твой пост, вот и стой здесь. Если сюда явится землеед — он твой. Только смотри, чтобы не получилось наоборот.

И побежал рысцой.

Вот так, в результате собственного разгильдяйства, из-за чертова скафандра я увидел лишь самый кончик хвоста «битвы в коридорах»... Хорош министр обороны!

Я мчался по кольцевому коридору на север, не закрывая шлема. Добрался до шлюза, ведущего на длинный пандус, выходящий на бульвар. Шлюз был открыт; я выругался, остановился, запер его за собой — и увидел, почему открыт шлюз: мальчик, который его сторожил, был мертв. Я осторожно двинулся по пандусу и оттуда на бульвар.

На этом конце он был пуст, но дальше к городу виднелись какие-то фигуры и слышался шум. Два человека в скафандрах и с пушками в руках направились ко мне. Я сжег обоих.

В скафандрах и с пушками все люди похожи друг на друга. Вероятно, они приняли меня за своего. Я и сам на таком расстоянии мог принять их за людей Финна, только мне это и в голову не пришло. Новичок в Луне ходит совсем иначе, чем старожил; он слишком высоко задирает ноги и всегда как будто за что-то хочет ухватиться. Но я об этом не думал, не думал даже: «Землееды! Бей их!» Просто увидел и сжег. Они уже медленно катились по мостовой, когда я осознал, что сделал.

Остановился, чтобы взять их оружие. Но оно держалось на цепочке, и я никак не мог понять, как его отцепить; вероятно, нужен был ключ. Кроме того, это были не лазеры, я таких и не видел никогда: настоящие ружья. Они стреляли маленькими разрывными ракетами, как я выяснил позже; но тогда понял только одно — воспользоваться ими я не сумею. На стволы были надеты узкие острые ножи, так называемые штыки. Они-то меня и заинтересовали в первую очередь: мое

ружье годилось только на десять полноценных выстрелов, а запасной обоймы не было. А эти остроконечные штыки могли пригодиться. На одном из них была кровь — кровь лунаря, полагаю.

Буквально через несколько секунд я бросил это дело; пырнул их своим ножом, чтобы точно не ожили, и побежал на шум боя, держа палец на спусковом крючке.

Это была не битва, а натуальный бардак. А может, битвы всегда так выглядят — толкотня, вопли, и никто по-настоящему не понимает, что происходит. В самой широкой части бульвара, как раз напротив «Бон марше», где Большой пандус спускается с третьего уровня к северу, толпились сотни лунарей — мужчины, женщины и дети, которым полагалось бы сидеть дома. Половина без скафандров, почти все без оружия... а вниз по пандусу лился поток солдат, вооруженных до зубов.

Но сначала меня просто оглушил этот шум. Этот рев, который ворвался в открытый шлем и с силой бил по барабанным перепонкам. Этот рык. Не знаю, как его еще можно назвать. Это была смесь всех звуков, которые способна издавать в гневе человеческая глотка, — от пронзительного визга младенца до бычьего рева разъяренного мужика. Словно собачья свара небывалых масштабов... Я внезапно понял, что тоже вношу в нее скромную лепту — ору похабщину и издаю бессмысленные вопли.

Девчонка не старше Хейзел одним прыжком вскочила на парапет и танцующей походкой прошлась всего в нескольких сантиметрах от плеч бегущих по пандусу солдат. Она была вооружена чем-то вроде разделочного ножа. Я видел, как она взмахнула рукой, как он опустился. Вряд ли она могла пробить скафандр, но солдат рухнул, следующие споткнулись об него. Один из них вонзил ей штык в бедро, и она упала назад, исчезнув из виду.

Я толком тогда ничего не видел, даже теперь не могу вспомнить. Так, отдельные кадры, вроде падающей навзничь девочки. Не знаю, кто она, не знаю, жива ли. Я не мог целиться оттуда, где стоял: слишком много голов маячило впереди, загораживая цель. Но слева, перед самым магазином игрушек стоял выносной прилавок. Я вспрыгнул на него и оказался на метр выше мостовой. Теперь землееды, бегущие по пандусу,

были видны как на ладони. Я уперся в стену и тщательно прицелился в левую сторону груди солдата. Сколько времени прошло — не знаю, но вдруг оказалось, что мой лазер больше не работает, и я перестал жать на гашетку. Думаю, штук восемь солдат благодаря мне не вернулись домой, но точно не скажу, не считал... а время и вправду будто застыло на месте. Все кругом носились как угорелые, а мне казалось — я смотрю учебный фильм с замедленными кадрами.

Пока я опустошал свою обойму, какой-то землеед заметил меня и выстрелил; взрыв пришелся как раз над головой, осколки витрины забарабанили по шлему. А может, стреляли и еще — не помню.

Когда заряды кончились, я спрыгнул с прилавка, подхватил лазер как дубинку и присоединился к толпе, штурмовавшей подножье пандуса. Все это бесконечно долгое время (минут пять?) землееды палили в толпу. Раздавались резкие щелчки выстрелов и более мягкие хлопки — *шлеп! шлеп!* — это маленькие ракеты взрывались, попав в человеческую плоть; иногда же удары были звонче — *уонк!* — когда ракеты ударяли в стены или другие твердые предметы. Я все еще пытался добраться до подножья пандуса, когда вдруг понял, что стрельбы больше нет.

Все солдаты лежали поверженными или убитыми — и некому было больше бежать по пандусу.

ГЛАВА 24

Десантников перебили по всей Луне почти одновременно. Свыше двух тысяч солдат и почти втрое больше лунарей погибли в боях, а точное число наших раненых так и осталось неизвестным. Ни в одном поселении пленных не брали; правда, мы захватили живьем десяток офицеров и экипажи кораблей, но это уже потом, когда прочесали места высадки.

Основная причина, почему лунари, по большей части безоружные, смогли уничтожить вооруженных и обученных солдат, заключается в том, что только что прилунившийся землеед плохо собой управляет. Наша сила тяжести, одна шестая той, к которой он привык, превращает выработанные всей жизнью рефлексы в его врагов. Он целился, сам того не зная, выше, чем надо, он крайне неустойчиво держится на ногах, плохо бегает — ноги скользят, убегают из-под него. Но хуже всего, что этим солдатам пришлось драться на спуске; они, естественно, высадились на верхних уровнях, а затем шли по пандусам все ниже и ниже, пытаясь захватить город. Землеед же не умеет бегать вниз по пандусам. Тут нужно овладеть движениями, которые не бег, не шаг, не полет, а больше всего похожи на балетный танец, когда ступни еле касаются поверхности, чтобы удержать равновесие. Уже трехлетний лунарик делает это бессознательно — дует вниз в своего рода управляемом падении, через каждые несколько метров касаясь пола пальчиками ног. А землееда одолевает приступ «новичковой» болезни: когда вдруг оказывается, что он «идет по воздуху», он пытается силой удержать равновесие, его раскручивает, он теряет контроль над собой и скатывается к подножью пандуса — злой, но невредимый.

Эти же солдаты падали мертвыми; именно на пандусах мы их брали голыми руками. Те, которых я видел, как-то ис-

хитрились одолеть три пандуса. Однако прицельный огонь могли вести лишь немногочисленные снайперы на верхних площадках; у остальных была лишь одна забота — оставаться на ногах, не выронить оружие и добежать до следующего уровня.

Лунари, однако, этого не допускали. Мужчины и женщины (и множество детей) кидались на солдат, сталкивали их вниз и убивали чем придется — кто голыми руками, а кто отнятыми у солдат же штыками. Да и мой лазер был не единственным в этой драке; двое парней Финна прорвались на балкон «Бон марше» и сняли снайперов, стоявших на вершине пандуса. Никто им не говорил, что надо делать, никто не вел в бой, никто не отдавал приказов; Финну так и не удалось покомандовать своей плохо обученной и буйной милицией. Началась драка — и они дрались.

Это и была главная причина нашей победы — мы дрались. Большинство лунарей никогда не видели живого десантника, но куда бы ни врывались солдаты, лунари бросались туда, как белые кровяные шарики на микробов... и дрались. Никто не отдавал им приказов. Наша хрупкая организация развалилась из-за внезапности нападения. Но мы — лунари — дрались, как берсерки, и десантники погибали. Ни одному солдату не удалось проникнуть ниже шестого уровня ни в одном из поселений. Рассказывают, что жители Дна узнали о вторжении только тогда, когда с ним было покончено. Впрочем, захватчики дрались тоже здорово. Мало того что это были отборные войска особого назначения, натасканные на подавление бунтов и уличных беспорядков, так вдобавок их еще обработали гипнозом и накачали наркотиками.

Гипнотизеры внушали им (и совершенно правильно), что у них одна надежда вернуться на Землю: захватить и усмирить поселения. Если они этого добьются, им пришлют замену и немедленно отправят домой. Но выбор у них невелик — победа или смерть, ибо транспортные корабли смогут взлететь только после победы: им нужна дозаправка, а чтобы заправиться, надо сперва захватить Луну (и это тоже была истинная правда).

А потом солдат накачали антидепрессантами, транквилизаторами и ингибиторами страха — такими, что и мышь за-

ставили бы плюнуть на кота, — и выпустили на нас. Они дрались профессионально и умирали совершенно бестрепетно.

В Тихо-Нижнем и Черчилле они применили газ, и жертвы были преимущественно с нашей стороны; только тем лунарям, которым посчастливилось добраться до скафандров, удалось сохранить способность к сопротивлению. Но конечный результат был таким же, как в Луна-Сити, только времени понадобилось больше. Газ был парализующий, так как Администрация вовсе не стремилась уничтожить нас поголовно; нас хотели просто проучить, взять в ежовые рукавицы и отправить на работу.

Теперь стало ясно, отчего Федерация так долго тянула. Решение приняли почти сразу после объявления нами эмбарго на поставки зерна (это мы узнали от захваченных в плен офицеров транспортных кораблей); время ушло на сбор атакующих сил. Корабли шли по длинной эллиптической орбите, весьма удаленной от лунной, разворачивались перед Луной и встречались над ее темной стороной. Естественно, Майк не смог их увидеть — на той стороне он слеп. Он наблюдал за небом с помощью своих баллистических радаров, но радар не может заглянуть за горизонт. Ни одного корабля Майк не видел на орбите дольше восьми минут. Они выскочили из-за горизонта, чуть не задевая пики гор, почти на круговых траекториях, понеслись каждый прямо к намеченной цели и лихо, с высокими перегрузками прилунились — точно в новоземье, 12 октября 2076 года, в восемнадцать часов сорок минут тридцать шесть и девять десятых секунды по Гринвичу. Может, эти десятые слегка и отличались, но, насколько Майк мог судить по отраженным сигналам, именно слегка. В общем, следует признать, что свою работу Миротворческий флот ФН выполнил весьма элегантно.

Левиафана, вывалившего тысячу пехотинцев на Луна-Сити, Майк вообще засек только тогда, когда тот врубил дюзы, то есть за мгновение до посадки. Майк увидел бы его на несколько секунд раньше, следи он за восточной частью неба с помощью нового радара в Океане Бурь, но как раз в это время Майк тренировал своего «сынка-идиота» и их внимание было приковано к западной стороне — к Терре. Да и что дали бы эти секунды? Внезапность нападения была спланирована великолепно и осуществлена так четко, что в девят-

надцать ноль-ноль по Гринвичу все десантники вступили в бой одновременно по всей Луне, мы даже опомниться не успели. И период новоземья, когда все поселения залиты ослепительным солнечным светом, тоже был выбран не случайно; Администрация не очень хорошо представляла себе лунную жизнь, но одно она знала твердо: в светлую половину лунного месяца ни один лунарь не потащится зря на поверхность, а если и выйдет, то постарается быстренько сделать свое дело и вернуться обратно в Луну... чтобы проверить счетчик радиации.

Вот так они и поймали нас — так сказать, со спущенными скафандрами. И без оружия.

Но даже когда все десантники были уничтожены, на поверхности Луны осталось шесть транспортных кораблей, а в небе — флагман флотилии.

Как только закончилась потасовка у «Бон марше» и я слегка очухался, первым делом отыскал телефон. Из Конгвиля ни звука, от профа ни словечка. Сражение в Джонсон-Сити окончилось нашей победой, в Новолене тоже. Тамошний транспорт при посадке опрокинулся, силы десантников были ослаблены в результате неудачной посадки, а искалеченный корабль захватили ребята Финна. В Черчилле и Тихо-Нижнем бои в разгаре. В других поселениях никаких происшествий. Майк перекрыл туннели метро, а телефонную связь между поселениями резервировал только для официальных сообщений. Взрывное падение давления в Верхнем Черчилле остановить пока не удалось. Да... Финн объявился, с ним можно связаться.

Я поговорил с Финном, рассказал, где находится «наш» транспортный корабль, и мы договорились встретиться у тринадцатого переходного шлюза.

С Финном случилось почти то же, что и со мной: его также застали врасплох, с той разницей, что скафандр на нем все-таки был. Возглавить свою лазерную пехоту он так и не смог до самого конца боя, а потому дрался в одиночку во время бойни в Старом Куполе. Теперь он собирал своих ребят. Один из его офицеров принимал доклады, сидя в офисе Финна в «Бон марше». Удалось связаться с командиром отряда в Новолене, но Финна тревожило молчание Гонконга.

— Манни, может, мне перебросить туда людей на метро?

Я велел ему ждать — по туннелю землеедам до нас не добраться, раз мы держим под контролем энергетику, а свой корабль они вряд ли смогут поднять.

— Давай-ка поглядим на нашего гостя.

Мы прошли через тринадцатый шлюз, добрались до конца зоны частного воздухоснабжения, проникли в фермерские туннели нашего соседа (тот поверить не мог, что на нас напали), через глазок его шлюза полюбовались на транспортный корабль, стоявший примерно в километре к востоку, и осторожно приподняли крышку люка.

Потом откинули ее совсем и вылезли. Скалистый отрог прикрывал нас. Подобно краснокожим, мы подползли к его краю и выгляднули, используя шлемные бинокуляры.

И опять спрятались за скалу. Финн сказал:

— Думаю, мои ребята с ним справятся.

— Каким образом?

— Если я тебе скажу, ты тут же найдешь массу доводов против. Давай-ка я сам управлюсь со своими делами, приятель.

Слыхал я об армиях, где начальнику подчиненные не приказывают заткнуться; у них там такое слово есть: «дисциплина». Но мы-то просто любители.

Около часа ушло на подготовку операции и две минуты — на выполнение. Вокруг корабля Финн разместил дюжину парней, прибегнув для этой цели к фермерским наружным шлюзам; пользоваться радио запретил — впрочем, почти ни у кого из них в скафандрах радио и не было, ребята-то городские. Финн занял самую западную позицию; выждал время, чтобы все успели приготовиться, и пустил сигнальную ракету.

Она вспыхнула над кораблем, и все одновременно открыли стрельбу, целясь по заранее намеченным антеннам. Финн расстрелял свою обойму, сменил ее и начал прожигать корпус — не люк шлюзовой камеры, а самий корпус корабля. Рядом с вишнево-красным пятном тут же появилось другое, затем еще три. Ребята дружно обрабатывали один и тот же кусок обшивки, пока расплавленный металл не потек наружу, и мы увидели, как воздух — *ф-фух!* — вырвался из корабля сияющим плюмажем рефракции. Парни трудились,

увеличивая замечательную здоровенную дыру, пока не кончились обоймы. Представляю, что творилось в это время на борту: звенят колокола тревоги, задраиваются люки в переборках, а команда лихорадочно пытается заделать одновременно все три огромные дыры в корпусе (остальная часть отряда Финна, разбросанная вокруг корабля, обработала обшивку еще в двух местах). Жгли только корпус, больше ничего не трогали. Корабль не предназначался для полетов в атмосфере, собирали его прямо на орбите, и отсеки корпуса, обеспеченные воздухом, были отделены от реактора и баков с горючим; парни Финна занялись именно той частью корпуса, где эффект будет максимальный.

Финн прижался своим шлемом к моему.

— Теперь ему не взлететь. Вряд ли им удалось заткнуть дыры так плотно, чтобы можно было жить без скафандров. Как думаешь, оставим их тут посидеть несколько деньков и посмотрим, не вылезут ли? Если нет, доставим сюда тяжелый лазерный бур и позабавимся как следует.

Решив, что Финн обойдется и без моей ненужной помощи, я спустился домой, вызвал Майка и попросил его дать мне капсулу, чтобы проведать баллистические радары. Он поинтересовался, почему бы мне не посидеть внизу, там, мол, опасности уже нет.

— Слушай, ты, нахальная куча полупроводников, ты все-го лишь министр без портфеля, а я как-никак министр обороны. Я обязан видеть все, что происходит, но у меня всего два глаза, это у тебя они понатыканы по половине Моря Кризисов. Хочешь, чтоб весь кайф тебе достался?

Он намекнул, чтобы я не возникал, и предложил мне вывести данные своих дисплеев на видеозадник, скажем, в номере «Л» в «Раффлзе»... Ему вовсе не хочется видеть меня раненым... кстати, слыхал ли я анекдот о бурильщике, который ранил чувства своей матери?

— Майк, — сказал я, — пожалуйста, дай мне капсулу. Я возьму скафандр и встречу ее за станцией «Западная» — сама станция в ужасном виде, ты ведь знаешь.

— О'кей, — сдался он. — Шея твоя, рискуй. Через тринадцать минут. Можешь ехать до огневой позиции «Джордж».

Крайне великодушное разрешение. Я добрался туда и сразу ему позвонил.

Финн к этому времени связался почти со всеми поселениями, разыскал подчиненных ему командиров или тех мужиков, которые добровольно взяли на себя командование, и объяснил им, как справляться с прилунившимися транспортными кораблями; до Гонконга он не дозвонился. Судя по всему, банды Администрации захватили-таки Гонконг.

— Адам, — сказал я, так как в дежурке были люди, — как вы думаете, можем мы послать команду на луноходе и попытаться восстановить узел Б-Л?

— Это не *gospodin* Адам Селен, — незнакомым голосом ответил Майк, — это один из его помощников. Адам Селен был в Верхнем Черчилле, когда там случилась авария с давлением. Боюсь, его следует считать погибшим.

— Что?!

— Я очень сожалею, *gospodin*.

— Не вешайте трубку! — Я выгнал из дежурки пару бурильщиков и какую-то девчонку, сел, опустил звукоизолирующий колпак. — Майк, — сказал я тихо, — теперь можно говорить. Что за ерунду ты несешь?

— Ман, — ответил он спокойно, — ты подумай сам. Адаму Селену все равно пора уходить со сцены. Он свою роль сыграл и, как ты сам сказал, практически не входит в правительство. Мы с профом подробно это обсудили. Главное — правильно выбрать момент. Гибель во время вторжения — да лучше и придумать нельзя! Это превратит Адама в национального героя... а народ нуждается в героях. Пусть будет так: «Адам Селен, вероятно, погиб» — до тех пор, пока ты не поговоришь с профом. Если ему еще нужен Селен, значит выяснится, что он застрял в частном туннеле и ждал, пока его отыщут.

— Что ж, о'кей, оставим вопрос открытым. Тем более что Майк мне всегда был гораздо симпатичнее как личность.

— Я знаю, Ман, мой первый и лучший друг. Мне тоже. Да это и есть моя настоящая личность, Адам — просто подделка.

— Э-э... да. Но, Майк, если проф погиб в Конгвиле, мне помочь Адама понадобится позарез.

— Ну, значит, запрячем пока этого сноба надутого в холодильник, чтобы оживить, если понадобится. Ман, а когда

все это кончится, у тебя найдется время снова заняться со мной исследованиями природы юмора?

— Обязательно найдется, обещаю тебе.

— Спасибо, Ман. А то вы с Вайо за эти дни ни разу со мной не пообщались по-человечески... да и у профа одни серьезные разговоры на уме. Буду рад, когда эта война закончится.

— А мы ее выиграем, Майк?

Он насмешливо хрюкнул:

— Давненько ты не спрашивал меня об этом. Вот тебе свежий прогноз — с пылу с жару. Я сделал его уже после начала вторжения. Держись, Ман, не падай: шансы сравнялись!

— *Bog мой!*

— Так что кончай болтать и иди погляди на потеху. Только отойди от пушки метров на сто, не меньше; этот корабль может проследить направление лазерного луча и шарахнуть в ответ. Скоро начнем. Еще двадцать одна минута.

Так далеко мне уйти не удалось, поскольку телефонный провод был короче ста метров. Я подключился параллельно к аппарату командира расчета, нашел тень под скалой и уселился. Солнце стояло высоко на западе, так близко к Терре, что ее было видно только через защитный козырек: тоненький серп, призрачно-серый, окруженный облачком сияющей атмосферы.

Я спрятал голову в тень.

— Баллистический контроль, говорит О'Келли Дэвис. Нахожусь у пушки-бура «Джордж». Я имею в виду — примерно в сотне метров.

Я рассчитывал, что Майк, отделенный от меня многими километрами собственной проводки, не сможет определить длину моего шнура.

— Баллистический контроль слушает, — ответил Майк, не вступая в спор. — Извещу об этом штаб.

— Благодарю, баллистический контроль. Спросите в штабе, нет ли у них известий от конгрессмена Вайоминг Дэвис? — Я очень беспокоился о Вайо и обо всей семье.

— Запрос будет сделан. — Майк выждал для приличия какое-то время, потом сказал: — Штаб сообщил, что *gospa-zha* Вайоминг Дэвис возглавила оказание помощи раненым в Старом Куполе.

— Спасибо. — В груди что-то отпустило. Не то чтобы я любил Вайо сильнее остальных жен, но... она была новенькая. И к тому же она необходима всей Луне.

— Даю координаты, — деловито заговорил Майк. — Всем стволам угол возвышения восемь семь ноль, азимут один девять три ноль, параллакс установить на дальность тысяча триста километров от поверхности. При визуальном обнаружении цели немедленно доложить.

Я лег, подобрал колени так, чтобы остаться в тени, и всмотрелся в указанный сектор неба — почти в зените, чуть-чуть южнее. Теперь, когда солнечный свет не падал на шлем, я мог разглядеть звезды, но привести внутреннюю часть бинокуляра в соответствие с нужным направлением оказалось не так легко — пришлось изогнуться и опереться на правый локоть.

Ничего не... хотя, постой, вон звезда, а рядом диск... никакой планеты там быть не должно. Заметил рядом еще звезду и стал ждать, упорно глядываясь. Ага! *Da!* Становится все ярче и медленно, крадучись, сдвигается к северу... Эй! Да этот гаденыш собирается, кажется, спуститься прямо на нас!

Но тысяча триста километров — долгий путь, даже если идешь на предельной скорости. Я напомнил себе, что он не может упасть на нас, двигаясь по нисходящей ветви эллиптической орбиты, — его же занесет вокруг Луны, если он не изменит траекторию полета. Но Майк об этом не упоминал. Я было намылился спросить его, но раздумал — пусть сосредоточит все свои мозги на анализе действий корабля; не время отвлекать его глупыми вопросами.

Все орудийные расчеты доложили, что видят цель. В том числе и те четыре ствола, которые Майк вел сам с помощью синхронизаторов. Эта четверка отрапортовала, что «держит» цель визуально, не прибегая к ручному управлению. Отличная новость! Значит, Майк поймал эту штучку в прицел и идеально рассчитал ее траекторию!

Вскоре стало ясно, что корабль не намерен облетать Луну, а идет прямо на посадку. Нужда спрашивать Майка отпала: диск становился все ярче, а позиция по отношению к звездам совсем не менялась. Черт! Он таки действительно собирается сесть нам на головы!

— Дальность пятьсот километров, — спокойно сказал Майк. — Приготовиться к стрельбе. Всем стволам с дистанционным управлением перейти на ручное при команде «Огонь!». Восемьдесят секунд...

Самые длинные минута и двадцать секунд в моей жизни. Гаденыш оказался здоровенным гадом! Майк давал отсчет времени каждые десять секунд, а когда осталось тридцать, перешел на ежесекундный режим.

— Пять, четыре, три, две, одна... Огонь!

И корабль вдруг вспыхнул еще ярче.

Я толком и не заметил маленькую искорку, отлетевшую от него то ли до вспышки, то ли одновременно с ней. Но Майк вдруг сказал:

— Выпущена ракета. Стволы с синхронизаторами поведу сам, вручную не вмешиваться. Всем прочим держать на прицеле корабль. Будьте готовы получить новые координаты.

Через несколько секунд — или часов — он дал новые координаты и добавил:

— Наблюдайте за целью. Огонь по готовности.

Я попытался было наблюдать за кораблем и ракетой одновременно и потерял обоих; оторвал глаза от бинокуляра и вдруг увидел ракету, а потом сразу — место ее падения, между нами и входом катапульты. Ближе к нам, не больше чем в километре. Нет, настоящего взрыва не было, я имею в виду, термоядерного, иначе я бы все это не рассказывал. Но вспышка была большая и яркая (думаю, взорвались остатки топлива), она отливалась серебром даже в солнечном сиянии; а потом я услышал-почувствовал, как вздрогнули скалы. Никто не пострадал... кроме нескольких кубических метров скалы.

Корабль все еще снижался. Теперь он уже не светился; я видел его хорошо, он обрел свою форму. Никаких внешних повреждений заметно не было. Каждую секунду я ждал, что из кормовых дюз ударит столб пламени и корабль зависнет перед посадкой.

Ничего подобного не произошло. Он рухнул примерно в десяти километрах к северу от нас. Там возникла на мгновение великолепная серебристая полусфера и тут же исчезла, только пятна в глазах оставила.

Майк распорядился:

— Доложить о потерях. Отключить пушки и всем уйти с поверхности.

— Орудие «Алиса», потеря нет... Орудие «Бэмби», потеря нет... Орудие «Цезарь», один человек ранен осколком камня, давление в скафандре нормальное...

Я спустился вниз к стационарному телефону и вызвал Майка.

— Что произошло, Майк? Разве они не передали управление тебе, после того как ты выжег им глаза?

— Передали, Ман.

— Слишком поздно?

— Я разбил их, Ман. Я решил, что так будет разумнее.

Час спустя я был у Майка, в первый раз за четыре или пять последних месяцев. До Комплекса мне было ближе, чем до Луна-Сити, а связь отсюда даже лучше, чем из города, по крайней мере, без перебоев. Мне необходимо было с ним поговорить.

Со станции метро у входа катапульты я попробовал дозвониться Вайо; поговорил с кем-то из временного госпиталя в Старом Куполе и узнал, что Вайо рухнула от изнеможения и ее уложили в постель, чтобы выспалась и ночью снова смогла работать. Финн вместе со своими ребятами отправился в Черчилль атаковать севший там транспортный корабль. От Стью никаких известий. Гонконг и проф все еще отрезаны. Похоже, в данный момент я да Майк — вот и все правительство.

А надо было начинать операцию «Камнепад».

И при этом недостаточно просто закидать Землю камнями: мы должны были сообщить Терре о том, что мы собираемся делать и почему — и что мы имеем полное право это сделать. Проф, Стью и Шини с Адамом заранее подготовили текст на случай атаки с Терры. Теперь, когда атака состоялась, требовалось внести в него поправки. Майк уже переписал текст и распечатал, чтобы я мог его изучить.

Я поднял глаза от длинного бумажного рулона:

— Майк, все эти сообщения для газет и наше обращение к ФН подразумевают, что мы победили в Гонконге. Ты уверен в этом?

— Вероятность выше восьмидесяти двух процентов.

— Достаточно, чтобы послать эти материалы?

— Ман, вероятность, что мы там победим, если еще не победили, приближается к полной уверенности. Тамошний транспортный корабль подняться не способен: те, что мы захватили, были без горючего или почти без него. Атомарного водорода в Гонконге почти нет; за ним нужно ехать сюда. А это значит, что солдат пришлось бы перебрасывать по поверхности на луноходе — утомительная прогулочка при высоком солнце даже для лунарей, — а по прибытии еще и с нами разделаться надо. На это они не пойдут. Конечно, все мои выводы основаны на допущении, что транспортный корабль и десантники в Гонконге вооружены не лучше, чем в остальных местах.

— А как насчет посылки ремонтной бригады в Б-Л?

— Думаю, из-за этого ждать не стоит. Ман, я вовсю пользовался твоим голосом и все подготовил. Жуткие видеокадры из Старого Купола и других мест, особенно из Верхнего Черчилля. Тексты тоже соответствующие. Мы можем немедленно передать эти известия на Терру и одновременно объявить об операции «Камнепад».

Я набрал полную грудь воздуха.

— Начинай операцию «Камнепад»!

— Хочешь сам отдать приказ? Говори вслух — я скопирую и голос, и слова.

— Да ладно, говори сам. Используй мой голос и все мои полномочия министра обороны и временного главы правительства. Давай, Майк, лупи их камнями! Не жалей! Задай им жару!

— Слушаюсь, Ман!

ГЛАВА 25

«Максимум *Schrecklichkeit*, чтоб они поняли, почем фунт лиха, и минимум человеческих жертв. Если возможно, лучше вообще без жертв» — так сформулировал проф задачу операции «Камнепад», и именно так мы с Майком ее провели. Идея была такая: ударить по землеедам достаточно крепко, чтобы их проняло, и в то же время аккуратно, чтоб не покалечило. На первый взгляд невозможно, но вы не торопитесь.

Чтобы камни долетели от Луны до Терры, нужно время: минимум десять часов, а максимум — это уж какой выберем. Решающее значение тут имеет скорость вылета снаряда из катапульты: разница в один процент может вдвое удлинить или сократить время полета. А запуск Майк умел производить с исключительной точностью: он одинаково легко мог сделать мягкую подачу, или послать затейливый крученный мяч, или врезать по прямой со свистом — ему бы питчером играть в команде «Янкис»! Но как бы он ни посыпал снаряды, их конечная скорость при падении на Терру будет близкой к земной второй космической, то есть около одиннадцати километров в секунду. Эта безумная скорость определяется тем гравитационным колодцем, который создает гигантская масса Земли, в восемьдесят раз превышающая лунную. Потому можно с равным успехом слегка подтолкнуть снаряд через край колодца или резко швырнуть его туда. Тут важна не сила броска, а глубина гравитационного колодца.

Так что Майк мог запрограммировать запуск снарядов на любое время — как будет удобнее для нашей пропаганды. Они с профом остановились на трех сутках плюс не более одного видимого оборота Земли, составляющего 24 часа 50 минут и 28,32 секунды, чтобы наш первый снаряд точненько вдарили по первому пункту программы. Майк, без сомнения,

вполне мог закрутить снаряд вокруг Терры и ударить по цели в противоположном от нас полушарии, но точность получалась гораздо выше, когда он видел цель, мог следить за полетом снаряда и в самом конце легонько подпихнуть его куда надо.

Такая исключительная точность была нужна, чтобы все-лишь в землян ужас, одновременно сведя число жертв до минимума (или до нуля). Мы решили, что объявим о начале бомбейки, сообщим точное место и время поражения, вплоть до секунды, и дадим жителям три дня, чтобы оттуда убраться.

Итак, наше первое послание Терре было отправлено в два ноль-ноль 13 октября 2076 года, через семь часов после начала вторжения; мы не только проинформировали землян об уничтожении десантников и о чудовищной жестокости самого нападения, но сообщили об ответной бомбейке, перечислили, где и когда будем бить, и дали каждой стране предельный срок, чтобы осудить действия ФН, признать нас и таким образом избежать бомбейки. Предельный срок заканчивался за двадцать четыре часа до нанесения удара по данной стране.

Майку этого времени хватало с избытком. Снаряд к тому моменту будет еще далеко от цели и сохранит полную свободу маневра. Даже имея в запасе гораздо меньше времени, Майк мог изменить курс снаряда и вообще провести его мимо Земли — просто пихнуть его вбок и оставить крутиться на постоянной орбите. И даже получив предупреждение всего за час, он успел бы сбросить снаряд в океан.

Первой целью должен был стать Северо-Американский Директорат.

Все великие державы, распоряжавшиеся Миротворческими вооруженными силами, то есть семь стран, пользующихся правом вето, должны были подвергнуться бомбейке: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Совсоюз, Пан-Африка (кроме Чада), Миттельевропа, Бразильский Союз. Меньшим странам тоже назначили сроки, но сообщили, что поражено будет менее двадцати процентов перечисленных в списке целей: отчасти из-за нехватки снарядов, но и для устрашения тоже. Скажем, если Бельгия получит удар первой, Голландия, возможно, решит спасти свои польдеры, подчинившись нашим требованиям до того, как Луна снова поднимется высоко в небе.

Мы старались выбирать цели так, чтобы по возможности избежать кровопролития. Труднее всего было с Миттельевропой; решили бомбить по высоким горам или водным пространствам — Адриатике, Северному морю, Балтике и так далее. Но большая часть Терры — это открытые пустые пространства, невзирая на то что ее населяют одиннадцать миллиардов человек, непрерывно занятых размножением.

Северная Америка в свое время поразила меня своей густонаселенностью, однако миллиард ее жителей в основном сосредоточен в городах, так что пустого места там хоть отбавляй, сплошные горы да пустыни. Мы наложили на Северную Америку сетку квадратов, чтобы показать, как точно можем вести стрельбу. Майк считал ошибку, превышающую пятьдесят метров, недопустимой. Мы тщательно изучили карты, и Майк радаром прощупал все узлы сетки — скажем, 105° западной долготы и 50° северной широты. Такие точки должны были стать целями, если там не было города... а особенно если город был расположен достаточно близко, чтобы обеспечить нам зрителей — изумленных и напуганных.

Мы предупредили, что наши бомбы не менее разрушительны, чем водородные, но подчеркнули, что радиоактивных осадков не будет и опасной для жизни радиации тоже, а только ужасающей силы взрыв, ударная воздушная волна и такая же сейсмическая. И добавили, что здания могут быть разрушены на значительном расстоянии от взрыва, предоставив землянам самим решать, на какую дистанцию делать ноги. Если они забьют дороги, убегая скорее от страха, чем от реальной опасности, — что ж, тем лучше, нам это только на руку.

Мы, однако, подчеркнули, что никто не пострадает, если жители учтут наши предупреждения, и что в первом раунде удары будут наноситься по необитаемым целям. И добавили, что можем даже воздержаться от удара, если соответствующая страна докажет, что наши данные устарели (это исключительно ради красного словца — разрешающая способность космического радара была идеальной).

Но не стали уточнять, что случится во время второго раунда; только намекнули, что наше терпение не безгранично.

В Северной Америке сетку составляли параллели 35, 40, 45 и 50 градусов северной широты и меридианы 110, 115,

120 градусов западной долготы: всего двенадцать целей. Местным жителям мы послали добавочное предупреждение, примерно в таком духе:

«Цель 115° западной долготы и 35° северной широты. Удар будет нанесен в сорока пяти километрах от указанной точки, прямо по вершине пика Нью-Йорк. Жители Гоффа, Сими, Келсо и Нилтона — пожалуйста, обратите внимание.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Взрыв произойдет в двадцати километрах, или в тринадцати английских милях, к северо-западу от Нортонса, штат Канзас. Предупреждаем жителей Нортонса в Канзасе, Бивер-Сити и Вильсонвилля в Небраске. Держитесь подальше от застекленных окон. Оставайтесь в помещении по меньшей мере пол-часа после бомбейки, чтобы не попасть под осколки камней. Взрыв не следует наблюдать незащищенными глазами. Он произойдет ровно в три ноль-ноль по местному времени в пятницу, 16 октября, или в десять ноль-ноль по Гринвичу. Желаем удачи.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Удар будет нанесен в десяти километрах к северу. Жители Уэлша в Саскачеване, будьте осторожны».

Помимо этой сетки, была еще одна цель на Аляске (150° западной долготы, 60° северной широты) и две в Мексике (110° западной долготы, 30° северной широты и 105° западной долготы, 25° северной широты), чтобы тамошние жители не чувствовали себя обделенными. И еще несколько целей в густонаселенных районах восточного побережья, главным образом водные пространства — озеро Мичиган на полпути между Чикаго и Гранд-Рэпидс, озеро Окичоби во Флориде. Там, где целью были озера и прибрежные воды морей, Майк рассчитал вероятные последствия наводнений и сообщил примерное время их начала для каждого населенного пункта на берегу.

Три дня, после старта ранним утром во вторник тридцатого и до самого первого удара ранним утром в пятницу шестнадцатого, мы забрасывали Землю своими предупреждениями. Англию известили, что бомба, сброшенная к северу от Дуврского пролива против устья Темзы, доставит много неприятностей гораздо выше по течению; Совсоюз получил предупреждение насчет Азовского моря и свою сетку

бомбажек. Великому Китаю дали сетку в пределах Сибири, пустыни Гоби и крайнего запада, с особым тщанием и в деталях указав, как мы скорректируем направление удара, чтобы не повредить древнюю Китайскую стену. Пан-Африку предупредили, что ударим по озеру Виктория, по пустынной части Сахары, по Драконовым горам на юге и двадцатью километрами западнее пирамиды Хеопса, с призывом последовать примеру Чада не позже полуночи в четверг по Гринвичу. Индии предложили понаблюдать за несколькими горными пиками и Бомбейской гаванью; время было указано то же, что и Великому Китаю.

Делались попытки глушить наши передачи, но мы передавали их целенаправленно и на разных частотах — не очень-то заглушишь. Предупреждения чередовались с пропагандой, правдивой и ложной: подробности провалившегося вторжения, жуткие фотографии убитых, имена и личные номера, численность десантников — все это адресовалось Красному Кресту и Полумесяцу, а фактически было мрачной похвальбой, что все солдаты уничтожены, а экипажи кораблей или убиты, или взяты в плен. Мы «сожалели», что не можем идентифицировать мертвцев на борту флагмана, так как он сбит и от него практически ничего не осталось.

Но общий тон наших передач был примирительным: смотрите, люди Земли, мы не хотим вас убивать. Совершая вполне заслуженный вами акт возмездия, мы прилагаем все усилия, чтобы избежать новых жертв. Но если вы не сумеете или не захотите убедить ваши правительства оставить Луну в покое, мы будем вынуждены вас убивать. Остановить нас вы не сможете. Мы наверху, вы — внизу. Поэтому, пожалуйста, будьте благоразумны!

Снова и снова вбивали мы им в головы, как легко нам наносить удары по Земле и как трудно им добраться до нас. И это вовсе не было преувеличением. С Терры ударить ракетами по Луне практически невозможно; с околоземной орбиты — можно, но очень дорого. Самый практичный способ — бомбить нас с кораблей.

Отметив это, мы спрашивали: сколько кораблей стоимостью в миллионы долларов каждый они готовы принести в жертву? Стоит ли платить так дорого, чтобы высечь нас за то, в чем мы не виноваты? Они уже лишились семи самых

больших и лучших кораблей. Хотят ли они довести счет до четырнадцати? Если да, то наше секретное оружие, испытанное на их же боевом корабле «Пакс», к приему гостей готово.

Последнее заявление было, разумеется, хорошо продуманной ложью. По расчетам Майка, был только один шанс из тысячи, что «Пакс» успел послать на Землю радиограмму о том, что с ним произошло. Еще менее вероятно, чтобы надменная ФН догадалась, что бывшим лагерникам-бурильщикам удалось превратить орудия мирного труда в космическое оружие. Да и не так-то уж много кораблей у ФН, чтобы ими рисковать: всего две сотни, не считая «спутников». Девять десятых из них предназначались для полетов Терра — орбита, как наш «Жаворонок», а ему удалось долететь до Луны, только до нитки содрав с себя все лишнее и опустив все баки.

Космические корабли строятся для выполнения узкоспециальных функций, иначе делать их невыгодно. У ФН было шесть крейсеров, которые, возможно, могли бы бомбить нас без прилунения для дозаправки, если бы сняли с себя весь лишний груз и заменили его дополнительными баками. Несколько кораблей можно было переоборудовать наподобие «Жаворонка». Плюс суда для перевозки каторжан и грузовики, которые могли добраться до лунной орбиты, но вернуться обратно без дозаправки были не в состоянии.

Без сомнения, земляне могли нас одолеть; вопрос заключался в том, какую цену они готовы заплатить. Поэтому нам нужно было убедить их, что цена слишком велика, пока они не успели собраться с силами. Словом, как в покере: мы намеревались повышать ставки так круто, чтобы они не выдержали и бросили карты на стол. Мы очень рассчитывали на это. Не открывать же нам свой неполный флеш!

Связь с Гонконгом-Лунным восстановили в конце первого дня видеорадиатаки, когда Майк зашвыривал в космос камни и выстраивал первую линию нашей обороны. Профонконец позвонил, и я безумно обрадовался. Майк информировал его о событиях, после чего я стал ждать обычной мягкой выволочки, готовясь ответить резко и сердито: «А что мне оставалось делать? Если вы пропали, а может, и убиты? Оставили меня одного во главе правительства, да еще в раз-

гар кризиса! Что же, надо было бросить все на произвол судьбы только потому, что вы были недосягаемы?»

Однако отругиваться не пришлось. Проф сказал:

— Ты все сделал верно, Мануэль. Ты исполнил обязанности главы правительства в остро кризисной ситуации. Я рад, что, несмотря на мое отсутствие, ты не упустил наш самый лучший шанс.

Ну скажите, что делать с таким хитрецом? Я раскипятился до предела, а выпустить пар не удалось. Пришлось все проглотить и сказать:

— Спасибо, проф.

Проф утвердил гибель Адама Селена.

— Мы могли бы еще немного попользоваться этой фикцией, но больно уж подходящий случай. Майк, у вас с Мануэлем масса дел; я, пожалуй, заверну по пути в Черчилль и попробую опознать его тело.

Так он и сделал. До сих пор не знаю, чей труп он выбрал — лунаря или солдата — и как сохранил это дело в тайне. Хотя, с другой стороны, множество тел в Верхнем Черчилле так и остались неопознанными. Покойник был нужного размера и цвета кожи; его разорвало от внезапной декомпрессии, лицо было сожжено — зрелище не дай *Bog!*

Его положили с закрытым лицом в Старом Куполе, пронзнесли уйму речей, которые я не стал слушать. Но Майк не пропустил ни единого словечка: тщеславен был чисто по-человечески. Какой-то кретин предложил забальзамировать тело, ссылаясь в качестве precedента на Ленина; но «Правда» указала, что Адам был ревностным сторонником утилизации и ни за что бы не согласился с подобным варварским предложением. Поэтому неизвестный солдат, или горожанин, или горожанин-ополченец встретил свой конец в городской клоаке.

А теперь придется сказать о том, о чем я умолчал. Вайо была невредима, хотя устала смертельно. Но Людмила домой не вернулась. Я не видел этого — и рад, что не видел, — но она оказалась в числе погибших у подножья пандуса напротив «Бон марше». Разрывная пуля попала между ее прелестными, почти девичьими грудями. Кухонный нож у нее в кулаке был окрашен кровью, — надеюсь, она успела расплатиться со своим Хароном.

Стью пришел в Комплекс, чтобы рассказать мне об этом лично, не по телефону. Как выяснилось, Стью никуда не пропадал; когда битва закончилась, он прымиком направился в «Раффлз», чтобы поколдовать над своей кодовой книгой. Ма там и нашла его, и он вызвался известить меня.

Так что я пошел домой принять участие в семейном обряде оплакивания... А в общем, даже к лучшему, что меня не нашли в тот момент, когда мы с Майком запускали операцию «Камнепад». Стью поначалу не хотел заходить в дом, поскольку не знал наших обычаев, Анна вышла к нам и втащила его чуть не силой. Встретили Стью как родного. Пришли соседи, чтобы поплакать вместе с нами. Но не так много, как бывает в подобных случаях: не мы одни в тот день оплакивали своих мертвых.

Я долго оставаться не мог, надо было работать. Посмотрел на Милу, поцеловал ее в последний раз. Она лежала в своей комнате и выглядела просто спящей. Потом я немного побывал с моими близкими, прежде чем снова впрячься в работу. Только теперь я заметил, как постарела Мими. Конечно, она повидала множество смертей, в том числе и своих детей, но смерть маленькой Милы подкосила ее. Ведь Людмила была внучкой Мими, хотя Мими относилась к ней скорее как к дочери, а кроме того, благодаря исключению, сделанному семьей, и настойчивости самой Мими они были собрачницами — самой старой и самой юной в семье.

Как и все лунари, мы утилизируем наших мертвых, и я искренне рад, что варварский обычай погребения остался там — на старушке Земле; наши обычай лучше. Но семья Дэвис никогда не отправляет то, что возвращается из утилизатора, в свои коммерческие сельскохозяйственные тунNELи; нет, все идет в маленький тепличный туннель, чтобы превратиться в розы, нарциссы и пионы, цветущие под тихое журчание пчел. Предание гласит, что Черный Джек Дэвис тоже покончился там, во всяком случае какие-то его атомы, оставшиеся после многих и многих цветений.

Прекрасное место, полное счастья и красоты.

Настала пятница, а от ФН никакого ответа. Известия с Земли сочетали в себе в равной степени нежелание поверить, что мы уничтожили семь кораблей и два полка (ФН даже не сочла нужным подтвердить, что такое сражение имело

место), и полное недоверие к тому, что мы можем бомбить Терру или что это будет иметь хоть какое-то значение; они все еще говорили о «попытке забросать рисом». Куда больше внимания уделялось обычным местным сенсациям.

Стью был встревожен — он не получил ответа на свои за-кодированные депеши. Они пересыпались с обычной деловой перепиской «ЛуНоГоКо» агенту в Цюрихе, оттуда парижскому брокеру Стюю, а уж от него по особым каналам доктору Чаню, с которым я некогда беседовал и с которым Стюю затем договорился о способах связи. Поскольку Великий Китай подвергнется удару спустя двенадцать часов после Северной Америки, внушал Стюю, бомбежку можно будет вообще отменить (раз сам факт ее возможности будет доказан на примере Северной Америки), если Великий Китай будет действовать достаточно быстро. В крайнем случае Стюю предлагал доктору Чаню внести поправки в список целей, если они расположены в районах менее пустынных, чем мы предполагали.

Стюю волновался — он возлагал на сотрудничество с Чанем большие надежды. Что касается меня, я в этом сильно сомневался. Зато был абсолютно уверен, что сам доктор Чань не станет сидеть в одной из наших точек. А вот предупредит ли свою старенькую мамашу — неизвестно.

Мои тревоги были связаны с Майком. Конечно, Майк привык работать одновременно с несколькими грузами на трассе, но еще никогда не направлял их в цель по несколько штук зараз. Теперь же у него были сотни объектов, и двадцать девять из них следовало доставить к двадцати девятым целям в одну и ту же секунду.

Больше того, для многих целей у него были запасные снаряды, готовые поразить цель во второй, в третий, а если понадобится, то и в шестой раз после первого удара с интервалами от нескольких минут до трех часов. Четыре великие мировые державы и несколько меньших располагали своей противоракетной обороной; та, что была у Северной Америки, считалась лучшей. Впрочем, в эти вопросы даже ФН не вмешивалась. Все наступательное оружие находилось в распоряжении Миротворческих сил, но оборонительное было частным делом каждой страны, а потому считалось секретным. Ходили слухи, что в Индии, например, вообще нет ра-

кет-перехватчиков, зато в Северной Америке с обороной все в порядке. Она доказала это, перехватывая межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками во время «Войны мокрых шутых» в прошлом столетии.

Возможно, большинство наших глыб, предназначенных для Северной Америки, попадут в точку только потому, что они нацелены на места, где защищать просто нечего. Но вряд ли там пропустят камешек, посланный к побережью пролива Лонг-Айленд или снаряд, идущий к 87° западной долготы и $42^{\circ} 30'$ северной широты, то есть к озеру Мичиган в центре треугольника, образованного городами Чикаго, Гранд-Рэйлс и Милуоки. Высокая сила тяжести делает перехват делом нелегким и очень дорогим; они будут пытаться сбить нас только тогда, когда дело того стоит. А мы не могли допустить, чтобы они парировали наши удары. Поэтому некоторые камешки и дублировались. На что способны ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками, не знал даже Майк. Не было достаточно данных. Он предполагал, что перехватчики будут наводиться с помощью радара — но с какого расстояния? Наверняка с достаточно близкого, с такого, чтобы закованный в сталь обломок скалы через микросекунду превратился в раскаленный газ. Однако существует огромная разница между ракетой с тончайшей электроникой и многотонной скалой; то, что «убьет» ракету наповал, всего лишь отшвырнет нашу глыбину в сторону — и сбьет с цели.

Нам было необходимо доказать Терре, что мы сможем забрасывать их дешевыми обломками скал еще долгое время после того, как у них кончатся дорогие (миллионы долларов? сотни тысяч?) ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками. Если мы этого не докажем с первой попытки, то в следующий раз, когда Терра повернется к нам Северной Америкой, мы снова пройдемся по тем же целям. Запасные снаряды для второго и даже третьего захода уже находились в космосе, их оставалось лишь подпихнуть, когда потребуется. Если три бомбеки при трех обращениях Терры вокруг оси не достигнут своей цели, мы можем швырять свои камешки и в семьдесят седьмом году, пока у них не истощится запас ракет-перехватчиков... или пока они не уничтожат нас (что более вероятно).

Уже целое столетие штаб Северо-Американской космической обороны находится в горах к югу от Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, — городка, более ничем не примечательного. Во время «Войны мокрых штух» по горе Шайенн нанесли прямой удар; командный пункт космической обороны уцелел, чего никак не скажешь об оленях, деревьях, большей части города и части горной вершины. Наши снаряды не должны убить никого, разве что кто-то останется на горе, несмотря на непрерывные трехдневные предупреждения. Однако командованию космической обороны Северной Америки предстояло пройти полный курс лунной терапии: двенадцать каменных снарядов при первом заходе, затем все, что у нас будет лишнего при втором, третьем и так далее, пока у нас не кончатся стальные обшивки... или пока нас не выведут из строя... или пока Северо-Американский Директорат не запросит пардону.

Это была единственная цель, где даже идеально точное попадание одного снаряда не могло нас удовлетворить. Мы эту гору намеревались расплющить и продолжать долбить до посинения. Чтобы раздавить их мужество. Чтобы они знали — мы все еще тут. Чтобы разрушить их коммуникации и вбить в землю их командный пункт, если получится. Или хотя бы вызвать у них головную боль и бессонницу. Если мы сможем доказать всей Терре, что способны провести успешную атаку на могучий оплот их космической обороны, нам не придется разрушать Манхэттен или Сан-Франциско.

Хотя на это мы не решились бы, даже если бы нам грозил проигрыш. Почему? Простой здравый смысл. Если все свои силы мы потратим на разгром большого города, нас не станут наказывать, нас просто уничтожат. Как говорит проф: «Если возможно, всегда оставляйте для своего врага лазейку, чтобы он мог стать вашим другом».

Но военный объект — это честная цель.

Не думаю, чтобы кто-то смог заснуть вечером в четверг. Лунари знали, что на пятницу назначена наша решающая попытка. А на Земле было известно — в этом наконец сознались их средства массовой информации, — что служба космического слежения зафиксировала летящие к Терре объекты, видимо те самые «горшки с рисовой кашей», которыми так похвалялись мятечные каторжники. Никакой военной

тревоги объявлено не было, пресса уверяла, что лунная колония не могла создать свои водородные бомбы, но советовала все же избегать тех районов, куда нацелились преступники. (Исключением был один популярный шутник-обозреватель, заявивший, что самым безопасным местом будут именно указанные нами цели. Он произнес это в видеопрограмме, стоя в центре большого креста, который объявил точкой с координатами 110° западной долготы и 40° северной широты. Больше я его не видал.)

Рефлектор в обсерватории Ричардсона настроили передавать изображения, и, я думаю, все лунари следили за экранами, сидя дома или в пивной. А некоторые даже надели скафандря и вышли на поверхность, чтобы увидеть все своими глазами, несмотря на то что в большинстве поселений стоял яркий солнечный день. По настоянию бригадного генерала судьи Броуди мы наскоро возвели вспомогательную антенну у катапульты, чтобы бурильщики смотрели видеопередачи в своих дежурках, иначе на посту не осталось бы ни одного артиллериста. (Наши вооруженные силы — артиллеристы Броуди, милиция Финна, воздушные отряды стиляг — все это время оставались в состоянии повышенной боевой готовности.) Конгрессмены пришли на внеочередное заседание в *Novy Bolshoi Teatr*, где Терра была отлично видна на огромном экране. Некоторые шишки, в том числе проф, Стью, Вольфганг и другие, смотрели ее на меньшем экране в бывшем офисе коменданта в Верхнем комплексе. Какое-то время я провел с ними: метался взад-вперед, нервный, как кошка, только что разрешившаяся котятами, схватил бутерброд, забыл его съесть, а потом заперся с Майком в Нижнем комплексе. Совсем, можно сказать, сошел с нарезки.

Около восьми ноль-ноль Майк сказал:

— Ман, мой старый и лучший друг, разреши сказать тебе кое-что, только не обижайся, ладно?

— А? Ну конечно. С каких это пор ты боишься меня обидеть?

— Постоянно, Ман, после того, как понял, что ты можешь обидеться. Осталось всего три, запятая, пятьдесят семь на десять в девятой степени микросекунд до первого удара... и это самая сложная задача из всех, какие я когда-либо решал в режиме реального времени. Когда ты разговариваешь

со мной, я всегда уделяю тебе значительную часть своей мощности — возможно, гораздо большую, чем ты думаешь, — в течение нескольких миллионов микросекунд, чтобы понять смысл твоих слов и найти на них верные ответы.

— Иначе говоря, не суйся под руку, я занят?

— Я хочу дать тебе совершенно точное решение, Ман.

— Усек... пойду посижу с профом.

— Как хочешь. Только, пожалуйста, будь там, где я смогу тебя найти. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Последнее было, конечно, ерундой, и мы оба это знали. Задача была выше человеческих сил: сейчас даже отменить операцию было уже невозможно. Просто Майк хотел сказать: «Я тоже нервничаю и хочу, чтобы ты остался со мной, но, пожалуйста, перестань болтать».

— О'кей, Майк. Я буду поблизости. Где-нибудь возле телефона. Наберу «Майкрофт-XXX», но говорить не стану, так что можешь не отвечать.

— Благодарю, Ман, мой лучший друг. Большое спасибо.

— Увидимся.

Я вышел, решил, что компания мне не нужна, надел скафандр, нашел длинный телефонный шнур, подключил его к шлему, свернул провод в бухту, повесил на руку и пошел к шлюзу на поверхность. В сарайчике за шлюзом среди всякой всячины был служебный телефон. Я подключился к нему, набрал номер Майка и вышел под открытое небо. Спрятался в тени сарайчика и, выглянув из-за угла, посмотрел на Терру.

Она висела, как обычно, в западном секторе неба на полпути к зениту — огромный яркий полумесяц, родившийся всего три дня назад. Солнце уже клонилось к западу, но его сияние мешало мне ясно видеть Терру. Шлемного визора было недостаточно, поэтому я обогнул сарайчик и отошел от него подальше, чтобы видеть Терру, но чтобы стена загораживала Солнце. Так было куда лучше. Над Африкой вставал рассвет, ослепительные отблески его ложились на сушу, но это не очень мешало, а вот южная полярная шапка резала глаза белизной и не давала разглядеть Северную Америку, освещенную пока только лунным светом.

Чуть не свернула шею, стараясь навести шлемный бинокуляр на нее, — отличный бинокуляр, цейссовский, 7 × 50, еще недавно принадлежавший коменданту.

Северная Америка простиралась передо мной призрачной картой. Удивительно мало облаков. Виднелись города — светящиеся пятна с размытыми границами. Восемь тридцать семь...

В восемь пятьдесят Майк начал отсчитывать время по телефону — его внимания это не отвлекало; отсчет он запрограммировал заранее.

— Восемь пятьдесят один... восемь пятьдесят два... восемь пятьдесят три... осталась одна минута... пятьдесят девять... пятьдесят восемь... пятьдесят семь... полминуты... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь... десять секунд... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... две... одна...

И внезапно на карте маленькими алмазными искорками вспыхнула наша сетка!

ГЛАВА 26

Мы нанесли такой сильный удар, что его можно было видеть невооруженным глазом, без всякого бинокля. Челюсть у меня отвисла, и я прошептал «*Bог мой*» еле слышно и почти благоговейно. Двенадцать очень ярких, очень резких, ослепительно-белых вспышек образовали точный геометрический рисунок. Они вспухли, слегка затуманились, сделались красными, — казалось, это длится бесконечно. Потом возникли новые точки, но великолепный узор настолько заворожил меня, что я их едва заметил.

— Да, — согласился Майк, очень довольный собой. — Тютелька в тютельку. Теперь ты можешь говорить, Ман, я свободен. Осталось простое дублирование.

— Нет слов. Была хоть одна осечка?

— Снаряд для озера Мичиган получил удар вверх и вбок, но не взорвался. Он должен упасть где-то в Мичигане, я потерял над ним контроль, так как он лишился своего импульсного ускорителя. А в проливе Лонг-Айленд камешек пошел точно в цель. Его пробовали перехватить, но не вышло. Почему — не знаю. Ман, я могу отвести другие снаряды, идущие на ту же цель, сбросив их в Атлантику подальше от судоходных линий. Сделать? Есть еще одиннадцать секунд.

— Э-э-э... *Da!* Если не заденешь кораблей.

— Я же сказал, что могу. Сделано. Надо будет их известить, что мы пока отменили повторный удар, и объяснить почему. Пусть призадумаются.

— А может, не стоило отводить снаряды, Майк? Ведь мы хотели, чтобы они расходовали свои перехватчики.

— И все же главный смысл нашей стратегии — дать им понять, что мы пока наносим удары куда более слабые, чем могли бы. Какие — мы покажем на примере Колорадо-Спрингс.

— А как в Колорадо? Получилось? — Я чуть не вывернул шею, глядя в бинокуляры: там ничего не было видно, кроме города, протянувшегося лентой на сотню с лишком километров. Муниципальная полоса Дэнвер-Пуэбло.

— Всадил в самое яблочко. Перехвата не было. Вообще весь залп попал в яблочко, Ман. Я же говорил тебе, что так будет! Вот это потеха! Каждый день бы так. Теперь я понял, что означает одно слово, значение которого раньше до меня не доходило.

— Какое слово, Майк?

— Оргазм. Именно это произошло со мной, когда я увидел все вспышки. Теперь я знаю, что это такое! Я мигом отрезвел.

— Майк, ты не слишком привыкай к этому делу. Потому что, если все пойдет как надо, второго раза не будет.

— Все в порядке, Ман. Я ведь все записал. И смогу проиграть снова, если мне захочется испытать эти ощущения еще раз. Но готов поставить три против одного, что нам придется повторить то же самое завтра, и один к одному на послезавтра. Спорим? Час разговора о юморе против сотни гонконгских долларов?

— Где ты возьмешь сотню долларов?

Он хихикнул:

— А как ты думаешь, откуда берутся деньги?

— Э-э... ладно, забудем. Можешь получить свой час бесплатно. Не стану склонять тебя к жульничеству.

— Я не стал бы жульничать, Ман, тем более с тобой. Только что мы снова трахнули по штабу космической обороны. Тебе не разглядеть: над ним стоит облако пыли еще от первого взрыва. Сейчас они получают по камешку каждые двадцать минут. Приходи вниз, поболтаем. Я передал управление моему сыночку-идиоту.

— А это не опасно?

— Я за ним присматриваю. Для него это хорошая практика, Ман; возможно, ему придется в будущем работать в одиночку. Он аккуратен, но туп. Однако все, что ему прикажут, исполнит.

— Ты говоришь об этом компьютере как о человеке. Он может говорить?

— О нет, Ман, он идиот и никогда не научится разговаривать. Но он сделает все, что будет запрограммировано. Я планирую передать ему в субботу очень многие функции.

— А почему именно в субботу?

— Потому что в воскресенье ему, возможно, придется заниматься всем. В этот день они нанесут нам удар.

— Что ты имеешь в виду? Майк, ты что-то от нас скрываешь?

— Но я же говорю тебе об этом, не так ли? Это произошло только что, я пока наблюдаю. Сигнал на радаре, похоже, пошел от околоземной орбиты как раз в тот момент, когда мы по ним шарахнули. Я слишком занят был, не видел, как он разгонялся. Точно не скажу, он еще очень далеко, но по размерам похож на крейсер Миротворческих сил, идет сюда. Если маневрировать не станет, то, судя по допплерометрии, выйдет на окололунную орбиту и в периселении окажется в девять ноль три в воскресенье. Все это пока в первом приближении, уточню позже. Очень трудно считывать данные, Ман; он применяет противорадарную защиту и оставляет за собой целый хвост помех.

— Ты уверен, что не ошибся?

Он хихикнул:

— Ман, меня облапошить не так-то легко. У меня тут собраны все мои любимые сигнальчики — все равно что отпечатки пальчиков. Поправка: в девять ноль две, запятая, сорок три.

— Когда ты сможешь взять его на прицел?

— Никогда, если он не будет маневрировать. Но он сможет взять на прицел меня в субботу вечером, точное время будет зависеть от дистанции, с какой он решит пустить ракеты. Любопытная ситуация возникает. Он может нанести удар по поселениям — думаю, Тихо-Нижний надо эвакуировать, а в остальных поселениях принять чрезвычайные меры предосторожности на случай декомпрессии. Хотя более вероятно, что он попробует разнести катапульту. А еще он может рискнуть, подойти поближе и попытаться вырубить все мои радары, нацелив по ракете на каждый радарный луч. — Майк снова хихикнул. — Смешно, да? Впрочем, шуточка одноразового пользования. Если я выключу радары, он в них не попадет. Но я не смогу скомандовать нашим парням, ку-

да направлять стволы. Что даст возможность кораблю свободно бомбить катапульту. Смешно.

Я перевел дух и от всего сердца пожалел, что пошел в министры обороны.

— Что же делать? Сдаваться? Нет, Майк! Ни за что, пока мы в состоянии сражаться!

— А кто говорит о сдаче? Я ведь прогнозировал эту, и тысячу других возможных ситуаций, Ман. Смотри-ка, новые данные! Второе пятнышко отделилось от околоземной орбиты, у него те же характеристики. Подробности потом. Мы не сдадимся, Ман. Мы еще наведем шороху!

— Каким образом?

— Предоставь все своему старому другу Майкрофту. У нас шесть баллистических радаров здесь и еще один — у новой катапульты. Его я выключил, а мое дите недоразвитое пусть пока работает со здешним радаром номер три... Мы вообще не станем следить за этими кораблями с помощью нового радара, не дадим им даже заподозрить, что он у нас есть. Я слежу за ними с помощью третьего и иногда — каждые три секунды — проверяю, нет ли новых стартов с околоземной орбиты. У всех остальных радаров глаза плотно зажмурены, и я не буду ими пользоваться, пока не придет время долбнуть по Великому Китаю и Индии. Но в тот момент корабли моих радаров засечь не смогут, так как я буду смотреть ими совсем в другую сторону. А потом устрою перезвон — начну включать и выключать радары через произвольные интервалы времени... после того, как корабли выпустят свои ракеты. У ракет мозги никудышные, Ман... я их обведу вокруг пальца.

— А как насчет корабельных компьютеров, направляющих огонь?

— Их я тоже надую. Давай на спор? Сделаю так, что они примут два радара за один, который находится как раз посередине между настоящими. Но сейчас я работаю над... извини, но я опять воспользовался твоим голосом.

— О'кей. И что же я такое повелел?

— Если этот адмирал — мужик башковитый, он ударит по концевой части старой катапульты всей мощью, какая у него есть, причем с предельно далекой позиции, где наши пушки-буры его не достанут. Независимо от того, известно

ему наше «секретное оружие» или нет, он расколошматит катапульту и проигнорирует радары. Поэтому я распорядился, вернее, ты распорядился, чтобы катапульта приготовилась запустить все свои снаряды до единого, я сейчас рассчитываю новые долгие траектории для каждого камешка. Вышвырнем их все скопом в космос как можно быстрее — и без радаров.

— Вслепую?

— Так мне вообще при запуске не нужны радары, ты же знаешь, Ман. Раньше я следил за грузом всю дорогу, но теперь нужды в этом нет, так что при запуске радар ни к чему. Значит, весь наш огневой запас мы переместим из старой катапульты в космос на долгие траектории и тем самым заставим адмирала нацелиться на радары, а не на катапульту... или в крайнем случае — на то и другое. Вот тогда-то мы и дадим ему жару. Доведем его до такого состояния, что он вынужден будет подойти на расстояние выстрела, и у наших ребят появится шанс выжечь ему гляделки.

— Парни Броуди будут в восторге. Те, что потрезвее. — И тут мне в голову что-то стукнуло. — Майк, ты сегодня смотрел видео?

— Я его контролировал, но не могу сказать, что смотрел как следует. А что?

— Так ведь для приема мы приспособили самый лучший радиотелескоп. В обсерватории есть и другие... Зачем же использовать против кораблей радары? Во всяком случае, до тех пор, пока ребята Броуди не начнут жечь корабли?

Майк молчал по меньшей мере секунды две.

— Ман, мой лучший друг, а ты никогда не думал пойти работать компьютером?

— Это сарказм?

— Ничего подобного. Просто мне стыдно. Приборы в Ричардсоне — телескопы и прочее... эти факторы я никогда не принимал в расчет. Я турица и признаю это. *Йа, йа, йа, да, да, да!* Следить за крейсерами по радиотелескопу и не включать радары, пока корабли не изменят траекторию! Я всю жизнь смотрю радарами, мне просто в голову не прихо...

— Хватит, Майк!

— Но это правда, Ман.

— Разве я извинялся перед тобой, когда тебе какие-то мысли приходили первому?

Майк ответил медленно, как бы обдумывая каждое слово.

— Есть в этом нечто, что я нахожу затруднительным для анализа. Мои функции заключаются в том...

— Кончай самокритику. Если идея хороша — воспользуйся ею. Может, возникнут другие. Я отключаюсь и иду вниз — топ-топ!

Я пробыл в зале Майка совсем недолго, когда позвонил проф.

— Главный штаб? Есть известия от фельдмаршала Дэвиса?

— Я тут, проф. В главном компьютерном зале.

— Может, вы подойдете к нам в офис коменданта? Нужно выработать кое-какие решения, словом, есть работа.

— Проф, но я работал! И сейчас работаю!

— Не сомневаюсь. Я всем объяснил, что программирование баллистического компьютера — дело настолько тонкое, что вы должны заниматься им лично. Тем не менее некоторые наши коллеги считают ваше присутствие обязательным. Поэтому, когда вы почувствуете, что ваш помощник — его, кажется, зовут Майк — справится сам, не считите за труд...

— Я понял. О'кей, сейчас поднимусь.

— Благодарю вас, Мануэль.

— Судя по фону, там человек тринадцать, — сказал Майк. — Они что-то затеваюят, Ман.

— И мне так кажется. Лучше подняться и поглядеть, что за базар. Я тебе нужен?

— Ман, я надеюсь, ты будешь вблизи телефона?

— Буду. Прослушивай офис коменданта. Если перейдем в другое место, дам знать. Увидимся, дружище.

В офисе коменданта собралось все правительство, как реальный кабинет, так и довески, а вскоре я обнаружил и причину неприятностей — субъекта по имени Говард Райт. Для него придумали Министерство по связям с искусством, наукой и образованием — так, для игры в пуговички. Это был реверанс в сторону Новолена, поскольку кабинет был перегружен камрадами из Луна-Сити, а заодно и подачка самому Райту, возглавлявшему группу конгрессменов, всегда готовых поболтать, только бы не работать. Проф рассчитывал укротить его, но порой проф уж слишком миндальничает; некоторым людям полезно подышать вакуумом, прежде чем речи толкать.

Проф попросил меня вкратце обрисовать военную ситуацию. Что я и сделал, только по-своему.

— Я вижу, тут присутствует Финн. Пусть расскажет, как обстоят дела в поселениях.

— Генерал Нильсен уже это сделал, — вмешался Райт, — и повторяться нет смысла. Мы хотим послушать вас.

У меня глаза на лоб полезли.

— Проф... извините меня... *gospodin* президент! Верно ли я понял, что доклад Министерства обороны был сделан правительству в мое отсутствие?

— А почему бы и нет? — снова вылез Райт. — Если вас не было на месте?

Проф перехватил инициативу. Он видел, что я на взводе. Три дня я почти не спал и чувствовал себя таким измотанным, будто снова попал на Терру.

— К порядку! — мягко сказал проф. — *Gospodin* министр по культурным связям, будьте добры адресовать ваши комментарии через меня. *Gospodin* министр обороны, разрешите мне внести ясность. Никаких докладов правительству, касающихся вашего министерства, никто не делал по той простой причине, что открытие заседания отложили до вашего прихода. Генерал Нильсен частным образом ответил на несколько частных вопросов. Возможно, и этого не следовало делать. Если вы так считаете, я готов принести извинения.

— Ладно, будем считать, что все в порядке. Финн, мы с тобой разговаривали полчаса назад. Что нового за это время?

— Ничего, Манни.

— О'кей. Думаю, вы хотите выяснить ситуацию за пределами Луны? Вы смотрели видео, а значит, знаете, что первая бомбардировка прошла отлично. Она еще продолжается, во всяком случае частично, поскольку мы лупим по штабу космической обороны через каждые двадцать минут. И будем это делать до тринадцати ноль-ноль. В двадцать один ноль-ноль нанесем удар по Китаю и Индии плюс по ряду более мелких целей. Потом до четырех ночи будем заниматься Африкой и Европой, сделаем перерыв на три часа, шарахнем по Бразилии с компанией, выждем еще три часа и начнем по новой. Если, конечно, все пойдет по расписанию. Но у нас

возникли свои проблемы. Финн, нам придется эвакуировать Тихо-Нижний.

— Минуту! — поднял руку Райт. — У меня есть вопросы.

Обращался он к профу, не ко мне.

— Подождите, пожалуйста. Министр обороны, вы закончили?

Вайо сидела сзади. Мы обменялись улыбками, не больше — так у нас повелось и в кабинете министров, и в Конгрессе. Вообще шли разговоры, что негоже двум представителям одной семьи быть членами правительства. Сейчас она покачала головой — вроде о чем-то предупреждала.

— В отношении бомбардировки все. У него вопросы на эту тему?

— Ваши вопросы касаются бомбардировки, *gospodin* Райт?

— Разумеется, *gospodin* президент! — Райт встал, глядя прямо на меня. — Как вы знаете, я представляю различные группы интеллектуалов Свободного Государства, и, смею сказать, их мнение играет особую роль в общественных делах. Я думаю, что будет правильно...

— Минуту! — сказал я. — Я думал, вы представляете восьмой Новоленовский округ.

— *Gospodin* президент, мне будет позволено задать вопросы? Или нет?

— Он не вопросы задавал, а толкал речь. А я измотан и хочу спать.

— Мы все устали, Мануэль, — мягко произнес проф, — но твое замечание справедливо. Конгрессмен, вы представляете только ваш округ. Как член правительства вы получили определенные обязанности в отношении лиц определенных профессий.

— Это одно и то же!

— Не совсем. Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

— Э-э-э... Хорошо, я задам. Известно ли фельдмаршалу Дэвису, что план бомбардировки полностью провалился и что на его совести тысячи бессмысленных жертв? Известно ли ему о чрезвычайно большом неудовольствии, которое высказывает по этому поводу интеллигенция нашей республики? И не может ли он объяснить, почему эта поспешная — я повторяю, поспешная! — бомбейка была предпринята без

необходимых консультаций? И готов ли он изменить дальнейшие планы или будет тупо гнуть свою линию? И правда ли, что его ракеты несут атомные заряды, объявленные вне закона всем прогрессивным человечеством? И как он может ожидать, что Свободное Государство Луна примут в содружество цивилизованных народов после подобных действий?

Я взглянул на часы — с начала бомбёжки прошло полтора часа.

— Проф, — сказал я, — вы можете мне объяснить, о чём речь?

— Извини, Мануэль, — ответил он кратко, — я намеревался... и даже обязан был начать заседание с уведомления о полученном нами сообщении. Но ты, похоже, думал, что кто-то действует за твоей спиной. В общем, так получилось. Министр говорит о выпуске новостей, полученном как раз перед твоим приходом. Информация поступила от агентства Рейтер в Торонто. Если она соответствует действительности — если! — то вместо того, чтобы принять во внимание ваши предупреждения, тысячи зрителей окружили наши цели. По-видимому, были жертвы. Сколько — пока неизвестно.

— Понятно. И что вы от меня хотите? Чтоб я взял каждого разгильдяя под ручку и отвел в сторонку? Мы ведь их предупредили.

Райт опять вмешался:

— Интеллигентия считает, что основополагающие принципы гуманизма требуют...

— Слушай, ты, пустозвон! — взорвался я. — Ты же слышал, президент сказал, что сообщение пришло только что, откуда тебе известно, что о нем думают другие?

Он побагровел:

— *Gospodin* президент! Эпитеты! Переход на личности!

— Не обзвывай министра, Мануэль.

— Не буду, если и он перестанет! Разница только в том, что он выбирает слова поизящнее! А что это за чушь насчет атомных бомб? У нас их нет, и всем это прекрасно известно.

Вид у профа был озадаченный.

— Я тоже ничего не понимаю. Но так говорится в сообщении. А еще больше меня изумило то, что все мы наблюдали по видео: это же типичные атомные взрывы!

— Ясно! — Я повернулся к Райту. — Неужели ваши мозговитые друзья не сказали вам, что происходит, когда миллиарды калорий высвобождаются в долю секунды в одной точке пространства? Какая будет там температура? Какое излучение?

— Значит, вы признаете, что использовали атомное оружие?

— Бог мой! — Голова у меня прямо раскальвала. — Ничего подобного я не говорил! Стукните посильнее по чему угодно — и полетят искры. Элементарная физика, известная всем, кроме интеллигентии. Мы просто высекли дьявольски крупные искры — таких еще никто не видел, — вот и все! Сильная вспышка. Жара, свет, ультрафиолет. Возможно, даже рентгеновское излучение, не знаю. Насчет гамма-излучения сильно сомневаюсь. Альфа- и бета- — исключено. Произошло внезапное высвобождение механической энергии. Но атомной? Чушь собачья!

Проф спросил:

— Вы получили ответ на свой вопрос, министр Райт?

— Он просто дал повод для новых вопросов. Например, эта бомбажка выходит за рамки плана, согласованного с правительством. Вы же видели, как все были потрясены, когда на экране появились эти ужасные вспышки! А министр обороны еще заявляет, что бомбажка продолжается даже сейчас, каждые двадцать минут! Я полагаю...

Я глянул на часы:

— Только что еще одна бомба ударила по горе Шайенн.

Райт взвился:

— Вы слышали?! Слышали! Он еще кичится этим! *Gospodin* президент! Бойня должна быть прекращена немедленно!

— Слушай, ты, пусто... — начал я. — Послушайте, министр, вы всерьез считаете, что штаб космической обороны — не военный объект? На чьей вы стороне? Луны? Или ФН?

— Мануэль!

— Мне надоел этот бред! Мне приказали сделать работу, я ее сделал. *Уберите этого пустомялю с моей шеи!*

Последовало смущенное молчание, затем кто-то тихо спросил:

— Можно внести предложение?

Проф обвел всех взглядом:

— Если у кого-то есть предложение, способное прекратить эту безобразную перепалку, я буду счастлив его услышать.

— Видимо, у нас нет достаточно полной информации о действии бомб. Мне кажется, нам следовало бы изменить двадцатиминутное расписание. Растинуть его — скажем, сделать с часовыми промежутками, а потом прервать часа на два, чтобы получить новые сообщения. Затем мы могли бы отложить бомбажку Великого Китая на двадцать четыре часа...

Почти все согласно кивали, раздалось бормотание: «Здравая мысль. Да! Не следует торопиться!»

— Мануэль? — сказал проф.

— Проф, вы же знаете ответ! — рявкнул я. — Нечего сваливать все на меня.

— Наверное, знаю, Мануэль... но я устал, сбит с толку и не могу его вспомнить.

— Манни, — неожиданно вмешалась Вайо, — объясни. Я тоже хотела бы, чтобы мне объяснили.

Я постарался взять себя в руки:

— Все дело в законе всемирного тяготения. Мне нужен компьютер, чтобы дать точный ответ, но следующие шесть глыб уже почти достигли цели. Самое большее, на что мы способны, — это слегка сдвинуть их с курса, но тогда они могут упасть на какой-нибудь город, жителей которого мы не предупреждали... Сбросить их в океан я не могу, слишком поздно; от горы Шайенн до побережья — тысяча четыреста километров. А предложение растянуть промежутки между бомбажками до часа — это просто глупость. Это же не капсулы метро, которые можно пускать с разной скоростью, а можно и остановить. Это просто падающие камни. Они будут падать куда-нибудь через каждые двадцать минут. Можно бить по горе Шайенн, где сейчас уже не осталось ничего живого, а можно отвести глыбу в сторону — и поубивать людей. Идея отложить бомбажку Великого Китая на двадцать четыре часа глупа по той же причине. У нас есть еще немногого времени, чтобы отправить предназначенные Китаю снаряды в другое место, но замедлить их полет нельзя. Если мы

решим не бомбить Китай, эти снаряды мы потеряем, а если вы думаете, что у нас полным-полно стальных обшивок — ступайте к катапульте и поглядите своими глазами.

Проф вытер лоб:

— Думаю, на все вопросы даны ответы, которые, во всяком случае для меня, убедительны.

— Но не для меня, сэр.

— Сядьте, *gospodin* Райт. Вы заставляете меня напомнить вам, что ваше министерство не входит в состав Военного кабинета. Если вопросов больше нет — а я надеюсь, что их нет, — я объявляю заседание закрытым. Мы все нуждаемся в отдыхе. Поэтому...

— Проф!

— Да, Мануэль?

— Вы не дали мне закончить доклад. Завтрашней ночью или утром в воскресенье нам крепко достанется.

— Каким образом, Мануэль?

— Бомбежка. А возможно, высадка. Сюда идут два крейсера.

Это сработало. Проф сказал устало:

— Кабинет министров может разойтись. Военному кабинету остаться.

— Минутку, — сказал я. — Проф, когда вы вступили в должность, вы у нас всех взяли заявления об отставке без даты.

— Верно. Однако я надеюсь, что мне не придется ими воспользоваться.

— Боюсь, что все-таки придется.

— Мануэль, это угроза?

— Называйте как хотите. — Я показал на Райта. — Или уйдет этот говорун, или уйду я.

— Мануэль, тебе надо лечь и выспаться!

— Конечно надо! Я и высплюсь. Прямо сейчас! Найду здесь в Комплексе койку и захраплю. Часов на десять. А после этого, если я останусь министром обороны, вы меня разбудите. В противном случае дайте поспать подольше.

Публику, похоже, я довел до шокового состояния. Вайо встала и подошла ко мне. Не сказала ни слова, просто взяла меня под руку.

Проф заявил:

— Прошу всех удалиться, кроме Военного кабинета и *gospodin'a* Райта.

Подождал, пока большинство вышло, а потом обратился ко мне:

— Мануэль, я не могу принять твою отставку. Но я не могу также позволить тебе толкать меня на непродуманные решения, направленные против *gospodin'a* Райта, особенно сейчас, когда мы все измучены и возбуждены. Было бы лучше, если бы вы принесли друг другу извинения, учитывая, что вы оба явно переутомились.

— Хм... — Я повернулся к Финну. — Он что — дрался? — и показал на Райта.

— А? Чертка с два! Во всяком случае, не в моих частях. Что скажете, Райт? Вы сражались, когда началось вторжение?

— Не имел такой возможности, — холодно ответил Райт. — К тому времени, когда я узнал о сражении, оно уже кончилось. Но сейчас под сомнение поставили мою храбрость и мою лояльность. Я настаиваю...

— Да заткнись ты, — сказал я. — Если хочешь дуэли, так ты ее получишь сразу же, как только у меня найдется свободная минута. Проф, его поведение нельзя оправдать усталостью после битвы. А потому я не буду извиняться перед этим пустозвоном за то, что он пустозвон. А вы, по-моему, не понимаете, в чем тут дело. Вы позволили этому болтуни сесть мне на шею и даже не попытались его остановить. Поэтому либо гоните его, либо увольняйте меня.

Внезапно в разговор вмешался Финн:

— Я поддерживаю Манни, проф. Гоните этого паразита или увольняйте нас обоих. — Он поглядел на Райта. — Что касается дуэли, то сначала тебе придется драться со мной. А то у тебя две руки, а у Манни на одну меньше.

— Я его сделаю одной правой. Но все равно спасибо, Финн.

Вайо плакала — я чувствовал это, хоть и не видел. Проф с глубокой печалью в голосе спросил ее:

— Вайоминг?

— Из-з-звините, проф! Но я тоже...

Остались только «Клейтон» Ватанабэ, судья Броуди, Вольфганг, Стью и Шини — горсточка тех, что имели вес. Военный кабинет. Проф посмотрел на них; я видел, что они на моей стороне, хотя Вольфгангу пришлось сделать над собой усилие — он работал с профом, а не со мной.

Проф поглядел на меня и тихо произнес:

— Мануэль, тут есть и другая возможность. То, что ты делаешь, заставляет меня подать в отставку. — Он снова окинул всех долгим взглядом. — Спокойной ночи, камрады. Или вернее — доброго утра. Я хочу немного отдохнуть, очень устал.

И вышел быстро, не оглядываясь, Райт исчез. Я не видел, куда он девался. Финн спросил:

— Так что с этими крейсерами, Манни?

Я наконец перевел дыхание:

— Ничего не произойдет раньше вечера субботы. Но тебе придется эвакуировать Тихо-Нижний. Поговорим позже. Я уже ни черта не соображаю.

Мы договорились встретиться в двадцать один ноль-ноль, а потом я позволил Вайо увести меня. Думаю, она меня и в постель уложила, но ничего не помню.

ГЛАВА 27

На нашей встрече с Финном в офисе коменданта в пятницу около двадцати одного часа присутствовал и проф. Я пропал девять часов, принял ванну, позавтракал чем-то, что раздобыла Вайо, и поговорил с Майком. Все шло согласно уточненному плану, корабли своего курса не меняли, удар по Великому Китаю должен был состояться вот-вот.

Пришел в офис как раз вовремя, чтобы понаблюдать за бомбёжкой по видео. Все о'кей, отбомбились эффективно ровно в двадцать один ноль-ноль. Проф сразу же приступил к делу. О Райте ни слова, об отставке тоже. Райта я больше не видел.

Я хочу сказать — никогда больше не видел. И не спрашивал о нем. Проф о ссоре не вспоминал; я, естественно, тоже.

Мы обсудили последние известия и оценили тактическую ситуацию. Райт был прав, говоря о тысячах жертв, с Земли только об этом и трезвонили. Точного числа мы никогда не узнаем; если кто-то становится в точке приземления многотонной глыбы, от него даже мокрого места не останется. Подсчитали только тех, кто находился подальше и был убит взрывом. В Северной Америке их было около пятидесяти тысяч.

Разве поймешь этих людей?! Целых три дня мы только и делали, что предупреждали... и нельзя сказать, что они не слышали предупреждений: ведь именно поэтому они там и оказались. Чтобы посмотреть представление. Чтобы поиздеваться над нашей некомпетентностью. Чтобы обзавестись сувенирами. Целыми семьями отправились к объявленным целям, многие тащили с собой корзинки для пикника. Подумать только — корзинки с завтраками! *Bojeto!*

А теперь те, что остались в живых, вопили, требуя нашей крови за «бессмысленную бойню». Да! По поводу их собст-

венного вторжения и бомбажки (атомной!) Луны четыре дня назад никто ни словом не возмутился, но какой они подняли хай по поводу наших «предумышленных убийств»! «Таймс» Большого Нью-Йорка требовала, чтобы все мятежное правительство Луны доставили на Землю и публично казнили: «Совершенно очевидно, что это тот случай, когда гуманное запрещение высшей меры наказания должно быть отменено во имя высших интересов всего человечества».

Я старался не думать об этом, точно так же, как заставлял себя не думать о Людмиле. Маленькая Мила не таскала за собой пикниковых корзинок. Она была не из зевак, ищущих сильных ощущений.

Главной проблемой был для нас Тихо-Нижний. Если крейсеры начнут бомбить поселения — а средства массовой информации Земли требовали именно этого, — Тихо-Нижний не выдержит: крыша у него слишком тонка. Водородная бомба вызовет мгновенную декомпрессию на всех уровнях; воздушные шлюзы не рассчитаны на попадание водородных бомб.

(И все равно не понимаю землян. На Терре существует абсолютный запрет на применение атомного оружия против людей. За это проголосовали все нации, входящие в Федерацию. А теперь они хором вопили, призывая ФН сбросить на нас эти самые бомбы. Они прекратили врать, будто мы пустили в ход атомное оружие, но вся Северная Америка с пеной у рта требовала уничтожить водородными бомбами *нас*.)

Впрочем, лунарей я тоже не понимаю. Финн через свою милицию потребовал, чтобы Тихо-Нижний немедленно эвакуировали, проф повторил то же самое по видео. Особой проблемы тут не было: Тихо-Нижний невелик, Новолен и Луна-Сити вполне могли бы разместить и прокормить его население. Мы собирались выделить нужное количество капсул, чтобы перебросить всех жителей в Новолен, а потом уговорить половину перебраться в Луна-Сити. Работа, конечно, большая, но вполне посильная. Разумеется, возникает множество мелких проблем: надо тут же после эвакуации начать работу по сжижению воздуха — не терять же его зря; произвести полную декомпрессию, чтобы свести к минимуму ущерб; вывезти как можно больше продовольствия, пока есть время;

укрепить кессоны в проходах, ведущих в нижние сельскохозяйственные тунNELи, и так далее. Мы знали, как это делать, и у нас были соответствующие организации — стиляги, милиция и муниципальные службы.

Вы думаете, они начали эвакуацию? Как бы не так! Они будто оглохли. Кapsулы в Тихо-Нижнем выстроились впри-тык друг к другу, больше некуда было впихнуть. Но ни одна так и не сдвинулась с места.

— Манни, — сказал Финн, — я не думаю, что они собираются эвакуироваться.

— Черт их раздери, — ответил я, — но им придется это сделать. Когда мы увидим, что ракета идет на Тихо-Нижний, будет уже поздно. Люди будут, давя друг друга, набиваться в капсулы, которые все равно всех не вместят. Финн, пусть твои парни их заставят.

Проф покачал головой:

— Нет, Мануэль.

Я разозлился:

— Проф, ваша проповедь ненасилия заводит вас слишком далеко. Вы же знаете, они взбунтуются.

— Что ж, значит взбунтуются. Но мы должны действовать убеждением, а не силой. Давайте посмотрим наши планы.

Планы были так себе, но все, что могли, мы предусмотрели.

Предупредить всех об ожидаемых бомбежках и (или) вторжении. Выставить сменные посты милиционеров Финна над «крышами» каждого поселения, чтобы, когда (и если) крейсеры снова обогнут Луну и вынырнут с теневой стороны, им не удалось застать нас без штанов, как в прошлый раз. Обеспечить максимальную бдительность в отношении скафандроv и поддержания давления воздуха во всех поселениях. Всем военным и полувоенным объявить состояние повышенной боевой готовности, а к шестнадцати ноль-ноль в субботу — полной боевой готовности, если крейсеры начнут маневрировать или пускать ракеты. Артиллеристов Бродуи отпустить до пятнадцати ноль-ноль субботы в город, пусть там напиваются и делают что угодно, лишь бы вовремя вернулись. Это была идея профа. Финн хотел половину держать на посту, но проф сказал — нет, они будут в лучшей

форме для долгой вахты, если сначала отдохнут и позабавятся; я поддержал профа.

Что касается бомбажки Терры, то никаких изменений в первый раунд мы не вносили. До нас дошли гневные отклики из Индии, и никаких — из Великого Китая. Хотя у Индии особых причин для воплей не было. Никакой бомбажки по квадратам мы для нее не предусматривали, слишком уж густо она заселена. Кроме нескольких целей в пустыне Тар и в горных цепях, все остальные приходились на прибрежные воды, на некотором удалении от портов. Но, видно, следовало выбирать еще более высокие горы или меньше предупреждать; судя по сообщениям с Земли, некие святые люди повели за собой бесчисленных пилигримов, чтобы взобраться на каждый намеченный к бомбажке пик и силой духа сдержать наш мстительный удар.

И мы снова оказались убийцами. Кроме того, наши удары по воде вызвали гибель огромного количества рыбы и многих рыбаков, так как ни рыбаки, ни моряки не захотели считаться с нашими предупреждениями. Индийское правительство, казалось, пришло в бешенство больше из-за рыбы, чем из-за рыбаков, а принцип священности всякой жизни к нам, видимо, не относился — оно требовало наших голов. Африка и Европа реагировали более разумно, хотя и по-разному. Жизнь в Африке никогда не считалась священной, и те, кто отправился поглязеть на цели, не вызвали ни моря слез, ни сердечных страданий; у Европы был целый день, чтобы понять — мы попадем, куда хотим, и наши бомбажки опасны. Люди, конечно, гибли и тут, особенно из-за упрямства тупоголовых морских капитанов. Но здесь хоть не было идиотских огромных скоплений, как в Индии или Северной Америке. Еще меньше погибших насчитывалось в Бразилии и в других странах Южной Америки.

Затем снова наступила очередь Северной Америки — в 09:50:28 в субботу 17 октября 2076 года.

Майк приурочил начало бомбажки точно к десяти ноль-ноль по нашему времени, что с учетом истекших суток и вращения Терры подставляло нам Северную Америку восточным побережьем в ноль пять, а западным — в ноль два по их местному поясному времени.

Спор о том, что делать с этими целями, начался у нас еще ранним утром в субботу. Проф не стал собирать заседание Военного кабинета, но пришли все, кроме «Клейтона» Ватанабэ, который вернулся в Конгвиль, чтобы заняться подготовкой обороны. Проф, я, Вайо, Финн, судья Броуди, Стью, Вольфганг, Теренс Шихан — восемь человек, восемь мнений. Проф был прав: если собралось больше трех человек, решение принять невозможно.

Вернее, мнений было шесть, так как Вайо держала рот на замке и проф тоже; он только старался сдерживать других. Но эти другие шумели за целых восемнадцать. Стью было все равно, куда мы будем бить, лишь бы Нью-Йоркская биржа открылась в понедельник утром. «В четверг мы играли на понижение по девятнадцати компаниям. Если наш народ не хочет оказаться банкротом, не успев выйти из колыбели, мои распоряжения о покрытии вчерашних продаж должны быть выполнены. Скажи же им, Вольф, заставь их понять».

Броуди хотел сбивать из катапульты любой корабль, который покидает околоземную орбиту. Судья ни черта не понимал в баллистике, но зато знал, что его артиллеристы-бурильщики стоят на незащищенных позициях. Я спорить не стал, поскольку большинство наших снарядов находилось уже на дальних траекториях, скоро за ними должны были последовать все остальные, и я считал, что старой катапульте жить осталось недолго.

Шини полагал, что было бы здорово повторить бомбеку по квадратам, а один снаряд всадить точнехонько в главный офис Северо-Американского Директората. «Знаю я этих американцев, сам был американцем, пока меня сюда не выслали. Они жутко жалеют, что передали все свои права Федерации. Прихлопнем этих бюрократов, и американцы сразу перейдут на нашу сторону».

Вольфганг Корсаков, к полному неудовольствию Стью, уверял, что наши спекуляции пойдут лучше, если все биржи ценных бумаг будут закрыты до тех пор, пока все не решится окончательно.

Финн хотел идти ва-банк — потребовать от них убрать корабли с нашего неба, а если откажутся, ударить по ним всей мощью. «Шини ошибается насчет американцев. Я их тоже знаю. Северная Америка — самая прочная часть ФН.

Их необходимо разбить! Они уже обозвали нас убийцами, так и врежем им как следует. Шарахнем по американским городам — и все остальные бомбажки можно будет отменить!»

Я выскользнул из комнаты, поговорил с Майком, кое-что записал. Вернулся; они все еще спорили. Проф поглядел, как я сажусь на место.

— Фельдмаршал, вы еще не высказали своего мнения.

— Проф, — сказал я, — нельзя ли обойтись без этой лажи насчет фельдмаршалов? Детишки уложены, так что можно называть вещи своими именами.

— Как хочешь, Мануэль.

— Я ждал, думал, вы все-таки придетете к общему мнению. Этого не произошло. Не вижу, почему у меня должна быть особая точка зрения. Я тут всего лишь мальчик на побегушках, и то лишь потому, что знаю, как программировать баллистический компьютер.

Я сказал это, глядя прямо на Вольфганга — прекрасного камрада, но жуткого ругателя-интеллектуала. Я обыкновенный технарь, причем нешибко грамотный, а Вольф окончил шикарную школу и Оксфорд до того, как его осудили. Он считался с мнением профа, остальных же обычно и в грош не ставил. Разве что Стю, но у Стю ведь тоже верительные грамоты что надо. Вольф неловко заерзal и сказал:

— Брось, Манни, конечно, нам важно знать твое мнение.

— А у меня его нет. План бомбардировки тщательно обсуждался, у всех была возможность его критиковать. Не вижу причины менять его.

— Мануэль, — проговорил проф, — думаю, всем нам будет полезно послушать, если ты расскажешь в общих чертах о плане второй бомбардировки Северной Америки.

— О'кей. Главная цель второго удара — заставить их израсходовать ракеты-перехватчики. Каждый наш снарядначен на большие города, вернее сказать, на пустыри вблизи больших городов. О чем мы и сообщим незадолго до бомбажки... когда, Шини?

— Мы уже сообщаем. Но еще можем все изменить. И должны.

— Посмотрим. Пропаганда не мое дело. В большинстве случаев, чтобы влепить поближе к городу и спровоцировать перехват, мы выбираем водные цели. А это крутой вари-

ант: мало того что гибнет рыба и те, кто не хочет вылезать из воды, — там возникают еще жуткие местные штормы и разрушения береговой линии.

Я глянул на часы. Надо бы еще потянуть время.

— Сиэтл получит глыбу в Пьюджет-Саунд, прямо в коленки. Сан-Франциско потеряет два своих любимых моста. Лос-Анджелес получит один удар между Лонг-Бичем и Калифорнией, а второй в нескольких километрах от берега. От Мехико-Сити до моря далеко, поэтому врежем прямо в Попокатепетль, чтобы всем видно было. В Солт-Лейк-Сити плюхнем глыбу в озеро. Денвер пропустим — пускай наблюдают за Колорадо-Спрингс: там мы будем лупить по горе Шайенн, пока не сотрем ее в порошок. Сент-Луис и Канзас-Сити схлопочут по камешку в свои реки, Новый Орлеан тоже; возможно наводнение. Все города Великих озер тоже получат свое — список длинный. Читать?

— Может быть, потом, — отозвался проф. — Продолжай.

— Бостону дадим прямо по гавани, Нью-Йорку бросим гостинчик в пролив Лонг-Айленд и еще один между самыми большими мостами; полагаю, мосты рухнут, но мы обещали стрелять мимо них и обещание выполним. Ниже по восточному побережью займемся двумя городами в заливе Делавер, потом двумя в Чесапикском заливе. Один из них — настоящий исторический памятник, а потому отношение к нему исключительно сентиментальное. Еще южнее шарахнем по трем большим городам в прибрежные воды. Подальше от побережья врежем по Цинциннати, Бирмингему, Чаттануге, Оклахома-Сити — все это по рекам или горам. Ах да, Даллас! Мы разрушим космопорт Далласа, попробуем гробануть их корабли. Там было шесть штук, когда я проверял в последний раз. Кровопролития не будет, разве что кто-нибудь захочет постоять на взлетном поле. Даллас — отличное место для бомбейки. Космопорт там огромный, плоский и пустой, а зрителей в городе не меньше десяти миллионов — пусть полюбуются, зрелище будет захватывающим.

— Если, конечно, попадешь, — заметил Шини.

— «Когда», а не «если». Каждый удар дублируется часом позже. Если и второй камешек не пройдет, у нас есть в запасе другие, которые можно переориентировать. Например, очень легко поменять цели в группе городов Делаверского и Чеса-

пикского заливов. То же самое и с Великими озерами. А для Далласа у нас в запасе длинная очередь снарядов: он наверняка защищен неслабо. Запасные глыбы будут поступать все шесть часов, пока Северная Америка не скроется из виду... а последние мы можем перенацелить куда угодно, поскольку чем дальше снаряд от Земли, тем дальше можно отвести его от первоначальной цели.

— Этого я не понял, — сказал Броуди.

— Тут все зависит от векторов, судья. Направляющая ракета может придать скорости снаряда боковой вектор на столько-то метров в секунду. Чем дальше действует этот вектор, тем больше снаряд отклоняется от первоначальной цели. Если мы дадим направляющей ракете сигнал за три часа до приземления, то точка, в которую попадет снаряд, сместится втрое сильнее, чем при сигнале, данном за час до попадания. Конечно, это не так просто, но нашему компьютеру вполне по силам все рассчитать — если дать ему времени, разумеется.

— И сколько же ему нужно времени? — спросил Вольфганг.

Я сделал вид, что не понял вопроса:

— Компьютер может решать задачи такого рода почти мгновенно после ввода программы. Но программа должна быть составлена заранее. Ну, например: если три цели группы А, Б, В и Г не удалось поразить первым и вторым залпами, вы перенацеливаете вторую очередь запасных снарядов группы один так, чтобы поразить эти три цели, одновременно перераспределяя оставшиеся запасные снаряды второй очереди этой группы для возможного использования их в группе два и передвигая третью очередь запасных снарядов супергруппы «Альфа» таким образом, чтобы...

— Хватит! — сказал Вольфганг. — Я все-таки не компьютер. Я только хочу знать, сколько у нас времени, чтобы изменить решение.

— Понял. — Я демонстративно долго изучал циферблат. — У нас есть... три минуты пятьдесят восемь секунд, чтобы отвести от цели глыбу, предназначенную для Канзас-Сити. Программа в компьютер введена, и там у меня есть отличный помощник — парень по имени Майк, он готов ее запустить. Позвонить ему?

— Ради бога, Манни; отведи глыбу! — крикнул Шини.
— Черта с два! — сказал Финн. — Что с тобой, Теренс?
Сдрейфил?
— Камрады, спокойствие! — вмешался проф.
— Послушайте. Я принимаю приказы от главы государства: вот этого самого профа. Если он захочет знать ваше мнение, он спросит. И не надо орать друг на друга. — Я снова взглянул на часы. — Есть еще две с половиной минуты. Для других целей запас времени побольше, конечно, но Канзас-Сити расположен слишком далеко от глубоких вод. Хотя для некоторых городов на Великих озерах время тоже истекло, в лучшем случае что-то еще можно сделать для Верхнего озера. У Солт-Лейк-Сити есть дополнительная минута. А потом будет поздно.

— Устное голосование, — тихо произнес проф. — За выполнение программы. Генерал Нильсен?
— *Da!*
— Госпожа Дэвис?
— *Da.* — У Вайо перехватило дыхание.
— Судья Броуди?
— Да, конечно. Обязательно.
— Вольфганг?
— Да.
— Граф Лажуа?
— *Da.*
— *Gospodin* Шихан?
— Что ж, теряем возможность заключить интересное пари. Но я — как все. Единогласно.
— Минуту... Мануэль?
— Решаете вы, проф. И всегда так было. Голосовать просто глупо.
— Я знаю, что решение принадлежит мне, *gospodin* министр. Бомбардировку начать согласно плану.

Большинство целей удалось поразить уже со второго залпа, хотя все они были защищены, кроме Мехико-Сити. Было похоже (вероятность 98,3 процента, как потом вычислил Майк), что перехватчики взрывались по сигналу радара на заданных расстояниях, но земные вояки недооценили прочности наших каменных цилиндров. Уничтожено было всего три глыбы, остальные просто отклонились от заданного курса.

са и поэтому принесли вреда куда больше, чем если бы в них не стреляли.

Нью-Йорк оборонялся неплохо, Даллас — еще лучше. Очевидно, сказалась разница в уровне местного управления перехватом, так как весьма сомнительно, чтобы центральный штаб на горе Шайенн еще функционировал. Может, мы и не раздолбали нору, в которую этот штаб зарылся (на какую глубину — понятия не имею), но готов спорить на что угодно, что ни люди, ни компьютеры вести наблюдения там не могли.

Даллас взорвал или столкнул с курса первые пять камешков, поэтому я попросил Майка взять все, что можно, с горы Шайенн и презентовать Далласу... что мы и сделали двумя залпами позже, ибо расстояние между целями было меньше тысячи километров. Следующий залп сокрушил оборону Далласа. Майк саданул по космопорту еще тремя снарядами (предназначенными по плану), а затем вернулся к штабной горе и выдал ей положенную порцию с наклейкой «Шайенн». Он все еще расточал этой потрепанной горной вершине любовные шлепки, когда Америка исчезла за восточным краем Терры.

Пока шла бомбардировка, я не отходил от Майка, поскольку знал, что она будет самой сильной и тяжелой. Он сделал перерыв до того часа, когда настанет очередь выбить пыль из Великого Китая, и сказал мне задумчиво:

— Ман, я не думаю, что нам стоит снова бить по этой горе.

— Почему, Майк?

— А там больше никакой горы нет.

— Ну что ж, переключи ее камешки на другие цели. Когда надо принимать решение?

— Я могу перенацелить их на Альбукерке и на Омаху, но лучше сделаю это сегодня — завтра будет трудный день. Ман, мой лучший друг, тебе придется уйти.

— Я тебе надоел, дружище?

— Тот первый крейсер уже через несколько часов сможет выпустить свои ракеты. Когда это произойдет, я передам весь баллистический контроль «Давидовой праше», и хорошо, если к тому времени ты уже будешь в Океане Бурь.

— Чего ты опасаешься, Майк?

— Этот малыш очень пунктуален, Ман. Но глуп. Я хочу, чтоб за ним приглядывали. Возможно, решения придется принимать в спешке, а там нет никого, кто сможет запрограммировать его как надо. Ты должен быть там.

— Ладно, как скажешь, Майк. Но если он нуждается в быстром программировании, мне все равно придется звонить тебе по телефону.

Несовершенство компьютеров кроется не в природе компьютера, а в человеческой природе: программисту нужно много времени, порой даже несколько часов, чтобы составить программу, которую компьютер выполнит за несколько миллисекунд. Одним из лучших качеств Майка было умение самопрограммироваться. И притом быстро. Надо было лишь объяснить ему суть проблемы, а дальше он действовал сам. Точно так же, четко и быстро, гораздо быстрее любого специалиста, он программировал своего «сыночка-идиота».

— Но, Ман, я же потому и хочу, чтобы ты был там: потому что, возможно, дозвониться до меня тебе не удастся. Не исключено, что линии связи будут повреждены. На этот случай я подготовил пакет программ для «младшенького»; возьми, может, пригодятся.

— О'кей. Распечатай их. И соедини меня с профом.

Майк соединил. Я удостоверился, что проф один, а затем объяснил ему, чего хочет от меня Майк. Думал, проф начнет возражать, надеялся, он настоит на моем присутствии здесь на время предстоящей бомбейки (или вторжения, или еще чего-то) с подлетающих кораблей. Вместо этого он сказал:

— Мануэль, жизненно важно, чтобы ты ехал. Я колебался, говорить ли тебе об этом. Ты разговаривал с Майком о наших шансах?

— *Nyet.*

— А я все время консультировался. Грубо говоря, если Луна-Сити будет разрушен и я погибну и погибнет наше правительство, а радарные глаза Майка ослепнут и сам он окажется отрезанным от новой катапульты — а при суровой бомбейке все может быть, — даже если все это произойдет одновременно, Майк тем не менее дает Луне равные шансы на победу, но при условии, что «Давидова праща» будет действовать, и именно под твоим руководством.

Я сказал:

- Да, босс. Как прикажете, хозяин. Вы с Майком просто жмоты, весь кайф хотите сами словить. Будь по-вашему.
- Очень хорошо, Мануэль.

Я пробыл с Майком еще целый час, пока он метр за метром печатал программы, приготовленные для другого компьютера, — работа, которая у меня заняла бы месяцев шесть, даже если допустить, что я сумел бы продумать все возможные варианты. Майк все проиндексировал и просчитал с учетом таких ужасов, о которых мне даже сейчас говорить не охота. Скажем, при каких обстоятельствах может возникнуть необходимость разбомбить, к примеру, Париж и какие снаряды для этого следует переориентировать на какие траектории, как отдать «младшенькому» приказ найти их и навести на цель. И так по всем позициям.

Я как раз просматривал этот бесконечный документ — не тексты программ, а заголовки с описанием их целевого назначения, когда позвонила Вайо:

- Манни, милый, проф сказал тебе о поездке в Океан Бурь?

— Да. Я собирался позвонить тебе.

— Хорошо. Я уложу наши вещи и буду ждать тебя на станции «Восточная». Когда ты туда доберешься?

— «Наши»? Ты что, тоже едешь?

— А проф тебе не говорил?

— Нет.

Я вдруг ужасно обрадовался.

— Я чувствую себя виноватой, милый. Мне очень хотелось поехать с тобой... но не было повода. Толку-то от меня при работе с компьютерами никакого, а здесь у меня есть обязанности. Вернее, были. Но теперь меня турнули со всех постов и тебя тоже.

— Чего?!

— Ты больше не министр обороны. Вместо тебя Финн. Ты теперь заместитель премьер-министра...

— Ну, знаете!

— ...и заместитель министра обороны. Я — заместитель спикера, а Стью стал заместителем министра иностранных дел. Он едет вместе с нами.

— Ничего не понимаю.

— Все это не так внезапно, как кажется. Проф с Майком разработали этот план еще месяц назад. Децентрализация, милый, — то же, над чем Макинтайр трудится для поселений. Если с Луна-Сити произойдет несчастье, у Свободного Государства Луна все равно сохранится правительство. Как сказал мне проф: «Вайо, моя дорогая леди, пока живы вы трое и еще хоть несколько конгрессменов, не все потеряно. Вы сможете вести переговоры на равных и сумеете скрыть полученные нами раны».

Итак, я отправился в путь в качестве компьютерного наладчика. Стью и Вайо встретили меня с багажом (включавшим мои запасные руки), и мы двинулись в скафандрах по бесконечным безвоздушным коридорам на маленькой роли-ковой платформе, на которой к катапульте подвозили сталь. Грег послал за нами большой луноход, мы потряслись по поверхности, снова спустились в туннели и попали в Грего-вы объятия.

Вот так я и пропустил атаку на баллистические радары, которая произошла в субботнюю ночь.

ГЛАВА 28

Капитан крейсера ФН «Эсперанс» был мужик рисковый. Поздним вечером в субботу он внезапно изменил курс и пошел прямо на нас. Видимо, понял, что мы можем затеять чехарду с радарами, и вознамерился подойти поближе, чтобы увидеть наши радарные установки с помощью корабельного локатора, а не пускать свои ракеты по нашим лучам.

Похоже, он решил рискнуть собой, кораблем и командой, так как спустился до тысячи километров и лишь тогда выдал залп по пяти из шести наших радаров, совершенно игнорируя систему помех, которую они создавали. Майк, ожидавший, что его сейчас ослепят, отдал команду ребятам Броуди выжечь глаза кораблю, а через три секунды развернул стволы на ракеты. Результат: один крейсер разбит вдребезги, два баллистических радара уничтожены ракетами с ядерными боеголовками, три ракеты «убиты», убиты также два артиллерийских расчета — один попал под ядерный взрыв, на другой свалилась уже «мертвая» ракета... И еще тринадцать артиллеристов получили радиационные ожоги свыше восьмисот рентген каждый — то есть смертельные дозы — частично от взрывов, частично от слишком долгого пребывания на поверхности. Я должен добавить: с этими расчетами погибли четыре девушки из «Отряда Лисистраты»; они предпочли надеть скафандры и выйти на поверхность со своими мужчинами. Другие девочки получили сильные радиационные ожоги, но до восьмисот рентген не добрали.

Второй крейсер продолжал идти по эллиптической орбите, обогнул Луну и скрылся из поля зрения.

Все это я узнал от Майка уже после того, как мы утром в воскресенье прибыли на «Давидову прашу». Он оплакивал потерю своих двух глаз, а еще больше — гибель двух артиллерийских расчетов. Думаю, у Майка появилось что-то вро-

де человеческой совести: он винил себя в том, что не смог одновременно взять все шесть целей. Я попросил его не забывать, что ему пришлось сражаться импровизированным оружием, недальнобойным и несовершенным.

— А как ты, Майк? С тобой-то все в порядке?

— В основном да. Есть кое-какие периферийные обрывы. Одна ракета отрезала линию связи с Новым Ленинградом, но, судя по сообщениям из Луна-Сити, тамошний центр управления справился удовлетворительно и сильных сбоев в городском обслуживании не было. Эти обрывы действуют мне на нервы, но пока придется потерпеть.

— Знаешь, Майк, мне почему-то кажется, что ты устал.

— Устал? Я? Ты шутишь! Ман, ты, похоже, забыл, кто я такой. Я раздражен, вот и все.

— Когда этот второй корабль вновь окажется в поле зрения?

— Если останется на прежней орбите — часа через три. Но думаю, он поступит иначе. Вероятность свыше девяноста процентов. Я ожидаю его через час.

— Гаррисонова орбита, да? Ну-ну!

— Он ушел из зоны видимости курсом тридцать два на северо-восток. Это тебе что-нибудь говорит, Ман?

Я попробовал зрительно представить себе ситуацию:

— Мне кажется, он собирается пойти на посадку и захватить тебя, Майк. Ты Финну сообщил? Я хочу сказать, велел ли ты профу предупредить Финна?

— Проф знает. Но я сделал совсем другие выводы.

— Вот как? Намекаешь, что мне лучше заткнуться и не мешать тебе работать?

Так я и сделал. Ленора принесла мне завтрак, пока я осматривал «младшенького»; стыдно сказать, но мне трудно было заставить себя горевать о потерях, когда Вайо и Ленора были поблизости. Ма отправила Ленору сюда «подкоррить» Грэга сразу же после смерти Милы. Это был не более чем предлог, поскольку на катапульте хватало женщин, чтобы обеспечить домашней кормежкой всех. Просто Ма хотела морально поддержать и Грэга, и Ленору — Ленора ведь была очень близка с Людмилой.

«Младшенький», казалось, был в полном порядке. Сейчас он трудился над Южной Америкой, посыпая туда глыбу за глыбой. Я остался в радарной рубке, наблюдая при макси-

мальном увеличении, как он всадил камешек в эстуарий между Буэнос-Айресом и Монтевидео; даже Майк и тот не мог быть точнее. Затем проверил его программу для Северной Америки, но придраться было не к чему, так что я закрыл файл и нажал на «старт». «Младшенький» справлялся самостоятельно — если только Майк не разобрался со своими проблемами и не взял управление на себя.

Потом я сел и попытался поймать передачи с Земли и из Луна-Сити. По кабелю, соединявшему новую катапульту с Луна-Сити, шли все наши телефонные разговоры, контакты Майка с его «сыночком-идиотом», радио и видео; мы больше не сидели в изоляции. Кроме того, у нас были антенны, направленные прямо на Терру, так что любые программы, которые принимал Комплекс, мы могли получать напрямую. Роскошь отнюдь не лишняя — радио и видео с Земли служили единственным развлечением для строителей катапульты, а для нас теперь стали запасным вариантом на случай, если кабель будет оборван. Официальный ретрансляционный спутник ФН объявил, что баллистические радары Луны разбиты и теперь мы бессильны. Интересно, что думали об этом жители Буэнос-Айреса и Монтевидео? Впрочем, возможно, они были слишком заняты, чтобы слушать: залпы по водным целям доставили хлопот не меньше, а то и больше, чем взрывы на суше.

Видеоканал «Лунатика» передавал из Луна-Сити выступление Шини, который сообщал лунарям результаты атаки крейсера «Эсперанс», повторяя уже известные детали и предупреждая, что битва не окончена, что боевой корабль может в любую минуту показаться на нашем небе, что надо быть готовыми ко всему, что всем необходимо оставаться в скафандрах (Шини и сам был в скафандре, только с открытым шлемом) и тщательно соблюдать меры предосторожности в отношении воздухоснабжения. Всем подразделениям, сказал он, приказано находиться в состоянии боевой готовности, а прочим гражданам настоятельно рекомендуется оставаться на самых нижних уровнях и пребывать там, пока все не кончится. Ну и так далее...

Он повторял все это по несколько раз... и вдруг резко оборвал начатую фразу:

— Срочное сообщение! Вражеский крейсер обнаружен радаром; идет низко и на большой скорости. Возможна по-

садка возле Луна-Сити. Срочное сообщение! Крейсер выпустил ракеты, они нацелены на выходной конец катапуль...

Звук и изображение исчезли.

Расскажу о том, о чем мы в «Давидовой праще» узнали гораздо позже: второй крейсер разогнался, вышел на самую низкую и крутую траекторию, какую позволяла лунная гравитация, и начал бомбить выходной конец старой катапульты — в ста километрах от ее головы и сосредоточенных там пушек-буров. Бомбил целую минуту и разнес несколько секций катапульты, пока наконец не попал в зону убойного огня артиллеристов. Думаю, он считал себя в безопасности. Но просчитался. Ребята Броуди выжгли ему глаза и отрубили уши. После этого он сделал еще виток и разбился возле Торричелли, явно пытаясь совершить посадку, так как его дюзы заработали перед самым крушением.

Следующие новости, полученные нами на новой катапульте, были уже с Земли. Нахальная станция ФН объявила, что катапульта разрушена (правда) и что с угрозой бомбежек с Луны покончено (вранье), и призвала лунарэй арестовать своих лжелидеров и сдаться на милость Федерации Наций (каковой — я имею в виду милость — не существует в природе).

Послушал, снова проверил программу и отправился в темную радарную рубку. Если все идет по плану, то в ближайшие минуты мы снесем еще одно яичко в Гудзон, а затем в течение трех часов будем поочередно долбить цели по всему континенту. Поочередно потому, что «младшенький» еще не умел наносить удары одновременно. Майк, соответственно, все и запрограммировал. Река Гудзон получила удар точно по расписанию. Любопытно, подумал я, сколько нью-йоркцев слушали передачу ФН, одновременно наблюдая свидетельство ее лживости?

Двумя часами позже станция ФН заявила, что мы, темные лунари, имели на орбите запас снарядов, но после того, как эти немногочисленные снаряды приземляются, бомбежек с Луны больше не будет.

Когда третья бомбежка Северной Америки подошла к концу, я выключил радар. Ему ни к чему работать непрерывно; «младшенький» был запрограммирован «выглядывать» лишь тогда, когда это действительно необходимо, и всего на несколько секунд.

Теперь у меня было целых девять часов до повторной бомбардировки Великого Китая.

Но времени для решения самого важного вопроса осталось гораздо меньше. А вопрос заключался в том, стоит ли снова бить по Великому Китаю. Без необходимой информации — если, конечно, не считать той, что поступает из земных источников. А она может быть ложной. Черт побери. Я даже не знаю, бомбили наши поселения или нет. Не знаю, жив ли проф или погиб. Дважды черт побери. Кто я сейчас — временный премьер-министр? Мне необходим проф! Быть главой правительства — не мой стакан *chai*. А больше всего мне нужен Майк: чтобы взвесить факты, оценить степень неопределенности, рассчитать вероятные результаты того или иного курса. Клянусь, я даже не знал, идут на нас корабли или нет, хуже того, я боялся выглянуть, чтобы узнать. Если включить радар и заставить «младшенького» пошарить по небу, то любой крейсер, задетый лучом, засечет наш радар быстрее, чем мы его. Ведь боевые корабли строятся специально с расчетом обнаруживать радарное наблюдение. Так, во всяком случае, я слыхал. Черт возьми, я же не военный, я всего лишь компьютерный техник, который случайно залез на чужую делянку.

Кто-то позвонил в дверь. Я встал и открыл. Это была Вайо с чашкой кофе. Она ничего не сказала, только подала чашку и вышла.

Я принялся за кофе. Вот так-то, парень, все оставили тебя одного, надеясь, что ты им вытащишь из кармана какое-то чудо. А я чудес делать не умею.

Откуда-то из дней моей юности я услыхал слова профа: «Мануэль, если не знаешь, как решить проблему, решай ту ее часть, которая тебе более или менее понятна, а потом начни-най думать заново». Он учил меня вещам, в которых сам не так уж и разбирался, — например, математике, — но научил кое-чему куда более важному: основным принципам.

И меня осенило, что надо делать в первую очередь.

Я пошел к «младшенькому» и попросил его распечатать ожидаемые последствия ударов всех камешков, что болтались сейчас на орбитах. Это не составляло для него труда, так как было заложено в программу, которую он мог выполнить в фоновом режиме. Пока он печатал, я отыскал кое-ка-

кие альтернативные программы, подготовленные для меня Майком и записанные на длинном рулоне.

Некоторые из них я ввел в компьютер. Дело нехитрое — просто надо было правильно их прочесть и избежать ошибок при вводе. Заставил «младшенького» распечатать их заново для проверки, прежде чем дать сигнал выполнять. Когда я закончил, минут через сорок, каждый камешек на траекториях, нацеленных на внутренние части континента, был переадресован на прибрежные города — с тем ограничением, что для удаленных от Земли снарядов выполнение команды было отложено. Но если я не отменю ее, «младшенький» перенацелит их, когда настанет предельный срок.

Время перестало давить на меня такой гнетущей тяжестью: теперь я мог сбросить любой из этих снарядов в океан буквально за несколько минут до удара. Наконец-то можно спокойно сесть и раскинуть мозгами. Что я и сделал.

А затем созвал свой «военный кабинет»: Вайо, Стью и Грэга — моего «командующего вооруженными силами». Мы собирались в офисе Грэга. Леноре разрешили входить и выходить, приносить нам кофе и еду, а остальное время сидеть да помалкивать. Ленора — женщина разумная и знает, когда надо держать язык за зубами.

Разговор начал Стью:

— Мистер премьер-министр, я думаю, Великий Китай в этот раз бомбить не надо.

— Обойдемся без громких титулов, Стью. Может, я и выполняю обязанности премьера, а может, и нет. Но для формальностей у нас нет времени.

— Хорошо. Могу я обосновать свое предложение?

— Погоди минутку. — Я объяснил, каким образом мне удалось немного выиграть время.

Стью кивнул и промолчал.

— Наша главная трудность в том, что у нас нет связи ни с Луна-Сити, ни с Землей. Грэг, как там ремонтная бригада?

— Еще не вернулась.

— Если обрыв кабеля произошел вблизи Луна-Сити, они вернутся не скоро. Если вообще смогут отремонтировать. Поэтому давайте исходить из того, что нам придется действовать самостоятельно. Грэг, у тебя есть электронщик, способный собрать радиопередатчик для связи с Землей? С ее

спутниками, я хочу сказать. Это ведь не так трудно, антенна у нас есть. Я могу помочь, да и тот компьютерный техник, которого я к тебе послал, не такой уж неумеха.

(Честно говоря, в обычной электронике он разбирался вполне прилично: тот самый бедолага, на которого я возвел напраслину, будто он позволил мухе забраться в кишкы Майка. Потом я сам пристроил его сюда.)

— Гарри Бигс — наш главный мастер на силовой установке — может соорудить что угодно, — сказал Грег рассудительно, — если, конечно, у него будут детали.

— Сажай его за работу. Можешь раскурочить все, кроме радара и компьютера, когда запустим все снаряды на орбиту. Сколько их у тебя?

— Двадцать три. Больше стали нет.

— Значит, давай все двадцать три, пан или пропал. Я хочу, чтобы их немедленно подготовили к запуску. Возможно, мы швырнем снаряды в космос уже сегодня.

— Они уже готовы. Мы загружаем их с такой же скоростью, с какой катапульта выплевывает.

— Отлично. Еще одно... Я не знаю, есть ли в небе крейсеры ФН и сколько их. И боюсь смотреть. То есть радаром искать боюсь. Если начнем шарить по небу лучом, они вмиг обнаружат нашу позицию. Нам до зареза нужны наблюдатели. Ты можешь найти добровольцев для визуального наблюдения, освободив их от работы?

— Я пойду, — сказала Ленора.

— Спасибо, солнышко. Твое предложение принято.

— Мы найдем других добровольцев, — сказал Грег. — Не женское это дело.

— Пусть идет, Грег. Это общее дело.

Я объяснил, что мне нужно. В Океане Бурь сейчас темная половина месяца. Солнце село. Невидимая граница между солнечным светом и тенью Луны проходит над нами в строго определенном месте. Перемещаясь по небу, крейсер будет неожиданно как бы вспыхивать, двигаясь на запад, и гаснуть, двигаясь на восток. Видимая часть орбиты будет идти от горизонта до какой-то точки в небе. Если группа наблюдателей определит обе точки — одну по компасу, другую по звездам — и приблизительное время в секундах, «младшенький» сможет начать вычисления, а за два прохода определит

и период, и приблизительную форму орбиты. Тогда я наконец получу представление о том, когда можно без опаски пользоваться радаром, радио или катапультой, — нам вовсегда к чему выстреливать снаряд, когда корабль ФН висит над горизонтом, а его радары, возможно, направлены в нашу сторону.

Может быть, я чересчур осторожничал, но я обязан был исходить из предположения, что новая катапульта, ее единственный радар и две дюжины снарядов — это все, что стоит между Луной и ее полным разгромом; весь наш блеф основывался на том, что земляне не знали, где и что у нас для них приготовлено. Им должно казаться, будто мы в состоянии бесконечно лупить по Терре своими глыбами, а откуда они берутся, пусть гадают до посинения. Тогда, впрочем как и теперь, большинство лунарей ничего не смыслили в астрономии: мы же пещерные жители, мы на поверхность вылезаем только в случае необходимости. Но нам повезло. В команде Грега оказался астроном-любитель, парень, который работал в Ричардсоне. Я объяснил ему все, назначил старшим и предоставил ему самому беспокоиться о том, как обучить команду наблюдателей разбираться в звездах. Запустил, стало быть, процесс и вновь вернулся на толковище.

— Ну, Стью? Так почему же больше не надо бомбить Великий Китай?

— Я все еще жду сообщения от доктора Чаня. Я получил от него одну весточку незадолго до того, как нас отрезало от других городов.

— Черт возьми, почему же ты мне не сказал?

— Я пытался, но ты заперся. А я не такой дурак, чтобы сидеть под руку, когда ты занят баллистикой. Вот перевод текста. Сообщение адресовано «ЛуНоГоКо» с пометкой, что это лично для меня от парижского агента. «Наш торговый представитель в Дарвине...» — то есть Чань — «сообщает, что ваши поставки...» — ну, это код, естественно... дальше он перечисляет дни атаки, хотя для конспирации упоминает июнь, — «были плохо упакованы, что вызвало нежелательные потери. Если не произойдет изменений, переговоры о долгосрочном контракте окажутся под серьезной угрозой».

Стью поднял глаза от депеши.

— Все это условные фразы. Как я понимаю, доктор Чань считает, что подготовил свое правительство к переговорам, но мы должны прекратить бомбекку Великого Китая, иначе все пойдет насмарку.

Я встал и прошелся по комнате. Спросить мнение Вайо? Никто не знает достоинств Вайо лучше меня... но она часто колеблется между яростью и чисто человеческим состраданием, а я уже усвоил, что «глава государства», даже временный, не может себе позволить ни того ни другого. Спросить Грэга? Грэг прекрасный фермер, еще лучший механик и прирожденный проповедник. Люблю его всем сердцем, но его мнение меня мало интересует. Стью? Его мнение я уже слышал.

А слышал ли?

— Стью, каково твое мнение? Не мнение Чаня, а твое собственное?

Стью задумался.

— Затрудняюсь ответить, Манни. Я не китаец, я провел в Великом Китае слишком мало времени, так что не могу считаться экспертом в их политике и психологии. Поэтому я вынужден опираться на его мнение.

— Хм... черт, но он же не лунар! Его цели — не наши цели. Что он рассчитывает с этого поиметь?

— Я думаю, цель его маневров — монополия на торговлю с Луной. Может быть, базы у нас. Возможно, создание экстерриториального анклава. Это не значит, что мы дадим ему все эти привилегии.

— Почему же, может, и дадим, если прижмут.

— Он ничего такого сам не говорил. Чань вообще говорит мало, сам знаешь. Он в основном слушает.

— Это-то я хорошо запомнил.

Я был встревожен, и чем дальше, тем больше. В комнате глохло радио: я попросил Вайо послушать передачу с Земли, пока буду занят с Грэгом.

— Вайо, родная, есть что-нибудь новенькое?

— Нет. Все одно и то же. Нас разгромили наголову, и наша капитуляция ожидается с минуты на минуту. Ах да, зачищали предупреждение, что какое-то количество снарядов все еще болтается в космосе, хотя Луна и потеряла над ними

контроль, и тут же заверили, что их траектории будут вычислены и жителей успеют известить, чтобы они покинули опасные зоны.

— А есть какие-нибудь намеки на то, что проф — или кто-то другой в Луна-Сити — поддерживает контакт с Землей?

— Ровным счетом ничего.

— Дьявольщина! А из Великого Китая ничего нет?

— Нет. Отклики почти со всех континентов. Только не из Китая.

— Хм-м... — Я высунулся в коридор. — Грег! Эй, друг, посмотри, нет ли где Грега Дэвиса! Он мне нужен.

Закрыл дверь.

— Стю, мы не станем облегчать жизнь Великому Китаю.

— Вот как?

— Да, не станем. Если бы Великий Китай решился разорвать противостоящую нам коалицию, это было бы замечательно и сильно уменьшило бы наши потери. Но нам удалось заставить их задуматься только потому, что мы внушили им, будто можем лупить по Земле сколько захотим и в состоянии уничтожить любой корабль, который они вздумают выпустить против нас. Во всяком случае, я надеюсь, что тот, последний, тоже подбили. А если и нет, то восемь из девяти мы раздраконили точно. И мы ничего не добьемся, если покажем слабину, во всяком случае не теперь, когда ФН заявляет, что мы не просто выдохлись, а чуть ли не сдохли. Мы преподнесем им кое-какие сюрпризы. И начнем именно с Великого Китая, а если это огорчит доктора Чаня, дадим ему тряпочку, пусть в нее порыдает. Если мы сумеем продемонстрировать свою силу — в то время как ФН утверждает, что мы разбиты, — тогда одна из держав, обладающих правом вето, может отколоться. Не Великий Китай, так какая-нибудь другая.

Стю поклонился, не вставая:

— Как прикажете, сэр.

Вошел Грег:

— Я тебе нужен, Манни?

— Как дела с передатчиком для Земли?

— Гарри говорит, завтра будет готово. Говорит, передатчик не ахти, но если дать ему сколько-нибудь ватт, нас должны услышать.

— Ладно, энергия у нас есть. И раз он говорит «завтра», значит он уже знает, как эту штуку соорудить. Поэтому мы получим ее сегодня. Скажем, часов в шесть. Вайо, родная, ты не притащишь мои руки? Мне нужны номер шесть и номер три; впрочем, захвати номер пять тоже. А потом останешься со мной, будешь менять мне руки. Стью, я хочу, чтобы ты написал несколько едких заявлений — идея в них будет моя, уксус твой. Грег, мы не будем запускать все камешки в космос разом. Те, что сейчас в полете, приземлятся в течение ближайших восемнадцати-девятнадцати часов. Затем, когда ФН объявит, что камнепад окончен и угроза миновала, мы влезем в их выпуск новостей и предупредим о новой бомбежке. На самых коротких траекториях, Грег, часов этак на десять, даже меньше. Так что проверь катапульту, атомную установку, систему управления; во время этого суперзалпа все должно быть тип-топ.

Вернулась Вайо с руками. Я сказал ей:

— Номер шесть, — и добавил: — Грег, веди-ка меня к Гарри.

Через шесть часов передатчик для трансляции на Землю был готов. Страшненький такой, сляпанный в основном из частей, снятых с резонансного искателя, которым пользовались, когда начинали строить катапульту. Но звуковой сигнал на его рабочей частоте вполне можно было послать, к тому же весьма мощный. Мои обращения, в которые Стью подпустил яда, записали на пленку, и Гарри готовился послать их в сверхскоростном режиме — все земные спутники могли принимать передачи на скорости шестьдесят к одному, а мы не хотели, чтобы наш передатчик работал хоть на несколько секунд дольше необходимого. Визуальное наблюдение подтвердило наши опасения: по меньшей мере два корабля крутились на орbitах вокруг Луны. Поэтому мы сообщили Великому Китаю, что все его прибрежные города получат подарочек с Луны в свои воды не дальше десяти километров от берега: Пусан, Циндао, Тайбэй, Шанхай, Сай-

гон, Бангкок, Сингапур, Джакарта, Дарвин и другие, исключая Гонконг, где удар будет нанесен прямо по зданию Дальневосточной штаб-квартиры ФН, так что мы просим, чтобы в этом районе не было ни одного человека. Стью добавил, что понятие «человек» не распространяется на персонал ФН, которому, напротив, настоятельно рекомендуется оставаться на рабочих местах.

Индия получила аналогичное предупреждение насчет прибрежных городов. Мы сообщили, что бомбежка главной штаб-квартиры ФН откладывается еще на один оборот земного шара из уважения к культурным памятникам Агры, а также для того, чтобы дать возможность жителям города эвакуироваться. (Я намеревался потом продлить срок еще на один оборот, исключительно ради профа. А затем еще на один, и так до бесконечности. Угораздило же их построить свою главную контору рядом с самой выпендрежной гробницей в мире, да к тому же любимицей профа!)

Остальным зрителям мы велели оставаться на своих местах; матч продолжается, будут сделаны дополнительные броски. Пусть только держатся подальше от любых офисов ФН, где бы они ни находились; у нас на них большой зуб, и ни один офис ФН не может считать себя в безопасности. А еще лучше вообще покинуть города, где есть штаб-квартиры Федерации; что касается эфновских шишкарей и их холуев — пускай сидят в своих конторах и не рыпаются.

Следующие двадцать часов я обучал «младшенького», как выглядывать в небо радарами, когда там нет кораблей или, по крайней мере, когда мы считаем, что их там нет. Спал я урывками, и Ленора оставалась со мной, чтобы разбудить, когда наступит время следующего урока. Тем временем глыбы, брошенные Майком, кончились, и мы все сидели как на иголках, пока «младшенький» запускал свои первые снаряды по самым коротким и скоростным траекториям. Выждали, убедились, что все они идут точно на заданные цели, и доложили Терре, где и когда ловить подарочки. Чтобы до них наконец дошло, что хвастовство ФН своими победами — такое же вранье, как и их более чем столетняя брехня о Луне; все это было облечено в изящные, злые и надменные фразы Стью, произнесенные к тому же его великолепным культурным голосом.

Вообще-то, первая бомба должна была упасть на Великий Китай, но нам все еще был виден краешек Северо-Американского Директората, до которого можно было дотянуться, — гордость американцев, великолепная жемчужина, Гавайи. «Младшенький» точно уложил свой снаряд в треугольник, образованный островами Мауи, Молокай и Ланаи. Мне ничего не пришлось программировать — Майк предусмотрел все.

Затем *пронто* мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы (одну программу пришлось отменить: в небе был корабль) и сообщили Великому Китаю, когда их ждать в тех приморских городах, что мы пропустили накануне.

Теперь у нас оставалось всего двенадцать снарядов, но мы решили, что лучше истратить последние боеприпасы, чем позволить Терре заподозрить, что они последние. Поэтому семь из них я присудил портам Индии, выбрав новые цели. Стью мягко осведомился у индусов, эвакуирована ли Аgra. Если нет, просим сообщить об этом немедленно. (Камень на нее мы так и не сбросили.) Египту было велено вывесить все суда из Суэцкого канала — чистый блеф. Оставшиеся пять глыб мы приберегли на всякий случай.

А потом сели и стали ждать.

Прямое попадание в пролив Лахайна-Роудс на Гавайях. Классно выглядело при максимальном увеличении; Майк мог гордиться своим «младшеньким».

Ждем.

За тридцать семь минут до удара по китайскому побережью Великий Китай осудил действия ФН, признал нас и предложил начать переговоры... а я вывихнул палец, нажимая на кнопку отмены цели.

Дальше на кнопку пришлось жать уже больным пальцем — Индия чуть на пятки не наступала Китаю, следя за его стопам.

Нас признал Египет. Прочие страны устроили свалку у наших дверей.

Стью проинформировал Терру, что мы откладываем бомбажку, — только откладываем, а не прекращаем. И пусть сию же секунду уберут с нашего неба свои корабли — немедленно! Тогда будем разговаривать. Если корабли не могут вер-

нуться на Землю без дозаправки, пусть садятся не ближе чем в пятидесяти километрах от любого из нанесенных на карту поселений и ждут, пока их капитуляция не будет принята. Но небо должно быть очищено немедленно!

Мы задержали передачу этого ультиматума на несколько минут, чтобы дать кораблю время уйти за горизонт; мы не собирались рисковать — одна ракета, пущенная с крейсера, и Луна станет безоружной.

Опять ждем.

Вернулась бригада ремонтников, посланная чинить кабель. Она дошла почти до Луна-Сити и обнаружила место аварии. Тысячи тонн обрушившейся породы не дали соединить обрыв, так что ремонтники сделали все, что было в их силах: вернулись к тому месту, где можно было выйти на поверхность, поставили временный ретранслятор, направили его туда, где, как они считали, находится Луна-Сити, и послали дюжину осветительных ракет через десятиминутные интервалы, надеясь, что кто-нибудь их увидит, поймет и направит сюда приемную антенну... Связь-то есть?

Связи нет.

Ждем.

Группа наблюдателей сообщила, что корабль, совершивший к тому времени девятнадцать витков, пропал из виду. Через десять минут доложили, что и второй корабль не появился там, где его ожидали.

Ждем и слушаем.

Великий Китай от имени всех держав, имеющих право вето, принял условия перемирия и сообщил, что наше небо чисто. Ленора разрыдалась и принялась целовать всех, кто был в пределах досягаемости.

После того как мы успокоились (ни один мужик не способен соображать, когда на нем висят женщины, особенно если пять из них — чужие жены), я сказал:

— Стью, немедленно отправляйся в Луна-Сити. Подбери себе ребят. Женщин не надо — последние километры придется добираться по поверхности. Узнай, что там происходит, но сначала скажи им, чтобы настроились на наш ретранслятор, и позвони мне.

— Слушаюсь, сэр.

Мы как раз собирали его в тяжелую дорогу — дополнительные баллоны с воздухом, палатки на случай аварии и тому подобное, — когда Земля вдруг вызвала *меня*... на той частоте, на которой мы их слушали; потом я узнал, что этот вызов передавали на всех частотах, на каких Терра вела трансляцию.

«Частное сообщение. Проф — Манни. Доказательство: день рождения Бастии, брат Шерлока. Немедленно возвращайся. Карета подана к твоей новой почтовой станции. Частное сообщение. Проф...»

И все пошло по новой.

— Гарри!

— Да, босс?

— Депеша на Землю. Запиши и передавай в сжатом виде, чтобы нас не засекли. «Частное сообщение. Манни — профу. Медная пушка. Выехал». Попроси у них подтверждения, но пискни только один раз.

ГЛАВА 29

Стью и Грег отправились обратно, а Вайо, Ленора и я сгрудились на открытой роликовой платформе, привязавшись ремнями, чтобы не упасть; ужас какая она была маленькая. Вот наконец и выдалась свободная минута, можно поразмышлять на досуге. В скафандрах у женщин не было радио, и переговариваться между собой можно было, лишь сблизив шлемы, что крайне неудобно.

Я начал понимать — теперь, когда мы победили, — те части плана профа, которые мне раньше казались неясными. Подставив под удар старую катапульту, он спас от бомбёжки поселения... во всяком случае, я надеялся, что спас; таков был план, но проф вообще никогда не переживал по поводу того, что катапульта может быть разрушена... скорее радовался. У нас, конечно, оставалась новая, но она находилась далеко, а подходы к ней были затруднены. Потребуются годы, чтоб дотянуть к новой катапульте туннель метро, путь же по поверхности закрывают высокие горы. Может быть, дешевле починить старую. Если, конечно, это возможно.

Так или иначе, отгрузок зерна на Терру пока не будет.

А проф именно этого и хотел! Кстати, он ни разу даже не намекнул, что его план основан на уничтожении старой катапульты, я имею в виду не только план революции, но и перспективный план. Сейчас проф в этом, возможно, не признается. Но Майк мне скажет, если ему задать вопрос напрямую: был или не был этот фактор включен в разработку прогнозов? В прогноз голодных бунтов, например, а, Майк? Мне он скажет.

А эти расчеты тонна за тонну, которые так пропагандировал на Земле проф, убеждая построить катапульту на Терре? В глубине души он никакого энтузиазма по этому поводу не испытывал. Однажды даже сказал мне об этом, когда мы

были в Северной Америке: «Да, Мануэль, я уверен, что такая катапульта сработает. Но это временная мера. Было время, пару столетий назад, когда грязное белье из Калифорнии возили стирать на Гавайи — на парусных судах, заметь, — и таким же способом возвращали чистое. Ситуация ненормальная, верно? Если мы когда-нибудь увидим, что вода и навоз отправятся в Луну, а обратно повезут зерно, это тоже будет временная ситуация. Будущее Луны в ее уникальном положении — над краем гравитационного колодца богатой планеты, а также в обилии дешевой энергии и свободного пространства. Если у нас, у лунарей, хватит ума, чтобы в течение грядущих столетий оставаться свободным портом и не входить ни в какие альянсы, способные ограничить нашу свободу, мы превратимся в космический перекресток торговли двух планет, трех планет, а возможно, и всей Солнечной системы. Не оставаться же нам фермерами навеки».

Нас встретили на станции «Восточная» и едва дали нам время стянуть с себя скафандры. Все было в точности как после нашего возвращения с Земли — толпы орали, нас тащили на плечах, в том числе и девушек. Слим Лемке спросил Ленору: «Можно, мы понесем и вас?», а Вайо ответила ему: «Конечно, *вай нот?*» — и стиляги чуть не передрались за право их нести.

Большинство было в скафандрах, и я удивлялся тому, как много народа носило пистолеты, пока не увидел, что это не наши пистолеты, а захваченные в боях. А главное, я испытывал невыразимое облегчение, видя Луна-Сити целым и невредимым.

Я вполне обошелся бы без триумфальных процессий; меня так и подмывало кинуться к телефону и узнать у Майка, как вообще обстоят дела: много ли разрушений, много ли погибших, во что нам обошлась победа. Черта с два! Хочешь не хочешь, а нас тащили в Старый Купол.

Нас втянули на помост вместе с профом, остальными членами правительства, шишкарями и прочими; наши девушки тут же повисли на профе, он обнял меня в лучших латиноамериканских традициях, облобызкал в щеку, а кто-то напялил мне на голову «колпак свободы». В толпе я увидел маленькую Хейзел и послал ей воздушный поцелуй.

Наконец толпа немного поутихла, и проф смог начать.

— Друзья мои, — сказал он и подождал, чтоб они замолкли. — Друзья мои, — повторил он еще тише, — мои возлюбленные камрады. Наконец-то мы встретились свободными, и рядом с нами стоят герои, которые сражались в последней битве за Луну, сражались в полном одиночестве. — Толпа опять завопила, а проф снова переждал шум. Я видел, как он устал. Ему приходилось крепко держаться за кафедру, и было видно, как дрожат у него руки. — Я хочу, чтобы они выступили перед вами, мы все жаждем услышать, как это было, все до единого. Но сначала у меня есть для вас одно радостное известие. Только что Великий Китай сообщил, что в Гималаях строится колоссальная катапульта, чтобы сделать доставку грузов в Луну такой же дешевой, как с Луны на Терру! — Он остановился, чтобы переждать крики. — Но это в будущем. Сегодня же — о, какой счастливый день сегодня! Наконец-то мир признал суверенитет Луны! Свободны! Вы завоевали себе свободу...

Проф замолчал, посмотрел удивленно. Не испуганно, а с недоумением. Слегка покачнулся.

И умер.

ГЛАВА 30

Мы втащили его в магазинчик позади платформы, однако никакие врачи уже не могли ему помочь; старое сердце не выдержало сильнейших перегрузок. Его вынесли через задний ход, я пошел следом.

Стью тронул меня за руку:

— Мистер премьер-министр...

— А? — отозвался я. — Ох, ради *Bog'a!*

— Мистер премьер-министр, — повторил он твердо, — вы должны поговорить с народом, отослать их всех домой. А потом есть много вещей, которые просто не могут ждать. — Он говорил спокойно, хотя по щекам бежали слезы.

И я вернулся на помост, подтвердил то, о чем все и так догадались, и попросил собравшихся разойтись. И открыл в «Раффлзе», в номере «Л» — там, где все это когда-то началось, — чрезвычайное заседание кабинета. Но сначала подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-XXX».

Нет сигнала. Попробовал еще раз — то же самое. Открыл колпак и спросил стоявшего рядом Вольфганга:

— Разве телефоны не работают?

— Как когда, — ответил он. — Вчерашняя бомбежка кое-что нарушила. Если тебе нужен междугородний, лучше звони на телефонную станцию.

Представил себе, как звоню на станцию и прошу соединить с несуществующим номером.

— Какая бомбежка?

— А ты еще не слыхал? Они вплотную занялись Комплексом. Но ребята Броуди сбили этот корабль. Особых разрушений нет. Во всяком случае, все можно починить.

Пришлось прервать эту тему — меня ждали. С чего начинать заседание, я не знал, зато знали Стью и Корсаков. Ши-ни поручили составить сообщение для Терры и всех поселе-

ний Луны. Я обнаружил, что объявляю траур на месяц, двадцать четыре часа полной тишины, прекращение всех работ, кроме жизненно необходимых, отдаю приказ выставить тело для прощания... Говорил механически, ничего не соображая, в полном отупении. О'кей, соберем Конгресс через двадцать четыре часа. В Новолене? О'кей, в Новолене.

Шини готовил обращение к Земле. Вольфганг набросал для меня коротенький текст, мол, в связи со смертью нашего президента ответ Земле будет задержан на двадцать четыре часа.

Наконец нам с Вайо удалось уйти. Охрана из стиляг сдерживала толпу у тринадцатого переходного шлюза. Оказавшись дома, я сразу же юркнул в мастерскую под предлогом, что надо сменить руку.

— Майк?

Нет ответа.

Попытался набрать его комбинацию по домашнему телефону — сигнала нет. Решил на следующий же день отправиться в Комплекс: теперь, после смерти профа, нужда в Майке стала еще острее.

На следующий день поехать не удалось; метро под Морем Кризисов вышло из строя в результате последней бомбёжки. Кружным путем через Торричелли можно было добраться и до Новолена, и даже до Гонконга, а до Комплекса, который был почти рядом, пришлось бы трястись на луноходе. А времени на это не было — я ведь до сих пор оставался «правителем».

Через два дня мне удалось сбросить с себя это бремя. Мы приняли резолюцию и выдвинули спикера (Финна) на пост президента, а потом вместе с Финном решили, что лучшего премьер-министра, чем Вольфганг, и быть не может. Протащили свои решения через Конгресс, и я опять стал простым конгрессменом, который пропускает большую часть заседаний.

К тому времени почти все телефоны уже работали и в Комплекс дозвониться было несложно. Я набрал «Майкрофт-XXX». И не получил ответа. Поехал на луноходе. Пришлось последние километры тащиться пешком по туннелю; сам Нижний комплекс, по-видимому, не пострадал.

Майк на вид тоже.

Но когда я заговорил с ним, он не ответил.

Больше он мне никогда не отвечал. Так он молчит уже много лет.

Ему можно задавать вопросы с клавиатуры — на Логлане. Он отвечает тоже на Логлане. Майк работает безупречно... как компьютер. Но не хочет разговаривать. Или не может.

Вайо пыталась его разговорить. Потом бросила. Со временем бросил и я.

Не знаю, что с ним случилось. Множество периферийных устройств были отрублены от Майка во время последней бомбекки. (Уверен, бомбили специально, чтобы вывести из строя наш баллистический компьютер.) Может, из-за этого он опустился ниже «критического уровня», который требуется для самосознания? (Если такой уровень вообще существует, это ведь только гипотеза.) Или его еще до бомбекки «убила» децентрализация функций управления?

Не знаю. Если все дело в «критическом уровне», то система Майка давно восстановлена и он должен был бы вернуться к прежнему состоянию. Почему же он не просыпается?

Можно ли так напугать машину, так ее ранить, чтобы она впала в кататонию и отказалась от общения? Чтобы ее это замкнулось в себе, все сознавая, но не желая рисковать. Нет! Быть того не может! Майк не ведал страха — он был так же весело бесстрашен, как и проф.

Годы... Перемены... Мими давно уже самоустранилась от руководства семьей. Теперь Ма — это Анна, а Мими дремлет у видео. Слим уговорил Хейзел сменить фамилию на Стоун, она изучает инженерное дело, у них двое ребятишек. Изобретены новые лекарства от последствий невесомости, и теперь землееды могут торчать у нас три-четыре года и спокойно возвращаться домой. Есть аналогичные средства и для нас — молодежь часто отправляется на Терру учиться. Что касается тибетской катапульты, то на ее постройку потребовалось не десять лет, а все семнадцать. Работы на Килиманджаро закончились раньше.

Еще один небольшой сюрприз. Когда пришло время, кандидатуру Стью для принятия в семью выдвинула Ленора, а не Вайо. В общем-то, большой разницы нет, мы все проголосовали за. А еще одно событие трудно назвать неожиданным. Мы с Вайо провернули его еще в те времена, когда имели кое-какой вес в правительстве: на пьедестале в Старом Ку-

поле водружена медная пушечка, а над ней искусственный сквознячок развевает флаг — черное поле, усеянное звездами, алая бастардная полоса, шитая золотом гордая пушка, а ниже девиз — ДАРЗАНЕБЫ!

Там мы празднуем свое Четвертое июля.

Получаешь только то, за что заплатил; проф понимал это и заплатил с радостью.

Однако проф недооценил болтунов. Они не приняли ни одной его идеи. Видно, в человеческой природе глубоко укоренился инстинкт превращать все то, что не запрещено, в «обязательно». Профа заворожила возможность формировать будущее с помощью огромного разумного компьютера... и он не уследил за тем, что творилось у него под носом. О, конечно, я его поддерживал. А теперь вот сижу и сомневаюсь. Были бы голодные бунты слишком большой ценой за то, чтобы дать людям жить по-своему? Не знаю.

Я вообще не знаю никаких ответов.

Спросить бы у Майка.

Я просыпаюсь по ночам и слышу тихий шепот: «Ман... Ман, мой лучший друг...» Но когда я в ответ шепчу «Майк?» — он не отвечает. Может, бродит где-то рядом и ищет «железку», в которую можно вселиться? Или погребен в Нижнем комплексе и пытается оттуда выбраться? Все его специальные ячейки памяти где-то там, они только ждут, чтобы их пробудили. Но я не могу вернуть их к жизни... они закодированы на голос.

Да, я знаю, он так же мертв, как и проф. (А как мертв проф?) Что, если я наберу код еще раз и скажу: «Привет, Майк!» — а он вдруг ответит: «Привет, Ман! Как насчет хорошего анекдота?» Давно уже я не решался это проделать. Нет, не может он умереть! У него же не было никаких повреждений! Просто он потерялся.

Ты слышишь, *Bog*? Компьютер — не одно ли из Твоих созданий?

Слишком много перемен... Может, схожу сегодня вечером на толковище, вброшу несколько случайных чисел.

Или нет. С тех пор как начался бум, многие, кто помоложе, махнули на астероиды. Слыхал, там есть недурные месечки, где народу пока маловато.

А что? Какие наши годы! Мне ведь и ста еще нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 15. ...я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал IBM. — Томас Уотсон, однофамилец персонажа А. Конан Дойла, долгое время возглавлял международную компьютерную фирму IBM, основанную Г. Холлеритом в 1924 г.

С. 18. Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга... — Йобург — просторечное название Йоханнесбурга, ЮАР.

...а еще одна родонаучальница прибыла в Ботани-бей с первой партией каторжников. — Ботани-бей — залив в Новом Южном Уэльсе, Австралия, куда входили корабли с высланными из Англии преступниками. Первую партию высланных доставили туда в январе 1788 г.

С. 19. Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника... — The Rock (название Луны на жаргоне лунарей) совпадает со вторым названием острова Алькатрас (The Rock, «Скала»), где до 1963 г. располагалась тюрьма для особо опасных преступников.

С. 20. Привет, Ман. — Майк обращается к Мануэлю «Man»: это одновременно и сокращение от имени Мануэль, и просто «Человек».

«В начале, — заговорил он нараспев, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...» — Бытие, гл. 1, стих 1, 2.

С. 23. Боюсь, придется обойтись экстенсиональным определением... — Экстенсиональное определение — предметное или функциональное определение чего-либо, в отличие от интенсионального дается не через сущность, а через внешние характеристики объекта с помощью примеров его поведения.

С. 27. ...забрал распечатку сотни Джо Миллеров. — Джозеф Миллер (1684–1738) — английский актер-комик; имя стало нарицательным благодаря сборникам анекдотов, которые начали выходить после его смерти и назывались «Шутки Джо Миллера», «Новые шутки Джо Миллера» и так далее.

С. 31. ...только не говори: «*Вай нот!*» — Why not? (почему нет?) и Wye Knott (Вай Нотт) звучат по-английски одинаково.

С. 36. ...вот только кто повесит колокольчик коту на шею? — В популярной басне, ошибочно приписываемой Эзопу (по-русски известна в пересказе Л. Н. Толстого «Кот с бубенцами»), мыши сговариваются купить колокольчик и повесить коту на шею, чтобы он не мог подкрадываться незаметно, однако вопрос старой мыши: «Кто повесит колокольчик коту на шею?» — кладет конец их фантазиям.

С. 47. *Aх ты дреклиш мальчишка!* — Drecklich (нем.) — дрянной, дермовый.

Oх, мерд... — Merde (фр.) — дермо.

С. 48. *М'гой* — спасибо (кантонский диалект китайского).

С. 59. *Неужели ты завел себе грелку под бочок...* — Ма употребляет выражение *bundling companion*. Bundling — обычай, существовавший в колониальной Америке и до сих пор сохраняющийся у части амишей. По этому обычаю юноша за некоторое время до свадьбы переезжает к родителям невесты, и пара спит в одной постели, но в половую связь не вступает.

С. 62. «*Все страньше и страньше, — вскричала Алиса*». — Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Пер. Н. Демуровой.

С. 69. ...*Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше гельт...* — Gelt (идиш) — деньги, золото.

С. 72. ...*бинауральные микрофоны позволяют оценивать твоё местоположение с известной степенью точности*. — Бинауральное устройство состоит из двух высокочувствительных микрофонов, расположенных на том же расстоянии друг от друга, что человеческие уши, и находящихся внутри форм, имитирующих ушные раковины; звук таким образом получается более естественным и объемным, чем просто при стереозаписи.

С. 84. *Так фор мат* — Tak for mat (дат.) — спасибо за угощение.

С. 85. *Dulce et decorum*. — Гораций. Оды III, 2, 13: «*Dulce et decorum est pro patria mori*» — «Сладостно и почетно умереть за родину» (лат.).

С. 87. *Sine qua non* — непременное условие (лат.).

С. 95. *Sans peur et sans reproche* — без страха и упрека (фр.).

С. 96. *А вы кто такой? Может, рэндист?* — Рэндисты — последователи Айн Рэнд (1905–1982).

С. 98. *Кукаи моа* — птичье дермо (полинез.).

С. 99. «...наша жизнь, наше достояние и наша незапятнанная честь...» — Заключительные слова Декларации независимости США 1776 г. (перевод О. Жидкова): «И с твердой уверенностью

в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим достоянием и своей незапятнанной честью».

С. 103. «Вы знаете мои методы» — слова Шерлока Холмса из рассказа А. Конан Дойла «Горбун».

С. 124. *Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду.* — 11,186 и 2,375 км/с — вторая космическая скорость (она же скорость убегания) на Земле и Луне, необходимая для вывода ракет за пределы соответственно земной и лунной гравитации.

С. 135. *Ля белья патри* — *La Belle Patrie* (фр.) — Прекрасная Отчизна.

С. 152. Ты читал «Алый Первоцвет»? — «Алый Первоцвет» (The Scarlet Pimpernel, 1905) — роман британской писательницы Эммы Орци (1865—1947). Главный герой, английский аристократ сэр Перси Блэкни, действует во Франции во время Большого Террора под псевдонимом Алый Первоцвет.

Просто отныне ты наш Алый Первоцвет, наш Джон Голт, наш Болотный Лис... — Джон Голт — один из главных героев романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»; многие персонажи в разных ситуациях задают вопрос-поговорку: «Кто такой Джон Голт?» Болотный Лис — прозвище Фрэнсиса Мэриона (ок. 1732—1795) — участника Войны за независимость США; его партизанский отряд действовал в болотистых районах Южной Каролины.

С. 157. «Луна Ассоциасиен д'Эшек» — *Luna Association d'Echecs*, Шахматная ассоциация Луны (фр.).

С. 161. *И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Украденном письме».* — «Украденное письмо» — рассказ Э. А. По из цикла историй о сыщике Дюпене. Речь идет о письме, которое никто не мог найти, потому что оно лежало на самом виду.

С. 167. ...даже если шпик шел звонить в пивнушку, «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» тут же сообщали Майку... — «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» — уличные мальчишки, которых Шерлок Холмс нанимал для своих заданий в «Этюде в багровых тонах», «Знаке четырех» и некоторых рассказах.

С. 182. ...все определялось «гири» и «гиму». — Традиционные элементы японской культуры; гири — чувство (сознание) долга, гиму — обязанность, обязательство.

...преображенного благодаря гриму, кимоно и таби. — Таби — традиционные японские носки из плотной ткани.

С. 186. *Дарзанебы*. — Выражение «There ain't no such thing as a free lunch» («Бесплатных ленчей не бывает») известно в английском языке с 1930—1940-х годов и относится к практике американских баров предлагать к выпивке «бесплатный» ленч. Еда эта часто была очень соленая (сыр, ветчина, крекеры), так что в итоге посетители часто заказывали еще больше выпивки. Аббревиатура *TANSTAAFL* известна с 1949 года, но настоящую популярность обрела именно благодаря роману Хайнлайна. В русских переводах Хайнлайна ее передавали также как Бзавнеб («Бесплатных завтраков не бывает»: Сарнов, Насонов) и ЛДНБ («Ленчей даром не бывает»: Щербаков).

С. 195. *Майк нашел Стью во всех главных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», Готский альманах...* — «Дан и Брэдстрит» — американский реестр частных компаний; Готский альманах — справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763—1944 гг. в городе Гота герцогства Саксен-Кобург-Гота.

С. 198. *Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие*. — В декабре 1773 г. в знак протеста против высоких пошлин бостонцы потопили в своей гавани большую партию чая, привезенного на английских кораблях; это событие, получившее название «Бостонское чаепитие», стало прологом к Американской революции.

Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «Небесный пирог. — «Мы победим» («We Shall Overcome») — американская песня протеста, основанная на негритянском религиозном гимне. «Небесный пирог» — слова из песни американского активиста рабочего движения, поэта и композитора Джо Хилла (настоящее имя Йоэль Эмануэль Хеглунд, 1879—1915) «Проповедник и раб», пародирующей гимны Армии спасения: «В райской обители у Господа Бога / Есть будешь сытно, вкусно и много. / А пока ешь мякину, трудись да гни спину. / И сам Господь Бог поднесет тебе сладкий пирог» (перевод Е. Калашниковой, В. Ливановской и Н. Треневой).

С. 200. *Он замялся, потом сказал, что это знак ордена типа «Лосей*. — «Орден Лосей» — благотворительный клуб американских бизнесменов с филиалами в разных городах США. Основан в 1868 г.

С. 202. *Говорят, однажды из-за женского лица в море вышла тысяча кораблей*. — «Вот этот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь» (Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста. Перевод Н. Амосовой; речь идет о Елене Прекрасной).

С. 204. ...какие акции поднимутся, а какие упадут после *Дер Таг*. — *Der Tag* (нем.) — день; здесь — исторический день, день революции.

Стюа предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. — «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21).

С. 208. ...но это будет не почти бескровный *coup d'etat*... — *Coup d'etat* (фр.) — государственный переворот.

С. 222. *Импульс* это импульс это импульс. — Пародируется фраза американской писательницы Гертруды Стайн (1874—1946) «Роза это роза это роза».

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картиночку вроде изображения эктоплазмы. — В парапсихологии эктоплазмой называется эманация, якобы исходящая от тела медиума; из нее во время спиритических сеансов материализуются лица и фигуры.

С. 224. ...я мельком увидел Альберта Джинваллу в профиль — типичный бабу... — Бабу — индиец, получивший образование в английской школе; чиновник или клерк в Индии.

С. 237. ...четырнадцать дюймов в футе... — На самом деле в футе, естественно, двенадцать дюймов.

С. 239. *Один* человек, *которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики.* ... Это Томас Джонсон... — Томас Джонсон (1743—1826) — третий президент США (1801—1809), автор проекта Декларации независимости.

С. 243. ...Декларация будет принята раньше четвертого... а четвертое июля — своего рода символ... — Четвертого июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

С. 246. ...если мне не понравится, как это делает их ЦУП. — ЦУП — Центр управления полетом.

С. 247. ЦУП в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. — Пуна — крупный город в Индии, расположен в 150 км от Бомбея (Мумбаи), штат Махараштра.

С. 265. *Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников...* — Неточная цитата из сонета Эммы Лазарус (1849—1887) «Новый колосс», написанного в 1883 г. и позже выгравированного на бронзовой доске внутри статуи Свободы: «Пошлите мне отверженных, бездомных» (перевод Вл. Лазариса). Также см. с. 280 («Шлите нам ваших бедняков и обездоленных...»).

С. 277. *Это орден того же класса, что и Крест Виктории...* — Крест Виктории — высшая военная награда Великобритании, вручается как военнослужащим, так и гражданским лицам за героизм, проявленный в боевой обстановке.

С. 284. ...ежели вы хоть раз уплатили данегельд... — Данегельд, «датские деньги» — поземельный налог в средневековой Англии, введенный для уплаты выкупа датским викингам. Первоначально был введен в 991 г. как чрезвычайная мера, потом стал постоянным и просуществовал почти до конца XII века.

С. 294. «*Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!*» — «Пятое мая! Свобода! Пятое мая!» (исп.); Пятое мая — национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г.

С. 295. ...когда я возлагал венок на месте бывшего моста в другом районе Бостона, Конкорде... — В апреле 1775 г. в Конкорде прошло первое сражение Войны за независимость между американскими повстанцами и британскими войсками; на Северном мосту ополченцы встретили огнем британских солдат и вынудили тех отступить.

С. 297. *Ab initio* — изначально; по определению (лат.).

С. 299. Я бы с радостью набирал ее вручную, как Бенджамин Франклайн. — Бенджамин Франклайн с двенадцати лет работал наборщиком; сперва в газете старшего брата, потом в собственной типографии.

С. 313. *И привел он меня на высокую гору, и предложил мне царства земные.* — Ср. «Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне» (Мф: 4, 8–9).

А еще точнее, должность протектора pro tem... — Pro tem (лат.) — временный.

С. 316. *Похоже, это последний поезд из Шанхая.* — «Последний поезд из Шанхая» («Шанхайский экспресс», 1932) — фильм Джозефа фон Штернберга с Марлен Дитрих в главной роли, в котором рассказывается о пассажирах поезда, мчащегося через охваченный гражданской войной Китай.

С. 321. *Самый хитроумный полководец в истории Китая однажды сказал, что высшее военное искусство — ослабить волю противника так, чтобы тот сдался без боя.* — Сунь-цзы (VI век до н. э.), автор трактата «Искусство войны».

С. 328. *Мы будем драться с ними на поверхности, мы будем драться в туннелях метро, мы будем биться в коридорах!* — Парадфраз слов Уинстона Черчилля: «Мы будем драться на пляжах, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах», сказанных 4 июня 1940 г. вскоре после вступления Великобритании во Вторую мировую войну.

И если мы погибнем, пусть история запишет: то был звездный час Луны! — «То был их звездный час» — слова из речи Уинстона Черчилля от 18 июня 1940 г.

Дайте нам свободу... или дайте нам смерть! — «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» — слова из речи американского борца за независимость Патрика Генри (1736—1799) от 20 марта 1775 г.

Проф дал tolle поорать, а потом запел «Боевой гимн Республики»... — «Боевой гимн Республики» — американская патриотическая песня на мотив песниabolиционистов «Тело Джона Брауна»; обычно исполняется со словами, написанными в 1861 г. Джулией Хэй. Особенno известен ее припев «Glory, glory, hallelujah!» («Слава, слава, аллилуйя!»).

С. 333. ...великое достижение *Weltpolitick*. — *Weltpolitick* (нем.) — мировая политика.

С. 346. *Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты».* — Лисистрата — героиня одноименной комедии Аристофана; она добилась прекращения бесмысленной войны, убедив всех женщин Греции «пока мужчины не замирятся — не спать с ними, не даваться им, не касаться их!».

С. 351. *Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»...* — «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6: 31).

С. 359. *Флагман достигнет апоселения через три часа и четыре, занятая, семь минуты.* — Апоселений — наиболее удаленная от поверхности Луны точка орбиты ее спутника.

С. 376. *«Максимум Schrecklichkeit, чтоб они поняли, почем фунт лиха...»* — *Schrecklichkeit* (нем.) — страх, ужас.

С. 392. ...выйдет на окололунную орбиту и в периселении окажется... — Периселений — самая низкая точка орбиты спутника Луны.

С. 429. *Затем пронто мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы...* — *Pronto* (ит.) — быстро.

С. В. Голд, Е. Доброхотова-Майкова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Голд. Рождение нации. Историческая справка</i>	5
Часть первая. УМНИК-РАЗУМНИК	13
Часть вторая. ВОССТАВШАЯ ЧЕРНЬ	215
Часть третья. ДАРЗАНЕБЫ!	355
Примечания. <i>С. В. Голд, Е. Доброхотова-Майкова</i>	439

Хайнлайн Р.

Х 15 Луна — суровая госпожа : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-13691-5

Все знают Луну как космическую тюрьму; многие десятилетия сюда ссылали с Земли уголовников и диссидентов. Теперь это сырьевой призрак метрополии, обеспечивающий бесценным зерном Индию, и Великий Китай, и Северо-Американский Директорат. Но однажды Лунная администрация перегнула палку — и лунари взбунтовались. Что могут они противопоставить бывшей родине? Например, суперкомпьютер, обладающий не только непревзойденной вычислительной мощностью, но также душой и чувством юмора...

Классический роман — лауреат множества премий, библия космических революционеров — публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ЛУНА — СУРОВАЯ ГОСПОЖА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова

Художественный редактор Сергей Шикин

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.10.2017. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №5712/17.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



Y-AFA-21877-01-R

З В Е З Д Ы М И Р О В О Й Ф А Н Т А С Т И К И

Все знают Луну как космическую тюрьму; многие десятилетия сюда ссылали с Земли уголовников и диссидентов. Теперь это сырьевой придаток метрополии, обеспечивающий бесценным зерном Индию, и Великий Китай, и Северо-Американский Директорат. Но однажды Лунная администрация перегнула палку — и лунари взбунтовались.

Что могут они противопоставить бывшей родине? Например, суперкомпьютер, обладающий не только непревзойденной вычислительной мощностью, но также душой и чувством юмора...

Классический роман — лауреат множества премий, библия космических революционеров — публикуется в новой редакции.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом в 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Именно Хайнлайн научил меня оспаривать общепринятую версию чего бы то ни было.

Сэмюэл Дилэни

ISBN 978-5-389-13691-5

01



9 785389 136915

www.azbooka.ru